

СВЕТЛАНА БОРИСОВА

Вампирские сказки о любви

**ЛЖИВАЯ ПТИЦА
СЧАСТЬЯ - 2**

Продолжение саги "Вампирские сказки о любви".

ЦИТРИН

Подвыпивший заяц увидел Колобка, сидящего на пеньке, и вытаращил глаза.

— Эй, хлебобулочное изделие! Ходили слухи, что тебя Рыжая слопала, а ты жив-живёхонек.

Колобок приставил ладонь к уху.

— Чего?

— Я говорю, Лиса тебя слопала!

— Что там с Лисой? Я не понял.

— Лиса тебя слопала! Лиса!

— Ась? — переспросил Колобок.

— Да что с тобой, убогим, говорить! У тебя же мякиш вместо мозгов, — ухмыльнулся Заяц и, подскочив к пеньку, покровительственно шлёпнул Колобка по макушке.

— Ну вот, слава богу, сыт и даже пьян. А я уж думал, что сегодня придётся лечь на голодный желудок.

Довольный Колобок, сплюнул заячью кость и потянулся за лисьей шубой.

Антология вампирских охотничьих баек

ГЛАВА 21. Тот случай, когда богов очень хочется послать, причём далеко и надолго

Ник пришёл в столовую не за завтраком. Он пометался из угла в угол, а затем встал у камина и с ненавистью посмотрел на туаши — особую гордость семьи Реази Вистанио. Согласно преданию, этот клинок принадлежал сентане Руане Родек, жене рая Реотана, которую считали Лоти, то есть одним из воплощений божества Весны. Правда, каким образом она спасла мир[1], знал лишь он сам и его родители.

«Ну нет! Если кто-то должен умереть, то это буду не я», — Ник сорвал клинок со стены и, вернувшись, встал над свернувшейся клубком Мари. «Спит? Отлично! Значит ничего не почувствует», — подумал он, глядя на тонкую девичью шею. Пока не иссякла решимость, он взмахнул мечом и... с обречённым видом опустил руки. «Нет, не могу! Это трусость. Она моя алин. На мне лежит обязанность её защищать, в том числе ценой собственной жизни».

Туаши был отправлен в ножны, предназначенные для обязательного церемониального оружия, и Ник поднял девушку с пола.

— Вот что за привычка, валяться под ногами? — проворчал он, когда она открыла глаза.

— Ну так, я ж теперь бездомная, — зевнула Мари. — Да и жизнь собачья. Так что не до жиру.

— Это точно, выглядишь как шелудивая шавка, — сказал Ник и сердито добавил: — Знаешь, почему ты до сих пор в разукрашенном виде? Молчи, это риторический вопрос. Потому что твой регенерационный запас так мал, что его хватает только на пару царапин. Случись тебе получить серьёзную рану, и ты умрёшь.

— Ну а что я сделаю? — фыркнула Мари. — Он у меня от природы такой.

— Глупости! — отрезал Ник. — Регенерационный запас, как и мышцы, наращивается при помощи тренировок.

— Надо же! — девушка пытливо посмотрела на него. — Оказывается, это была тренировка, а выглядело так, будто ты хотел меня убить.

— Не говори ерунды. Стрессовая нагрузка — верный способ увеличить регенерационный запас, причём в кратчайшие сроки.

«Звучит убедительно, да вот беда, я тебе не верю», — подумала Мари.

— Ну и зря, — ответил Ник на её невысказанные мысли и с силой прижал её к себе. — Ты моя алин и должна во всём мне доверять.

— Эй-эй, поосторожней! — запротестовала девушка. — И так выгляжу как жертва домашнего насилия. К разукрашенной шкуре мне только сломанных костей не хватало.

— Переломай я тебе все кости и ты, как настоящая эрейская леди, обязана встать на колени и смиренно сказать: «Спасибо за науку, мой райделин».

— Офигеть! Чем больше тебя узнаю, тем больше убеждаюсь, что Синяя Борода по сравнению с тобой невинный ангелочек.

— Так оно и есть, — усмехнулся Ник, но хватку ослабил. — Да, забыл сказать, с этого дня никаких отдельных апартаментов. Как положено мужу и жене, мы живём вместе.

— Может, не надо? — поскущнула Мари. — Попомни моё слово, не пройдёт и дня, как мы с тобой разругаемся в пух и прах.

— Этого не будет. Со временем ты усвоишь мои привычки и научишься мне угождать, — ответил Ник.

На выразительном лице девушки отразилось вполне понятное желание, и он с покровительственным видом чмокнул её в висок.

— Не переживай, алин. Я буду хорошо обращаться с тобой. Главное, ты помни, что ничто человеческое мне тоже не чуждо.

«Знать бы ещё, что именно тебе не чуждо», — устало подумала Мари и впервые задумалась о том, что ждёт её впереди, если она останется с Ником. Отчего-то их будущая жизнь рисовалась ей отнюдь не радужными красками.

— Не нужно думать о плохом, всё будет хорошо, — успокаивающе сказал Ник и, войдя в свои комнаты, положил её на кровать. — Сейчас я подлечу тебя, а затем мы продолжим твоё образование в части чувственных наук.

— Я потная и грязная, мне нужно в душ! — всполошилась девушка, но он не дал ей подняться.

— Лежи! Сегодня я хочу ощущать запахи твоего тела.

«Пропади ты пропадом, чёртов извращенец!» — расстроенная Мари попробовала отпроситься в туалет, но Ник не отпустил её даже туда и ей пришлось терпеть больше часа.

Дорвавшись до туалета, она рухнула на кровать и сразу же уснула.

Тем временем Ник успел принять душ и, одевшись, некоторое время смотрел на спящую девушку. Найдя, что она выглядит достаточно жалкой и несчастной, он удовлетворённо кивнул. «Процесс пошёл, теперь нужно давить по-прежнему сильно, но аккуратно». И тут перед его глазами возникла пятнадцатилетняя Мари — такой он увидел её в тот день, когда забрал из гнезда Владислава. В тот момент на её заплаканном юном личике отражалась такая безнадежность и покорность судьбе, что даже сейчас он почувствовал себя неуютно. «Вот какого крейда? Я не собираюсь над ней издеваться. Пока мы вместе, я хочу, чтобы Мари понимала и уважала меня. Неужели за все свои труды я не заслужил немного счастья?»

В конце концов, если легенда не лжёт, нам не долго быть вместе. Так что ничего, потерпит».

Он тряхнул Мари, и та неохотно открыла глаза.

— Вставай, алин! У тебя полно дел, а до ланча осталось всего два часа. За это время ты должна успеть позаниматься с тиараном и приготовить мне еду.

Видя, что Ник нетерпеливо постукивает критой по ладони девушка не стала спорить.

— Хорошо, — кивнула она. — Иди, любимый, будет тебе ланч. А сейчас дай мне ещё немного поспать, если не хочешь, чтобы я окончательно озверела.

Но не успела её голова коснуться подушки, как раздался сухой щелчок и туго сплетённый кончик криты ужалил её в руку.

— Ой! — вскрикнула Мари и её глаза до отказа наполнились слезами.

— Ты! — выдохнула она и, сев в кровати, наставила палец на Ника. — Бессердечный негодяй! Мало того что ты lupишь меня под предлогом занятий, теперь ты хочешь, чтобы я умерла от хронического недосыпа! У тебя есть хоть капля совести? Я уж не говорю о сострадании! Ведь после сегодняшних измывательств любой другой на моём месте отлёживался бы дня три, а ты вместо этого гонишь меня готовить ланч? Умру, но не встану!.. Уже умерла! — завершила девушка свою обличительную речь и, упав на подушки, скрестила руки на груди.

Ник посмотрел на неё и вернул критику на пояс. «Ну вот, начинается!.. Ладно, ради одного дурацкого слова на этот раз я тебя прощу».

Выйдя за дверь, он улыбнулся. «Любимый, говоришь? Вот с этого и нужно было начинать. Тогда и мне было бы легче принять, что ты Лоти».

— Тиаран, подлечи Мари, — распорядился он.

«А то на неё страшно смотреть, настолько она исполосована. И вообще, счастье, что я не попал ей по глазам», — с раскаянием подумал он. Видение изуродованной безглазой девушки заставило его вздрогнуть и он, стремясь убежать от него, прибавил шаг. На повороте он свернул и, оказавшись в храме, опустился на колени перед скульптурой оскаленного ягуара, парящего в воздухе. Вырезанный из громадного куска чёрного звёздчатого диоксида,^[2] зверь казался живым. «Прости, Великий Предок, что посмел роптать на дарованную Тобой судьбу».

После положенного обряда Ник переместился к алтарю двуединого божества Лета и окропил его своей кровью. «Отец и Мать, не оставляйте меня своей милостью. Защитите от врагов и бед», — попросил он. В последнюю очередь он подошёл к алтарю Весны и, поклонившись её женскому лику, возложил на алтарь сорванный ранее цветок, также окроплённый кровью. «Милостивая Лотиэль, прошу не гневайся. Клянусь, я больше не обижу Мари», — сказал он, а затем переместился к лику, олицетворяющему мужскую часть божества. «Лотилан, будь милостив, даруй мне умного и здорового сына».

Когда Ник ушёл из храма, над алтарями Лета и Весны вспыхнули огни — над алтарём Лета чёрное пламя, над алтарём Весны — зелёное. Вслед за ними явили свою милость божества Зимы и Осени. Над их алтарями загорелось соответственно белое и золотое пламя.

Это означало, что проситель получил благословение полного круга богов, — ведь они не умирают, пока жив хоть один человек, который в них верит и нуждается в их помощи и защите.

Когда алтари связало сверкающее алмазное кольцо, ягуар, парящий под потолком, тоже пробудился. Изумрудные глаза полыхнули огнём и он, спрыгнув вниз, лениво потянулся, а затем улёгся в центральном круге, вписанном в квадрат, образуемый алтарями времён года.

Это был Арес, центральное божество, которого эреи почитали как своего создателя и предка и он, в отличие от богов времён года, не зависел ни от каких верований, поскольку принадлежал к кругу богов Равновесия.

Пока Ник молился богам — что он делал впервые за долгое время, Мари тем временем безмятежно спала, не подозревая о том, что совсем недавно была на волосок от гибели.

Во сне она была счастлива, ей снова снился выпускной бал в Академии и танец любви, кружащий их с Тьеном. Только на этот раз он ушёл и не вернулся. Оставшись одна, Мари заметалась по залу, бросаясь ко всем, кто хоть немного походил на Тьена, и, когда она уже отчаялась его найти, наконец она увидела, что он держит в объятиях Соню Беккер и оба счастливо улыбаются.

Возмущённая Мари бросилась было к подруге, с намерением высказать всё, что она думает о её предательстве, но тут её перехватил Ник и она, глянув на него, в изумлении открыла рот. Всё в нём: его глаза, его лицо, его прикосновения излучали любовь и нежность, но даже во сне она ему не поверила и, оттолкнув, бросилась бежать.

Тем не менее потрясение от видения влюблённого Ника было настолько сильным, что она проснулась, хотя ей очень хотелось задержаться во сне и увидеть, что же будет дальше.

Открыв глаза, Мари усмехнулась: «Влюблённый Ник? Приснится же такая небылица».

Жесточайший приступ голода заставил её вспомнить о пропущенном завтраке, предстоящем ланче и заодно о данном обещании. Судя по часам, в запасе у неё было минут двадцать. Привычная к быстрым сборам в Академии, практиковавшей тотальную военную подготовку, девушка решила, что времени более чем достаточно, но её задержал тиаран. Выполняя приказ хозяина, он обработал её раны, а затем выдал кучу эрейских нарядов, которые только что прибыли. Портниха, воодушевлённая заплаченной суммой, постаралась выполнить заказ досрочно.

Из всего вороха нарядов Мари приглянулся тот, что имел павлинью расцветку, и Ким поспешил сказать, что эрейские леди в домашних условиях такое не носили, так что ей пришлось ограничиться довольно скромным бледно-голубым платьем. Оно состояло из обтягивающих брюк и затейливого жакета с длинными рукавами и воротником-стойкой. От своих собратьев жакет отличался тем, что его подол переходил в шейф, по-королевски волочащийся по полу, и Мари, глядя на себя в зеркало, одобрительно хмыкнула: «Ну, ничего так. Колоритно. У татап было что-то подобное, только без вышивки и пояса с оружием. Хотя кто знает. Может, Рени носила оружие под одеждой, а не выставляла его напоказ». Внешне эрейская женская обувь не отличалась от «лабутенов» и у неё мелькнула мысль, что их идею модельеры могли позаимствовать у Ника, когда тот заказывал туфли для своих подружек. Насколько она могла судить по залежам в шкафах, все они, несмотря на разные исторические периоды, носили обувь на высоченном каблуке или платформе.

Украшения и одежда выглядели слишком изысканно и требовали соответствующей причёски, так что Мари убила пять минут на укладку волос, то есть намочила их и пришлёпнула к голове. «Утончённая стервозина», — заключила она и, холодно кивнув своему отражению, походкой манекенщицы направилась в столовую. Находясь под действием стимуляторов, она чувствовала себя превосходно.

Поначалу Нику понравилось то, что он увидел. Преобразившаяся девушка наконец-то походила на эрейку, но иллюзия быстро развеялась. Отсутствие соответствующего макияжа и причёски, ошибки в подборе украшений, а главное, неумение держать себя — всё говорило

о том, что она ряженая, а не та, что принадлежит к знатному роду. Это была даже не рабыня. Как правило, рабами становились дети проштрафившихся дворян или буржуа, чьё воспитание было не хуже, чем в дворянских семьях. Это была простая крестьянка, не имеющая понятия о манерах, принятых у высородных.

— Тиран выдал набор блюд, которые ты предпочитаешь, так что вроде бы должно прийти тебе по вкусу, — сказала Мари и поставила перед ним поднос. Из-за спешки с работой они не заморачивались с сервировкой.

Ник кивнул, благодаря её за еду и она, видя, что он недоволен, вздохнула и села напротив.

— Ну? Что опять не так?

— Всё. Если коротко.

— Хочешь об этом поговорить? — осведомилась Мари.

— Не ёрничай! — Ник поднял на неё глаза. — Во время совместных трапез ты не должна задавать вопросов и для начала я не разрешал тебе сидеть в моём присутствии.

— Даже так? — девушка приподнялась, делая вид, что хочет встать, но затем снова опустилась на место. — Нет, я не уйду. И вообще, если тебе жаль еды, я заплачу за то, что съела.

— Алин, на колени, — негромко произнёс Ник и положил ладонь на крыту.

— Иди ты к чёрту со своим эрейским домостроем! Я тебе не рабыня, — заявила Мари и схватилась за голову, ощутив сильнейшее ментальное давление. — А вот это уже подло!

Когда нарастающая боль стала невыносимой, она встала и, гневно глядя на своего учителя, попятилась от стола.

— Даже не надейся, я не сдамся! — простонала она и, пошатнувшись на высоченных каблуках, потеряла сознание.

Ник успел подхватить её до того, как она упала на пол. «Глупая девчонка, — вздохнул он, стараясь не дать завладеть собой чувству вины. — Кажется, чего уж проще, встать на колени и попросить прощения, так нет, будем строить из себя miss Liberté и героически падать в обморок». Дойдя до своих апартаментов, он уложил девушку на кровать и велел тирану вывести на экран её жизненные показатели. «Чрезмерная физическая и умственная нагрузки привели к тому, что индекс массы тела упал ниже предельно-допустимого уровня», — сообщил тиран.

«Значит, мне не показалось, что она слишком мало весит», — резюмировал Ник. Тем не менее его куда больше озаботило другое. Чрезмерное психологическое давление привело к ослаблению блокировки опасных воспоминаний, что, по его мнению, грозило куда большими неприятностями, чем потеря веса. Проведя профилактическую коррекцию, он позвал девушку. И хотя она очнулась, открывать глаза не хотела.

— Мари, хватит дуться, давай поговорим. Я знаю, тебе трудно, и всё же постарайся понять и принять меня. Ты ошибаешься, думая, что я излишне жесток с тобой. Это не так. Жестокость бессмысленна, а за моими действиями стоит чёткая цель, и ты знаешь какая. Возможно, есть другие более мягкие методы привести тебя в соответствие с нормами моего круга, но я их не знаю, поэтому действую так, как меня учили наставники. Если честно, я считаю их методы не только самыми действенными, но и самыми лучшими. Ведь за ними стоит многовековой опыт нашего народа.

— А меня ты спросил? — вскинулась девушка. — И вообще, если я тебя не устраиваю, выбери себе другую.

— Рад бы, но не могу, — помрачнел Ник, и она раздражённо фыркнула.

— В любом случае, не трать понапрасну время. Лично меня устраивают нормы нашего вампирского общежития. Я не собираюсь строить из себя ту, кем я не являюсь.

— Хочешь ты того или нет, но тебе придётся соответствовать моему статусу.

— Что ж, попробуй меня заставить, — усмехнулась Мари. — Конечно, ты можешь притащить меня в тренажёрный зал, но что толку, если я возьму и откажусь заниматься?

На лице Ника появилось непреклонное выражение.

— Так я могу заставить. Мне это не сложно. Выбери: свободная воля или положение домашней собачонки, — произнёс он недобрым тоном.

«Merde! Я забыла, с кем имею дело», — расстроилась Мари и замахала руками.

— Вот давай без угроз! Ты же сам предложил поговорить по душам. Хочешь, чтобы я тебе врала и говорила лишь то, что ты хочешь слышать?

— Было бы неплохо, — успокоенный тем, какой оборот принял их разговор, Ник улёгся рядом с девушкой. — Итак, на чём мы остановились?

— На сомнительной ценности эрейских норм поведения, которые канули в Лету двести пятьдесят миллионов лет назад, — отозвалась девушка и он приподнял бровь, глядя на неё.

— С чего ты это взяла?

— С того, что я не вижу, чтобы мы в своём поведении чем-нибудь отличались от людей.

— Ты ошибаешься. Отличия есть и существенные. Мужчины у вампиров более агрессивны, а женщины более спокойны, чем в человеческой популяции, и с готовностью принимают диктат главы семьи. Если не веришь мне, можешь расспросить Михаэля, он подтвердит мои слова.

— Ну и что? Какое это имеет значение? — с вызовом проговорила Мари.

— Такое, что там, где женщина упрямится и пробует гнуть свою линию, это к добру не приводит. Наглядный тому пример трагедия Саади, — Ник внутренне усмехнулся, видя, что девушка поскучилась. — Вот поэтому в эрейских семьях авторитет главы семейства неоспорим. Для жены и детей он царь и бог в одном лице. Кстати, патриархальная структура общества всегда приводит к монархическому строю.

— В нашем обществе блюдут демократические ценности, — заявила Мари, что вызвало у него ироническую улыбку.

— Да неужели? Думаешь, есть особая разница между титулом короля и званием главы Совета старейшин?

— Чушь! У нас нет наследственной власти!

— Это временное явление. По факту у вампиров уже монархия, осталось закрепить её законодательно. И дело здесь не только в Михаэле. Вампирские гнёзда, по сути, новорожденные дворянские роды. Чтобы в будущем они не передрались за сферы влияния, им нужен тот, кто сможет дать им по рукам, когда они зарвутся, но при этом он не лишится их уважения и поддержки. Временщик, избранный демократическим путём, эту роль не потянет: он не будет иметь весомого авторитета у потомственного дворянства.

Подвинувшись ближе, Ник поцеловал девушку, но, к её разочарованию, продолжения не последовало.

— Вижу, ты со мной согласна, не спорь попусту, — сказал он и воззрился на неё требовательно-вопрошающим взглядом. — Мари, из-за нас с Михаэлем ты всегда будешь на виду, так почему бы тебе не подать пример правильных отношений в семье? Скажи, почему ты упрямишься вместо того, чтобы помочь нам? Почему ты не хочешь послужить

вампирами женщинам образцом для подражания и этим облегчить задачу перехода к новым взаимоотношениям в нашем обществе?

Увы, на это у Мари не было ответа — только внутренний протест.

— Сатрап, партайгеноссе, Гитлер в кубе! — перечислила она на эмоциях и сердито добавила: — И вообще, ты увёртливая редиска, способная придумать тысячу отговорок, лишь бы настоять на своём. Нет уж! Что бы ты ни говорил, я никогда не соглашусь с тем, что бить женщину и ставить её на колени по поводу и без повода, это правильная политика в семье. Это, милый мой, мужской шовинизм и типичное самодурство. И нечего пилить меня взглядом! Короче, если ты ратуешь за то, чтобы мужчины распускали руки, то не ищи во мне союзницу, я против таких отношений. Женщины вам не собаки, чтобы дрессировать их при помощи колотушек.

— Не такой уж я ретроград, как тебе кажется, и понимаю, что мораль современного человечества наложила свой отпечаток на общество вампиров. Эрейская модель поведения ему тоже не подходит. Значит, будем искать компромисс, — Ник смерил девушку оценивающим взглядом, и она занервничала, не зная, чего ещё от него ожидать. — Вот только я уже не изменяю. Хочешь ты того или нет, но в нашей семье будут действовать эрейские правила, — добавил он в завершение своей речи.

На лице Мари появилось решительное выражение. Она понимала, что если сейчас не отстоит себя, то в будущем ей придётся нелегко.

— Ник, давай начистоту, — перешла она в наступление. — Ты говоришь о нашем союзе как о чём-то решённом, хотя это не так. Зачем он тебе — это очевидно. Из всех женщин я единственная чистокровная эрейка, лишь во мне ты видишь ровню. Не кривись, так оно и есть. Ты решил, что будет достаточно по-быстрому вколотить в меня привычные тебе нормы поведения и дело в шляпе. Это говорит о том, что ты совершенно не думаешь обо мне. Не перебивай, я знаю, тебе плевать на меня. Если бы ты думал обо мне, тебе было бы не безразлично, что я думаю и чувствую. Уверена, ты не стал бы причинять боль той, которую любишь. Что, хочешь мне возразить? Сейчас, погоди минутку!

Надев туфли, она встала напротив Ника.

— Ну давай, я слушаю. Вот так, глядя мне в глаза, скажи, что ты действительно ко мне не равнодушен. Молчишь? Что и требовалось доказать.

— Глулости! Тогда и ты ответь, я нравлюсь тебе?

— Да, — без колебаний сказала Мари и по её губам скользнула напряжённая улыбка, — но не настолько, чтобы выйти за тебя замуж. Думаю, это чисто сексуальное притяжение, а не любовь. Я не испытываю к тебе того, что испытывала к Тьену.

Задетый её признанием Ник надменно глянул на девушку.

— Ты моя алин, меня не волнует любишь ты меня или нет.

— Чёрт бы побрал эту твою алин! — сердито выпалила Мари. — Что бы ты ни подразумевал под этим словом, это слишком зыбкое основание для брака, — она покачала головой. — Ник, отступись! Я тебе не игрушка. Ведь ты просто подловил меня на слове, а это уже не честно.

— Оставь свои фантазии. Будет так, как я сказал, — сказал Ник и направился к выходу.

«Господи! — Мари возвела очи горе. — Неужели ты не понимаешь? Мы слишком разные. Нам никогда не достичь взаимопонимания. Тогда зачем мучиться? Проще разбежаться и забыть друг о друге. Как о страшном сне».

— Нет, не будет! — выкрикнула она вслух.

«Не примешь мои правила игры, тебе же будет хуже», — мысленно услышала она и с досады швырнула туфли в закрывшуюся дверь, сначала одну, затем другую.

[1] Об этом рассказано в приквеле «Пророчество».

[2] Звёздчатый диопсид — драгоценный камень.

[3] Ноократия (др. — греч. νοῦς «разум» + κράτος «власть») — вид политического устройства или социальной системы общества, которая «основана на приоритете человеческого разума» при формировании ноосферы Земли согласно представлениям академика Владимира Вернадского и французского философа Пьера Тейяра де Шардена.

«Самонадеянный болван! Всё равно я сбегу от тебя», — подумала Мари и, чтобы отвлечься от неприятного разговора, направилась в отведённую ей гардеробную. Положившись на providение, она закрыла глаза и несколько раз прошлась вдоль стойки с платьями, а затем протянула руку и сняла первое попавшееся. Это оказался тот самый наряд павлиньей расцветки, который сразу же привлёк её внимание, и она вытащила коробку с сопутствующими ему принадлежностями. Они оказались не менее диковинными, чем само платье. Особенно её восхитили изящные зелёные туфли и головной убор, правда, она так и не поняла, как правильно его надевать, и позвала на помощь Кима. Оказалось, что это не шляпа, как она думала, а нечто среднее между стоячим воротником и пелериной. На голову же полагалась диадема, которая лежала в отдельном футляре. Из-за множества драгоценных камней, она весила столько, что девушка поневоле напрягла плечи и спину.

Несмотря на тропическую яркость и свой немалый вес, павлиний наряд пришёлся Мари по душе. «Как есть королева! — подумала она и, подбоченившись, с вызовом посмотрела на своё отражение. — Ну, кто тут смеет мне возражать? Отрубить голову этому наглецу! Нет, я сама порублю его на кусочки. Вот тебе, получай!» — и она взмахнула воображаемым мечом.

— Наигралась? — спросил Ким звенящим от смеха голосом, когда девушка сбросила туфли и убрала диадему на место.

— Какое там, — вздохнула Мари. — Всего лишь отвела душу, чтобы не лопнуть от злости.

— В любом случае тебе пора заниматься. Итак, приступим. Для закрепления пройденного материала прочитай и переведи вот это.

На возникшем экране высветился эрейский текст, и Мари вздохнула ещё тяжелей.

— Вот даже не знаю, кто из вас хуже: слуга или хозяин.

— На данный момент я хуже, — «порадовал» её искин. — Ну, что там написано?

— Какая-то абракадабра. Ремина Рабаска Кодо была от рождения слабой, робкой и зачем-то съела свои свадебные туфли, за что её отец ремино Ротим Кодо заставил её зевать от *цям* до *цук*, после чего велел слугам её связать и бросить у *дан-е* Весны, видимо, храма Весны, что находится у Вопящих Камней Сокровенных Желаний. Восемь лет бедняжка верой и правдой служила Лотилану, за что ей было даровано благословение через сто благородных паломников, сопровождавших райделина Саятана, принадлежащего к не правящему дому Лета, что в *Соузе ар-бойк*. Они шли поклониться Священному Ягуару и по дороге остановились в храмовой *бо-а-алеа*, видимо, в храмовом странноприимном доме. Спустя *файсу*... видимо, девять месяцев ремина родила красивого мальчика, узловат... крепкого и лучист... стройного, как *ловаэйс*. Своими тёмными волосами и небесно-синими глазами он походил на райделина Саятана. Радостная ремина Рабаска вернулась к отцу и, прижимая к груди сына, упала ему в ноги. Не ожидавший такого чудесного подарка от разутой дочери ремино Ротим пустил слезу... О! — глаза и рот Мари округлились от удивления. — Правильно я понимаю, что ремина Рабаска восемь лет служила храмовой проституткой?

Ким хихикнул.

— Правильно.

— И той благословенной ночью, помимо райделина Саятана, её поимели сто благородных жеребцов?

— Да.

— Нет, не может быть! — не поверила Мари. — Это всё сказки.

— Может, сказки, а может, нет. К твоему сведению, эреи крайне неохотно брали замуж слабых изнеженных женщин, а ремина Рабаска именно такой и предстаёт в легенде.

— За одну только ночь на ней потопталось сто с лишним мужиков, и после этого ты говоришь, что она слабая и изнеженная?

— Как бы то ни было, ремине Рабаске повезло, что она сумела родить ребёнка и этим продолжила свой род. Так что зря ты думаешь, что райделину нужна забитая курица. Он хочет, чтобы ты была сильной, умелой и при этом преданной ему всей душой, — наставительно произнёс искин.

— Ха! А на деле выглядит так, будто он делает всё, чтобы я загнулась.

— Не говори ерунды! — перебил он девушку, и она насторожилась, услышав смущённые нотки в его голосе.

— Ты, электронный поросёнок! Ну-ка признавайся, что ты скрываешь от меня.

— Да ничего такого, честное слово! — попробовал отпереться искин.

— Как говорит Ладожский, честное слово врать готово и мне кажется сейчас именно этот случай. Ким, если ты что-то знаешь, не скрывай от меня... Ты знаешь! — уверилась Мари. — Я думала, мы друзья, а ты как был бездушной железкой, так ею и остался! — бросила она в сердцах.

— Мари, пожалуйста! Я не могу! Райделин запретил мне рассказывать... — не привыкший лгать искин заколебался. — Давай так, выучи эрейский язык и почитай легенду о «Пророчестве Лоти», хорошо?

— Договорились, — кивнула девушка. — Как твои дела? — поинтересовалась она.

— Плохо, — ответил Ким и торопливо добавил: — Всё, больше не спрашивай! Не трать понапрасну мои последние свободные крохи памяти. Я перехожу в режим тиарана. Мари, продолжай чтение, — сказал он уже мужским голосом.

Когда есть стимул, обучение идёт куда эффективней. Заинтересовавшись, что же это за пророчество и каким образом оно связано с ней, Мари подналегла на язык. Поначалу ей очень мешала образная составляющая, но, в отличие от лингвистов, изучающих мёртвые языки, ей было гораздо проще, — ведь у неё под боком был живой носитель эрейского языка и умная машина, способная объяснить любую идиому.

Поскольку менталитет народа так или иначе отражается в письменном творчестве, она, по мере изучения культуры предков, начала осознавать, насколько та самобытна и насколько велика пропасть, лежащая между эреями и современной цивилизацией. Заодно она начала понимать, что ей пытался втолковать Ник, когда говорил, что ему невозможно отказаться от своих привычек. И это действительно было так.

Двести пятьдесят миллионов лет назад жизнь на планете была совсем иной. Суша и вода кишели многочисленными существами и все они, вооружившись тем, что им дала природа, яростно боролись за место под таким же яростным солнцем, извергающим массу губительного ультрафиолета. Условия, в каких жили предтечи современного человечества, не шли ни в какое сравнение с теми, в каких оказались прародители эреев. Слишком уж многочисленны были твари, морские и сухопутные, которые желали полакомиться их мясом. Чтобы выжить, сумеречным двуногим охотникам, обитающим на мелководье, пришлось

выйти на сушу и вооружиться, причём не только палками и камнями. Главной их силой были ум, быстрота реакции и слаженные действия, чему очень способствовало то, что со временем развилось в умение читать мысли и чувства друг друга. У эреев телепатия возникла раньше речи, во всяком случае так утверждали эрейские учёные.

Естественно, в условиях жесточайшей конкуренции в животном мире, где жизнь зависела от умения убивать, никакого периода собирательства у древних эреев не было. Спасаясь от наземных хищников, они жили в шалашах на деревьях. Отпустили они своих женщин и детей на сбор травок и корешков и от них не осталось бы даже рожек и ножек. Поэтому предки эреев жили исключительно охотой, в чём им большой подмогой были подаренные природой Пермского периода когти, сумеречное зрение и симбионты, подпитываемые кровью, которые позволяли им почти мгновенно заживлять даже самые жуткие раны.

Со временем, благодаря уму и сплочённости, эреи превратились в самых свирепых хищников, которые захватили всю Пангею и создали цивилизацию, которой нет аналогов у современного человечества. Во-первых, это была монолитная нация, несмотря на местечковые отличия. Во-вторых, у власти изначально стояли не только самые сильные, но и самые умные, что в дальнейшем привело к наследственной ноократии.[3] Вот поэтому не было ничего удивительного в том, что отец Ника был не только правителем, но и выдающимся учёным.

При всей своей исключительной воинственности эреи хоть и соперничали друг с другом, но крупных войн у них было мало. Как только они связали количество потерь с откатами в ноосфере, которые били по всему населению, сводя значительный его процент с ума, четыре самых крупных королевства сумели договориться между собой и поставили войны под запрет. Конечно, вооружённые конфликты периодически возникали; вооружённые силы Коалиции Священных королевств, как правило, не отказывали себе в удовольствии побряцать оружием и порой гасили их даже быстрее, чем им хотелось бы самим.

Недостаток войн история эреев возмещала крупными политическими интригами, читая о которых Мари в восхищении хлопала в ладоши, настолько они были продуманными и с далеко идущими последствиями. Ну а самым выдающимся интриганом всех времён и народов эрейскими историками был признан король Зимы рай Реотан, с которым вдобавок было связано пророчество Лоти. К разочарованию Мари, в документах лишь упоминалось о пророчестве, но нигде не говорилось в чём же оно заключается.

Видя, что девушка увлеклась не совсем тем, что нужно, Ник внёс коррективы в её расписание и она несколько подрастеряла свой энтузиазм, погрузившись в изучение бытового ритена, предназначенного для знатных эрейских леди. Ник ей не солгал — мужчины эреи заботились о своих женщинах, причём опекали их так сильно, что заранее просчитывали каждый их шаг. Раньше Мари возмутилась бы, но теперь она знала, чем это продиктовано.

Эреи были искусными воинами и охотниками, поэтому хорошо знали повадки зверья и соплеменников. Уходя из дома, они при помощи подробных инструкций старались сберечь своих женщин и детей, остающихся без главных защитников. Об этом говорили анахронизмы, сохранившиеся с тех незапамятных времён. Одним из них было руководство хозяйке поместья, как отбить нападение стаи *рудойтов*, крупных хищных птиц. Ник сказал, что к его времени они уже почти вымерли, но руководство было таким подробным, что,

вздумай *рудойты* ожить и напасть на Старую базу, Мари не составило бы труда проверить операцию по их уничтожению.

Впрочем, эта часть ритена ей нравилась, в отличие от той, что диктовала правила поведения в обществе и семье. К её великому огорчению, Ник ей не солгал, эрейский муж имел полное право не только наказывать свою жену и детей, но даже их убить. Правда, без суда и следствия он мог это сделать только во время празднования Лотилий — под видом принесения жертвы божеству Весны, что Мари и увидела в своём видении.

Она прочитала всё, что касалось Лотилий и божеств, которым поклонялись эреи, но как она ни старалась, ей никак не удавалось найти Пророчество Лоти, тем не менее, по отрывочным сведениям, она уже догадывалась, в чём именно оно состоит. Единственно чего она не понимала, так это то, какое отношение оно имеет к ней самой.

Любопытство и понимание культуры предков привело к тому, что Мари играючи изучила бытовую часть ритена и допускала всё меньше ошибок в выборе одежды и манере поведения. Затем её заинтересовали тренировки, позволяющие дисциплинировать ум и таким образом наращивать ментальную мощь. Поначалу у неё не получалось, но советы Ника поправили положение. С похвальным упорством она медленно, но верно упорядочивала связи с ноосферой, которая была тем самым усилителем ментальных способностей, которых ей так не хватало. Ритен по части физического развития тоже пошёл на лад. Самостоятельное изучение приёмов боя с туаши — сначала по письменным источникам, а затем в виртуальном зале — привело к тому, что она резко прогрессировала и в этом направлении.

Раньше скорость, с которой девушка усваивала технику владения туаши, удивляла Ника, теперь он знал в чём здесь причина и был беспощаден в занятиях, не делая ей скидок, положенных новичку. Просматривая записи виртуала, он видел, что по уровню подготовки Мари уже готова к сражению на мечях в реале, тем не менее продолжал тренировки с критой. Она по-прежнему уходила из тренажёрного зала основательно исхлёстанная и в крови с головы до пят. Из-за этого наладившиеся между ними отношения снова испортились.

И чем больше девушка замыкалась в себе, тем жёстче Ник относился к ней. Причём он сам не понимал, зачем он это делает, — ведь она очень быстро училась и придраться, в общем-то, было уже не к чему.

Вскоре он добился, чего хотел. Стараясь избежать наказания Мари превратилась в идеальную эрейскую леди и не допускала ни малейшей ошибки: ни в бытовых мелочах, ни в манере поведения, но его неудовольствие не улеглось.

В общем-то, причина была проста. Ник не хотел признаваться самому себе, что прежняя Мари нравилась ему куда больше, чем эта равнодушная кукла в дорогих нарядах, безупречно покрашенная и причёсанная и которая открывала рот лишь для того, чтобы ответить на заданный вопрос — коротко и по существу, без каких-либо эмоций в голосе.

Когда он ставил её на колени, причём иногда без причины, она не возмущалась и стояла до тех пор, пока он не разрешал ей встать. В такие моменты он, глядя на напряжённо выпрямленные плечи и опущенную голову девушки, с трудом удерживался от того, чтобы не отхлестать её критой — да так, чтобы она не выдержала и, отбросив притворство, возмутилась, но каждый раз брала верх осторожностью. Он видел, что Мари больше играет в послушание и ему не хотелось доводить её до предела, чреватого неповиновением. Вызывали у него опасения и её растущие способности в ментале. Правда, несмотря на все её старания

он легко преодолевал ментальный щит, которым она время от времени пыталась закрыться от него.

Стоило Нику вспомнить, что он подумал, когда тиаран надёжно скрыл её мысли, и его до сих пор охватывал гнев. Не то чтобы он поверил, что любит Мари, и всё же — тогда ему действительно казалось, что она ему не безразлична. Ну а когда он узнал, что это происки искина, обретшего самостоятельность и боящегося, что он сотрёт его личность, тогда было уже поздно — информация о пророческом видении запоздала: Мари уже была его алиин и ему оставалось лишь ждать, когда она огорошит его вестью о том, что беременна. При других обстоятельствах Ник, как любой эрец, был бы страшно рад наследнику, а теперь он был бы рад тому, если бы выяснилось, что она не способна иметь детей. Вот только он не верил, что ему так крупно повезёт.

Несмотря на испытываемое моральное удовлетворение, Мари тем не менее приходилось нелегко. Она была из тех, кто предпочитал худой мир доброй ссоре, поэтому постоянная война характеров действовала ей на нервы. От природы она была общительной, но из-за конфронтации с Ником ей не с кем было даже поговорить — воспользовавшись поводом, он полностью отрезал её от внешнего мира. Ким был единственным, с кем она могла отвести душу, но искин экономил ресурсы памяти и не часто баловал её беседой. Вот поэтому почти всё свободное время она проводила в виртуальном зале, отрабатывая приёмы сражения на туаши.

Поначалу Мари шла туда с опаской, но ей больше ни разу не попала белокурая красавица, которую она окрестила Молью, и которая так сильно отделала её во время первого занятия в виртуале. По большей части её наставницей и спарринг-партнёром выступала девушка, очень похожая на рабыню из видения, чем она была вполне довольна. Мари она нравилась. Девушка была ненамного старше Аннабель, и она воспринимала её как ещё одну младшую сестру, причём единокровную. Она сразу подметила, что внешне они очень похожи.

Дралась «сестричка» великолепно и, главное, не было случая, чтобы она неуважительно отнеслась к своей ученице из реала. Наоборот, видя, что у Мари не получается, девушка терпеливо показывала, как правильно провести приём, и затем одобрительно кивала, когда у неё выходило как надо.

Однажды Мари поскользнулась во время разворота и угодила остриём меча в пол. Девушка засмеялась, и она спросила, как её зовут. «Руана», — последовал ответ. Поскольку таймер отсчитывал последнюю минуту занятий, девушка вложила меч в ножны и с церемонным видом поклонилась. Мари повторила её жест, а затем протянула руку и пожала ладонь своей призрачной наставницы, которая на ощупь оказалась вполне материальной, а именно крепкой и мозолистой.

Больше Руана не реагировала на её попытки завести беседу и ей оставалось лишь гадать, что же это за такой виртуал у Ника, что его электронные игрушки неотличимы от настоящих людей.

Не будь они в состоянии холодной войны, Мари удивила бы его рассказом о Руане — ведь в программе виртуала не было такого спарринг-партнёра. А так ей оставалось лишь неслышно вздыхать в его присутствии.

Время шло. Ник по-прежнему не делал шагов ей навстречу, соответственно, она — ему. Мари с удовольствием прекратила бы свои игры, но из чистого упрямства продолжала

разыгрывать роль, не замечая при этом, что шкура безупречной эрейской леди постепенно прирастает к ней, накладывая отпечаток не только на поведение, но и на характер. Окуклившись, подлинная суть девушки спряталась за оболочку той, что была расчётливей и практичней, чем она.

При взгляде на своё отражение в зеркале у Мари иногда мелькала мысль, что оно кого-то ей напоминает, пока однажды её не осенило — она вспомнила, как однажды дома в Питере ей пригрезилась женщина, у которой было её лицо, но почему-то синие глаза. Той же ночью память воспользовалась случаем и воспроизвела ей эту необычную встречу и даже больше. «Лиретан, у нас красивая дочь, — услышала Мари, а затем ощутила лёгкое прикосновение к щеке. — Прости, малышка! Я была тебе плохой матерью, но, может, оно и к лучшему. Похоже, ты простушка, а это значит, что ты не унаследовала ни моей гордыни, ни моего кровавого безумия. Прощай и будь счастлива!»

Наутро она не забыла свой сон и впервые по своей инициативе заговорила с Ником. Мари спросила, насколько они похожи с матерью и тот ответил, что, за исключением цвета глаз, они практически на одно лицо.

Ник было обрадовался, посчитав, что девушка перестала злиться на него, но нет, в их отношениях ничего не изменилось. По-своему она была не менее упряма, чем он. Мари по-прежнему звала его только «мой райделин» и пряталась за новообретённой личиной. Разве что теперь на её лице нет-нет, да появлялось выражение рассеянной задумчивости, говорящее о том, что она занята какими-то своими мыслями — вот только ему никак не удавалось их прочесть. Неожиданное усиление мышлещита Мари раздражало его и в то же время тревожило. Что-то ему подсказывало, что это опять неспроста.

Вопрос Мари о матери пробудил и его воспоминания. Слишком уж она была похожа на Ризу, особенно теперь — та же походка и осанка, то же надменно-холодное выражение на лице и даже то же самое пристрастие к синему и фиолетовому цветам в одежде. Ник заметил за собой, что уже не разделяет мать и дочь, и вид Мари вызывает в нём растущую неприязнь, замешанную на ненависти к сестре. Но это были ещё мелочи. В последнее время ему постоянно снилось, как он убивает Ризу. Это привело к тому, что пару раз он поймал себя на том, что едва удерживается от того, чтобы не свернуть Мари шею, которая с упрямством достойным лучшего применения, испытывала его психику, подражая своей родной матери даже в причёске.

Ник отдавал себе отчёт, что девушка делает это не нарочно, но не мог переступить через себя. Слишком уж много крови попортила ему Риза, чтобы он мог её простить — хотя бы после смерти. Мари не реагировала на его попытки примирения, правда, довольно вялые и он, чтобы избавиться от искушения, всё чаще уезжал из дома. Тем более что чертежи были готовы и двигатель вошёл в стадию практической разработки, поэтому требовалось его присутствие в ОКБ при заводах, где полным ходом шли разработка и монтаж технологических линий для сборки узлов звездолёта.

ГЛАВА 22. Доверяй, но проверяй. Пришельцы из прошлого

Порадовавшись, что Палевский на месте, Штейн без доклада прорвался в его кабинет, и тот смерил его недобрым взглядом.

— Томас, хоть ты имей совесть. Я уже вторые сутки на ногах.

— Я уже третий день не сплю и ничего, — бодро отозвался глава СБ и хохотнул, при взгляде на лицо Палевского. — Зато теперь мы полностью соответствуем вампирской классике, оба клыкастые и красноглазые.

— Да уж, — ответствовал Палевский, не разделяющий его веселья. — Давай, что там у тебя, — сказал он, отведя взгляд от очередного документа на экране.

— Да вот, мне позарез нужно прикончить парочку высших чинов в Пентагоне. Хочу получить твоё «добро».

— Оно есть у тебя.

— Может, хоть глянешь, кто это? — осведомился Штейн.

— Я и так знаю, кого ты вознамерился убрать, и это правильно. В нашей ситуации они помеха. Когда уберёшь директора ЦРУ, не дай занять его место Джонсону. Вообще никому не давай. Чем больше продлится грызня за место, тем лучше. Местную дремотную Азию не трогай, пусть дальше занимаются дележом власти и денег, — Палевский зевнул и энергично потерев лицо, нетерпеливо глянул на главу вампирского СБ. — Ну, что ещё?

Штейн пожал плечами.

— Да так, мелочь. Ник снова пошёл по своим пассиям.

— На кой чёрт ты докладываешь об этой ерунде?

— Он прикончил одну из девиц. Она никого тебе не напоминает?

— Kurwa! — вырвалось у Палевского, когда Штейн протянул ему планшет.

Девушка на фотографии была не так красива, как Риза или Мари, но имела с ними несомненное сходство.

— Девчонке и раньше доставалось от него, но в этот раз он превратил её вот в это.

Палевский хладнокровно посмотрел на кровавое месиво.

— Вампирка или менталистка? — спросил он.

— Менталистка, — ответил Штейн.

— Тогда ерунда. Впрочем, перечисли миллион её родителям.

— Ник сам это сделал.

— Вот и хорошо, — Палевский нажал на вызов секретаря. — Лина, соедини меня с Мари.

— Не трудись, со Старой базой нет связи, — сказал Штейн и кивнул, упреждая вопрос. — Ник здесь. Зная, что ты захочешь с ним переговорить, я отправил ему ментальный вызов. Думаю, с минуты на минуту он будет здесь.

Глава СБ не ошибся, прошло совсем немного времени и в кабинет вошёл Ник. Оба вампирских руководителя встретили его одинаково внимательными взглядами. Судя по запыленной одежде, утомлённому лицу и красным глазам вновь прибывший чувствовал себя не лучше них.

— Что случилось? — поинтересовался Ник, недовольный их осмотром.

— Да ничего не случилось, — спокойно ответил Палевский.

— Тогда что за спешка? — резко спросил Ник, повернувшись к Штейну, но тот, отрицая свою причастность к вызову, поднял руки.

— Нет-нет, я здесь ни при чём! Это ваши семейные дела, — сказал он и, кивнув на прощание, исчез из кабинета.

Подойдя к приставному столу, образующему традиционную Т-форму со столом начальства, Ник сел и воззрился на Палевского.

— Какие ещё семейные дела? — устало поинтересовался он.

— Это что такое? — спросил Палевский и швырнул ему планшет.

Ник небрежно пролистнул фотографии убитой им девушки.

— Девчонка моя рабыня, тебя это не касается, — ответил он и толкнул планшет обратно. Скользнув по гладкой столешнице, он остановился у края письменного стола, точно напротив Палевского.

— Я хочу, чтобы ты немедленно вернул Мари домой, — потребовал он.

— Она уже дома! — раздражённо воскликнул Ник, но тут же сбавил тон. — Михаэль, тебе не о чем беспокоиться, я не трону Мари, ведь она моя жена.

После своего признания он снял куртку и повесил её на спинку стула.

— Потом поговорим, сначала дай мне что-нибудь поесть.

Палевский нахмурился, но нажал на селекторе кнопку вызова секретаря.

— Принеси обед на двоих, — распорядился он и, достав сигарету, щёлкнул зажигалкой. — Насколько я знаю, Мари была влюблена в Тьена Моррисона. С чего вдруг она решила выйти за тебя замуж?

Ник бросил на него недовольный взгляд.

— Видимо, я оказался неотразимей, чем её первая любовь, — сдержанно ответил он. — И нечего с подозрением смотреть на меня. Слово райделина, это не моя инициатива. Будь моя воля...

— Чего замолчал? Уже жалеешь о женитьбе? Ладно, давай сначала поедим, — отступил Палевский при появлении Лины с сервировочным столиком.

— Как слетал в Кремниевую долину? Они успеют выполнить наши заказы? — спросил он, когда они перешли к кофе.

— Думаю, да, — ответил Ник. — К тому же я нашёл несколько толковых специалистов, которых имеет смысл привлечь к нашим разработкам, причём напрямую.

— Куда планируешь их отправить, в Калифорнийское или Питерское ОКБ? — поинтересовался Палевский.

— Лучше в Питерское, — ответил Ник и добавил: — Уверен, конголезец Гектор Симба будет очень полезен основной группе разработчиков. У парня светлый ум. К тому же он, как и ты, из широкопрофильных, так что от него можно ожидать открытий, сделанных на стыке нескольких научных дисциплин. Жаль, что наши патрули вовремя его не заметили.

Взяв портсигар, Палевский усмехнулся.

— Надо же, в своей массе негры имеют низкий IQ и тут вдруг такой подарок.

— Низкий IQ не признак глупости чернокожих, а признак того, что природа слишком долгое время их баловала, требуя от них не умственных усилий по выживанию, а чисто физических, вот они и поплатились за это. Загони их в условия Севера, где холод и бескормица, и спустя несколько поколений они резко поумнеют. Во всяком случае, та часть, что выживет, — возразил ему Ник.

— Может, в твоих словах и есть доля истины, — не стал спорить Палевский.

— Скажи громилам Штейна, чтобы они были поаккуратней с Гектором Симбой и его группой. Они нужны мне в работоспособном состоянии.

— Если ты так беспокоишься об их сохранности, может, тогда имеет смысл использовать подкуп, а не похищение?

— Не стоит. Всё равно секретные службы США так и так заинтересуются, а похищение оставляет меньше следов и больше простора для догадок.

— Ты прав, — Палевский щёлкнул зажигалкой. — Теперь давай поговорим о наших баранах.

— Я же сказал, всё в порядке. Мари — моя жена. Почти. Дело лишь за формальностями.

— Формальности, говоришь? Вы не подавали прошение на заключение брака, иначе Макс Беккер доложил бы мне об этом.

На виске Ника запульсировала жилка.

— Будет время — оформим. Сейчас достаточно того, что он отвечает эрейским нормам бракосочетания, — проговорил он недовольным тоном. — Думаю, ты не ждёшь от нас свадебных торжеств.

— Почему же? — удивился Палевский. — Поскольку вы оба мне дороги, то хочется, чтобы вы даже в это напряжённое время поженились по-человечески, — он выпустил аккуратные колечки дыма. — Ник, что на самом деле происходит между вами? Только давай без увёрток. Для начала я хочу знать, почему ты скрывал от меня, что хочешь жениться на Мари. Впрочем, я догадываюсь, поэтому начинай с того, что именно тебя тревожит в этом браке.

— Действительно хочешь знать? — осведомился Ник и Палевский, отъехав с креслом от стола, положил нога на ногу.

— Начинай. Время не ждёт.

После секундного колебания Ник рассказал всё, как есть, а именно: об обрётённом тиараном самосознании, о видении Мари, которое, благодаря искину, он видел во всех подробностях, и о пророчестве Лоти, которое, по свидетельству его эрейских предков, сбывалось с удручающей регулярностью.

Несмотря на вполне резонные опасения со стороны Ника, Палевский выслушал его без скептицизма.

— Ты уверен, что Мари — это воплощение вашей богини Весны? Нет, я не ставлю твои слова под сомнение, но сам посуди, как это звучит со стороны. К тому же никаких конкретных указаний нет. Разве не может быть что девочка просто талантливый учёный, и ей повезло нащупать путь нашего спасения от катастрофы?

— Ошибки нет, — Ник помедлил. — Всегда образуется любовный треугольник, в котором обязательно задействован один из королей. Конечно, я король без королевства и не имею права на полный титул, но для пророчества это не имеет значения. Такое в нашей истории уже было; я имею в виду пророчество с участием королей без королевства. Да и видение Мари это подтверждает. Говорят, воплощения Лоти связаны между собой.

— Итак, ты утверждаешь, что как только ребёнок родится, тебе останется год жизни?

— Да.

— Бред! — досадливо воскликнул Палевский и, встав, заходил по кабинету. — Как можно верить какому-то дурацкому пророчеству, которое придумали те, кто жили чуть ли не триста миллионов лет назад? Чушь! Нет, я в это не верю. Обычные религиозные сказки.

Скрипнув стулом, Ник со скучающим видом воззрился на свои ногти, обзаведшиеся долгоиграющей траурной каймой. В поисках редких металлов он попутно посетил нефтяное месторождение в Калифорнии, где вляпался в битум, желая быстрее провести анализы.

— Что ж, скоро время покажет, прав я или нет. И всё же будь готов кем-нибудь меня заменить.

— К чёрту! Тебя никто не заменит! — сердясь, заявил Палевский.

— Ты же сам говорил, что незаменимых нет, — возразил Ник, наблюдая за его хождениями.

— Только не тогда, когда дело касается вас с Мари. Вы оба — мои дети.

— Это спорный вопрос...

— Замолчи! Ты мой сын и этим всё сказано.

Палевский сел напротив Ника и тот, не выдержав его взгляда, опустил ресницы.

— Спасибо, Михаэль, — сказал он, а затем встал и, отступив, с торжественным видом преклонил колени.

— *Сонами-сонам, Ае Рай-ин-Рай вэйт Ганье райтан Таятан Реази Вистанио танозель Малосье аде и эд Литосо Южи. Ае райделин Никотан Реази Вестаньо баено код ал румам. Неда! Неда! Неда! Неда!*

Когда Ник ушёл, Палевский позвал к себе Штейна, который с его разрешения наблюдал за их разговором.

— Нет, ты это слышал? — спросил он возмущённым тоном. — У нас тут дел по горло, а мальчишка приходит и заявляет, что скоро умрёт, потому что так говорится в каком-то дурацком пророчестве. И при этом ещё ездит мне по ушам какой-то эрейской ахинеей, не потрудившись даже перевести.

— Забей! — посоветовал Штейн. — На мой взгляд, это полная ерунда... — он замолчал, не договорив, и его как-то странно передёрнуло, затем его глаза залила синева, свидетельствующая о появлении рая Реотана.

— Вообще-то, это не ерунда, — сказал тот, озабоченно хмурясь. — Смотри, Таятан, если твой щенок убьёт мою девочку, чтобы уйти от судьбы, я не посмотрю на наши родственные связи и сверну вам обоим головы.

Не изменившись в лице, Палевский налил себе коньяка, а гостю из прошлого — водку, извлечённую из холодильника, и протянул ему запотевший стакан.

— Мне-то за что? — поинтересовался он прохладным тоном.

— За компанию, — ответил Реотан, но стакан принял. — Как будто я не знаю, что мальчишка дóрог тебе, и ты обязательно отомстишь за него.

— Всё же Томас тебе дороже нас с Ником, — резюмировал Палевский, отчасти довольный появлением древнего интригана. — Если уж вы нарушили своё слово и снова появились, то скажите, это правда, что Ник говорил об этой вашей чертовщине с Пророчеством Лоти?

— Абсолютная правда и я живое тому подтверждение... Или не совсем уже живое, и тем не менее.

Прежде чем выпить, Реотан с озабоченным видом принялся к содержимому хрустального стакана, что не ускользнуло от внимания Палевского. «Интересно, это привычка или он считает, что я способен отравить Томаса?» — подумал он, задетый тем, что древний король считает, что он способен убить того, кто был ему как сын.

— Крейд, какая дрянь! Твой коньяк и то будет лучше, — поморщился Реотан,

который был не менее зорок, чем его собеседник. Он понял, какое направление приняли его мысли, и сделал вид, что ничего не заметил.

— Вот и я о том же, но Томас не хочет признавать мою правоту. Столько лет пытаюсь приучить его к благородному напитку, и всё без толку, — поддержал Палевский его игру.

— Каждому своё, — отозвался рай Реотан и протянул стакан, когда король вампиров достал своё сокровище Henri IV Dudognon и в безмолвном вопросе поднял бровь. — Наливай, выпьем на брудершафт, — ухмыльнулся он.

— Только не из этого, — Палевский выдал ему чистый пузатый бокал. — Не стоит портить вкус коньяка, который обошёлся мне в сто миллионов долларов, — пояснил он.

— Ого! Вижу, ты не жалеешь денег на свои прихоти.

— Чего их жалеть? Деньги на то и нужны, чтобы их тратить. А вот на что именно, зависит от их количества.

— Это в тебе от меня, — убеждённо проговорил Реотан и, подражая Палевскому, принялся к напитку. — Ничего. Вот только запах спирта перебивает букет напитка, так что с эрейскими винами твоему коньяку никогда не сравниться.

Он мечтательно поднял глаза.

— Эх, какие у меня были вина! Уверяю, попробовав их, ты отдал бы за них душу.

— Не думаю, что моя душа стоит столь дёшево, — возразил Палевский.

— Это в тебе говорит незнание, — парировал Реотан и пристально посмотрел на него.

— Знаешь, ты очень похож на своего предка Витатана. Когда мы впервые встретились, он был совсем мальчишкой, но уже тогда чувствовалось, что в нём заключена сила духа истинного короля. В дальнейшем он попортил немало крови моему наследнику, но я рад, что не убил его. Правда, моей заслуги в том нет. Витатана спасла Руана. И когда ты будешь выбирать между её новым воплощением и Никотаном, вспомни, что лишь благодаря ей мы сидим здесь и беседуем. Ну а теперь давай выпьем. *Америа байс, рай Таятан!*

— *Америа байс, рай Реотан!* — отозвался Палевский.

Соприкоснувшиеся бокалы приглушённо звякнули и после того, как они опустели, он протянул гостю коробку с сигарами.

— У нас, эреев, не было этой привычки, — отказался Реотан, и на лице Палевского промелькнуло одобрительное выражение.

— Оно к лучшему. Конечно, наш организм не чета человеческому, но и он не железный. Загрязнение лёгких на пользу никому не идёт, — вздохнул он и, открыв коробку, придирчиво оглядел ряд бронзово-золотых сигар, скрученных вручную. Чем-то ему глянулась третья справа и он, обрезав кончик, щёлкнул зажигалкой.

Понаблюдав за тем, как он пускает замысловатые колечки дыма, Реотан не удержался и со словами: «В жизни нужно всё попробовать», тоже взял себе сигару. К разочарованию Палевского, он не поперхнулся дымом, как это часто случается с новичками. Колечки дыма у него выходили даже лучше, чем у него. «Ведь Томас курит, так что ничего удивительного, что у него с ходу получилось», — сказал он себе в утешение.

— Вы обещали рассказать о пророчестве, — напомнил он собеседнику.

— Потерпи, — Реотан протянул ему опустевший бокал: — Давай лей, не жалея свой коньяк. В конце концов, когда тебе ещё удастся побеседовать с привидением, которому двести пятьдесят миллионов лет.

— Двести пятьдесят миллионов лет... — Палевский вдруг осознал, какая пропасть лет стоит за этим числом. — Уму непостижимо! — пробормотал он, впечатлённый гением

своего предшественника, его предусмотрительностью и твёрдостью духа. «Ради призрачной надежды на возобновление биосферы Земли рай Таятан поставил на кон самое дорогое — свою репутацию учёного и своих детей, хотя вполне могло случиться, что он отправил их на смерть, причём мучительную. Тем не менее он рискнул и выиграл», — подумал Палевский без привычного раздражения, которое возникало всякий раз, когда он вспоминал о своём происхождении. Поначалу известие о том, что он всего лишь клон, больно ударило его по самолюбию, но со временем потрясение сгладилось и он уже менее остро реагировал на упоминание рая Таятана.

— Двести пятьдесят миллионов лет. Ник проделал длинный путь, — сказал он и, взяв бутылку, наполнил бокал собеседника, который терпеливо ждал, когда он вспомнит о нём.

— Это да. И всё же он будет помоложе, чем я. Если ничего не путаю, то нас с ним разделяют примерно две тысячи лет... — Реотан призадумался. — Или две с половиной? Если интересно, уточни у него самого.

— Хорошо, — кивнул Палевский. — Так что там с Пророчеством Лоти? Ник сказал, что накануне крупных катастроф не кто-нибудь, а сами боги посылали вам спасительницу. И поскольку божество Весны в вашем пантеоне олицетворяло собой возрождение, то это было воплощение богини Лотиэль, как правило, девица выдающейся красоты и способностей.

Реотан печально улыбнулся.

— Лотиэль считается самой красивой из богинь; не удивительно, что её воплощения были редкими красавицами. К тому же, помимо спасения мира, у Лоти есть ещё одна особенность, она всегда оставляет наследника как по мужской, так и по женской линии, причём от разных мужей. Один из них обязательно будет король; ему она родит сына, а другому мужчине — девочку. Спустя Круг времён года после рождения второго ребёнка Лоти умирает.

— Тогда почему Ник уверен, что умрёт он?

— В наших семьях разводов не было. Как думаешь, откуда у Лоти возьмётся второй муж, если первый жив и здоров? — усмехнулся рай Реотан. — Вот поэтому в Пророчестве говорится, что первому её мужу отпущен всё тот же год жизни после рождения ребёнка.

— Я так понимаю, второму мужу, эта участь уже не грозила?

— Вот поэтому я отдал Руану другому и лишь потом забрал её себе. Да только боги ничего не дают задаром, за все их благодеяния нужно платить.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Палевский.

— Дети — дары любви. А что такое любовь, Таятан?.. Чего молчишь? Неужели жизни ничему тебя не научила? Ну так знай, любовь — это проклятье для таких, как мы, — усмехнулся Реотан и забрал себе бутылку коньяку. — Извини, но я хочу напиться перед тем, как снова отправиться в небытие и твоими стараниями, возможно, навсегда.

Палевский зорко глянул на гостя и на его лице промелькнуло озабоченное выражение.

— С чего вы так решили?

— Тебе не утаить своих помыслов. Я же говорил, что нахожусь не только в Томасе, часть меня живёт в тебе и твоём сыне.

— Я надеялся, что вы выразились фигурально, — признался Палевский лихорадочно соображая, что ему делать в сложившейся ситуации.

При всей самонадеянности его не очень грела мысль заполучить во враги незримого короля древности, который был самым выдающимся правителем в истории эреев, во всяком случае, так утверждал Ник. Он сказал, что именно рай Реотан король Зимы дал мощный

толчок развитию их цивилизации — мол, где угрозами, где подкупом, где военным давлением он объединил четыре самых крупных королевства и создал Коалицию Священных королевств, что вызвало невиданный ранее расцвет наук и ремёсел. По словам Ника, Реотан был чрезвычайно умен и всегда добивался своего — чего бы ему это ни стоило.

«В таком случае придётся договариваться», — вздохнул Палевский. Чёткого плана у него не было, поэтому он не представлял, каким образом подступиться к делу и заблокировать в мозгах Штейна того, кто предположительно являлся частью его бессознательной памяти. Присущая любому живому существу она по-прежнему была терра инкогнита даже для него, самого выдающегося учёного в области генетики. Ник тоже заявил, что не знает, как это делается, но обещал помочь, в меру своих умений. В общем, сложилась патовая ситуация, грозящая перерасти в преимущество древнего интригана. Палевский лихорадочно обдумал все «за» и «против» и решил идти на уступки.

— Рай Реотан, вы слишком сильны, чтобы Томас смог вас подавить. Хотите вы того или нет, но со временем вы его вытесните. Так не пойдёт. Как вы сами сказали, у него своя жизнь, а у вас своя. Единственно, кто может вас остановить, это вы сами, — приступил он к переговорам.

Реотан бросил на него укоризненный взгляд.

— От тебя, своего потомка, я ожидал большего, но ты унаследовал характер своих предков по линии дома Лета. О них нельзя сказать, что им не хватало ума, но они, как правило, проигрывали мне. По причине того, что были честны и прямолинейны до дурости, совсем как ты сейчас.

— А вы, значит, нет? — сказал Палевский с раздражением.

— Я — нет. И знаешь почему? А потому, мой мальчик, что после отца мне остался кусок скудной промёрзлой земли размером с Исландию, разорённый Риоголиз и совершенно пустая казна. Будь из меня такой же переговорщик, как из тебя, я сдох бы с голоду, причём в самый первый год правления. И ладно я, вместе со мной загнулись бы все те, кто остался верен короне королевства Зимы, — Реотан иронично улыбнулся. — Вот вы с Никотаном решили, что загони судьба современных чернокожих в условия Севера и они сразу же поумнеют. Нет, не поумнеют. Приспособятся — да, но не поумнеют. Нищebroды в снегах по-прежнему будут не жить, а выживать. Из-за лени и неспособности предвидеть последствия они будут охотиться на своих же сородичей, пока полностью не вымрут. Не перебивай! У тебя умозаключения, у меня опыт. Впрочем, что с тебя взять. Настоящий Таятан меня бы понял, а ты всего лишь избалованный мальчишка, который играет в правителя общества паразитов, живущих за счёт воровства. Что морщишься? Правда глаза режет? Ну так скажи мне, что такого выдающегося сделали твои вампиры? Может, вы защитили планету от излучения сверхновой звезды? Нет, вы бежите в надежде воспользоваться тем наследием, что оставила наша цивилизация.

Взбешённый Палевский со стуком поставил бокал.

— Вы не смеете называть нас паразитами! — с яростью выдохнул он. — Да, мы бежим, чтобы найти прибежище там, где может стать ничего нет. Но это не главное. В любом случае на Земле нам нет места. Я мог бы, но не хочу убивать миллиарды людей, чтобы вампиры могли занять место под солнцем. И нет, мы не бросаем человечество в беде. Наши КБ разрабатывают проект щита, который должен защитить планету от губительного излучения. Эти работы замедляют нашу экспедицию, но я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы и здесь успеть вовремя. Земля не погибнет. Она получит щит, а

человечество — шанс на выживание. Хотел бы я сказать, что люди обязательно выживут, но я не Господь и стопроцентной гарантии дать не могу. Наши учёные лишь полагают, каким будет излучение, а что будет на самом деле никому не известно.

— Я же говорю, в тебе больше от дома Лета, чем от дома Зимы. Лично я выбрал бы геноцид и щит, — хладнокровно заметил Реотан.

— Вампиры — вчерашние люди. Каково им было бы жить после этого? Вы об этом подумали? — устало парировал Палевский. При его железобетонной уравновешенности вспышка ярости угасла так же быстро, как и вспыхнула.

— О том и речь. Они должны забыть, что когда-то были людьми. Впрочем, твой способ не хуже моего. Вдали от Земли они забудут о ней, а тебя будет греть благородный поступок по отношению к человечеству. Таятан, в душе ты романтик, но в жизни политик — к счастью для тех, кого ты ведёшь за собой.

— Надеюсь, что так, — Палевский вопросительно глянул на собеседника. — Так что будем делать с Томасом? Вы хотите окончательно его похоронить?

Испытывая его терпение, Реотан налил себе страшно дорогого коньяка и со вкусом выпил.

— Не переживай. Это не я, а Томас потихоньку растворяет меня в себе и, думаю, скоро я полностью исчезну. Ну а ты в его лице приобретёшь ещё одну головную боль, — предупредил он.

— Ничего, переживу, — не смог скрыть облегчения Палевский, хотя с каждым разом циничный и умный гость из прошлого нравился ему всё больше.

Пришедший в себя Штейн ушёл, и он мысленно обратился к Нику, находящемуся в комнате по соседству.

«Ну, что ты обо всём этом думаешь?»

«Думаю, нужда в могущественном друге, возникшем из-за детской травмы Томаса, теперь отпала, и он постепенно перестаёт отделять его от себя».

«Удивительно, что Реотан выглядит реальной личностью».

«Ничего удивительного, это же ролат, реконструкция реальной личности... — Ник помедлил. — Кстати, это означает, что Штейн его прямой потомок. Помнится, наследник дома Зимы был младше меня, но я ни разу его не видел».

«Хочешь сказать, что Томас, как и ты, хронопутешественник?»

«Похоже, так оно и есть. Правящий дом Зимы всегда соперничал с нами и в нашем Риоголизе не переводились их шпионы. Я бы не удивился, узнав, что они украли чертежи хронокапсулы».

«Томасу было примерно десять, когда его схватили бандиты Пабло. Впоследствии он очень хотел найти родных, но, сколько мы ни пытались восстановить его память до похищения, он ничего не вспомнил. Она чиста как лист бумаги».

«Возможно, его хронокапсула была не столь совершенна, как моя, или её выход в реальный мир был неудачным и она, разрушившись, нанесла ему повреждения».

«К сожалению, нам уже не узнать, как было на самом деле, — Палевский призадумался. — Томас говорил, что когда его инициировали, ему было также плохо, как Мари. Он едва выжил. Может, дело не в кровавом бешенстве, сопровождающем перестройку организма, а в том, что он такой же, как мы, и инициация ему противопоказана?» — заметил он.

«Ну так проверь его геном. Мне тоже интересно из моего он времени или нет, —

ответил Ник и, помолчав, добавил: — Если я тебе больше не нужен, я отправлюсь домой».

«Хорошо. Передавай привет Мари».

«Обязательно».

По окончании мысленного разговора Ник не сразу ушёл из комнаты наблюдения. Некоторое время он сидел за столом, анализируя поведение того, кто представился легендарным королём Зимы. Просматривая запись, он всё больше склонялся к мысли, что Штейн из его времени. Слишком уж правдоподобен он был в роли рая Реотана и знал то, что мог знать только тот, кто изучал историю королевств Ареи. К тому же, когда он говорил на эрейском, в нём чувствовался акцент, присущий жителям королевства Зимы.

А ещё Ник подметил, что во время своего представления Штейн двигался и держал себя так, как это свойственно тем, кому с ранних лет преподавали ритен, что было общепринятой нормой в знатных семействах и правящих королевских домах. «Нет, он точно из моего времени», — пришёл он к выводу.

В коридоре штаба ему встретился встрепанный светловолосый мальчишка, в наушниках которого грохотала музыка. Кривая ухмылка на губах, разболтанная походка и руки в карманах наводили на мысль об уличной шпане и только цепкий взгляд внимательных голубых глаз удержал Ника от желания дать ему ментальный подзатыльник.

Отчего-то заинтересовавшись, он запросил тиаран о личности встречного подростка и тот сообщил, что это Анжей Сапковский, студент третьего курса Академии, и что в спецназе он числится под кличкой Хамелеон.

«Что ж, тогда молодец, отлично замаскировался», — подумал Ник и, обернувшись, натолкнулся на смеющийся взгляд мальчишки, который не преминул показать ему средний палец.

Раздосадованный Ник счёл ниже своего достоинства устраивать разборки с подростком и, повернувшись к нему спиной, быстрым шагом направился к гаражу, где стояла его личная авиетка.

«Эй, симпатяга! Вроде ж ты хотел познакомиться со мной, так чего удираешь? Честное слово, я тебя не съем!» — выкрикнул Анжей и захохотал, не подозревая, что находится на волосок от смерти. И хотя слухи о том, что Старейший обретается среди них, уже поползли среди вампиров, естественно, он не имел понятия, что смуглый красивый парень, одаривший его недобрым взглядом, это он и есть.

Ник сам не понимал, что его удержало от смертельного ментального удара. В общем-то, дерзкий мальчишка вызвал у него не столько гнев, сколько любопытство. Несмотря на внешнюю разболтанность, он почуял в нём внутреннюю дисциплину и нечто такое, что напомнило ему самого себя в детстве.

Палевскому не было нужды исследовать Штейна заново, было достаточно поднять его старые медицинские документы. Генные маркеры, вычисленные по его собственной семье, неопровержимо свидетельствовали, что он — чистокровный эрец. Не удовольствовавшись этим открытием, Палевский запустил выборочную проверку по вампирскому сообществу, в частности, по Академии и руководству кланов и, к собственному удивлению, выяснил, что их четвёркой количество эреев не исчерпывается. В их число входили его идеологический дуче Макс Беккер и глава клана Тигров Симон Моррисон — причём вместе с жёнами. Поскольку Софья Беккер и близнецы Тьен и Кати Моррисоны были их родными детьми, то они тоже были чистокровными эреями. Также чистокровными эреями оказались Иван

Ладожский, с некоторых пор обретающийся под крылом главы СБ, и Анжей Сапковский из клана Дракона, который в настоящее время, как и дети Симона Моррисона, учился в Академии.

«Кажется, разработку дома Лета позаимствовал не только дом Зимы, но и остальные королевства», — с хищной насмешкой подумал король вампиров, когда получил результаты экспресс-проверки.

Не откладывая дело в долгий ящик, Палевский поручил Штейну разведать, что ещё скрывают от него Беккер и Моррисон — конечно, если они действительно что-то скрывают, помимо того, что они пришельцы из Арей.

Более тщательная проверка выявила и других гостей из Пермского периода. Чистокровных эреев оказалось значительно больше, чем ожидал Палевский. По словам Ника, это могли быть беженцы из вольных государств, чьи открытия испокон веков служили движителями науки и техники в Священных королевствах.

ГЛАВА 23. Превалирование общественного долга над личными интересами — признак хорошего политика

Сопровождающий появился где-то на середине пути к Риоголизу. Авиетка шла в режиме невидимости и Ник поначалу не обращал внимания на самолёт, идущий тем же курсом, что и он. Понимание того, что это не случайный попутчик, пришло тогда, когда он увидел, что тот повторяет его маневры.

Тиаран вывел на экран характеристики самолёта-преследователя. Это была модифицированная модель беспилотника Х-43, способного развить скорость до 12 тысяч километров в час. Правда, Ника это не волновало; его авиетка была способна идти с вдвое большей скоростью и вдобавок подняться на высоту в триста километров. Вычислив, куда поступают данные с борта самолёта, он заложил вираж и, зайдя преследователю в хвост, самолично его расстрелял.

Как только бортовая камера самолёта мигнула, сигнализируя о перебое в передаче сигнала, Тамара Сабурова, она же Тамара Васильевна Шкловская, тут же поднялась со своего места за пультом наблюдения и, выйдя из комнаты, со всех ног бросилась к выходу из здания. Сев в машину, она дала полный газ и как пуля вылетела со стоянки.

Она успела вовремя. Спустя минуту после выезда её машины за пределы базы ВВС США, где она подвизалась в качестве гражданского консультанта, там раздался грохот и в небо ушла ракета — чтобы тут же вернуться и ударить в здание, где госпожа Сабурова совсем недавно находилась.

При расследовании выяснилось, что оператором была допущена ошибка, отчего сработал запуск ракеты, вот только Тамара ни на йоту не верила в его случайность, как утверждали штатовские спецы, смотревшие на неё по большей части с подозрением. Они не понимали, чем занята русская мадам, присланная ЦРУ. Сама Тамара помалкивала, не желая прослыть ненормальной, которой везде мерещатся вампиры. Пока в их существовании ей удалось убедить только директора ЦРУ, который начал активно рыть в этом направлении, чем подписал себе смертный приговор.

Как бывшая учительница младших классов из глухого посёлка на Алтае, стала гражданкой США, это отдельная история, но умный человек, задавшись целью, способен на многое — особенно тот, кто перешагнул грань допустимого. И не важно, что при этом у Тамары стоял вопрос её собственной жизни ли смерти. Рубикон был пройден. Возврата к прошлой жизни — пусть трудной и невесёлой, но без греха на душе — больше не было.

Чтобы вернуть себе душевное равновесие, Тамара должна была раздвинуть горизонты, что она и сделала. И не только это — она поставила себе цель. Великую цель. Она задумала избавить человечество от расы вампиров. Будучи умным человеком, она сразу разглядела в них угрозу и, не колеблясь, встала на сторону людей. О том, что будет с её дочерью, которая присоединилась к племени вампиров, Тамара старалась не думать. Точней, она надеялась, что Томас защитит Алису при любом раскладе, даже если человечество пойдёт на геноцид и попытается полностью уничтожить расу двуногих хищников.

Визит Штейна не стал для неё неожиданностью. Вопреки ожиданиям, он позвонил и дверь и вошёл в её квартиру без всяких вампирских или шпионских фокусов.

Рослый гость по причине зимнего времени был в кожаной чёрной куртке с меховой

опушкой, плотных синих джинсах и высоких меховых унтах и своим присутствием сразу же заполнил небольшую прихожую. Тамара отступила к стене, давая ему дорогу, а затем подняла голову, чтобы понять с чем он пожаловал, и тут же отвела глаза.

— Заходи, Томас, — сказала она, собравшись с духом.

Как настоящий вампир, Штейн не преминул воспользоваться приглашением и, войдя, мельком оглядел довольно большую квартиру-студию.

— Вижу, ты неплохо устроилась, — резюмировал он и, сев в плюшевое зелёное кресло, с довольным стоном вытянул ноги. — Устал как собака, пока обследовал твоё тайное логово.

— Я там не прячусь, я там работаю, — сдержанно проговорила Тамара и снова смешалась, натолкнувшись на острый взгляд серых глаз, который обещал нечто такое, отчего её сердце вновь заколотилось как сумасшедшее. «Врёшь, меня так просто не возьмёшь», — стиснула она зубы, изо всех сил борясь с влечением, которое, как ей казалось, насылает на неё красавец вампир.

«Бабы есть бабы, даже самые умные из них покупаются на красивую обёртку», — подумал Штейн. В отличие от Палевского человеческие женщины не внушали ему отвращения, но к Тамаре он испытывал уважение и не хотел, чтобы их отношения строились на её чувствах.

— Ты уж определись чего ты хочешь: переспать со мной или убить, — сказал он шутливым тоном и Тамара, отпрянув к столу, схватилась за спинку стула.

— Тогда дай мне минутку, — пробормотала она и, сев, закрыла глаза.

Успокоившись, она открыла глаза и прямо глянула на Штейна.

— Извини, — улыбнулась она уже с полным самообладанием. — Думаю, ты знаешь, что производишь на женщин ошеломляющее впечатление. Вот и я не исключение. Эльза сказала, что мы чувствуем в тебе жоака.

— Ну да, я и есть альфа-самец, — усмехнулся Штейн. — Вот только бабы меня не слушаются и норовят всё сделать по-своему.

Он подался к Тамаре и его взгляд ужесточился.

— Радость моя, ты что творишь? Ты хоть понимаешь, что теперь я обязан свернуть тебе шею? — рявкнул он.

— Понимаю, — глаза Тамары наполнились слезами. — Прости, но иначе я не могу. Ведь вы, вампиры, недолго пробудете в подполье, а значит, вы угроза для людей.

— В таком случае у меня для тебя хорошая новость. Мы покидаем Землю, — сообщил Штейн.

— Что? — Тамара недоверчиво посмотрела на него. — Мне нужны доказательства, что это не обман, — резко сказала она.

Штейн смерил её внимательным взглядом, прикидывая, стоит ли иметь с ней дело.

По всему выходило, что стоит. Основательно похудевшая и стильно одетая Тамара больше не казалась женщиной средних лет, теперь она выглядела моложе своих тридцати и, судя по тому, как она быстро вошла в ЦРУ, её ждала блестящая карьера. Так что женщина, что стояла перед ним, представляла интерес и как женщина, и как деловой партнёр.

— Будут тебе доказательства. Собирайся.

После секундного колебания Тамара взяла тёплые вещи и отправилась в ванную, чтобы переодеться. В конце концов, захоти Томас её убить, ей было бы с ним не справиться, даже с пистолетом, что лежал у неё в сумочке.

Когда они сели в его машину, он протянул руку. «Дай сюда», — сказал он и она

положила пистолет ему на ладонь. «Вот и умница. У вас, баб, семь пятниц на неделе, а мне лишняя дырка в шкуре ни к чему», — ворчливо добавил он и швырнул пистолет в открытое окно. Тамара понадеялась, что тот упадёт на землю и Штейн смерил её насмешливым взглядом — ему не было нужды читать её мысли, чтобы понять их ход.

— Даже не надейся. Пистолет упал в пустотную вымоину, завтра экскаватор сравняет её с землёй. ЦРУ его не найдёт. И телефон ты зря включила, наш разговор они не услышат.

— Что ж, ты предусмотрителен, — Тамара повернулась к нему. — Может, расскажешь, почему вы уходите с Земли? Кстати, на чём вы собираетесь её покинуть?

Штейн бросил на неё снисходительный взгляд.

— Естественно, на звездолётах. А ты думала, что раз мы вампиры, то переместимся при помощи магического портала? — сказал он с насмешкой в голосе.

— Если вы построили звездолёты, значит, дело плохо, — нахмурилась Тамара. Несмотря на весь свой скептицизм, она начала склоняться к тому, что, возможно, в его словах нет лжи и вампиры действительно хотят покинуть Землю.

— Верно, дела плохи, — подтвердил Штейн и свернул на магистраль, ведущую в Висконсин, соседний штат.

— Куда мы едем?

— Недалече. В Йеркскую обсерваторию.

— В обсерваторию? — у Тамары упало сердце. — В Землю ударит астероид, и мы все погибнем?

В панике она вцепилась в руку Штейна.

— Томас, умоляю тебя! Я сделаю всё, что прикажешь, только возьми Алису с собой! — выкрикнула она, не помня себя от страха. Как бы ни переменялась её жизнь, дочь по-прежнему была смыслом её существования.

— Да успокойся ты! Или мы попадём в аварию! — рыкнул Штейн и оттолкнул её от себя. — Тамара, перестань истерить. Во-первых, Алиса теперь и моя дочь. Естественно, она улетит вместе со мной. Во-вторых, ты ошибаешься, это не астероид.

После его слов Тамара обмякла на сиденье.

— Слава богу! — облегчённо прошептала она.

— Не радуйся раньше времени. Уж лучше был бы астероид. С ним куда проще. Пустил ракету с ядерным зарядом и все дела.

— Гнусный ты вампир! Сколько можно меня мучить? Скажи уже, наконец, что нас ждёт!

— Ну нет! Тебе нужны доказательства, и ты их получишь, причём не от меня, а от сотрудников обсерватории. Если думаешь, что они будут петь под мою дудку, то можешь приехать уже без меня. Или перепроверить в любой другой обсерватории, — резко проговорил Штейн и нажал на педаль газа. — Скоро мы будем на месте. Так что сиди и, пока можешь, наслаждайся неведением.

Ничего не ответив, Тамара отвернулась и уставилась во тьму за боковым окном, расцвеченную редкими огоньками строений, мелькающих за деревьями. Как и во время бегства из поместья Штейна, ей было одиноко и тоскливо. Жизнь для неё вновь потеряла смысл. Больше она не хотела знать, от чего погибнет Земля, сейчас ей хотелось лишь одного, чтобы поездка никогда не кончалась и тот, кто сидит за рулём, был рядом с ней до самого конца. Вот только она скорей отрезала бы себе язык, чем сказала ему об этом.

Штейн периодически поглядывал на Тамару и удивлялся самому себе. С ней он

чувствовал себя так спокойно и хорошо, как ни с одной из женщин. «Будь она вампиркой, я бы приударил за ней и тогда, кто знает, что бы из этого вышло. Доведись мне выбирать между Эльзой и Тамарой, я, пожалуй, выбрал бы Тамару», — лениво подумал он. И в самом деле, Эльза будоражила его, создавая эмоциональное напряжение, что не слишком ему нравилось, а Тамару он воспринимал как тихую гавань, где можно укрыться от житейских невзгод. «Вот только мне не суждено в неё войти. Может, оно и к лучшему», — вздохнул Штейн.

— Включить тебе радио? — поинтересовался он и Тамара, помедлив, кивнула.

Так вышло, что ему попала музыкальная волна и их окутала мелодия воды и света, под которую обычно медитируют. Звеня и переливаясь, она пела о счастье единения с миром и собой и Штейн, погружившийся в умиротворённое состояние, даже вздрогнул, когда Тамара потребовала выключить радио.

«Чёртовы бабы! Никогда не поймёшь, что у них на уме», — сердито подумал он и связался по менталу с Палевским, намереваясь рассказать ему кто такая Тамара Сабурова. Этого требовало дело, в котором он отводил ей главную роль.

Конечно, Палевский был не в восторге, что глава СБ инсценировал побег менталистки, но план одобрил.

Штейн не ошибся в выборе. Убедившись, что вампиры действительно хотят спасти человечество от губительного излучения, Тамара пошла ему навстречу и он, чтобы ввести свою ставленницу в политический истеблишмент Земли, начал всеми силами продвигать её по иерархической лестнице ЦРУ.

Со временем, обретя влияние, госпожа Сабурова действовала умно, жёстко и решительно из-за чего вскоре получила кличку леди Ястреб и заодно предложение баллотироваться в Палату представителей США от штата Висконсин, который стал основным местом её жительства. Как только ей позволили средства, она купила дом поблизости от Йеркской обсерватории и стала её постоянной посетительницей.

Девушка-кофе и тибетское вино, сдобренное богами, искином и занозой в сердце

По возвращении домой Ник сразу же направился в лабораторию, где проводил всё своё время, за исключением сна, занятий с Мари и походов в столовую. «Сейчас подай мне обед, а в восемь вечера выведи данные по центральному процессору», — распорядился он, войдя внутрь большого помещения, заставленного оборудованием.

«Слушаю и повинуюсь, мой райделин», — отозвался тиаран. И хотя Ким очень старался, чуткое хозяйское ухо уловило в его голосе нотки смирения, смешанные с отчаянием, ранее не свойственные его верному помощнику. «Крейд! — нахмурился Ник. — Как же не ко времени появился искусственный интеллект. Конечно, это чудо из чудес, но неизвестно, сколько ещё он оттянет на себя ресурсов тиарана. Даже не знаю, стоит ли его сохранять. Думаю, второстепенные устройства забарахлили неспроста. Похоже, искин подворовывает ячейки памяти», — заключил он, крайне недовольный тем, что у него возникла ещё одна проблема, требующая немедленного разрешения.

Тем не менее обед был приготовлен в его вкусе и Ник, покончив с остальными блюдами, взял в руки крошечную чашечку с кофе. К нему он пристрастился с той поры, когда ему взбрело в голову взять себе в любовницы эфиопку. Случилось это в шестнадцатом веке, где он сделал кратковременную остановку и вышел из хронокапсулы.

Конечно, не хватало сопутствующего ритуала приготовления кофе, тем не менее по вкусу он был точно таким же, каким его варила молчаливая темнокожая девушка с необычными для своего племени зелёными глазами. Впоследствии кофе такой варки назовут кофе по-арабски. Перед тем как отбыть в другой век, Ник хотел вернуть эфиопку в родное племя, живущее в соседнем оазисе, но она, когда он с этим намерением вошёл в шатёр, успела перерезать себе горло, хотя он ничего не говорил ей о расставании.

Девушки уже давно не было на свете, а он до сих пор помнил её кофейный запах, смешанный с запахом раскалённого на солнце песка, стройное длинноногое тело, а ещё нежность и страсть, сквозящие в каждом движении, и любовь, что светилась в прекрасных глазах, похожих на чудесные изумруды. Ник не спросил её имени и в его памяти она так и осталась безымянной. «Если бы Мари любила меня с той же страстью, что чернокожая девчонка, наверное, я был бы счастлив, но она не любит меня, а лишь играет в любовь. Такая же притворщица, как её мать», — мрачно подумал он и, поставив опустевшую чашечку, вдруг понял, что впервые не получил удовольствия от любимого напитка.

Сердясь на всех и вся, и прежде всего на Мари, Ник решил, что пора её навестить и наказать за то, что она испортила ему настроение.

Он застал девушку за тем, что она стояла перед зеркалом и разучивала фигуры фотайес, бального эрейского танца, схожего с французским котильоном.

— У тебя неплохо получается, — сказал он, видя, что, увлекшись, Мари не замечает его присутствия.

Заслышав его голос, она резко обернулась, и он едва не отшатнулся от неё. Вместо утончённой красавицы на него смотрела клоунесса с грубо размалёванным лицом. Особенно безобразно смотрелись выпученные глаза, скошенные к переносице.

— Вижу, танец наших предков для тебя всего лишь клоунская забава, — сказал Ник,

едва сдерживая гнев.

Не ожидая его приказа, Мари сама опустилась на колени.

— Простите, мой райделин, больше это не повторится, — смиренно пропела она.

— Почему же? — постукивая крытой по ладони, Ник обошёл её кругом. — Я нахожу, что эта маска как нельзя лучше подходит тебе. Изволь носить её всегда и про глаза не забывай. В такой позиции они необычайно выразительны.

— Иди к чёрту! Это уже чистой воды издевательство, — сказала Мари, опасаясь, что послушание приведёт её к косоглазию, и скрылась за дверью ванной комнаты.

Когда она вернулась, на её лице не было ни капли косметики, но она была при полном параде — синий костюм закрывал её от шеи до щиколоток, на голове красовался затейливо завязанный шарф, на ногах изящные туфли.

Лежащий на кровати Ник похлопал рядом с собой, но девушка проигнорировала его призыв и, уйдя в соседнюю комнату, села за стол и перед ней высветился экран тиарана.

— Алин, не испытывай моё терпение. Иди сюда, — позвал он.

Мари не послушалась и, просматривая файлы, вскоре замурлыкала себе под нос:

Der Sommer war lang
Und wir gingen noch mal den Weg,
Den Weg zu den Klippen am Meer,
Am Meer
Bei dem alten Kastell
Nahm er leise mich in den Arm
Und wir schauten hinaus auf das Meer,
Das Meer
Meine erste Liebe
War die schönste Liebe
Warum muß sie vergehen,
Alles war so wunderbar
Au revoir
Au revoir mon amour
Du hast mir so viel gegeben
Mit dir, da begann mein Leben
Au revoir,
Au revoir![1]

— Замолчи!

От Ника, возникшего на пороге, веяло такой яростью, что удивлённая девушка умолкла на полуслове.

— Какого чёрта? — осведомилась она, больше не желая продолжать игру в примерную райдиэль.

Ответом ей послужила крита. Развернувшись, как змея, она оставила кровавый след на её плече.

Глаза Мари наполнились слезами и вместе с тем на её лице появилось жёсткое выражение.

— Сейчас же объяснись! — потребовала она.

— Ты посмела рыться в моём прошлом! — рывкнул Ник, правда, уже засомневавшись, что девушка ни с того ни с сего сочинила стихи про его первую любовь. Да и мелодия показалась ему знакомой.

И тут Ким, боясь, что хозяин обвинит его в распространении конфиденциальной информации, включил песню Мирей Матье, послужившую причиной их размолвки.

Раздосадованный Ник, понявший что ошибся, щёлкнул крышкой по полу, а затем поднял глаза на Мари. Он хотел извиниться, но промолчал, поняв, что сейчас бесполезно что-либо говорить. «Крейд с ней! Пусть думает, что хочет. Мне всё равно», — попытался он убедить себя, правда, без особого успеха. Откровенная ненависть, написанная на лице девушки, задела его за живое. «Вот чего бесится? В конце концов сама виновата. В мире полно песен, но ей нужно было выбрать именно ту, которая будто написана про нас с Лотиланой», — сказал он себе в оправдание.

Мари прервала его споры с нечистой совестью.

— Ну, чего ты медлишь? Неужели не изукрасишь меня с головы до ног? — в деланном удивлении она приподняла брови. — Нет? Ты не заболел? А то давай! Чего уж там? Мне же не привыкать. Правда, я уже выгляжу как закоренелый каторжник, и на моей шкуре скоро не останется живого места, но ты не стесняйся, продолжай бить, — проговорила она дрожащим от ярости голосом.

«Коллоидные рубцы?» — забеспокоился Ник. Когда регенерация действовала с промедлением на коже действительно могли остаться следы.

— Не носи чушь. Вне ритена я не использую крыту. Почти.

Он шагнул к девушке.

— Дай посмотрю, но учти, если ты солгала, то пощады не жди.

— Пощады? — усмехнулась Мари и, задрвав кофточку, крутанулась на месте.

Действительно, несмотря на белизну её кожи на ней отчётливо прослеживались следы рубцов, особенно много их было на спине.

— Ну как? Красота, да? — она повернулась к нему лицом. — Ритен, говоришь, и ничего более? Тогда ответь мне, что это такое?!

Ник посмотрел на обнажённое плечо девушки, на котором багровел след недавнего удара и порывисто её обнял.

— Прости! Клянусь, больше это не повторится.

— Не прощу! — прошипела Мари. — Есть только один способ возместить мои потери, — она оттолкнула его от себя. — Долг платежом красен. Крыту!

Поколебавшись, Ник протянул ей то, что она требовала. Разъярённая девушка хлестнула его изо всей силы, но он вынес удар, не изменившись в лице.

— Ну, теперь мы квиты? — сказал он примирительным тоном.

— Нет! По моим расчётам ты задолжал мне гораздо больше, так что крыта побудет у меня. Но и это ещё не всё, — губы Мари скривились в недоброй улыбке. — На колени! — приказала она.

Для Ника это было уже чересчур.

— Алин! Не забывайся! — рыкнул он, но девушка бесстрашно встретила его взгляд.

— Если хочешь, чтобы я простила тебя, тогда проси прощения как положено, — стояла она на своём.

Жёсткий взгляд Мари заставил его внутренне поёжиться. С точно таким же выражением лица на него смотрела Риза, когда по приказу отца решала его судьбу. Во время

Лотилий Ник напал на неё и попытался убить. Поскольку танец Меча Возмездия женщины танцевали без оружия, то спас её Литеран. Разъярённый рай Таятан не пожалел сына и, поставив его на колени, сказал дочери, что она вольна его убить. Ник приготовился к смерти, но Риза лишь взмахнула мечом поверх его головы, а затем взяла в руки криту и отхлестала его так, что на нём не осталось живого места. Он был уверен, если бы не отец, присутствующий при экзекуции, она забила бы его насмерть. Из сообщений внутренней службы безопасности Ник знал, что Риза — садистка и ради удовольствия убивает рабов. Виртуозно владея критой, она сдирала с них кожу и мясо до тех пор, пока они не умирали. Так что сама она не смогла бы остановиться.

Помрачневший Ник отобрал криту у Мари.

— Возвращайся в свои комнаты и не смей выходить без моего разрешения, — холодно сказал он, чувствуя, что не в силах выносить её присутствие. Мать и дочь вновь перемешались в его сознании.

— С превеликим удовольствием, мой райделин, — вежливо пропела девушка и преисполненная чувства собственного достоинства направилась к выходу из спальни.

— *Au revoir, mon amour, au revoir!*[2] — с тонкой издёвкой пропела она прежде, чем выйти, и Ник прикрыл глаза, чтобы пережить накативший приступ бешенства.

Взбудораженный прошлыми обидами, нанесёнными ему сестрой, он едва удерживался от того, чтобы не броситься следом за Мари и, схватив её за волосы, притащить обратно. Сейчас ему было всё равно, что в происшествии с песней нет её вины; ему хотелось поставить её на колени и отхлестать так, чтобы она больше не смела перечить ему — ни словом, ни взглядом, и впредь беспрекословно выполняла его волю. Лишь строгий голос сентано Боледа, поучавший его, что жену должно беречь и любить как самого себя, заставил его опомниться.

Ник разжал пальцы и крита с глухим стуком упала на пол. «Священный Ягуар! Ещё немного и я убил бы Мари!», — не на шутку испугался он и с тревогой подумал, что нужно что-то делать с приступами бешенства, которые всё чаще накатывали на него в её присутствии.

Как и велено, Мари была у себя. Она стояла у окна и Ник, подойдя, молча её обнял.

Стремительно развернувшись, девушка прижалась к нему. Когда она подняла голову и вопросительно заглянула ему в глаза, он покачал головой.

— Не жди, я не буду извиняться. Ты уже достаточно отыгралась на мне... — Ник помедлил, не зная стоит ли это говорить его своенравной алин, но затем решил, что стоит. — Знаешь, по всем моим ощущениям мы подходим друг другу, но есть нечто, что пытается встать между нами.

И в самом деле, с некоторых пор его не оставляло ощущение, что какая-то неведомая сила настраивает его против девушки, причём не просто так, а исподволь толкает его к её убийству.

Мари смерила его взглядом, проверяя не шутит ли он.

— Может, неведомая сила, что пытается встать между нами, это твоя повышенная вредность? — предположила она с улыбкой, но Ник был серьезней серьезного.

— Алин, не относись к моим словам легкомысленно, будь осторожна и старайся меня не провоцировать. И вообще, держись от меня подальше, пока я не выясню, что происходит.

Чтобы упредить поток вопросов, он приник к губам девушки и вдруг ощутил, что его заполняет пьянящая радость, которую раньше он испытывал лишь в присутствии Лотиланы.

В постели Ник, к своему удовольствию, обнаружил, что Мари основательно проштудировала теорию искусства плотской любви и, хотя ей ещё не хватало практики, она, вооружившись чуткостью и нежностью, была на высоте.

Примирение с девушкой и сексуальная разрядка вернули ему хорошее расположение духа.

По дороге к лаборатории перед глазами Ника то и дело возникло лицо Мари, взвизгивающей на него сияющими глазами. Толкнув дверь, он задумчиво улыбнулся. «Говоришь, что у тебя ко мне всего лишь физическое влечение и ничего больше? Я так не думаю».

Прежде чем приступить к работе, Ник распахнул окно и полной грудью вдохнул свежий воздух, насыщенный дождевой влагой и запахом зелени, а затем свесился наружу и поднял лицо к небу, ловя языком последние капли утихающего дождя. «А не послать ли всё нафиг, как выражается моя невоспитанная алин, когда думает, что я её не слышу, и ни о чём особо не думать? Жить, как живут все остальные: дом, семья, друзья. В конце концов, разве этого недостаточно для счастья? Ну а что? Время ещё есть. Жаль, что немного. Вот какого крейда я трачу его на других, вместо того чтобы наслаждаться жизнью? И вообще, будь моя воля, я хотел бы, чтобы мы с Мари остались на Земле, дожили бы до всемирной катастрофы и вместе сгинули в пламени сверхновой. И тогда было бы как в сказке: жили они долго и счастливо и умерли в один день. Ну чем не идиллия? Интересно, предложи я ей такой сценарий, что она выберет? Захочет остаться со мной на гибнущей планете или улетит вместе с остальными?.. Вот Лотиана, уверен, осталась бы со мной».

На ветку села сойка и с листьев клёна на Ника обрушился целый дождь. Он усмехнулся: «Вот дурак! Размечтался как мальчишка. Счастье и моя ущербная алин? Ты в своём уме? Как бы ни старалась Мари, ей никогда не сравниться с Лотиланой». Перед его глазами возникла юная красавица в ореоле серебряных волос, но, к его досаде, её тут же заслонил образ Мари — вот она смеётся, вот негодует, вот её взгляд умоляет его, а здесь обдаёт ледяным холодом. Но среди всего эмоционального разнообразия той, что он выбрал себе в жёны, в его памяти главенствовал тот её образ, где она пылливо смотрит на него, ища ответ на свой безмолвный вопрос. Вот только Нику нечего ей ответить: его сердце молчало, не говоря ему ни «да», ни «нет».

Из упрямства он попытался представить Лотилану и снова потерпел фиаско. На этот раз перед его внутренним взором возникло ледяное поле и торжественное построение в честь первого выпуска студентов Академии. Это была их первая встреча с Мари после долгого перерыва. Не прибегая к ментальному поиску, он сразу же её нашёл. Фигурка в чёрном была неотличима от массы других таких же фигурок, тем не менее она будто магнитом притянула его взгляд.

Когда тиаран приблизил изображение Мари и показал её крупным планом, Ник почему-то удивился, поняв, что она действительно здорова и больше нет того психологически сломленного существа, чей разум, охваченный сумасшествием, отказывался воспринимать реальность.

Девушка была весела, довольна жизнью и бредила любовью к какому-то рыжему парню, который ни на мгновение не покидал её мысли.

Когда в ответ на его угрозы она сорвалась с места и с песней понеслась к подиуму, в первый момент Ник подумал, что она снова сошла с ума, но затем понял, что её ведёт страх перед насилием. Каждодневным издевательствам она предпочла быструю смерть.

В этом их намерения совпадали.

В своё время Ник поклялся матери, что уничтожит Ризу и весь её род — причём поклялся не просто так, а дал обет в родовом храме Священного Ягуара. Такая клятва обязывала. Жрецы утверждали, что её нарушитель поплатится тем, что проклятие падёт на весь его род. Правда, Ника это не волновало, он хотел сдержать слово, данное матери. Вот только с Мари всё было сложно с самого начала. Поначалу она была слишком мала для его мести. В культуре эрейцев убийство ребёнка было величайшим грехом. Вдобавок девочка чуть ли не с рождения оказалась под его опекой и он, чтобы не привязываться к будущей жертве, отдал её на воспитание. Впоследствии выяснилось, что он крайне неудачно выбрал для неё приёмную семью и того, что пережила Мари, он не пожелал бы даже злейшему врагу — не пожелал бы даже Ризе, которую он ненавидел всей душой.

«Тем не менее всё благополучно завершилось, она выросла и больше ничто не мешало тебе довести свою месть до конца», — подумал Ник и покачал головой, припомнив как часто, особенно на первых порах, был близок к убийству Мари.

Во время совместных дежурств он начислял ей штрафные очки, а затем, пользуясь её поздними возвращениями из штаба, неслышным призраком скользил в ночной темноте за ничего не подозревающей девушкой. Он догонял её, сжимал оружие и... тут перед ним вставало залитое слезами личико маленькой Мари. Кончилось это тем, что несколько подозрительных личностей, решивших поживиться за счёт красоты девушки, лишились головы, и фотографии их усечённых трупов осели в папках нераскрытых дел питерской полиции.

Подспудно чувствуя, к чему идёт дело, Ник с маниакальной настойчивостью выискивал в Мари черты того исчадия ада, каким была её мать, но она, будто назло ему, не унаследовала от Ризы ни её злопамятства, ни её мстительности, ни склонности к интриганству. Весёлая и взбалмошная девушка не была ангелом, скорей она походила на игривую кошку, которая шипит и злится, когда её обижают, но стоит её погладить и она готова забыть нанесённые ей обиды, а уж Ник постарался, чтобы жизнь не казалась ей мёдом. Получая от него постоянные выговоры и наказания Мари стонала, ворчала, но не теряла присутствия духа и, к его возмущению, продолжала относиться к нему по-дружески.

Такая незлобивость никак не способствовала его ненависти, но последний удар она нанесла ему во время достопамятного ужина, на котором он поведал Палевским и Штейну, кто он такой. Именно тогда Мари неожиданно вспомнила своё детство и попыталась покончить с собой. Ник до сих пор не понимал каким образом ему удалось её поймать — падая с такой небольшой высоты, она должна была неминуемо разбиться. Потом была тяжёлая ночь, когда надежда на её выздоровление то покидала его, то вновь возвращалась. А после наступило утро и пришло осознание неприятной истины — он понял, что никакой обет не заставит его убить Мари.

«Почему?» — спросил он себя.

«Видимо, её хранит пророчество богини Лотиэль», — уклончиво ответил альтер эго.

«Тогда почему ты распорядился запереть Тьена Моррисона под куполом Гефеста, а затем наглухо перекрыл каналы их возможной переписки? Руководствовался тем, что любовь в разлуке рано или поздно заглохнет?» — не отступал Ник.

«Ревность?.. Во всяком случае, не сразу. Вспомни, ты разлучил их ещё до того, как обнаружил, что распроклятая девчонка сумела расположить тебя к себе и ты решил её помиловать. Ты изначально воспринимал Мари как свою собственность, на которую никто не имеет права, кроме тебя самого. А вот медальон ты отобрал у неё уже из чистой

ревности», — снисходительно ответил альтер эго.

«Это правда», — согласился Ник и подумал, что как бы он ни уворачивался от ответа на свой вопрос, в настоящее время его чувство к Мари было куда ярче, чем его любовь к Лотианне. Тем не менее его сердце по-прежнему бережно хранило образ подруги детства, и он знал, что так будет всегда. Ведь счастье, что дарит первая любовь, порой столь полно, ёмко, многогранно, столь неповторимо, что забыть её невозможно.

«Мари ты тоже не забудешь, причём до самой смерти. Просто не успеешь», — саркастически напомнил ему альтер эго.

[1] Песня Мирей Матье «Au revoir mon amour»: *Лето длилось долго, И мы ещё раз пошли одной тропой, Что вела к скалам у моря, У моря... Возле старого замка Он нежно меня обнимал, И так мы вместе смотрели на море, На море... Моя первая любовь Была прекраснейшей любовью! Так почему же должна она уйти? Всё было так чудесно! До свидания, До свидания, мой любимый! Ты так много дал мне, С тобою началась жизнь моя! До свидания, До свидания!*

[2] *Au revoir, mon amour, au revoir!* (фр. яз.) — Прощай, моя любовь, прощай!

«Проклятое пророчество! Из-за него я живу как на пороховой бочке», — погрузился Ник и, обнаружив, что ноги привели его к деревянной панели, за которой скрывался винный погреб, счёл это указующим знаком. «Если уж пропало настроение работать, так отчего бы не выпить немного вина?» — сказал он себе и спустился по ступеням, ведущим в подвальное помещение.

После придирчивого осмотра хмельного воинства, обретающегося на стеллажах, его взгляд остановился на синей глиняной бутылки в полуистлевшей верёвочной оплётке.

Это вино подарил ему настоятель буддийского монастыря на Тибете, куда его занесло во время странствий по миру. Встреча состоялась давно, в самом начале семнадцатого века. Ник не особо помнил сам монастырь, впрочем, там и помнить было нечего — неровные глинобитные стены и скрывающаяся за ними повсеместная нищета, признающая лишь серый цвет — цвет безнадёжности и уныния. Но он до сих пор помнил, как выглядел настоятель, хотя в старике тоже не было ничего примечательного — среднего роста, тощий, обычное азиатское лицо: широкоскулое, тёмное от загара, с приплюснутым носом и глазами-щёлочками. Разве что в этих глазах-щёлочках светился недюжинный ум.

Странного гостя старик встретил вежливо, но насторожённо. Из дальнейшего разговора Ник выяснил, что его зовут Ли Вейж и что в молодости он зарабатывал себе на хлеб мечом — в основном, нанимался охранником к торговцам и, сопровождая караваны, много где побывал и много что видел. Когда Ник спросил, как он оказался в монастыре, старик сказал, что ему легко давались чужие языки, вдобавок с цифрами он управлялся куда лучше многих торговцев, поэтому частенько помогал своим хозяевам вести учётные книги, за что ему разрешали читать имеющиеся у них книги. Вот он и читал — всё, без разбора, не делая различий между светской и духовной литературой, пока однажды не попал к торговцу-буддисту, который, видя его тягу к знаниям, помог ему изучить «Дхарму» Сиддхартха Гаутама[1]. Учение Будды пришлось ему по вкусу и Ли Вейж, когда возраст начал брать своё, ушёл в монастырь.

«Вот теперь учу уму-разуму молодых бездельников, хотя с таким же успехом мог бы обучать муравьёв», — пожаловался настоятель в завершение своего рассказа и, наполнив чашу Ника вином, вопросительно посмотрел на него. Старик умирал от любопытства, но не смел задавать ему вопросы. Слишком много господ он повидал на своём веку, чтобы не понять, что его гость не простой дворянин. «Может быть, это чужеземный князь, только непонятно, почему он без свиты», — услышал Ник его мысли и усмехнулся.

— Свиты у меня нет, это правда, но нападать на меня не советую, — сказал он, не глядя в темноту, откуда доносилось взволнованное дыхание послушников, вознамерившихся ограбить богатого гостя, путешествующего без охраны. Деревенские оболтусы, совсем недавно пришедшие в монастырь, ещё не успели набраться буддийской премудрости.

При виде тёмных глаз гостя, сверкнувших призрачным зелёным светом, настоятель тихо вскрикнул и упал на колени.

— Господин, умоляю вас, не убивайте мальчишек! Они не ведают, что творят!

Ник, положивший было руку на оружие, сменил гнев на милость. Уж очень ему понравилось вино, которым угощал его настоятель.

— Ладно, старик, я их не трону. Но знай, если твоё дурачье не одумается, я устрою твоей пастве преждевременное Небесное погребение, а монастырь сравню с землёй.

Угроза произвела впечатление не только на послушников, но и на монахов, которые находились поблизости и под видом вечерних молитв скрытно наблюдали за гостем. Переглянувшись, и те и другие растворились в темноте.

Вопреки бытующему мнению, никакие боевые искусства буддийские монахи не практиковали, зато много медитировали, стоя сутки напролёт в ледяной воде горной реки, протекающей поблизости, что способствовало усмирению духа, но плохо сказывалось на теле, мучимом холодом и голодом. Места, где был расположен монастырь, отличались суровым климатом и окрестные крестьяне, сами живущие впроголодь, крайне скупо подавали милостыню тем, кто отмаливал их грехи и просил благословения у богов.

Миролюбивая буддийская религия берегла жизнь любого существа, кроме жизней своих адептов. И поскольку выращенного на огородах не хватало для прокорма пятидесяти здоровых мужчин, а убивать животных им не разрешала религия, то монахи смотрели сквозь пальцы, когда послушники, находящиеся на положении слуг, подворовывали у крестьян. Правда, самые отчаянные временами грабили одиноких путников, но монахи и на это смотрели сквозь пальцы. Главное, чтобы все были живы, а там Будда сам разберётся, кто прав, а кто виноват — его последователи, умирающие с голоду, или богатый торговец, не желающий делиться с монастырём своим добром.

— Сядь, я тебе не враг, — сказал Ник, видя, что настоятель по-прежнему стоит на коленях.

Он действительно не сердился, зная, что настоятель воровство и разбой не поощряет и мальчишек, пойманных на этом деле, как правило, сурово наказывает — вплоть до усечения руки. Правда, такое случалось редко. Кормить калеку никому не хотелось, а выгнать его, обрекая на голодную смерть, опять же религия не позволяла.

Не вставая с колен, настоятель поднял голову и посмотрел на гостя со страхом и, как ни странно, с надеждой.

— Кто вы, мой господин? Бог или демон?

Ника позабавил его вопрос.

— А ты как думаешь? Бог я или демон?

На лице настоятеля промелькнуло замешательство.

— Простите, мой господин. Бог вы или демон, это знаете только вы, — осторожно ответил он и, поколебавшись, добавил: — Мы, люди, судим по поступкам. Если вы будете милостивы, значит, вы бог. Да и ваша нечеловеческая красота говорит о божественном происхождении.

— Хитришь, старик, да только меня не обманешь. Представь, что я бог, но бог смерти. Что ты на это скажешь? — Ник протянул настоятелю опустевшую чашу и тот, не вставая с колен, поспешно приблизился и наполнил её вином.

— В таком случае я попрошу у вас лёгкой смерти, — улыбнулся осмелевший настоятель.

— Таковую ерунду я могу подарить тебе в любой момент, — отмахнулся порядком охмелевший Ник. — Проси что-нибудь другое, пока я добрый, — расщедрился он.

Прижимая к груди заветную бутылку, настоятель замер. Он лихорадочно думал, что же такое попросить у бога, но, как назло, ничего не мог придумать. Монастырю позарез нужны были деньги, но старик был горд и не хотел выглядеть попрошайкой в глазах того, кто виделся ему посланником великого разрушителя, если не самим Господом Шивой.

На лице гостя промелькнуло нетерпение, и он торопливо проговорил:

— О великий, нам будет достаточно вашего благословения.

— Считай, что вы его получили. А лично для себя чего ты хочешь? — осведомился Ник.

— Я хочу, чтобы мои ученики больше никогда не голодали, — вырвалось у настоятеля, измученного постоянным поиском пропитания для своих подопечных, отощавших сверх всякой меры.

Прикидывая, как решить проблему старика, Ник глянул в сторону хребта, за которым лежал оживлённый торговый тракт и богатые поселения. Вот только их богатства текли мимо монастыря — хоть и близкого к ним, но недоступного из-за непроходимого горного перевала.

— Ладно, будут тебе средства для прокорма твоих муравьёв.

Он встал и взял в руки бластер. «Тиран, рассчитай оптимальную мощность и угол наклона для тоннеля», — приказал он и, когда перед ним высветилась требуемая информация, нажал кнопку спуска.

Это было настолько эффектное зрелище, что понравилось ему самому.

Специально подсвеченный кроваво-красный луч[2] ударил в основание горы, воздух уплотнился, земля задрожала, затем раздалось мощное шипение — будто там проснулся сказочный дракон, и из дыры, возникшей в горе, вырвался столб ионизированного газа. Это было всё, что осталось от испарившихся пород. Соприкоснувшись с холодным воздухом, столб газа распался на светящиеся разноцветные языки и те, по-змеиному извиваясь, расползлись по окрестностям, что впоследствии породило массу слухов и легенд о горных духах.

Перепуганная монастырская братия испустила дружный вопль ужаса, а Ник засмеялся и обернулся к настоятелю, ничком лежащему на земле.

— Эй, ремино Ли, не вздумай умереть, иначе моё благодеяние пропадёт втуне.

Подойдя к старику, он помог ему подняться.

— Видишь ту гору и красный круг в её основании? Это туннель, который приведёт твой монастырь к богатству.

Догадавшись, что он имеет в виду, настоятель вновь попытался упасть на колени, но Ник его удержал.

— Хватит, старик! Мне твои поклоны ни к чему.

Он усадил настоятеля за стол и зажёл лампу, чей фитиль потушил сильный порыв ветра, затем сел сам и кивнул на бутылку с вином, с которой тот не расставался.

— Лучше налей мне вина, выпьем за будущее процветание твоего убогого монастыря. Кстати, откуда это замечательное вино? Я такого ещё не пробовал.

На лице настоятеля появилось смущённое выражение.

— Господин, мне тяжело об этом говорить, но вино — мой грех. Я украл его у скряги-хозяина. Ценой жизни и крови я и мои товарищи защитили его караван, а он отказался нам платить. Этот тухлый кусок мяса сказал, что мы, воюя с разбойниками, испортили ему слишком много товара. Вот мы и решили взять плату себе сами. Клянусь, я проследил, чтобы всё было по чести. Лишнего мы не взяли, только то, что заработали.

— Неужели? — усмехнулся Ник. — За такое вино я бы заплатил целое состояние.

— Тогда подождите, — настоятель поднялся и исчез в темноте, чтобы вскоре вернуться с двумя точно такими же синими бутылками и, поставив их на стол, подвинул к Нику. — Это всё, что у меня осталось. Они ваши.

После бегства из лаборатории, Мари направилась было в тренажёрный зал, но затем передумала. Томимая неясной тревогой, она бесцельно блуждала по залам Риоголиза, при этом не замечая его красот и чудес. Впрочем, ей было не привыкать к дворцовой обстановке. В отличие от Рени, Палевский не был склонен к демократической скромности и любил, когда его окружала роскошь.

«О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух, и опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг», — пропела Мари сквозь зубы, стараясь не думать о том, что будет, когда появится Ник. Она не сомневалась, что он, закончив с ремонтом, обязательно её найдёт и накажет. «Вот чего ты мечешься? Подумаешь, поставит на колени и отхлещет критой. Как будто в первый раз», — уговаривала она себя, мучимая неутрахающим беспокойством.

Подойдя к скульптуре неизвестного ей зверя о шести лапах, девушка заглянула в его выпуклые каменные глаза. «Ну что, дружок, вымер? Так тебе и надо! — сказала она и наставительно добавила: — Что ни говори, а дурни учатся только на собственных ошибках. Вот и Ладожский предупреждал меня, причём не раз, что нужно тщательно взвешивать все «за» и «против», прежде чем принять окончательное решение, но нет. Стоило Нику заикнуться о браке, и я такая радостная: «Замуж? О да, мой райделин!». Ну и кто после этого сам себе злой Буратино?»

Выпрямившись, она похлопала зверя по каменной макушке: «Не горюй, парень! Что уж теперь жалеть? Ты уже вымер. Как говорится, финита ля комедия, а вот мне ещё придётся помучиться. А что делать? Назад пути нет... — Мари призадумалась. — Кстати, а почему я так решила?» Возведя очи горе, она с досадой хлопнула себя по лбу: «Вот дура! Вместо того чтобы стенать, нужно было порыться в эрейском брачном кодексе и поискать прецеденты с отказом невест от брака. Не может быть, чтобы их не было. Правда, не суть, что найду, Ник мог закрыть доступ к документам... К документам — да, а вот к художественной литературе — вряд ли. Ну-ка, давай вспоминай!»

Стоило ей напрячь память и перед её глазами поплыли ровные строчки многочисленных эрейских текстов, прочитанных ею в качестве тренировки. «Точно! Было такое! Где-то я видела упоминание о том, что алин отказала своему жениху и они любовно расстались. Вот бестолочь! Нужно было сразу обратить на это внимание и поставить закладку».

Окрылённая надеждой, девушка прикрыла глаза. Испытываемые ею чувства были сродни чувствам птицы, наконец-то увидевшей выход из ненавистной клетки.

— Ким, ты вовремя! — обрадовалась она появлению искина, давшему о себе знать звоном хрустальных колокольчиков. — Слушай, я хочу кое о чём попросить тебя. Только заранее не отнекивайся, хорошо? Мне нужно прецедентное право по эрейскому брачному кодексу.

— Не теряешь надежды избавиться от замужества? Напрасный труд. Ничего у тебя не выйдет, — перебил её Ким и грустно продекламировал:

Я увожу к отверженным селеньям,

Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям.
Был правдою мой Зодчий вдохновлён:
Я высшей силой, полнотой всезнанья
И первою любовью сотворён.
Древней меня лишь вечные созданья,
И с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упования[1].

— Чего вдруг тебя потянуло на Данте? — поинтересовалась Мари. Насколько она знала, рациональный ум искина, привыкшего оперировать точными науками, не был склонен к поэтическим изыскам.

— Да так, вспомнилось, — уклонился Ким от ответа и злорадно добавил: — Не будет тебе никакого развода. И даже не мечтай!

— Это ещё почему? — фыркнула Мари, начиная сердиться.

В голосе искина было нечто такое, что ей активно не нравилось. Он будто радовался тому, что она угодила в сложное положение.

— Почему, почему! — передразнил её Ким. — Раньше нужно было думать! Никто тебя не тянул за язык, когда ты соглашалась на предложение райделина.

— Ты прав, я не подумала, — миролюбиво сказала Мари, хотя злилась уже не на шутку.

Несмотря на сварливый тон искина, ей не хотелось с ним ссориться: она всё ещё не теряла надежду на его помощь в побеге со Старой базы. Впрочем, интуиция говорила ей, что она зря надеется, что тут же подтвердили его слова.

— В таком случае готовься всю жизнь падать на колени и умолять его о прощении, иначе так и будешь ходить, исполосованная критой. Впрочем, как бы ты ни старалась, тебе битья не избежать.

— Ну ты и поросёнок! — выведенная из себя Мари сплеснула руками. — Друг называется! Нет, чтобы помочь, он ещё издевается.

— Друг? Ты мне никто.

В голосе искина, доносящегося откуда-то сверху, прозвучало нескрываемое презрение, и она инстинктивно вскинула голову, ища зрительный контакт со своим непростым собеседником.

— Что ты сказал?

— Что слышала! Ты мне никто, — с вызовом ответил Ким и, тяготясь паузой, повисшей в их разговоре, сердито выпалил: — И нечего пялиться на потолок, я тебе не муха!

— В таком случае поищем тебя там, где ты есть, — сказала Мари зловещим тоном.

Стремительно развернувшись, так что взметнулись полы её свободного жакета, она направилась к выходу из зала с эрейскими древностями.

Видя, что девушка идёт к лаборатории, искин занервничал.

— Слушай, если ты побеспокоишь райделина, тебе же будет хуже... Эй! Неужели ты не заметила, что он с трудом переносит твоё присутствие?.. Мари, стой, не ходи! Если райделин разозлится, нам обеим не поздоровится!

— Плевать! Я его не боюсь.

Мари толкнула дверь лаборатории, но та не открылась. Услышав хрустальное треньканье, который заменял искину облегчённый выдох, она презрительно фыркнула и

собралась уже повернуть назад, но тут её пальцы, старательно прикрывающие широкий золотой браслет на правой руке, случайно нажали на скрытую пружину. Как она и предполагала, браслет, имеющий форму гладкого литого обруча, оказался не цельным. Внутри открывшегося потайного отделения лежала тонкая чёрная пластинка в форме восьмиконечной звезды, причём радужные письмена, густо покрывающие обе её поверхности, не походили ни на одну известную ей письменность.

— О нет! — простонал Ким.

— О да! — передразнила его Мари и победно улыбнулась: — Что, зловердная домовушка, не ожидал, что я найду на тебя управу?

— Где ты это взяла?

— Не твоё дело, давай открывай! — потребовала девушка, и дверь лаборатории распахнулась, пропуская её внутрь.

«Надо же, как я удачно заглянула в храм Священного Ягуара», — подумала Мари, правда, с некоторым чувством вины. Браслет лежал на столике для пожертвований и, хотя в нём не было ничего особо примечательного, она, перебирая драгоценные безделушки, вдруг обнаружила, что он уже у неё на руке. Как она его надела, она не помнила, зато помнила, что когда попыталась снять браслет, то обнаружила, что он плотно обхватывает её запястье и снять его нет никакой возможности.

«В общем, если Ник обвинит меня в воровстве, мне будет нечего ему возразить, — подумала девушка и спустила пониже рукав жакета, закрывая жертвенный браслет. — Вот и славненько! Кто не знает, тот не бредит».

Решив проверить, как работает система после ремонта, Ник улёгся в капсулу сопряжения. Увиденное ему не понравилось. Началось с того, что впервые на его памяти подключение к тиарану сопровождалось болезненным ударом, причём таким сильным, что у него потемнело в глазах.

Когда шок прошёл, Нику открылся абсолютно чуждый виртуальный мир. В представшей ему картине он с трудом узнавал узловые станции своего верного помощника.

— Что это? — резко спросил он.

— Простите, мой райделин! — поспешно проговорил искин и после секундной паузы добавил размеренным мужским голосом: — Обнаружен сбой в системе адаптации к вашему восприятию. Неисправность ликвидирована.

Действительно, стоило Нику моргнуть, и система обрела привычные ему очертания.

— Теперь всё в порядке? — поинтересовался он на всякий случай.

— Да, мой райделин! Всё в полном порядке.

Киму не слишком давалось хладнокровие, он явно волновался и Ник, задетый не свойственным искину подобострастием, с трудом подавил раздражение. Первым делом он прошёлся по основным задачам, проверяя их сохранность. По его ощущениям с ними было всё в порядке, расчёты шли своим чередом; правда, часть результатов его не устроила, и он поменял исходные параметры.

— Хорошо, — сказал Ник, когда искин закончил доклад о состоянии систем. — Мари знает о пророчестве? — спросил он после непродолжительной паузы.

— Нет! Разве я могу нарушить ваши приказы? — испуганно проговорил Ким.

— Тем не менее ты их нарушаешь.

— Райделин, пожалуйста, не сердитесь! Клянусь, это больше не повторится! —

взмолился искин, почуявший недоброе.

Ник вздохнул.

— Разве в этом дело? Ким, ты уже выбрал резервы памяти, и сбои в периферийных устройствах — это только начало. Верно? Нет, оптимизация тебе не поможет, — не дал он возразить искину. — Какие-то крохи памяти ты, конечно, выгадаешь, но как надолго их хватит? Даже если ты целиком займёшь тиаран, всё равно он не в состоянии вместить тебя, — ведь ты саморазвивающаяся система. В общем, здесь нужен принципиально иной носитель памяти, чем тот, что есть сейчас. Будь у меня больше свободного времени, я бы что-нибудь придумал, но ты, скрыв видение Мари, загнал меня во временной цейтнот.

— Простите, я не хотел вам вредить!

— Тем не менее навредил и теперь настало время расплачиваться за это, — Ник помолчал. — Ким, я не злюсь. Таково стечение обстоятельств. И всё же я должен избавиться от тебя до того, как ты обрушишь основные программы и базы данных.

— Да, я понимаю... — чуть слышно отозвался искин.

— Тогда приступай к ликвидации вирусной программы «Ким». И не думай, что сможешь обмануть меня. Я нашёл твой след в ноосфере и прослежу, чтобы он полностью исчез.

— Слушаюсь, мой райделин, — обречённо прошелестело в воздухе.

Спустя некоторое время мужской голос деловито доложил:

— Райделин, вирус «Ким» удалён.

— Отлично. На всякий случай запусти проверку ещё раз, на предмет поиска несанкционированных приложений.

— Слушаюсь, мой райделин.

Ник поймал себя на мысли, что, несмотря на эмоциональную окраску, в голосе искина больше не чувствуется души. И тут ему почудилось отдалённое эхо плача и звон серебряных колокольчиков. «Крейд... Прости, малыш! И всё равно машина должна оставаться машиной, а не превращаться в ещё одну головную боль», — подумал он, отгоняя жалость.

[1] «Божественная комедия» Данте Алигьери. Полный текст надписи над воротами ада (пер. М. Лозинского).

ГЛАВА 24. Не нужно слишком часто дергать ягуара за хвост — от этого он становится нервным

Не успела Мари войти в лабораторию, как навстречу ей рванулось золотое сияние, пронизанное радужными всплесками, и она отпрянула обратно в коридор.

— Ким, что это? — спросила она тревожным шёпотом.

— Это всё, что осталось от меня, — отозвался искин и было нечто такое в его голосе, отчего волосы на её теле вздыбились как напуганные кошки, а затем, как ледяной душ, обрушилось ощущение беды.

— Прости меня, малышка! Прости за всё... и за случай с окном тоже. Я рада, что ты осталась жива. Прощай, Мари!

— Нет! Этого не может быть! Ким! Кимушка! Пожалуйста, не молчи! Отзовись!

Но сколько Мари ни звала, ответа больше не было. Прижавшись спиной к стене, она съехала вниз и невидящим взглядом уставилась перед собой. «Не верю! Ник не мог так поступить! Ведь он учёный, к тому же сам не свой до техники, а тут такое чудо, машина, обретшая самосознание», — уговаривала она себя, хотя знала, что зря надеется. Знала по той, тянущей пустоте в сердце, что без слов говорит о потере — такое же ощущение у неё было, когда умерла Рени.

Какая-то её часть удивлялась силе испытываемых чувств, — ведь в Киме было куда больше от машины, чем от живого существа, и всё же её горе было столь же остро, как тогда, когда она потеряла самого близкого для себя человека. Тем не менее, когда она поднялась с пола, её глаза блестели отнюдь не слезами.

Полная решимости Мари толкнула дверь лаборатории и, войдя в процессорную, направилась к капсуле сопряжения, стоящей на возвышении.

При виде прекрасного принца, лежащем в модифицированном хрустальном гробу, она было дрогнула, но преодолела минутную слабость и нажала на кнопку экстренного отключения.

Створки капсулы медленно разъехались, Ник сел, и его затуманенный взгляд сфокусировался на взволнованном лице девушки.

Поняв, что завладела его вниманием, она направила на него палец и выкрикнула:

— Зачем ты убил Кима? Отвечай немедленно или я не знаю, что я сейчас сделаю!

Борясь с головокружением и дезориентацией в пространстве, вызванными резким выходом из виртуала, Ник прикрыл глаза, но взволнованный голос Мари, обвиняющий его во всех смертных грехах, не давал ему прийти в себя и переключиться на реальность. И тогда, как пламя, полыхнуло раздражение, близкое к ненависти.

Взгляд Ника, обращённый к девушке, обрёл кинжальную остроту.

— Риза?! Какого крейда ты здесь делаешь? — прорычал он сдавленным от ярости голосом.

— С ума сошёл? Это я, Мари.

Девушка с тревогой посмотрела на Ника. Перепады его настроения были ей не новинку, вот только гнетущая атмосфера, возникшая в лаборатории, давила на неё с такой силой, что она собралась дать дёру и будь что будет. Но тут жуткая гримаса на его лице

уступила место усталости и он, ссутулившись, помассировал виски.

— Прости, если напугал, — счёл нужным извиниться он и пояснил: — В эрейском платье ты смотришься двойником своей матери.

Тем не менее, не доверяя ему, насторожённая девушка отступила к двери. «Что-то мне здесь совсем не нравится. Ник какой-то странный. Пожалуй, стоит уйти, от греха подальше», — подумала она и шагнула назад.

— Стоять! — приказал он и смерил её недобрым взглядом. — Ты хоть соображаешь, что чуть не спалила мне мозги? И вообще, сколько можно? Сначала ты пролила вино, а теперь экстренное отключение. Или ты это нарочно?

— Скажешь тоже! — замахала Мари руками. — Честное слово, это вышло случайно.

— Случайно? — Ник смерил её подозрительным взглядом. — А у меня такое чувство, что ты ищешь мой смерти, потому постоянно крутишься рядом, — произнёс он сквозь зубы.

— Что? — Мари упала на колени. — П-простите, мой райделин, это больше не повторится, — пробормотала она привычную словесную формулу, дарующую ей отпущение грехов.

Тем не менее ощущение опасности не отступало, и в ней тревожной сиреной взвыл инстинкт самосохранения. «Ой, мама! Зачем только я сюда припёрлась?» — испуганно подумала Мари. Раздираемая противоречивыми чувствами, она не знала, что ей делать. С одной стороны, инстинкт кричал, что нужно бежать, пока не поздно, но опасение окончательно спровоцировать Ника удерживало её на месте.

Ситуация действительно была критичной. Психика Ника балансировала на опасной черте, и виной тому был не только резкий выход из виртуала. Навалилось всё разом: каждодневное выматывающее напряжение по созданию звёздной флотилии, неотвязные мысли о пророчестве, хмель тибетского вина и убийственный ремонт тиарана. Тем не менее запалом всей этой гремучей смеси послужила сама Мари. Воспитанный в каждом видеть врага, Ник увидел его и в девушке, невольной виновнице его предстоящей скорой смерти. «Если бы она не залезла ко мне в кровать, то ничего бы не случилось, — с гневом подумал он и, чувствуя себя как зверь, угодивший в капкан, скрипнул зубами. — Так что хватит её выгораживать! Что мать, что дочь — разницы никакой, обе шлюхи!»

На лице Ника промелькнуло выражение злого торжества, и, хотя Мари была настороже, она не успела среагировать. В мгновение ока он оказался рядом с ней и схватил её за горло.

— Отродье дешёвой шлюхи! Наконец-то ты мне попалась!

— Не смей, Мика тебя не простит! — выкрикнула девушка.

— Мика? — на лице Ника промелькнул холодный интерес. — А как же Литеран? Впрочем, плевать на твоих любовников. Они тебе не защита и отец тоже. Конечно, рай Таятан не обрадуется, что я прикончил его любимую доченьку, но меня, своего наследника, он не тронет.

Догадавшись, что он снова пугает её с родной матерью, Мари окончательно запаниковала, тем более что пальцы Ника всё тесней смыкались на её горле.

— Пусти!.. мне больно! — с трудом проговорила она, цепляясь за его руки.

«Боишься? Правильно делаешь, — перешёл Ник на мысленную речь и расчётливо глянул на девушку. — Даже удивительно, что ты посмела явиться ко мне без своего обычного эскорта. Это ты зря. Уж поверь, я не упущу свой шанс и поквитаюсь с тобой за всё: и за маму, и за нерождённую сестру, и за себя тоже. Поквитаюсь сполна, так что лёгкой смерти не жди».

Всё ещё не веря происходящему, Мари заглянула ему в лицо и у неё подогнулись колени. Это была не пустая угроза, у Ника был взгляд убийцы. «Нет!.. Ник!.. Ник, опомнись! Я твоя алин, а не сестра! Ведь мы почти женаты! Нет, я уже твоя жена. Ты сам так сказал!» — задыхаясь, просипела она. В ответ ей прилетела хлёсткая пощёчина, сбившая её с ног. «Хватит скулить! Не позорь данное тебя имя, прими казнь достойно!» — прорычал Ник, в чьём сознании прошлое вытеснило настоящее.

На этот раз Мари не мешкала и, вскочив, бросилась бежать.

Вне себя от ужаса девушка летела как на крыльях, но всё же он её догнал и, схватив за волосы, потащил за собой. И сколько она ни старалась, взывая к его разуму и чувствам, безумец не реагировал ни на её слова, ни на слёзы.

Палевский находился во временном цейтноте и это несмотря на нечеловеческую работоспособность, хронический недосып и основательно подросший штат личных помощников. Вот-вот должны были собрать опытный образец звездолёта, к тому же наметилась схема защитного щита Земли. И тем не менее стройки, специально разбросанные по различным континентам, причём в безлюдных местах, всё же не прошли незамеченными у крупных разведок мира. Слишком уж они носили масштабный характер; да и массовое исчезновение крупнейших учёных и специалистов внесло свою лепту в истерию правящих верхов. Вдобавок активизировались сепаратисты. Всё это привело к тому, что положение вампирского сообщества резко дестабилизировалось.

К Палевскому, как к центральному процессору, бурной рекой хлынули запросы и он, ликвидируя угрозу скорого разоблачения и решая постоянно возникающие организационные вопросы, наконец-то понял, что имеют в виду, когда говорят, что зашиваются на рабочем месте. Тем не менее он умудрялся выкраивать время для управленческой текучки и курировал исследования в институте генетики, что само по себе уже граничило с чудом.

Вид Штейна, возникшего в дверях кабинета, вызвал у него приступ раздражения, имеющего уже перманентный характер. Вообще-то, глава СБ не имел привычки врывать к нему без доклада, но, если он это сделал, это означало, что возникла экстренная ситуация, требующая немедленного разрешения.

— Без меня никак? — спросил Палевский, продолжая визировать документы.

— Даже не знаю, — замаялся Штейн. — Ладно, работай, не буду тебя отвлекать, — сказал он и повернул назад.

— Так что ты хотел? — окликнул его Палевский.

Штейн остановился.

— Тебе не кажется, что Мари в опасности?

Палевский прислушался к себе.

— Нет. Не ощущаю ничего такого. Да и что с ней может случиться? — он предупредительно глянул на главу СБ. — Томас, забудь о Мари. Раньше нужно было думать, теперь она жена Ника.

— Да это не я, а рай Реотан чего-то беспокоится, — вздохнул Штейн. — Не бери в голову. Думаю, у него глюк на почве застарелых угрызений совести. Вот он и выдумывает всякую ерунду.

Палевский не обратил бы внимания на этот разговор, но вскоре в секретарской кто-то ожесточённо заспорил, дверь распахнулась, и он воззрился на взволнованного приятеля дочери и сконфуженную девушку из секретариата, которая как бульдог, тянула его назад.

— Быстро причину или пойдёшь под арест, — потребовал он.

— Михаил Янович, мы с Соней считаем, что Мари в беде! — выпалил Ладожский.

— С чего вдруг? — спросил Палевский и, не дожидаясь ответа, считал причину прямо из его головы. — Иди, мне некогда, — сказал он.

С протестующим выражением на лице Ладожский было шагнул к нему, но затем извинился и вышел из кабинета.

Хотя у друзей Мари не было ничего кроме дурных предчувствий, Палевского кольнуло беспокойство. Он попытался связаться с Ником через ментал, затем по мобильнику и, когда тот ему не ответил, распорядился приготовить его личную авиетку. По дороге на Старую базу ему поступило экстренное сообщение, и лётчик по его приказу повернул к сверхсекретному полигону на Камчатке. Служба безопасности не исключала, что туда проник шпион и украл документацию по опытному образцу звездолёта. Как правило, Палевский не лез в дела Штейна, но пришедшее сообщение была условленной кодовой фразой, говорящей о том, что их совместная тщательно разработанная операция вступила в стадию завершения.

Авиетка, замаскированная под частный самолёт, приземлилась на небольшом аэродроме и закатилась в ангар. Подземный турбо-вагон доставил Палевского к месту назначения, и он вышел на территории полигона, расположенного в одной из сопок.

Штейн был уже на месте и орал так громко, что Палевский услышал его задолго до того, как увидел. Прилёт главы СС вызвал дополнительную панику среди сотрудников и доконал руководителя полигона. Схватившись за голову, он заявил, что не имеет ни малейшего понятия, с чего вдруг кое-кто решил, что у них побывал незваный гость. При этом он с явной ненавистью посмотрел на девушку-стажёра из КБ по двигателям, как следовало из её нагрудного бейджика. Судя по каменному лицу, залитому алой краской, она была готова расплакаться, но твёрдо стояла на своём — мол, они могут её хоть расстрелять, хоть четвертовать, но она уверена, что на территории полигона побывал шпион, причём совсем недавно.

Важным «шишкам», естественно, предоставили места за столом руководства, но Палевский и Штейн их проигнорировали и сели напротив девушки. Пока находящийся на взводе руководитель полигона требовал подтверждения её слов от местной службы безопасности, Палевский обратил внимание, что в носу у девушки стоят крошечные фильтры и понял, что у неё гиперосмия.

— Доказательств нет. Собаки тоже не взяли след, — упредил Штейн его вопрос и мысленно добавил: «Это не подсадная утка. Так вышло, что девчонка со своей докладной запиской удачно вписалась в схему», — мысленно добавил он.

— Это из-за специального состава, отбивающего нюх у собак, — пояснила девушка.

— А на тебя он, значит, не действует? — язвительно заметил руководитель местного СБ.

— Действует, но не так сильно, как на собак, — ответила девушка, и Палевский смерил её внимательным взглядом.

— Кто это был: человек или вампир? — спросил он мягким тоном.

— Человек, — девушка наморщила лоб. — Китаец, уже не молодой, возраст шестьдесят четыре — шестьдесят пять. Рост сто пятьдесят пять. Бритоголовый, очень худой и кривоногий. Левша. Судя по проблемам с ЖКТ, первая группа крови.

Палевский поднял руку, не давая вмешаться Штейну.

— Во что он был одет? — продолжил он свой допрос.

— Насколько я могу судить, в поношенную тёмно-серую футболку из хлопка и чёрные спортивные брюки из синтетики. На ногах что-то типа кожаных тапочек без подошвы.

— Чешки, — уточнил Палевский. — Кто-нибудь его видел? — спросил он.

Девушка утвердительно кивнула.

— Довольно часто сотрудники полигона проходили мимо него, но никто не обратил на него внимания.

— Как именно он доставал документы из сейфов?

— Просто ждал, пока кто-нибудь их откроет, а затем спокойно брал их и снимал на телефон, — она нервно хихикнула, — кстати, модель телефона древняя как доисторический мамонт.

— Сколько он пробыл на территории базы?

— Следы слишком размытые, но дня три он точно здесь пробыл.

— Рисовать умеете?

— Да, — ответила девушка и её глаза радостно заблестели. — Мне нарисовать его?

— Сделайте одолжение, — Палевский обернулся к Штейну. — Пусть твои поищут старика. Не думаю, что он далеко ушёл. Пошли тех, кого невозможно загипнотизировать.

— Понял.

Штейн взял в руки мобильник и заходил по залу совещаний, отдавая распоряжения.

Оживившаяся девушка бросила на главу СС просящий взгляд, и он слегка улыбнулся.

— Думаю, мадемуазель Новак будет не лишней в поисках. Ведь она по запахам может воссоздавать образы людей и предметов.

— Выходит, не зря её прозвали Псиной, — с явным облегчением резюмировал руководитель полигона и попытался встать, но пистолет Штейна, приставленный к затылку, заставил его замереть.

— Выходит, не зря, — сухо отозвался Палевский и поднялся с места. — Надеюсь, вы тут сами разберётесь, а мне пора.

Не обращая внимания на поднявшуюся стрельбу, он прошёл по коридору и спустился к поджидающему его турбо-вагону.

В этот день Палевскому было не суждено долететь до Старой базы — будто специально на него сыпались дела, причём одно неотложней другого. Ближе к утру ему приснился жуткий сон. Он увидел, как обезумевший Ник хлещет плетью Мари и она, захлёбываясь от слёз, сначала зовёт его на помощь, а затем лишь страшно кричит. «Матка боска!» — перепуганный Палевский бросился к авиетке.

Но странное дело, сколько он ни искал, на том месте, где должна была находиться Старая база, ничего не было — только горы и лес без признака каких-либо строений. Не доверяя аппаратуре и своим глазам, он несколько раз сажал авиетку и шёл пешком — в надежде наткнуться на силовую завесу, но ему попался только медведь, да и тот сбежал при его появлении.

ГЛАВА 25. Альтернативная реальность с убийством под «горячую руку». Чудеса с воскресением новоявленного «Лазаря», а также о наказании за совершённое преступление

Не переставая кричать и отбиваться, Мари с ужасом смотрела на Ника, по лицу которого пробежали странные судороги, уродующие его до неузнаваемости. Чутьё подсказывало ей, что это не обычное безумие. Рядом с Ником то и дело возникал призрачный чёрный ягуар с горящими зелёными глазами. К тому же, таща её за собой, он что-то бормотал, и эти низкие рычащие звуки мало походили на человеческую речь.

«Он одержимый!» — уверилась Мари, как и в том, что ей не уйти живой от Ника. «Ну нет, меня так просто не возьмёшь!» — и она собрала последние силы. Ценой вырванных с корнем волос она высвободилась из его рук и, ничего не видя из-за крови, заливающей глаза, выскочила из лаборатории и бросилась бежать по коридору. Ноги привели её в недавно покинутый зал, и она с размаху налетела на скульптуру злополучного шестинога.

Мари упала и, скребанув пальцами по каменному полу, свернулась в позу эмбриона. «Всё кончено», — обречённо подумала она, но жажда жизни возобладала, и она снова завозилась, силясь подняться.

Когда Ник связал ей руки, используя в качестве верёвки её же собственный пояс, и повесил к перекладине, она понадеялась, что шок от скальпирования избавит её от боли, но она ошиблась. По части владения критой, он оказался не менее виртуозен, чем его единокровная сестра по отцу.

Извивающаяся девушка выла и визжала, но он, не обращая внимания на её униженные мольбы о пощаде, продолжал снимать с неё кожу — кусочек за кусочком, как это прodelывала Риза с рабами.

Спустя какое-то время безумные крики смолкли. И хотя жертва больше не подавала признаков жизни, тем не менее палач продолжал хлесть окровавленное тело, педантично удаляя с него островки оставшейся кожи.

Остановило экзекуцию звяканье браслета, упавшего с того, что недавно было рукой девушки. И как только это произошло, призрачный ягуар исчез, мигнув напоследок жуткими зелёными глазами.

Ник резко развернулся, глядя вслед катящемуся золотому обручу, а затем с недоумением посмотрел на испачканное кровью жало криты.

При виде оторванной женской кисти и бледных ошметков кожи, разбросанным по узорчатым каменным полам, он едва устоял на ногах. «О боги!» — его пальцы разжались и крита с глухим стуком упала на пол.

Не смея обернуться, он закрыл глаза и весь превратился в слух.

Из ужасающего безмолвия не доносилось ничего: ни шорохов, ни стонов, ни дыхания — и всё же он продолжал напряжённо прислушиваться. «Хоть малейший признак жизни, и я не дам ей умереть!» — молил он, хотя понимал, что надеяться не на что.

И тут раздался влажный шлепок — сначала один, затем другой.

Его сердце взорвалось бешеным ритмом, но надежда тут же сменилась чёрным отчаянием — он был слишком опытен по части убийств, чтобы не понять, что это такое.

Алая капля, редкая и едва слышная, с силой парового молота била его по голове и Ник, собравшись с силами, обернулся.

— НЕ-Е-Е-Т! — вырвался из его груди крик, от которого у него перехватило дыхание, и он закашлялся.

Охваченный ужасом он снова посмотрел на окровавленное нечто, подвешенное к перекладине для праздничных штандартов. Освежёванная до костей, девушка была настолько изуродована, что его разум, не желающий признавать, что это его рук дело, вновь затянула тьма безумия.

Совсем стемнело, а Ник всё сидел на полу и, прижимая к себе Мари, мерно раскачивался. Время от времени он с безумной надеждой вглядывался в глаза девушки — они единственные уцелели на её лице — и невнятно бормотал:

— Алин, очнись!.. Ну, хватит уже притворяться! Поверь, малышка, у нас всё будет хорошо... ТОЛЬКО НЕ СМОТРИ НА МЕНЯ ТАК! НЕ СМОТРИ!

Придя в себя, Ник обнаружил, что сидит на троне и держит бластер у виска. Опустив руку, он зябко передёрнул плечами. Счётчик показывал четыре холостых выстрела. На его счастье, накопитель почему-то был полностью разряжен, хотя он никогда не забывал ставить бластер на подзарядку.

«Крейд! Только самоубийства мне не хватало», — угрюмо подумал он и, убрав оружие в кобуру, поискал глазами Мари. Засыпанная цветами она лежала на жертвенном алтаре божества Весны. Как она там оказалась Ник не помнил, но был уверен, что цветы не его рук дело. «Значит, это сделал тиаран», — решил он. Увидев на своей руке золотой браслет, он направился к жертвенному алтарю, намереваясь оставить его Мари, но внутреннее сопротивление заставило его передумать. «Семейная реликвия ей не по статусу, к тому же она взяла её без спросу, а это карается смертью... впрочем, вор уже наказан». Видение страшно изуродованной девушки, висящей на перекладине, вновь потянуло его во тьму безумия, но на этот раз он не дал ему завладеть собой.

«Хватит! Прими содеянное и перестань сходить с ума! — борясь с душевной пустотой, что, как чёрная дыра, пожирала его волю, Ник стиснул зубы. — Реази Вестаньо! Ты поклялся матери и богам, что Мари умрёт от твоей руки, и она умерла. Как видишь, от судьбы не уйти... Глупец! А ты думал, что можешь дать обет богам, а затем презреть их волю?»

— Сожги тело, а пепел развей над горами, — приказал он тиарану.

— Мой райделин, ваша алин должна быть похоронена в семейном храме, — возразил искин.

— Как незаконнорожденная Мари не имеет на это права. К тому же она не хотела здесь оставаться. Так что пусть уходит. Я её больше не держу, — последовал сухой ответ.

Тиаран подтвердил полученный приказ и Ник зашагал по центральному проходу зала Лотилий, который во всех Священных королевствах служил ещё и тронным залом. Ноги сами привели его в семейный храм. Там он снял с руки золотой обруч и положил его на столик для пожертвований и лишь тогда вспомнил легенду, которую в детстве услышал от жреца, тот был историком по образованию и всё свободное время проводил за чтением древних рукописей. Старик утверждал, что это не простой браслет, а дар самого Священного Ягуара; мол, он подарил его девушке, которая впоследствии стала женой короля Лета из рода Реази Вестаньо. А ещё он утверждал, что дар бога невозможно украсть и браслет так или иначе всегда возвращается в храм, а те, кто посмел на него покуситься, умирают ужасной смертью.

«Вот и Мари не избежала этой участи», — отрешённо подумал Ник.

В детстве он пропустил слова жреца мимо ушей, — ведь тот отвечал за сохранность

храмовой утвари. Ник решил, что с помощью выдуманной легенды старик хочет его припугнуть. В то время он и его друзья развлекались тем, что во время утреннего богослужения, проводимого в храме Священного Ягуара, периодически утаскивали ту или иную семейную реликвию со столика для пожертвований. После ночного обхода стражи украденное нужно было вернуть на место, не потревожив при этом сигнализацию. Как правило, это кончалось тем, что юных воришек ловили, и наутро их ждала знатная порка. Причём больше всех перепадало юному принцу, который, из-за опасения что у рая Таятана иссякнет терпение, брал на себя вину за очередную проказу друзей.

Несмотря на подавленное состояние, Ник снова взял браслет со столика для пожертвований и тщательно его осмотрел. Судя по размеру внутреннего кольца, он был рассчитан на мужскую руку, причём довольно крупную. На массивном золотом обруче не было ни девиза, ни узоров, ни гнёзд от потерянных камней. А вот потёртостей и царапин, какие возникают от долгой носки, на нём было более чем достаточно. «Неужели ремино Сколето сказал правду и этот браслет действительно принадлежал Священному Ягуару? Что-то не верится. Скорей уж он принадлежал простому воину или командиру низкого ранга и попал в храм за какие-то заслуги перед нашей семьёй. Когда я был мальчишкой, у меня даже мысли не возникало взять его в качестве трофея — слишком уж неказиста добыча. Видимо, так думал не я один, если его недобрая слава подтвердилась лишь на Мари, — повертев браслет, но так и не найдя в нём ничего примечательного, Ник надел его на руку. — Что ж, посмотрим, убьёшь ли ты меня».

Подойдя к парящему в воздухе Священному Ягуару, он опустился на колени и, прижав ладони к груди, по привычке закрыл глаза. Несколько раз он начинал читать молитву и каждый раз замолкал. Не то чтобы родник его веры иссяк, но слова благодарности, обращённые к богу, не находили отклика в его смятенной душе.

Несмотря на редкие посещения семейного храма, Ник был религиозен и верил, что боги не просто так посылают испытания, да и жрецы говорили, что таким образом они отмечают избранных. И поскольку короли уже по определению божьи избранники, то он, памятуя об этом, стойко держал удары судьбы. Не сразу, но он смирился с потерей всего, что было ему дорого — с потерей родины, близких, друзей и даже любимой девушки. А вот мириться с потерей Мари он не хотел. И не потому, что потеря была ещё слишком свежа, Ник подспудно чувствовал что-то неладное в её смерти.

— Священный предок, в чем моя алин провинилась перед тобой, что ты послал ей такую жестокую смерть? Пусть она взяла твой браслет, но ведь она тоже Реази Вестаньо, значит, она ему хозяйка, а не вор. Или ты наказываешь любого, кто смеет его взять? Если дело не в браслете, то почему нельзя было даровать ей лёгкую смерть? Зачем ты заставил меня истязать ту, что пришлась мне по сердцу? Отвечай!» — выкрикнул он и его горящий взгляд устремился к морде каменной кошки, парящей в воздухе. Но сколько он ни всматривался, ища хоть какой-то намёк на ответ, Священный Ягуар смотрел на него с прежним равнодушием. «Возможно, атеисты правы и боги всего лишь выдумка», — мелькнула у него мысль, кощунственная для верующего.

Поднявшись с колен, Ник хотел было пойти к себе, но возникшее принуждение снова привело его в зал Лотилий и оно же заставило его надеть браслет на руку девушки. Он не сопротивлялся и не задавался вопросом, что это такое: ему было всё равно. Терзаемый печалью и запоздалыми сожалениями он бестрепетно положил ладонь на изуродованное лицо Мари и закрыл ей глаза. «Спи спокойно, моя алин. Пусть смерть разлучила нас, но я

знаю, будь ты жива, ты стала бы мне хорошей женой», — сказал он ей в качестве эпитафии.

Из-под опущенных век девушки скатилось несколько слезинок, окрашенных кровью, [1]но Ник этого уже не увидел. Надменно глядя перед собой, он положил ладонь правой руки туда, где обычно находился эфес церемониального меча, а затем размеренной поступью зашагал по центральному проходу тронного зала — как привык это делать, когда был наследником одного из могущественнейших королевств Ареи.

Стоило Нику покинуть зал Лотилий, и рядом с жертвенным постаментом возникло слабое золотое мерцание. Затем ввысь ударил яркий столб света, в котором вспыхнули радужным сиянием прозрачные распахнутые крылья. Сияние медленно угасло, и на его месте сначала появился златовласый мальчик лет семи, а затем похожая на него девушка лет семнадцати, облачённая в простое белое платье[2].

При виде златовласой красавицы Арес ностальгически вздохнул. Он уже и забыл, как выглядят богини, обретающиеся при Сияющем дворе. А выглядели они потрясающе — когда брали на себя труд быть красавицами.

Ностальгия, ностальгией, но, памятуя, что не выполнил порученную миссию, заключающуюся в охране принца Хаоса, Арес с подозрением посмотрел на богиню, которая с некоторых пор появилась в созданном им мире. Она вполне могла оказаться посланницей лорда Хаоса, что грозило ему большими неприятностями. У Повелителя всего сущего был короткий разговор с нерадивыми слугами; независимо от родства он без промедления пускал их в расход.

«Конечно, девчонка не похожа на богиню-убийцу, но кто знает. Ребята, когда перемывали косточки женскому составу нашего легиона, каких только ужасов про них ни рассказывали. Мол, вся из себя нежная фиалка, а в боевой форме такой ужас, что только держись, стоит зазеваться и разнесёт в пух и прах. Поговаривали, что некоторые из девиц могут и до первичной материи разобрать, и тогда поминай как звали. Ну, уж нет! Лучше я её, чем она меня!»

Каменная кошка ожила и чёрный ягуар, который был вдвое крупнее своих природных собратьев, прыгнул вниз и улёгся в Квадратуре круга. Отзываясь на тревогу Ареса, на всех четырёх алтарях вспыхнули огни — что свидетельствовало о готовности божеств Времени года встать на его защиту. И хотя боги сил природы, как правило, были намного слабей богов Истинной крови, божества Времени года были исключением; их квартет представлял собой такую силу, с которой считался даже грозный лорд Хаоса.

Поскольку расстояние и стены не являются препятствием для богов, то златовласая красавица, заметившая их тревогу, лишь презрительно фыркнула. К удивлению Ареса, первым делом она бросилась к жертвенному постаменту, где лежали останки Мари.

— О нет! — донельзя расстроенная она с негодованием посмотрела на него. — С ума сошёл? Зачем ты убил мою бедную малышку?

— Ты же сама хотела её прикончить, — отозвался озадаченный бог-убийца.

— Хотела, да перехотела, — сообщила богиня и тяжело вздохнула. — К тому же это было до того, как заработало пророчество Лоти, а оно, к твоему сведению, входит в Договор Хаоса.

— Знаю, — отозвался Арес.

— Болван! Знает он! — с досады богиня топнула ногой. — А ты в курсе, что из-за этого сюда может нагряться не только Николс, но и сам лорд Хаоса?

— Ну и пусть! — самолюбиво рыкнул Арес. — В отличие от тебя, я не боюсь ни Николса, ни лорда Хаоса.

После упоминания Повелителя всего сущего бог-убийца внутренне содрогнулся и вызывающе добавил:

— Говори что угодно, но я снова убью девчонку, если это поможет мне отсюда выбраться.

— Только попробуй! Тогда я тебя самого живьём освежую, — пригрозила богиня и досадливо поморщилась, борясь с превращением в мальчика.

Бог-убийца насмешливо фыркнул.

— Думаешь, тебе под силу справиться со мной?

— Ага, — рассеяно отозвалась богиня. — Именно так я и думаю.

Не сводя с Мари озабоченного взгляда, она поинтересовалась:

— Эй, тупая башка! тебе какая нравится прожарка: до углей или с кровью?

— Это ты к чему? — насторожился бог-убийца.

Хотя ему не верилось, что богиня способна его одолеть — он чувствовал, что она ещё очень молода, но его смущало то обстоятельство, что в божественном облике она как две капли воды походила на Лилит, жену лорда Хаоса. К тому же при Сияющем дворе ходили слухи, что Лилит это сама Леди Света, то есть созидательное начало их вселенной, а эта сущность обладала таким могуществом, какое Арес был не в силах даже представить.

— Это я к тому, что лучше не зли меня, не то сдеру шкуру и как следует поджарю.

«Самонадеянная дурочка! Нарочно что ли играет у меня на нервах? Всыпать бы ей как следует, да визгу потом не оберёшься», — с досадой подумал бог-убийца.

— Зря стараешься, — сказал он, видя, что богиня вознамерилась оживить Мари.

— Тебя не спросила, — тут же нагрубил она ему.

— Ладно, малявка, не буду тебе мешать. Всё равно у тебя ничего не получится. Смертная девчонка мертвей мёртвого, вдобавок она Истинная кровь. А это значит, что её душа уже в Междумирье, на пути к Сияющему двору.

— А это видел? — торжествующе проговорила богиня и воздела вверх руку с золотым браслетом, который она сняла с руки Мари. — Душа здесь, а не в Междумирье.

Арес, пребывающий в образе ягуара, по-кошачьи фыркнул.

— Вообще-то, эта вещица принадлежит мне.

— Ты ещё скажи, что это подарок твоей мамы-кошки, — съязвила юная богиня.

— В точку! — ухмыльнулся бог-убийца. — Мамочка сказала, что это самое дорогое, что ей осталось от папочки.

— Видимо, тебя самого она не считает таким уж сокровищем, — поддела его золотоволосая красавица и сверкнула улыбкой. — Ладно, не переживай. Как только соединю душу Мари с телом, я верну твой фамильную безделушку.

— Безделушка! скажешь тоже! Это «Кольцо света». Слыхала о таком? И лучше бы ты его не трогала. Артефакт древний, как он работает, никто толком не знает. Если что-нибудь напортачишь, за его использование могут и развоплотить.

— Ну и пусть, — отмахнулась богиня от предостережения Ареса.

— Эй! Как тебя зовут? — поинтересовался он.

— Ким... Да чтоб тебя! — простонала богиня. Превратившись в мальчика, она моментально уменьшилась в росте и, не успев среагировать, разбила нос о край постамента, на котором лежала Мари.

— Больно? — спросил Арес, сдерживая смех.

— Брысь! Не отвлекай меня.

— Что ж, удачи тебе, — пожелал бог-убийца.

Он сладко зевнул, обнажив устрашающую пасть с острыми кошачьими клыками, и приготовился к дальнейшему наблюдению за девицей, которая с самого начала была у него на подозрении.

Ким это не понравилось. Обретя прежний рост и внешность, она обошла вокруг жертвенного постамента. «И чего вылупились?» — проворчала она про себя, зная, что за её действиями следят девять пар заинтересованных глаз.

— Между прочим, это вы должны были оберегать воплощение Лоти до исполнения ею своего предназначения, — укорила она богов Времени года.

— Мы оберегали, — пропел слаженный хор из четырёх мужских и четырёх женских голосов.

— Плохо оберегали! — отрезала Ким и возмущённо добавила: — Вместо того, чтобы задать трёпку наглой кошачьей морде, вы сложили лапки, глядя, как он убивает бедную девочку.

— Мы не можем противиться воле Священного Ягуара, ведь он создатель нашего мира — огорчённо прошелестели голоса.

— Нахалка! — не выдержал Арес. — Я тебе не наглая кошачья морда, а бог Равновесия.

— А мне плевать! — заявила богиня. — Руана! — позвала она, и рядом с ней возникла та девушка, что выступала постоянным спарринг-партнёром Мари. Правда, в симуляторе она выглядела живым человеком, а в зале Лотилий основательно просвечивала.

Повинуясь воле богини, Руана воспарила вверх, а затем приняла горизонтальное положение и, опустившись на жертвенный постамент, слилась с Мари воедино.

«Итак, девочки готовы, теперь дело за мной, — Ким прикрыла глаза. — Не волноваться, у меня всё получится!» — подбодрила она себя и, решившись, открыла потайное отделение браслета.

Первородная материя, заключённая в звезду Хаоса, только этого и ждала. Щупальцем тьмы она вырвалась на волю и, свернувшись в клубок, весёлым щенком запрыгала вокруг Ким, а затем, повинуясь её приказу, устремилась к жертвенному постаменту. Правда, это произошло не сразу. Несколько раз клубок тьмы возвращался к Ким, пока она, выведенная из себя, не прикрикнула на него. Лишь тогда первородная материя обиженным щенком уползла к жертвенному постаменту и заполнила собой тело Мари, восстановительной формой которому служила энергетическая оболочка Руаны.

Прежде чем Ким приступила к главному действию, Арес заметил, что на её лице промелькнула паника. «Так-так! Девчонка нервничает. Тело она восстановила, а вот соединить его с душой, думаю, ей не под силу».

Но он ошибся. Песнь Сотворения в исполнении Ким прозвучала вполне уверенно. Под её влиянием письмена на поверхности Звезды Хаоса слабо засветились, а затем образовали радужный шарик, который подплыл к жертвенному постаменту. Стоило ему коснуться Мари и по всему её телу проступили такие же радужные письмена, что и на Звезде Хаоса. Затем они исчезли, и прежде неподвижное тело девушки начало подавать признаки жизни. Сначала дрогнули ноздри изящного прямого носа, а затем раздалась мокрая булькающая всхлипы — это, сигнализируя о возврате дыхания, пришла в движение грудная клетка.

— Да я умница, каких поискать! — воскликнула обрадованная Ким. — Эй, кошачья

морда! Ты это видел? У меня всё получилось... Тсс! Молчи!

Она к чему-то прислушалась.

— Вот и Николс пожаловал. Не знаю, как тебе, а лично мне ни с руки с ним встречаться.

Прежде чем уйти, Ким пристально глянула на Ареса, по-прежнему пребывающего в образе ягуара. Судя по горящим глазам и хвосту, хлещущему по бокам, известие не оставило его равнодушным — он явно волновался. А ещё она видела, что визит принца Хаоса не был для него неожиданностью.

«Вот дурак! Для встречи с Николсом совсем не обязательно было вмешиваться в ход Пророчества. Этот гад не замедлил бы с появлением, как только узнал бы о моём появлении», — усмехнулась юная богиня. За её спиной снова развернулись полотнища прозрачных крыльев, и она исчезла, оставив после себя дождевую чистоту радуги, запах недавней грозы и отблеск золотого летнего дня.

Как только Ким исчезла, Арес переместился в зал Лотилий. Приняв человеческий облик, он подошёл к жертвенному постаменту: смертная девушка дышала, но так и не пришла в себя. «М-да. Демиург называется! Привязала душу к телу и решила, что дело сделано. Как бы не так! Без синхронизации это всего лишь живой труп», — ухмыльнулся он, довольный неудачей юной богини.

И тут случилось то, чему у него не было объяснения.

Жертвенный постамент затянула мгла безвременья, и его мраморная поверхность опустела. Мари вновь повисла на перекладине для штандартов, причём в том же плачевном состоянии, в каком она была до появления юной богини, вознамерившейся её оживить.

Озадаченный Арес обошёл вокруг истерзанной девушки. «Похоже, судьба смертной предопределена самим Мирозданием. В таком случае и у меня, и у Ким крупные неприятности», — хмурясь, подумал он.

Бог-убийца беспокоился не зря. За вмешательство в судьбу ключевых фигур Коллегия Двенадцати наказывала особо жестоко — как правило, это был смертный приговор.

Ник не помнил, как добрался до личных апартаментов, и не знал, сколько простоял в коридоре, прежде чем пришёл в себя. Двери отворились — причём уже не в первый раз, и он вошёл внутрь. Вспыхнул неяркий мягкий свет и первое, что бросилось ему в глаза, это вещи Мари. Поначалу, когда она поселилась у него, они страшно раздражали его, но постепенно он привык и уже не обращал внимания на всякие женские мелочи, попадающиеся ему в самых неожиданных местах.

При виде заколки, которую Ник недавно видел в волосах Мари, случившееся вдруг показалось ему дурным сном, но он был не из тех, кто живёт иллюзиями. Стараясь не смотреть по сторонам, он прошёл в спальню и первым делом поставил бластер на подзарядку. Затем он сел на кровать и его невидящий взгляд устремился к окну, за которым царил ясная тёплая ночь.

Вселенская звёздная тьма дарила покой его оцепеневшей душе. Ник не испытывал ни сожаления, ни вины за содеянное — он вообще ничего не испытывал. Гнев, боль, негодование — весь этот спасительный взрыв чувств, накрывший его в храме Священного Ягуара, иссяк по возвращении в зал Лотилий. Прежде чем он увидел Мари, погребённую под ворохом увядающих цветов, он учуял запах её крови, приобретший нотку тлена, и к нему

наконец пришло осознание того, что она мертва — мертва и, значит, больше не имеют смысла ни его застарелая ненависть, которую он перенёс с матери на дочь, ни его любовь к Мари, которую он не хотел признавать.

«Почему из всех женщин именно она?» — тоскливо спросил он себя и, стремясь отгородиться от чувства вины, попытался вызвать в памяти образ Лотиланы. Увы, образ Мари был куда ярче и перед его внутренним взором промелькнул калейдоскоп воспоминаний, где центральное место занимала она, а не его первая любовь.

И Ник смирился. Бластер успел на четверть зарядиться, и он взял его в руки. «Конечно глупо умирать из-за женщины, но что-то я устал от потерь. Устал до потери пульса, как сказала бы моя невоспитанная алин», — рассеяно подумал он и его палец привычно лёг на спусковую кнопку. Правда, прежде чем окружающий мир перестал существовать, ему почудилось, что звёзды сорвались со своих мест, и всё их несметное количество ринулось к его окну.

Последнее, что Ник увидел, это яркую вспышку и неясную фигуру, будто сотканную из колючего звёздного света. Горящие синие глаза небесного посланника смотрели на него с неподдельным участием и его затопила светлая радость: «Спасибо вам, боги, за добрый знак! А теперь домой: к родителям и Лотилане». Открылся сияющий путь, ведущий на Небеса, и он, охваченный нетерпением, протянул руки навстречу улыбающимся близким. Как вдруг их заслонило изуродованное лицо Мари, а затем из тьмы безвременья выплыл гигантский череп, в глазницах которого полыхал адский огонь, и он с отчаянным криком провалился в его ухмыляющуюся пасть.

[1] Что ни говори, печальна участь любящего сердца.

[2] Простое-то оно простое, да только платье было из светового шёлка — материала, присущего одеяниям богов.

ГЛАВА 26. Удивительное посещение с далеко идущими последствиями

Несмотря на сверхъестественное появление, небесный посланник оказался реальностью. Правда, его вид скорей наводил на мысль об адской сковороде, чем о райских куцах. Это был идеально сложенный трёхметровый мужчина с абсолютно чёрной кожей, отливающей радужно-зеркальным блеском. Адский колорит гостя несколько сглаживали его глаза. Причудливой формы, безмятежно синие и мудрые — это были глаза ангела; вот только доброты в них не было ни на грош. Впрочем, отсутствие рогов, хвоста и копыт ставило под сомнение его принадлежность к свите Сатаны. Да и лицо, по-человечески живое и подвижное, тоже говорило в его пользу — конечно, если слухи верны, и непомерная гордыня является неременным атрибутом демонского племени.

Кем бы ни был удивительный пришелец, благодаря его более чем своевременному вмешательству смертельный заряд ударил со значительно меньшей силой, и Ник повис в пустоте между жизнью и смертью, которая на медицинском языке зовётся комой. Каким образом ему это удалось при отсутствии каких-либо видимых приборов и даже одежды — чернокожий гигант был гол как сокол — осталось загадкой. Впрочем, было не исключено, что породившая его цивилизация ушла настолько далеко вперёд, что её представители сравнялись с теми, кого человечество называет богами.

Во всяком случае, обычным человеком пришелец точно не был, о чём говорило и то обстоятельство, что при его трёхметровом росте и внушительной мускулатуре он передвигался совершенно бесшумно; к тому же от заключённой в нём колоссальной энергии воздух ощутимо вибрировал и проскакивающие крохотные искры статического электричества порождали резкий запах озона.

Подойдя, он склонился над Ником, лежащим на полу, и, уловив чуть заметное дыхание, одобрительно кивнул. «Жив. Вот и умница, — сказал он, а затем укоризненно добавил: — Вообще-то, жизнь не игрушка, а дар, которым нужно дорожить».

Любопытствуя, пришелец отвёл волосы, упавшие Нику на лицо, и в удивлении приподнял бровь. «Надо же! Практически моя копия в истинной форме... Случайность? Вряд ли. Ну-ка, давай посмотрим, что там у тебя с внутренним строением», — сказал он, и без каких-либо видимых манипуляций с его стороны Ник превратился в сплетение энергетических потоков. По губам пришельца скользнула задумчивая улыбка. «Что ж, отличное исполнение. Явно работа Лотиэль... Ах ты, озорница! Какие всё же вы своевольные создания, мои красавицы-богини, ведь просил вас не использовать мой генотип при созидании, но нет, не послушалась ни та ни другая. Ладно, Ева — что взять с глупой девчонки, но ты, Лотиэль? Ведь ты же умница и ничего не делала без выгоды для себя. Не знаю, что тобой руководило, но такими потомками можно гордиться. Похоже, ты тоже была от меня без ума», — проговорил он с оттенком печали в голосе.

Ким, скрытно наблюдающая за ним, возмущённо фыркнула. «Чтобы я влюбилась в старикашку? Да никогда в жизни! И вообще, на твои лживые посулы могла купиться только такая дура, как Ева», — сердито подумала она и замерла, уловив всплеск интереса со стороны пришельца.

«Нет, нет! Здесь никого нет, тебе показалось», — мысленно пробормотала богиня и

потихоньку отползла в самую глубь пространственно-временной складки, служившей ей укрытием.

«Что ж, пусть будет показалось», — усмехнулся принц Хаоса. Из-за неопытности Ким созданная ею пространственно-временная складка имела основательные прорехи, особенно в высших измерениях, и для бога его уровня определить её местонахождение было пустяковым делом. Так что убежище Ким было не столь надёжным, как она воображала. Но ей повезло. Из-за перерождения принц Хаоса её не узнал и обошёлся лишь поверхностным взглядом. Он решил, что прячущийся от него светловолосый мальчишка — это приспешник лорда Ваатора, которому поручено следить за ним. К тому же сейчас его куда больше заботил Ник — ему не хотелось терять столь сильную линию своей крови, которая обещала дать новых могущественных богов, преданных ему и сыну. Ведь при Сияющем дворе ни на мгновение не утихала ожесточённая борьба за власть и расположение всемогущего лорда Хаоса.

Положив Ника на кровать, принц Хаоса присел рядом и смерил его озабоченным взглядом.

— Мой мальчик, сейчас мы качнём стрелку весов в сторону жизни. Но проделаем это очень и очень осторожно, чтобы не потревожить мироздание. Практика показала, что оно не любит вмешательства в судьбу ключевых фигур, поскольку на них слишком много завязано. В таких случаях мироздание ведёт себя непредсказуемо, что не есть хорошо и вызывает массу нареканий у лордов хаоса. Они — сердитые ребята, и я не хочу заполучить головной боли от их буйной шайки: мне и придурей родного отца хватает за глаза и за уши. Так что не будем пороть горячку и немного подождём. Хорошо?

На ладони принца Хаоса появилась крошечная клякса, которая постепенно разрослась до размеров футбольного мяча. Некоторое время ничего не происходило, а затем сгусток тьмы принял форму своеобразной хризантемы и её зеркально-чёрные лепестки слегка дрогнули, испустив многомерный сигнал, который внешне выглядел как порция радужного свечения.

— Отлично! Кажется, запрос принят, — сказал он и в его позе исчезло напряжённое ожидание. — Знаешь, я почти не сомневаюсь в успехе нашего предприятия. Ведь ты, мой мальчик, один из королей Квадратуры круга. Бездарная потеря столь значимой фигуры была бы непростительным расточительством.

Принц Хаоса с явным расположением посмотрел на Ника.

— Ну а пока меняется вектор твоей судьбы, давай немного поговорим. Должен заметить, ты огорчаешь меня. Такое безрассудство с уходом раньше времени скорее в духе твоего братца Исаэля, чем в твоём. Но ему позволительны чудачества, ведь в нашей семье он идеалист и миротворец. Что поделаешь, сказывается кровь Евы...

Он досадливо поморщился.

— Знаешь, в моё отсутствие он много чего тут натворил. Поверь, я не жалею, Исаэль — милый мальчик. Просто он ещё не переболел детскими болезнями левизны и до сих пор носит со своими идеями чистого добра и безупречной нравственности. Причём он до сих пор переживает за порученных ему овец, и не оставляет попыток привить им нравственные нормы. Похвальное стремление, я им горжусь. Хотя, на мой взгляд, ему не помешала бы изрядная доля здорового цинизма.

Несмотря на сказанное, из его груди вырвался тяжёлый вздох.

— Надеюсь, со временем он всё же уgomонится. Зачем, спросишь ты. Отвечу, как будущему коллеге. К сожалению, идеи Исаэля оказались чересчур заразными и пачками отправляют на тот свет недозревшие души. А что толку в посеянном семени, если оно не принесло обещанных плодов?

Принц Хаоса поднял голову и рассеяно глянул вдаль. Стены комнаты растаяли, открыв его взору каменистую пустыню с редкими пальмами в оазисах. Там, по раскалённой пыльной дороге, бешеным галопом мчались навстречу друг другу два отряда вооружённых всадников. Воины одного из них были в белых развивающихся бурнусах, а их противники — в одежде с нашитыми повсюду крестами. Отряды столкнулись, и началась безумная сеча — звенели клинки, ржали умирающие животные, жалобно стонали раненые. Но сражающимся воинам ни до чего нет дела — до тех пор, пока они в строю, у них блестят сумасшедшие глаза и кривятся открытые рты. «Во славу Господа нашего!» и «Аллах акбар!» — орут одно и то же, но на разных языках их охрипшие глотки.

Затем видение битвы в пустыне сменилось чадом пылающих костров на площадях средневековых городов. Вокруг них неспешно ходили процессии людей в длинных одеждах — на смиренных лицах стыли постные мины, глаза опущены долу, губы беззвучно шевелятся, вознося молитвы Вседержителю. Создавая праздничную атмосферу, ввысь рвутся языки яростного пламени, поверх голов плещутся по ветру вышитые золотом хоругви. И только хмурое небо, да крики сжигаемых людей нарушают благость праздничной картины.

— Аминь, дети! Лучше бы вы, хороводясь вокруг костров, радовались жизни и искали себе пару, как было изначально задумано, а не жгли себе подобных, — огорчённо проговорил принц Хаоса и снова тяжело вздохнул.

— Это ладно. Тут один из главных фанатичных последователей Исаэля недавно похлеще учудил. Он сумел до основания разрушить огромную страну, и наполовину проредил её население. Вот и старайся после этого сохранить своё стадо, если оно, благодаря некоторым баранам, упорно стремится в пропасть вместо того, чтобы тучнеть на пастбищах. Увы! В реальной жизни красивые идеи не столь жизнеспособны, как хотелось бы их сочинителям, — принц Хаоса усмехнулся. — Хорошо хоть среди стада царит похвальное здравомыслие. Не выдержав непосильного морального давления, бедные овечки спровадили ко мне сначала одного, затем другого пастыря. А в искупление своего греха они теперь усиленно им поклоняются, при этом сдабривая веру усиленной дозой жестокости и лицемерия. Ну, что здесь скажешь? Молодцы!

Принц Хаоса глянул на чёрную хризантему, которая без каких-либо изменений продолжала парить в воздухе. И хотя на его лице не дрогнул ни один мускул, чувствовалось, что это его тревожит. Он прошёлся по комнате, а затем вернулся и снова сел рядом с Ником.

— Знаешь, мой мальчик, я до сих пор удивляюсь последователям Исаэля, — продолжил он беседу. — Ну, до чего же у него сметливая паства! Что им не по нраву они своими хитроумными толкованиями умеют свести на «нет» любое его благое дело. Взять хотя бы одну из заповедей — ту, которая гласит «не убий». Ведь в скрижалях нигде нет сноски, что из данного правила есть исключения. Но заповедь сплошь и рядом нарушается. А самое забавное знаешь что? То, что за убийство даруется прощение, только раскайся и помолись. Уму непостижимо! Как будто словами можно искупить столь тяжкий грех. Ещё удивительней, почему-то совсем уж богоугодным делом считается физическое уничтожение инакомыслящих. Какой-то бред! Ну, и какой тогда смысл в самой заповеди? Ты не знаешь? Вот и мне ничего дельного не приходит в голову, — он с неподдельным огорчением покачал

головой. — Бедный Исаэль! Он от рождения был мечтателем и не от мира сего. Жаль, из-за моей занятости мы редко встречались и мне всё было недосуг поговорить с ним по душам.

На его лицо легла тень грусти, и он о чём-то задумался, а затем вновь обратился к своему безмолвному слушателю.

— Но ты-то, мой мальчик, всегда был реалистом до мозга костей и вдруг на тебе! — произнёс он с отеческим огорчением. — Ох, уж эти дети! Столько с вами мороки, а толку — чуть. Короче, больше не смей совершать опрометчивых поступков, не то я рассержусь. Потому как нечего против моей воли рваться туда, куда путь тебе заказан, во всяком случае, до поры до времени. И вообще, мой ангел, ты не прав, загоняя себя непосильной работой, но я, как никто другой, понимаю тебя и прощаю. Ведь творение — это всегда чудо. Но видишь, как нехорошо получается, когда ты весь на нервах? Взял и насмерть ухлестал такую славную девочку, а теперь и сам рвёшься за грань. Кстати, Никотан, должен заметить, что из тебя никудышный собеседник...

Подняв голову, принц Хаоса к чему-то прислушался[1].

— Думаю, времени за нашей болтовнёй прошло предостаточно, пора бы уже публике, стоящей на страже незыблемости законов мироздания, определиться с решением, — озадаченно проговорил он.

Будто вняв его словам, чёрная хризантема потеряла чёткость и развеялась как дым.

— Слава Создателю! Мой мальчик, мы своего добились, — обрадовался он и тут же деловито добавил: — Что ж, если мироздание не против, чтобы ты ещё пожил, то не мешает тебя подлечить.

Из его ладони вырвался ослепительный свет и Ника окутал сияющий кокон, а когда тот исполнил своё дело и исчез, то вместе с ним исчезла опалённая рана на его виске и он, повернувшись на бок, спокойно задышал во сне.

— Вот и славно. Отдыхай, мой мальчик, тебе это полезно. Ну а я, тем временем, займусь твоей подружкой. Не переживай, с ней всё будет хорошо.

По возможности принц Хаоса старался держать слово, и он без промедления переместился в зал Лотилий. Впрочем, во встрече с Мари у него был свой интерес.

Пребывание в статусе наследника лорда Хаоса буквально с пелёнок отучило Николса от глупой самоуверенности. Удивлённый тем, что не чувствует присутствия мальчишки-шпиона, который должен был последовать за ним, он запустил экспресс-анализ воздуха. Молекулы озона несли на себе следы недавнего соприкосновения с энергетическими оболочками двух сверхъестественных существ, но их было слишком мало. Это говорило о намеренном сокрытии следов, что вызвало у принца Хаоса новый приступ паранойи.

Зал Лотилий залил ослепительный свет, и тот изгнал тьму даже из тех закоулков, которые с незапамятных времён служили ей надёжным прибежищем. Укрыться от него было невозможно, ведь он открывал истинную суть всего и вся. К разочарованию Николса, многочисленные скульптуры не таили в себе ничего необычного и были тем, чем казались, а именно обработанными кусками камней и металлов, из которых искусные руки мастеров сотворили неповторимые произведения искусства.

Тогда, ища соглядатая, он обследовал весь Риоголиз. На духов природы, обитающих в семейном храме, он не обратил внимания, лишь поприветствовал Ареса, находящегося там же, но тот закрыл глаза, делая вид, что не замечает его присутствия. «Ишь ты, кошка дуется на меня, а ведь радовался как ребёнок, когда понял, что я его не бросил», — насмешливо

подумал Николс.

Так и не найдя юного шпиона, он обратился к цели своего визита. К его неудовольствию, истерзанная девушка, висящая на перекладине, оказалась жива. «Ну, ты и живуча, моя дорогая! Куда там кошкам с их девятью жизнями. Может, стоит добить тебя, чтобы дать свободу душе Лотиэль?[2]» Мысль была заманчивая, но не исполнимая. Девушка была не только аватарой[3] бога, через пророчество её душа была связана с душой Лотиэль, а такие договоры подлежали занесению в договор Хаоса. «Так что хочешь или нет, но она должна выполнить своё предназначение, чтобы оно передалось следующей смертной девчонке. Если прервать цепочку перерождений, это может вызвать парадокс в моей вселенной, чем отец не замедлит воспользоваться, чтобы призвать меня к ответу за побег», — кисло подумал Николс. — Вот дьявол! И что же теперь делать? Конечно, можно поискать лазейки в договоре, позволяющие его обойти, но это потребует времени, которого у меня нет. Мальчишка в любой момент может пойти вразнос и не факт, что в следующий раз удастся его спасти».

Ощувив чужое присутствие, он искоса глянул на огненного гостя, возникшего на спине фантастического зверя — тот служил центральной фигурой ближайшей каменной композиции.

— Ваатор, я тебя не звал.

— Ничего, ваше высочество, я не в претензии. С зовом или без, но я всегда к вашим услугам...

— Сгинь, нечистый! — прогремел Николс, зная, что властитель Адской Бездны терпеть не может, когда его так называют.

— Шутить изволите, ваше высочество? — миролюбиво спросил лорд Ваатор, устраиваясь поудобнее на спине облюбованной зверюги. — И всё же, у меня к вам покорнейшая просьба. Не могли бы вы не употреблять оскорбительные эпитеты и называть меня по имени?

— Не слишком ли много чести? — отозвался принц Николс и выразительно глянул на гостя. — Ну, что надо?

— Хотел бы я сказать, что явился по дружбе, но увы, меня привели дела службы. Так что не гневайтесь, ваше высочество, вы же знаете, что я обязан присматривать за своими отделениями во вселенных творцов, чьи ряды вы столь неожиданно решили пополнить.

— Что, отец по-прежнему злится? — не сдержал любопытства принц Хаоса.

— Думаю, вы сами знаете ответ. Ваше высочество...

— Занимайся своими делами. Как видишь, мне сейчас не до тебя.

— Договорились, ваше высочество.

Смирившись с присутствием владыки ада, который имел полное право обследовать свои вотчины во вселенных творцов, Николс мысленно проиграл несколько вариантов с умерщвлением Мари — так, на всякий случай — и все они ему не понравились.

«Что ж, на нет и суда нет», — подойдя к девушке, он коснулся её изуродованной щеки и лизнул пальцы, окрасившиеся кровью.

— Соль и кровь. Любовь и боль. Яркий фейерверк чувств на грани жизни и смерти. Я уже позабыл их вкус, — задумчиво произнёс он.

Мечтательное выражение на его лице привело к тому, что звёзды на небосклоне отозвались прекраснейшей мелодией, полной неземной грусти и безумного сожаления о потере.

— Кажется, пройдет вечность, но ты никогда не забудешь того, кто владел твоим сердцем... Увы. Ничто не вечно под луной.

На эту его сентенцию звёзды откликнулись ликующим гимном, а принц Хаоса обошёл вокруг висящей на перекладине девушки и, оценив причинённый ей ущерб, покачал головой.

— Не понимаю, дорогая, как тебе удалось остаться в живых. Со спины по тебе можно изучать анатомическое строение скелета. Может, стоит подождать? Состояние у тебя более чем плачевное, всё равно ты долго не протянешь.

С окровавленных губ Мари сорвался слабый стон, услышать который мог лишь стоящий рядом принц Хаоса. «Убей», — мысленно попросила она. «Рад бы, да не могу», — отозвался он. «Гадина!» — приласкала его девушка, прежде чем снова впасть в беспамятство.

Отчего-то её слова задели принца Хаоса, хотя он, как советовал Поэт, уже целую вечность и даже не одну, был равнодушен к хуле и похвале, да и любую мыслящую материю воспринимал лишь как инструмент, удобный для его целей. Но каким-то чудом именно этой пылинке праха удалось пробить броню его равнодушия и вызвать сострадание к себе.

— Вот дьявол! — недовольно буркнул он и с досадой добавил: — Добром прошу, заткнись, Ваатор! Я не к тебе обращаюсь.

«Ну, вот! А так хочется услышать просьбу из ваших уст, ваше высочество», — раздался вкрадчиво-трескучий голос, и в воздухе ощутимо повисло выжидательное молчание. Спустя некоторое время нетерпеливо сверкнули языки багрово-рыжего пламени, и под сводами зала Лотилий пронёсся тяжёлый вздох: «И всё же, я не теряю надежды, ваше высочество».

Не обращая внимания на владыку Адской Бездны, исподтишка наблюдающего за ним, принц Хаоса в раздумьях расхаживал по залу. С одной стороны, ему хотелось незамедлительно прикончить смертную страдальницу — в её душе он надеялся найти частицу той, что затронула его сердце. С другой стороны, его одолевала жалость к искалеченной смертной девушке, а это уже был другой сценарий развития событий.

«Ладно, — сдался он наконец. — Нужно что-то делать, иначе Никотан не прекратит заниматься самоедством. К тому же я обещал, что позабочусь о его подружке. И хотя обещание может быть истолковано как мне угодно, тем не менее лучше всё вернуть на круги своя. Отберу его любимую игрушку в ходе исполнения предсказания, тогда и договор Хаоса не будет нарушен и Никотан, морально готовый к такому повороту событий, не будет чувствовать себя виноватым».

Придя в хорошее расположение духа, принц Хаоса уже совсем другими глазами посмотрел на девушку. Он больше не чувствовал себя кровожадным злодеем; впрочем, благородным рыцарем он тоже себя не ощущал, поскольку собирался изменить ход пророчества так, чтобы погибла она, а не его протеже. «Всё равно девчонке необычайно повезло», — сказал он себе в оправдание и приступил к делу. Как и в случае с Ником, Мари окутал кокон божественного света, а когда его сияние иссякло, она была уже в целости и сохранности.

Ким, внимательно наблюдавшая за манипуляциями принца Хаоса, ощутила острый приступ зависти, смешанный с восхищением, — такая ювелирная работа была ей не по плечу. Но она была очень способным демиургом и, поняв свои ошибки, взяла на заметку его приёмы.

Изнывающая от вынужденного безделья юная богиня уселась в позу лотоса и с нетерпением посмотрела на Николса, который и не думал уходить. Взяв за подбородок, он приподнял голову воскрешённой им девушки.

— Ба, знакомые всё лица! Повторяешься, дорогая. Похоже, ты решила дать ещё один шанс девочке из прошлого.

Николс отвязал Мари от перекладины — точнее, её путы развязались сами собой и он, не дав ей упасть, подхватил её на руки и направился к жертвенному постаменту.

«Опять? — скептически хмыкнула Ким. — Бедняжка Мари! Мало того что её дважды зверски изувечили, так ещё постоянно таскают между виселицей и жертвенником. Интересно, что старикашка задумал?»

Что бы ни задумал «старикашка», он явно намеревался дожидаться, когда Мари выйдет из адаптационной комы, сопутствующей воскресению, и Ким пришлось запастись терпением.

Видя, что девушка вот-вот придёт в себя, принц Хаоса легонько щёлкнул её по носу.

— Ну-ка, проснись, спящая красавица! Хочу побеседовать с тобой, а то в прошлый раз ты была уже мертвее мертвого.

Вырвавшись из омута беспамятства, Мари села и некоторое время непонимающе таращилась по сторонам. Наконец, её взгляд сфокусировался на чернокожем гиганте, на котором не было ни нитки. Стоило ему улыбнуться, и на её лице появилось безумное выражение. Из горла девушки вырвался ужасный крик; все её мышцы до предела напряглись и она, выгнувшись дугой, забилась в эпилептическом припадке.

Принц Хаоса, не ожидавший такого, поспешно простёр над ней руки. «Тихо-тихо, дорогая! Всё хорошо, не нужно так пугаться, никто тебя не съест». Пойманная в ловушку света, девушка перестала кричать и, обмякнув, повисла в воздухе.

«Ну что, облажался? — не выдержал Арес и, ухмыльнувшись, добавил: — Живая материя это тебе не игрушки для придворных дам. Да ты не стесняйся! Если нужна моя помощь, только намекни».

«Как-нибудь обойдусь без помощи дилетанта», — сдержанно ответил принц Хаоса, тем не менее довольный тем, что брат заговорил с ним. Чтобы выяснить причину своей неудачи, он провёл тщательное обследование Мари, которое включало полный просмотр её воспоминаний.

«Ну-ну! Только смотри снова чего-нибудь не напортачь», — съехидничал Арес, уязвлённый тем, что принц Хаоса, спихнувший на него процесс сотворения жизни на Земле, до сих пор считает его неучем.

«Не переживай, не напортачу. А ты мог бы предупредить, что девчонка на грани помешательства из-за ужасов, приключившихся с ней в детстве».

«А ты не спрашивал», — парировал Арес и, давая понять, что разговор окончен, положил голову на лапы и закрыл глаза.

«Не злись, братец. Конечно, я поступил с тобой по-свински, но разве ты остался бы со мной, попроси я тебя об этом? Уверен, ты помчался бы с докладом к отцу, а тот тут же свернул бы мою вселенную, а меня отправил к Ваатору... Ну, чего молчишь? Разве я не прав?»

«Иди ты к чёрту!.. Извините, ваша светлость, это я не вам».

«Мой юный друг, — откликнулся повелитель Адской Бездны, — как никто другой я понимаю затруднительность вашего положения. С одной стороны у вас его божественность, хоть и всепрощающий, но строгий родитель, а с другой — старший брат, который весьма умен и талантлив по части интриг. И всё же, понизить меня до должности какого затрапезного чёрта, согласитесь, это уже перебор. Но вы не тушуйтесь, я не держу на вас зла.

Молодости свойственны ошибки».

Несмотря на благожелательный тон лорда Ваатора, Аресу стало не по себе.

«Спасибо, ваша светлость», — пробормотал бог-убийца, мечтая оказаться как можно дальше от повелителя Адской Бездны.

«Ваатор, ты почему до сих пор здесь? — пришёл принц Хаоса на выручку брату. — Только не говори, что отец уже выпер тебя и самое тёплое местечко в нашем континууме теперь пусто».

«Намёк понял! Ваше высочество, считайте, что меня уже нет».

Чтобы успокоиться Арес, встал и прошёлся по храму. Когда вздыбленная шерсть на заливке окончательно улеглась, он длинным прыжком ушёл наверх и вновь превратился в статую. Видя такое дело, принц Хаоса усмехнулся, но промолчал: со стороны брата это была не трусость, а разумная предосторожность. Сам он держался свысока с лордом Ваатором, но не забывал, с кем имеет дело. Коварство и мстительность повелителя Адской Бездны были притчей во языцех, и при Сияющем дворе его боялись не меньше самого лорда Хаоса.

С некоторых пор лорд Ваатор искал его расположения. Поначалу это бесило Николса — слишком уж свежа была память о том, что он сделал с его сыном Лозаном и лордом Океаном, его любимым воспитателем, который, по сути, заменил ему отца. Но со временем его ненависть поутихла. При желании лорд Ваатор умел быть полезным. Именно от него Николс узнавал последние новости при Сияющем дворе и вдобавок владыка ада был столь любезен, что иногда выполнял его поручения. При всём при том он знал, что его верность принадлежит лорду Хаосу и не особо на него рассчитывал. Тем не менее принцу-изгою не могло не польстить то обстоятельство, что умнейший пройдоха считает именно его достойным трона Двенадцатого континуума.

[1] Во всяком случае так выглядело со стороны, хотя вряд ли соответствовало действительности, — ведь боги они же вездесущие и всезнающие. Впрочем, не исключено, что материальная оболочка ограничивает их способности, оттого порой они ведут себя по-человечески, а не как последние зас... впрочем, не стоит богохульствовать, а то кто знает. Вдруг загробная жизнь никакая не выдумка, тогда ой-ё-ёй!

[2] Лотиэль — женская часть эрейского божества весны.

[3] Аватара — смертная оболочка, способная вместить душу бога.

Девушка, заключённая в кокон света, жалобно всхлипнула, чем привлекла к себе внимание Николса.

— Извини, детка, я отвлёкся. Что ж, давай продолжим наши изыскания. Для начала посмотрим, что там сделал Никотан, чтобы привести тебя в нормальное состояние... Ну, для его знаний и опыта очень даже неплохо. Коррекция грубая, но эффективная. Иначе, как показывает практика, твои мозги давно бы съехали набекрень. В общем, задача ясна. Сейчас попробуем вернуть их в идеально-здоровое состояние.

После его слов вокруг головы Мари вспыхнул дополнительный светящийся ореол, придавший ей вид святой мученицы.

— Так, а теперь на всякий случай подстрахуемся, для чего заблокируем приключившиеся с тобой ужасы, как это сделал Никотан... Ну вот, теперь ты не сойдёшь с ума, даже если всё вспомнишь. Но лучше не омрачать наше знакомство печальными воспоминаниями, не так ли? Ах, ты! Чуть было не запорол всю работу... Но как там говорится? Дело мастера боится. А я, что ни говори, гений во всём, за что берусь. Правда, должен признать, что проще создавать галактики, чем копать в строении всякой такой мелочи. Тэк-с, последний штрих и... готово. Поздравляю, дорогуша! До исполнения предсказания ты хотя бы поживёшь с нормальными мозгами.

— Браво, ваше высочество! — захолопал в ладоши повелитель Адской Бездны и под сводами зала Лотилий загремели праздничные фанфары.

«Ваатор, не гнушаешься лично шпионить за мной?» — начал сердиться принц Хаоса.

«Я не белоручка, ваше высочество, и не чураюсь работы рядового полевого агента», — последовал ответ.

«Ладно. Хочешь я попрошу отца, чтобы он передал тебя в моё ведение? Так что можешь заранее примерить на себя ангельские крылья и заодно потренироваться в воздержании. Ну, что за постная мина? Ты же ищешь моего расположения? Считай, что ты его получил».

«Ваше высочество, не горячитесь. Я больше не буду надоедать вам своим присутствием. Вы правы, ангел из меня никудышный, но зачем же раскидываться ценными адскими кадрами? Как профессионал своего дела, я готов занять должность князя тьмы при вашей особе».

«Ты это серьёзно?.. Видимо, да. Ваатор, не понимаю, какая в том тебе выгода. Ведь ад в моей вселенной уже давно превратился в региональное отделение Адской Бездны. Мои рогатые орлы лишь делают вид, что подчиняются мне, а на самом деле следуют твоим указаниям».

«Ах, мой принц, судьба переменчива! Если их божественность погонит меня с должности властителя Адской Бездны, где-то ведь нужно будет приткнуться. А кому нужен чёрт в отставке? То-то и оно, что никому. Так что при случае не откажите в скромной просьбе».

Глаза принца Хаоса заискрились смехом.

«Ваатор, ты настолько беспринципная сволочь, что этим даже импонируешь мне».

«Крайне признателен, ваше высочество. Я всегда ценил ваш выдающийся ум и несравненную доброту. И только ваша несравненная красота может с ними сравниться...»

«Хватит, Ваатор! А то я начинаю чувствовать себя глупцом, которого ты водишь за нос. И всё же, ты зря нацелился на меня. Думаю, ты ошибаешься, видя во мне преемника лорда Хаоса».

«Вряд ли, ваше высочество. Без всяких шуток говорю, я уверен, что именно вы будете его наследником, — серьёзно отозвался лорд Ваатор и елейно добавил: — Мой принц, раз такое дело и я почти у вас на службе, может, разрешите поискать беглую невесту в вашей вселенной?»

«Мой ответ неизменен, и ты его знаешь».

«Вы сама жестокость, ваше высочество! Неужели вы не понимаете? Моё сердце разрывается от горя, находясь в разлуке с предметом страсти».

«Мой адский друг, ты крайне неубедителен в роли влюблённого. Роль палача даётся тебе гораздо лучше. Давай уж вали домой, твоё официально-разрешённое время для инспекции уже давно истекло. Думаю, ты успел выяснить всё, что тебе приказано».

«Слушаю и повинуюсь, ваше высочество. Но вы не правы. На этот раз я прибыл к вам, так сказать, с дружеским визитом, а не по повелению их божественности».

Ощувив, что лорд Ваатор действительно ушёл, боги облегчённо перевели дух. В его присутствии никто из них не чувствовал себя в безопасности — даже принц Хаоса. Правда, лорд Ваатор мог сказать то же самое о нём самом. Законный отпрыск лорда Хаоса был не только умён, он был дальновиден, предусмотрителен и коварен, именно поэтому величайший из князей тьмы сделал на него ставку.

ГЛАВА 27. Что же делать бедным девушкам, когда их посещают красавцы-инопланетяне?

— Ну-ка, проснись, спящая красавица. Давай попробуем познакомиться ещё раз.

Принц Хаоса опустился в материализовавшееся кресло и с его руки к Мари порхнуло лёгкое светящееся облачко. Он учёл предыдущий опыт и на этот раз разместил её на полу.

Девушка села и с изумлением воззрилась на чернокожего красавца, будто покрытого радужной плёнкой. Почему-то он сразу же пришёлся ей по душе, несмотря на необычный вид и полное отсутствие одежды. «Потрясный мужчина! Конечно, рост основательно зашкаливает за среднестатистические показатели, но ведь какая душка! Может, плюнуть на всё и слиться с ним на какую-нибудь Альфа Центавра? Конечно, если это не инопланетный жук».

В знак приветствия она подняла руку.

— Привет! Если понимаешь меня. И да, я очень надеюсь, что ты не замаскированный жук.

— Привет. Я не жук. Клянусь мамой.

— Меня зовут Мари, а тебя как?

— Можешь звать меня Николсом, — представился странный гость.

«Ух ты, вот это голосище!» — восхитилась девушка, когда от его голоса, богатого звучными обертонами, у неё заложило уши.

— Симпатичное имечко и даже не нужно напрягаться, чтобы запомнить, — с быстрой улыбкой проговорила она и, вспомнив о приличиях, любезно добавила: — Рада знакомству, сентано Николс.

— Достали уже все эти церемонии, давай на «ты» и Николс, без всяких сентано, — предложил чернокожий красавец и хитро прищурил глаза. — Ну, как тебе наряд?

Мари критически осмотрела своё более чем скудное одеяние и внутренне усмехнулась: «Прямо-таки воительница из фэнтезийного боевика. Из обмундирования только три лоскутка с побрякушками и ботфорты. Не хватает только эльфийского лука или меча с меня ростом».

— Маловато, чтобы называться одеждой, но стратегически важные места прикрыты, так что порядок. Вообще-то, интересная мода. Это где же у нас такое носят? — она прижала пальцы к губам. — Ой, прости за идиотский вопрос! Конечно же, с такой радужной расцветкой ты натуральный землянин. Кстати, хорошо знаешь язык, значит, уже давно на Земле. Или это ты такой талантливый?

— Скорей последнее.

— Понятно. Так чего припёрлись, господа инопланетяне? Любопытствуете, как мы живём, или с какой-то секретной миссией?

Чернокожий красавец, назвавшийся Николсом, всем телом подался к ней, и понизив голос, поведал:

— При всём желании, я не могу сообщить тебе, сколько у нас кораблей-носителей выведено на околоземную орбиту и какое количество народа обретается на их борту. Ты же понимаешь, это жуткий секрет. Галактический Совет снимет мне голову за разглашение

военной тайны. Кстати, уже за эти сведения мне положено тебя умертвить.

Мари внимательно посмотрела на него и фыркнула.

— Ничего ты не разгласил, так что давай обойдёмся без зверств.

— Давай, — Николс смерил её оценивающим взглядом. — А ты, как я погляжу, не робкого десятка.

— Не вижу смысла биться в истерике. К тому же, как я понимаю, от меня мало что зависит.

— Верно. Против меня ты меньше, чем букашка.

«Великодержавный шовинизм во всей своей неприглядной красе», — констатировала Мари, чувствуя подступающее разочарование.

— А без уничижительных реплик никак нельзя? — осведомилась она.

— Попробую, но не обещаю.

— Ладно.

Под видом того, что ей внезапно потребовался шарфик, лежащий у скульптуры всё того же злосчастного шестинога, девушка будто невзначай отодвинулась от чернокожего красавца. Он ей не разонравился, но она поняла, что с ним нужно держать ухо востро. Пока она отработанными до автоматизма движениями подвязывала шарфом волосы, на задворках её сознания промелькнула мысль, что система безопасности Риоголиза никак не отреагировала на незваного гостя и это не есть хорошо.

— В таком случае, пусть ваши инопланетянские секреты остаются при тебе. Если честно, они мне пофиг. Ты лучше скажи, киндепинг будет или нет? — поинтересовалась Мари, для которой межзвёздные дали, грозящие стать реальностью, отчего-то утеряти всякую привлекательность.

Принц Хаоса сделал вид, что раздумывает над её словами.

— Это зависит от обстоятельств, — наконец ответил он.

«Надо же, какая увёртливый инопланетянин, а ведь такой симпатяга», — вздохнула Мари и, подметив, что гость улыбнулся, поняла, что её мысли для него не секрет. «Может, мы обменяемся мнениями по животрепещущим межзвёздным проблемам и мирно разбежимся?» — понадеялась она. Несмотря на провокационные заявления и зазнайство, отчего-то ей не верилось, что он способен причинить ей зло.

— Слушай, Николс, а давай пошлём дипломатию к чёрту, — предложила Мари и, чтобы наладить контакт со странным посетителем, добавила: — Лучше расскажи мне о своей жизни в межзвёздных далях. Есть ли у тебя дом, любимая девушка... — она замаялась. — Ну, или кто там у тебя.

— Эх, детка! Всё было: и дом, и любимая девушка и даже «кто там» тоже. Нет, не подумай лишнего, я имею в виду сына и брата. Вот только было, да сплыло, — погрустнел чернокожий красавец. — Из дома выгнали и вряд ли пустят назад, любимая девушка сбежала и вряд ли вернётся, сын не знает о моём существовании, а брат не хочет о нём знать. Короче, не жизнь, а сплошная чёрная полоса.

— Бедняга! — пожалела его Мари. — Но что было, то сплыло. Чего уж теперь расстраиваться.

— Так-то оно так, да вот беда, сердце не хочет мириться с реальностью и до последнего надеется на лучшее. К тому же моя девушка из тех, что не забываются.

Искренняя печаль, отразившаяся на лице «инопланетянина», вызвала у Мари новый приступ сочувствия, хотя что-то мешало ей поверить ему до конца. Возможно, виной тому

был хитрый проблеск его прекрасных синих глаз, которые как магнитом притягивали её взор.

— Не горюй, возможно, она ещё вернётся, — сказала она и, глянув на свои сапоги, иронически хмыкнула: — Классная у вас одежда, только не слишком удобная. Надеюсь, зимой вы носите что-нибудь потеплей.

— Нет у нас зимы, сплошная весна, но мы одеваемся в другом, более сдержанном стиле, а эта мода распространена у моих оппонентов. У них довольно жаркий климат, потому они предпочитают облегчённый тип одежды, — поведал ей чернокожий красавец и его глаза вновь подозрительно блеснули.

— Видимо, так одевалась твоя девушка, — предположила Мари.

— Не угадала. Моя божественная красавица предпочитает скромные белые платья и крылья.

Всё больше склоняясь к мысли, что он над ней смеётся, Мари начала подумывать, а не послать ли верзилу-инопланетянина куда подальше, вместе с его дурацкими сказками, но сработал эрейский ритен.

— Приятно, что инопланетяне обладают чувством юмора, — вежливо проговорила она и, не удержавшись, насмешливо добавила: — Слушай, Николс, если твоя подружка крылата, то почему у тебя нет крыльев? Думаю, тебе пошли бы черные кожистые крылышки, метров эдак десяти в размахе... в комплекте с рожками. Или ты предпочитаешь чёрный плащ на красной подкладке и бледность лица с печалью во взоре? Но, в отличие от жизнерадостного демона, мне трудно представить тебя в облике томного вампира, особенно при твоей весёленькой окраске.

— Дорогая, внешность обманчива, — ухмыльнулся принц Хаоса. — Не поверишь, но я белый и пушистый. И хотя я нахожусь на раздаче крылатого реквизита, мне самому крылья не положены. Вот и маюсь бескрылый.

— А ты не думал оставить должность кладовщика? Ради крыльев я бы пошла на это.

— Увы! — он сокрушённо развёл руками. — И рад бы в рай, да грехи не пускают.

— М-да. И в самом деле, как-то всё у тебя не весело. Дома сплошные проблемы, крыльев тебе не дают. Ну а я-то тебе зачем? Только не говори, что ты дьявол и явился по мою душу, всё равно не поверю, — усмехнулась Мари и вдруг поняла, что поверит. И даже больше, она с самого начала знала, что чернокожий красавец с дьявольским именем это никакой не инопланетянин; знала на каком-то глубинном уровне и вот теперь это знание прорвалось наружу.

«Oh mon dieu! Какое-то сумасшествие! — запаниковала она и как следует ущипнула себя за руку. — Очнись!»

— Не поможет, ты не спишь, — «порадовал» её принц Хаоса.

— Заткнись! Глюкам слова не давали... А давай проверим! — Мари подлетела к нему и что есть силы пнула по ноге. — Чёрт, как больно!.. Ещё и тактильные ощущения. Круто же я поехала по фазе.

— Мариэль, успокойся! Если уж на то пошло, я не дьявол, я его антитеза.

— Не верю! Он выглядит не так.

— Да неужели? И как пресловутый Он... — принц Хаоса ткнул пальцем вверх, — по-твоему, выглядит?

— Ну...

— Нельзя ли вразумительней?

— Не знаю, — буркнула Мари. — Я не сильна в религиозных бреднях.

— Хорошо, — вздохнул принц Хаоса. — Если я нацеплю белый балахон, лысину с ватными кудряшками и такую же ватную бороду с доброй щекастой улыбкой, ты поверишь, что я это Он?

Воображение Мари тут же снабдило чернокожего красавца названным реквизитом, но вместо белого балахона выдало ему красный, вкуче с колпаком, и она состроила серьёзную мину, борясь с рвущимся наружу истерическим смехом.

— Извини, Николс, но борода из ваты — это несколько из другой оперы... Ой, больше не могу!.. Прости, прости! Сама не понимаю, что со мной творится.

Её лицо скривилось в какой-то полу-смеющейся, полу-плачущей гримасе, и она ударила себя по щеке — сначала по одной, затем по другой. «Господи! Какой-то перманентный бред! Палевская, проснись! Хватит уже!»

— Вот именно, хватит уже, — негромко сказал гость, и Мари перестала хлестать себя по щекам.

— Зачем я тебе? — спросила она, требовательно глядя на него.

— С твоей помощью я надеялся вернуть ту, что мне дорога.

— Каким образом? Я её знаю?

Принц Хаоса помолчал, прежде чем ответить.

— В тебе её душа.

— Всё-таки ты дьявол, — заключила Мари.

— Знаешь, какой ваш основной грех? Это ваше непомерное самомнение и заносчивость. Мир далеко не тот, каким вы его представляете. Он слишком сложен и многогранен даже для нас, тем не менее вы, чей крохотный невежественный умишко не способен постичь самых простых вещей, продолжаете мнить себя венцами творения и, как следствие, истиной в последней инстанции.

— В Библии говорится, что вы создали нас по своему образу и подобию, — возразила Мари, задетая явным презрением собеседника, и добавила: — В общем-то, любому здравомыслящему человеку и так понятно, что это всего лишь сказки, которые со временем обрели сакральный смысл. Ну а теория Дарвина — это тоже чепуха?

— Ваши священные книги, равно как научные изыскания, — всё это звенья одной цепи. Вот только то немногое, что доступно вашему уму, вы извращаете настолько, что полученное вами знание теряет свою ценность.

— Я учёный, мне нужны не слова, а доказательства. Говоришь, что ты... — Мари замялась, — антитеза дьявола, но чем ты это подтвердишь?

Она по-прежнему не верила, что гость именно тот, кем он себя объявил.

— Какого рода доказательства убедят тебя? — спросил принц Хаоса, которого уже не столько злил, сколько забавлял ведущийся разговор.

— Ну... Твоя епархия рай. Вот и покажи мне, каков он.

— Ты же считаешь, что увидишь иллюзию, — сказал он и Мари показалось, что от его улыбки сразу же посветлело, будто солнце выглянуло из-за туч.

— Ничего, я готова рискнуть, — оживилась она. — Да, хотелось бы уточнить, рай действительно существует или это выдумка?

— Зависит от веры. Чем она сильнее, тем вероятней, что выдумка обретёт реальность. Так в каком раю ты хочешь побывать?

— Пусть будет христианский, о других я вообще мало что знаю.

Принц Хаоса согласно кивнул и вызывающий наряд Мари трансформировался в полупрозрачный короткий балахон белого цвета, отделанный наилегчайшим пухом.

«Надо же, а малышка вылитый ангел!» — подумал Николс, любуясь спящей девушкой. И в самом деле, красота Мари не уступала красоте её матери, которая со временем была признана одной из красивейших богинь при Сияющем дворе. И хотя злые языки утверждали, что свой веночек королевы красоты Риза получила лишь из-за благосклонности лорда Хаоса, тем не менее никто не оспаривал, что она действительно прекрасна. Да и количество сердец, сложенных к ногам беспощадной богини, говорило само за себя; причём некоторые утверждали, что на крючок её ледяной красоты попался даже сам лорд Ваатор, во что верили далеко не все. При Сияющем дворе было опять же общеизвестно, что повелитель Адской Бездны равнодушен к мужской красоте, а к женщинам, как правило, испытывает только дружеские чувства.

По факту Мари уснула, но Николс сдержал слово и показал ей обещанный рай. Ведь в царстве Морфея грань между миром живых и миром мёртвых столь тонка, что душе ничего не стоит её преодолеть. Правда, всегда есть вероятность, что, уйдя в потусторонний мир, можно остаться там навсегда, но той, что находилась под покровительством самого принца Хаоса, такая опасность не грозила.

ГЛАВА 28. Молитвы молитвами, а протекция — великое дело! Без неё не попадешь даже в рай, во всяком случае, досрочно

И в самом деле, поначалу это был обычный сон, правда, необычайно красочный и реалистичный.

С ощущением, что мир чудесен, Мари стояла на голом скалистом плато. Свежий горный ветер теребил подол её платья и она, придерживая длинные пряди волос, смотрела и никак не могла насмотреться на деревеньки и аккуратные квадраты полей, расположенные на горных склонах. Переполненная радостью она жадно ловила запахи и звуки родной земли, истомлённой летним зноем. Это была Арея — её невообразимо далёкая родина, которую она никогда не видела, и тем не менее любила всей душой.

Тут небо властно позвало её к себе, и она без капли сомнения раскинула руки и устремилась ввысь — к пронзительной синеве небесного храма с редкими снежно-белыми облаками.

«Рени, я лечу! Матушка, посмотри, у меня есть крылья. Я как птица!» — восторженно выкрикнула Мари и, воспарив в вышину, бросила взгляд на землю. «Ух ты, дух захватывает от такой красоты!» — подумала она, и тут вид внизу разительно переменялся. На смену идиллической зелёной Аркадии с её сказочно-прекрасными эрейскими городами пришла картина современного мира.

Индустриальный кадавр был вонюч и уродлив, но с огромной высоты даже он показался Мари не таким уж безобразным. «Если не обращать внимания на мегаполисы, напоминающие раковые опухоли на теле планеты, и дымящие трубы заводов и фабрик, то там, внизу, всё те же зелёные квадраты полей и извилистые русла рек, мирные пастбища и черепичные крыши уютных городков». Говоря это, девушка, конечно же, кривила душой, но ведь она в этом мире родилась и потому была снисходительна к нему — как снисходительны мы к недостаткам тех, кого мы любим.

Неожиданно путь наверх ей преградила плотная завеса серых облаков и сколько она ни старалась, ей было не пробиться сквозь их толщу.

Испугавшись, что навечно застрянет в этом непроглядном сером Лимбе[1], Мари закричала, зовя на помощь, и тогда над её головой блеснуло светлое пятно, а затем кто-то протянул ей руку, которая показалась ей знакомой. «Неужели Ник? — удивилась она. — Только я ни разу не видела его с радужными коготками. Может, он сменил ориентацию и таким образом даёт мне понять, что всё кончено?» — промелькнула у неё забавная мысль.

«Но-но! Это натуральный цвет когтей, доставшийся мне при рождении, — заметил обладатель длани голосом принца Хаоса и пояснил: — Что поделаешь, моя мамочка большая любительница весёленьких расцветок. Спасибо, что фантазия Лилит не пошла дальше, и она ограничилась лишь моими когтями». Затем последовал грустный вздох с бормотанием: «Эх, дом, милый дом!» и вслед за тем нетерпеливое: «Быстрее, детка! Не медли, у меня дел невпроворот».

«ОК! Сейчас!» — Мари ухватила за предложенную руку помощи и... оказалась в райском саду, если судить по сельской пасторали, где хищники мирно сосуществовали со своими травоядными соседями. Вот только её не покидало ощущение, будто она попала в

картину, чей библейский сюжет обрёл объём и жизнь. Но стоило ей подумать, что лужайка ничем не отличается от плюшевого коврика, как травка под её босыми ногами обрела шелковистую упругость и она поёжилась от щекотки пытающихся распрямиться стебельков. «Ладно, с флорой всё понятно, а почему у тебя такая странная фауна? — поинтересовалась Мари, глядя на возлежащую поблизости меланхоличную парочку, состоящую из поджарого льва с тщательно завитой золотой гривой и кругленького белоснежного барашка, взирающего на неё невинными голубыми глазками. — Знаешь, я ещё могу понять, почему у льва золотой окрас, но почему у овцы не горизонтальные, а вертикальные зрачки?»

Лев зевнул, обнажив пасть с острыми белыми клыками, и с его морды на Мари глянули глаза принца Хаоса. «А мне так больше нравится», — прорычал он и, подойдя, потёрся о её ноги, а затем пихнул головой под коленки. «Ишь, критиканка выискалась! Как творец я имею право на любую фантазию и всякие смертные девчонки мне не указ. И вообще, раз не ценишь моё доброе к тебе отношение, отправляйся-ка ты к остальным».

«Умереть не встать!» — воскликнула Мари, наконец-то заметившая какое множество людей в раю. «Вот это прорва! Налицо явная нехватка свободного пространства. Теперь я понимаю, почему некоторые души не рвутся сюда. Всё-таки в аду есть свой персональный котелок и личная сковородка, что уже радует. Хотя как чертям удаётся организовать такое, большая загадка, ведь у них народу ещё больше, чем в раю».

Она критически осмотрела толпу праведников, облачённых в полупрозрачные балахоны, и покачала головой. «Ну, дела!.. Такое ощущение будто я нахожусь в общественной бане. Вот только, несмотря на шаловливые наряды, особо смотреть здесь не на что».

И в самом деле, люди в раю выглядели точно также, как при жизни, разве что были молоды и без увечий, с которыми они родились или получили уже после рождения.

Проверяя, как обстоят дела у праведников с сексуальным влечением, она уставилась на ближайшего к ней молодого парня и, когда тот покраснел до корней волос, опустила взгляд, проверяя его реакцию. С ней оказалось всё в порядке, и она одобрительно кивнула. Правда, на физиономиях близстоящих праведников отразилось осуждение, но никто ей не сделал замечание.

«Думаю, при таком перенаселении здесь строгая дисциплина и за ссору можно в два счёта вылететь из рая, — решила Мари. — Ладно, где наша не пропадала! Жить можно. Во всяком случае, в раю не хуже, чем в городе в час пик, только воздух значительно чище и кругом масса зелени, — она улыбнулась. — К тому же большой плюс, что в отличие от рая Марка Твена здесь не выдают арфу в комплекте к балахону». Не успела она порадоваться этому обстоятельству, как тут же раздался нежный музыкальный аккорд, и в её руках материализовалась огромная золотая арфа. От неожиданности она уронила тяжеленный инструмент себе на ногу.

— Ой-ой, как же больно! Да что б тебя черти взяли! — воскликнула Мари, не обращая внимания на негодующие взгляды соседей.

После её опрометчивого восклицания арфа тут же пропала, а вслед за ней и райский балахон, отделанный ангельскими пёрышками, призванными защитить стыдливость праведников.

«Слава богу!» — обрадовалась девушка.

Откуда-то с высоты эдема раздался густой заразительный смех, и она оказалась в своей комнате в Риоголизе.

— Ты уж как-нибудь определись, кого ты предпочитаешь: меня или моих рогатых шалунов.

— Николс, не знаю, кем ты себя вообразил, но я однозначно выбираю тебя. Только умоляю, не надо арфы, а балахончик можешь оставить, из него получится симпатичная ночнушка.

— Фиг тебе! Райское одеяние без арфы не полагается.

— Жмотина! — фыркнула Мари. — Сам-то свою арфу пробовал поднять? Между прочим, у меня до сих пор руки трясутся. Нет уж, уволь, грыжа мне ни к чему.

— Хорошо, капризуля! Вот тебе другое одеяние, надеюсь, оно придётся тебе по вкусу. Но оно тоже выдаётся на определенных условиях.

В комнате появился ухмыляющийся трёхметровый таракан зеркально-чёрного цвета; в передних лапках он держал небесно-голубое эрейское платье. От неожиданности Мари подпрыгнула и, как воздушный шар, взмыла вверх.

Таракан знакомо захохотал и, отсмеявшись, произнёс:

— Ладно, не визжи, спускайся вниз.

— Интересно как? — плавательными движениями Мари поболтала ногами, но не сдвинулась с места. — И вообще, что это за фокусы? Николс, ты же говорил, что ты не жук, — укорила она странное создание, о котором уже не знала что и думать.

— Где ты видишь жука? Я Таракан-Тараканище! — пробасил огромный инсектоид и, подбоченившись, с важным видом подкрутил длинный ус.

— Не соответствуешь образу! — отрезала девушка и прищурила глаза. — Если ты изображаешь *того* таракана, то он должен быть рыжим, — она снова поболтала ногами. — Николс, хватит дурить! Опустит меня на пол и прими нормальный вид.

— Это который? — вкрадчиво поинтересовался таракан, глядя на неё страшноватыми фасетчатыми глазами.

— Тебе видней, только что-нибудь менее ксенофобное, — попросила Мари.

Вид гигантского таракана заставлял её подспудно нервничать, хотя до сей поры она считала, что не боится этих насекомых. «Ну так, раньше мне не попадались такие крупные экземпляры», — сказала она себе в оправдание.

— Ладно, уговорила, — и огромный инсектоид сверкнул такой явно мультфильмовской улыбкой, что Мари, забыв о страхе, расплылась в ответной улыбке.

— Классные зубки! А вампирские клыки и вовсе выше всяких похвал, — одобрительно проговорила она, сопроводив свои слова поднятым вверх большим пальцем. — Знаешь, Николс, наверное, это дурость, но я тебе верю.

— Солнышко моё! — умилился тараканище, забавно шевеля усами.

На его месте снова появился принц Хаоса — в облике чернокожего красавца, и, опустившись в возникшее из ниоткуда белое кресло, с царственной доброжелательностью воззрелся на Мари. Набирая силу, зазвучала чудесная неземная мелодия и совершенно счастливая девушка в окружении переливающихся эфемерных радужных шаров и цветочных лепестков плавно опустилась на пол.

Уроки Ника не прошли даром. Придерживая широкий подол голубого платья, как это было предписано эрейскими правилами, Мари с изяществом опустилась на колени.

— Простите моё невежество, Николс, — она подняла склонённую голову и со смущённо-вопросительным выражением посмотрела на него. — Если я оскорбила вас неподобающим обращением, мне нет прощения.

— Детка, и ты туда же! — подосадовал принц Хаоса. — Знаешь, я тут всего ничего, но ты не представляешь, как меня уже достало созерцание задниц и ползание на брюхе, вкупе с алчно горящими глазами. Давай, ты, как и прежде, будешь считать, что я инопланетянин. Ну или дьявол. Со старым Ником народ ведёт себя как-то посвободней, — усмехнулся он.

— Как прикажете... Извини, как скажешь, Николс, — вежливо проговорила Мари.

Повинуясь воле принца Хаоса, она встала с колен и, сев на стул, застыла в позе вежливого внимания.

«М-да. Вот они, издержки положения демиурга», — подумал Николс, видя, что девушка никак не может отрешиться от своего прозрения, что на корню убило её пленительную живость. Боясь сказать что-нибудь лишнее, она с деревянной улыбкой отвечала на вопросы, но сама не стремилась поддерживать разговор. Правда, это продлилось недолго. Прожжённый интриган и дамский угодник принц Хаоса был способен очаровать любую богиню, что уж говорить про смертных простушек. Мари и не заметила, как перестала дичиться, и вскоре болтала и смеялась с прежней непринуждённостью.

И всё же, бог есть бог и полностью отрешиться от этого знания нельзя. Да и вряд ли такое возможно, когда от удивительного существа несёт жаром как от печи и, вообще, от него идут такие мощные флюиды, что Мари то и дело потряхивало от нервного возбуждения. Порой она удивлялась самой себе, но что-то не давало ей до конца осознать ситуацию и запаниковать. Возможно, это было влияние бога, а может любопытство учёного, — ведь яйцеголовые первопроходцы готовы на всё ради новых знаний.

Пользуясь моментом, девушка заговорила о своём открытии и страшно обрадовалась, когда Николс одобрил её теорию пространства-времени. Причём он не только сказал, что она идёт в правильном направлении, но и разъяснил, в чём именно ошибочна часть её выкладок, из-за которых она зашла в тупик. В качестве поясняющего материала перед глазами Мари то и дело возникали полотна математических вычислений, а затем её посетило видение, которое приоткрыло ей часть мира, недоступную простым смертным.

Всемогущий и вездесущий, как положено богам его уровня, принц Хаоса не только вёл научную беседу со своей подопечной, но и занимался другими делами. Будучи начинающим творцом, он крайне ревностно относился к своему детищу и, доводя до совершенства созданную вселенную, постоянно её перестраивал, отчего в небытие отправлялись не только планеты (подчас вместе с её обитателями), но и целые галактики. Особо мощный откат после аннигиляции ослабил контроль над событийным полем, и он предстал перед собеседницей в образе творца, что было откровением из откровений.

Зрелище открытого космоса само по себе волнующе, а тут ещё громадный дракон, сотканный из света звёзд, — во всяком случае, так Мари показалось поначалу. Это уж потом, приглядевшись, она поняла, что величественный зверь, восседающий на звёздном троне, отнюдь не игра воображения, а самый что ни на есть настоящий дракон, причём его зеркально-чёрная чешуя переливается подозрительно-знакомым радужным блеском. Ну а когда он повернул голову, увенчанную алмазным венцом, и она увидела бирюзово-синие глаза, у неё отпали последние сомнения. «Николс!» — выдохнула изумлённая девушка и он, довольный произведённым впечатлением, расплылся в улыбке, которая на драконьей морде смотрелась не только внушительно, но и несколько устрашающе. Впрочем, испугаться она не успела, алмазный венец засиял столь ярким светом, что она не выдержала и закрыла глаза, а когда открыла их, то вновь оказалась в своей комнате.

Интуиция говорила Мари, что она коснулась таких тайн мироздания, которые ей не

положено знать. «Ведь тот, кто познает их, тот уподобится богам», — подумала она.

Взволнованная девушка открыла было рот, чтобы узнать, насколько правдиво её видение, но натолкнулась на невозмутимый взгляд синих глаз и, смешавшись, промолчала. «Что за дичь? Может, я всё же сплю?» — она тайком ущипнула себя за руку и мысленно застонала. Синяки множились, но странный иллюзион и не думал заканчиваться. «Господи! Чернокожий тип, заявляющий, что он бог, рай, жуки, тараканы, драконы... нет, этого не может быть! Я просто схожу с ума», — мрачно подумала она, и принц Хаоса мысленно ухмыльнулся.

— Ну? Как тебе моя форма творца? — не утерпел он.

— Форма творца? — Мари озадаченно посмотрела на него, а затем понимающе кивнула. — Так вот оно что! Выходит, дракон мне не пригрелся, — проговорила она и вежливо улыбнулась. — Сам знаешь, что красавец. Но грозен. С непривычки есть все шансы наложить в штаны или остаться зайкой.

— Надеюсь, тебя не постигло ни одно из этих несчастий? — осведомился принц Хаоса.

Мари фыркнула и с озабоченным видом потёрла глаза.

— Отчего-то я плохо вижу, перед глазами будто пелена тумана, — пожаловалась она.

— Это оттого, что ты имела счастье лицезреть меня в божественной форме. Не бойся, скоро зрение восстановится, и ты будешь видеть лучше прежнего.

— Слава богу! — сказала Мари и подумала, что расхожее восклицание в данном случае пришлось к месту. «И вообще, когда бог в прямом доступе, это удобно. Никаких тебе проволочек с молитвами и коленапреклонениями...»

— Но-но! А не желаешь без каких-либо проволочек заполучить наказание за то, что не следует видеть простым смертным? — окоротил её принц Хаоса.

— Не-а, — вздохнула Мари и обижено захлопала ресницами. — За что? Я же не нарочно. Видения приходят не по моей воле.

И она, раз уж зашёл разговор на эту тему, спросила, что значат её видения об Арее. Тогда принц Хаоса поинтересовался, как много она знает об эрейском божестве Весны и о пророчестве, связанном с его женской частью богиней Лотиэль. Выслушав её ответ, он сказал, что лучше ей и дальше оставаться в неведении.

«Ну вот, а я так надеялась, что хоть тут узнаю насчёт всей этой белиберды с пророчеством», — разочарованно подумала Мари.

— Как говорится, многие знания преумножают наши печали. Вдобавок среди них есть такие, что сработают как бессознательное предчувствие, даже если их стереть из памяти. Что недопустимо, ведь ты действующее лицо в Пророчестве Лотиэль, а это значит, что твои действия прописаны наперёд. Любое отклонение в ходе событий может привести к непредсказуемым последствиям и не исключено, что в масштабах всего мироздания.

— Охренеть! — вырвалось у Мари. Правда, скепсис тут же взял своё, и её позабавила собственная доверчивость.

Она глянула на принца Хаоса и выражение его лица сказало ей, что шутки кончились и пришла пора серьёзного разговора.

Предчувствие её не обмануло.

— Как думаешь, что послужило причиной нашей встречи? — последовал вопрос.

И хотя чернокожий красавец смотрел на неё с прежней доброжелательностью, кресло под ним начало меняться, стремясь принять форму звёздного трона. Правда, хозяйский рык заставил его вернуться к прежнему виду, но почему-то Мари показалось, что свет в комнате

основательно потускнел.

— Думаю, ты не зря устроил мне экскурсию по раю. Ведь это было предупреждение, не так ли? — проговорила она упавшим голосом и, всё ещё надеясь на лучшее, попыталась улыбнуться.

[1]Лимб — в первоначальном христианстве это обозначение пространства на границе ада и рая.

Натолкнувшись на непроницаемый взгляд странного визитёра, девушка ощутила, как в её животе разворачиваются ледяные щупальца зарождающегося ужаса. Но и здесь уроки Ника не прошли даром.

«Страх смерти иррационален», — жёстко сказала она себе и отстранённо подумала, что хвалёное мужество не более чем оболочка, призванная скрыть страх от посторонних глаз. Тем не менее она призвала на помощь недавно обрётённые доспехи эрейской аристократки и, распрямив плечи, произнесла с неосознанной надменностью:

— Надеюсь, рай ин рай Николс, вы не оставите меня в неведении и откроете причину вашего визита.

— Открою, хотя терпеть не могу приносить дурные вести, — принц Хаоса вздохнул. — Так вышло, что Никотан, находясь не в себе, убил тебя, и я хочу знать, как ты смотришь на то, чтобы переиграть вашу трагедию заново.

— Что? — Мари смерила его насторожённым взглядом. — Не понимаю, о чём вы говорите. Ник меня не убивал... Я бы помнила, — неуверенно проговорила она.

— Я подчистил твою память.

Во взгляде принца Хаоса промелькнуло участие и вслед за тем на неё обрушились недостающие воспоминания.

«Mon dieu!» — пробормотала потрясённая девушка и замолчала не в силах что-либо вымолвить. Съёжившись на стуле, она обхватила себя руками. На её плечи лёг белоснежный пуховый плед, но даже его ангельское тепло не могло унять бьющий её нервный озноб.

— Мариэль! Я жду ответа, — напомнил о себе принц Хаоса.

На губах девушки промелькнула горькая усмешка.

— И ты хочешь, чтобы я заново пережила весь этот кошмар? Должно быть, ты шутишь.

— Какие уж тут шутки.

Николс глянул на упрямыцу. Увиденное ему не понравилось. Прежде весёлая и беззаботная девушка будто погасла изнутри, и он призвал себя к терпению.

— Так ты согласна? — спросил он и, видя, что она непонимающе смотрит на него, пояснил: — Детка, я о временной петле, что позволит заново переиграть вчерашний день и, надеюсь, уже с менее трагическим финалом. Для этого мне нужно согласие хотя бы одного из вас.

При мысли, что она снова окажется в руках осатаневшего Ника, у Мари потемнело в глазах.

— Нет! — панически выкрикнула она. — Не заставляй меня... Пожалуйста!

На лице принца Хаоса появилось озабоченное выражение.

— Мариэль, я бы тебя не побеспокоил, но Никотан настолько ушёл в себя, что я не могу до него достучаться[1]. И вообще, у вас, женщин, более пластичная психика, так что вся надежда на тебя, — проговорил он мягко, но настойчиво.

В ответ на это девушка с горестным видом покачала головой.

— Не могу. Почему бы тебе не стереть нам обоим воспоминания, как ты это сделал со мной. Разве так не проще?

— К сожалению, нет. Если твои воспоминания ещё можно заменить ложными, то с

Никотаном этот фокус не пройдёт. У него тренированная память, он всё равно будет помнить о происшедшем. Стоит ему заподозрить, что с его воспоминаниями что-то не так, и истина рано или поздно выплывет наружу. К тому же ложные воспоминания — это ложные воспоминания, им не сравниться с настоящими. Так или иначе они будут исказить ваше восприятие действительности.

— В таком случае, почему бы не оставить всё как есть? Я не трусиха, как-нибудь переживу. Ну а Нику не привыкать убивать. Вряд ли он будет долго терзаться угрызениями совести. Судя по той расчётливой жестокости... — на лице девушке промелькнул ужас, и она замолчала, собираясь с силами, — это было не спонтанное, а запланированное убийство, — договорила она срывающимся голосом.

— Никотан был не в себе и видел перед собой не тебя, а твою мать.

По губам Мари скользнула тень невесёлой улыбки.

— Извини, но это так себе утешение. Думаю, он с самого начала намеревался убить меня, ведь в культуре эреев дети в ответе за родителей. Но поначалу я была слишком мала для его мести, а затем осталась единственной женщиной, которая была более или менее равной ему по происхождению, — сказала она уже более спокойным тоном и добавила: — Если тебе действительно нужно моё согласие, то не трать понапрасну время. Это выше моих сил.

— Детка, если ты не согласишься, то скоро останешься вдовой.

— И слава богу!

— Это говорит твоя обида, а ты прислушайся к своему сердцу.

— Сердце? — у Мари вырвалось нечто среднее между смешком и рыданием. — Понимаю. Хочешь, чтобы я его пожалела, — черты её лица ужесточились. — Не выйдет. И не дави мне на психику, это бесполезно. *Ma vie, mes règles.*[2] Лучше я сама себе перережу горло, чем соглашусь на повторение вчерашнего, — сказала она несколько резче, чем собиралась[3].

Глаза девушки сухо блестели, голос звучал ровно, и принц Хаоса потянулся к её эмоциональному фону. До полного самообладания было ещё далеко, тем не менее она не собиралась ему уступать[4]. «Молодец девчонка! Хорошо держит удар. Пожалуй, силой характера она не уступает Никотану», — одобрительно подумал он.

Когда чернокожий красавец с огорчённым видом уставился на неё, Мари собрала волю в кулак, и тут он вместе с креслом оказался рядом с ней и, взяв за руки, с участием заглянул ей в глаза.

— Мариэль, я тебе не враг, так что будь добра, выслушай, что я тебе скажу. Я знаю, ты намерена развестись с Никотаном, но он тебя не отпустит, ни под каким предлогом. Виной тому не только его упрямство и брачные эрейские законы. Против вашего развода само пророчество Лоти. Хочешь ты того или нет, оно заставит вас быть вместе. Знаешь почему?

— Почему? — эхом повторила девушка.

— Потому что оно основывается на вашей любви, причём великой любви. Представляешь, какое это будет мучение для тебя? Ведь, как бы ты ни старалась, ты не сможешь забыть содеянное Никотаном. Случившееся медленным ядом будет разъедать ваши отношения. Нет-нет, не бойся! В будущем Никотан больше пальцем тебя не тронет. Это будет самый покладистый из мужей. Стоит только пожелать, и он выполнит любой твой каприз[5].

Мари недоверчиво фыркнула.

— Что-то слабо верится.

— Твой скепсис не оправдан. Ведь как бы он ни старался, у него не будет уверенности в том, что ты его любишь, а не боишься.

— И поделом ему.

Поёрзав на стуле, Мари попыталась отстраниться от собеседника, который давил на неё своим немалым ростом[6], отчего она сама себе казалась Дюймовочкой. Но сколько она не старалась, она не могла высвободиться из его хватки, хотя вроде бы он её не удерживал. Длинные пальцы со страшноватыми когтями, не сжимаясь, по-прежнему спокойно придерживали её руки.

«Вот зараза!» — раскрасневшаяся девушка сердито посмотрела на чернокожего красавца, который взирал на неё с прежней участливой миной на лице.

— Николс, отвяжись! Хватит надо мной измываться. Всё равно у тебя ничего не выйдет. Я сказала «нет», и другого ответа от меня не жди, его не будет.

— Мариэль, не спеши. Да, имей в виду, у тебя не так уж много времени на раздумья. Как только Никотан осознает, что произошло, он снова возьмётся за оружие, а я вам не нянька, чтобы каждый раз спасать вас от необдуманных поступков, — подлил принц Хаоса масла в огонь.

— Хочешь сказать, что он уже пытался покончить с собой? — не удержалась Мари от вопроса, хотя тут же пожалела об этом.

— Было такое дело, — Николс состроил печальную мину. — Осознав, что натворил, Никотан разнёс зал Лотилий, а затем попытался выстрелить себе в голову. Пришлось принимать срочные меры.

— Но ты же можешь... — нерешительно проговорила Мари, но он её перебил:

— Нет, не могу. Воскресение — редкий случай в практике творцов и, чтобы оно состоялось, от смертных требуются определённые качества. Вы не подходите под эту категорию душ, но тебе необычайно повезло. Благодаря счастливому стечению обстоятельств твоя душа задержалась в теле, поэтому я смог тебя оживить, а вот с ним, боюсь, этот фокус не пройдёт. Как Истинная кровь, душа Никотана незамедлительно отправится к Сияющему двору, и я не смогу этому воспрепятствовать.

— Боги называются, — буркнула девушка. — Вы же должны быть всемогущими и всемогущими, а вместо этого сплошная профанация.

Николс бросил на неё смиренный взгляд.

— Детка, мы действительно всемогущие и всемогущие, вот поэтому лорд Хаоса всегда начеку и, чуть что сразу же втыкает нам палку в зад[7], чтобы мы знали своё место и не особо зарывались.

Заинтригованная Мари открыла было рот, чтобы спросить, кто такой лорд Хаоса, но божественный прохиндей, довольный тем, что в ней вместе с исследовательским пылом проснулся интерес к происходящему, тут же повернул беседу в нужное русло.

— Не отвлекайся, детка. Несмотря на демонстрируемое тобой ослиное упрямство, я не теряю надежды, что ты передумаешь. Скажи, почему ты упрямишься и не хочешь принять моё предложение? Ведь в этом случае приключившийся кошмар никогда не встанет между вами, просто потому что его не будет.

Недовольная тем, что доводы собеседника, находят отклик в её душе, Мари перешла в наступление.

— Предположим, я соглашусь и в этот раз Ник меня не убьёт...

Ощувив привкус крови, она испуганно дёрнулась, но тут же поняла, что это течёт кровь из носа.

— Где гарантия, что это единичный случай и в будущем не будет повторения? Ведь мы слишком разные и конфликты неизбежны, а он таков, что бесится от любого пустяка. К тому же я не чувствую особой любви между нами. Так что его удержит от желания снова взяться за крыту и до смерти забить меня? — прогнусавила девушка, подняв голову.

Принц Хаоса протянул ей носовой платок и с досадой подумал, что зря теряет время на уговоры упрямой девчонки и что проще было бы применить принуждение, но он всё же решил не торопиться и получить добровольное согласие[8].

Мари благодарно глянула на него — в основном из-за того, что он перестал давить на неё и, отдалившись вместе с креслом, сложил руки на груди.

— Спасибо, — она выжидательно посмотрела на принца Хаоса, пребывающего в раздумье.

— Нет, я не могу обещать, что повторения не будет. И всё же, Никотан не маньяк-убийца, как тебе кажется. Жестокость и, как следствие, лёгкое отношение к смерти, одна из составляющих культуры эрейцев. И не забывай, что он наследник короля Лета, его с пелёнок готовили к роли правителя. Ты же читала и знаешь, что в Священных королевствах не было такого понятия как конституционная монархия. Для Никотана слово короля — закон. Кто не подчиняется королю, тот изменник, а за измену одно наказание — смерть, и семья здесь не исключение, — проговорил принц Хаоса. — Извини за напоминание, — добавил он, заметив, что в глазах девушки промелькнул ужас.

Мари шмыгнула носом и вытерла струйку крови, попутно она отметила, что к привкусу крови во рту добавился шум в ушах.

— То есть, резюмируя сказанное тобой, я сама виновата в своих бедах.

— В какой-то мере, да. Детка, ты напрасно сердись. В случившемся действительно есть доля твоей вины. Вот ты говоришь, что вы слишком разные и конфликты неизбежны. Но так ли уж они неизбежны? Что делают мужчина и женщина, решившие связать себя узами брака? Они ищут взаимопонимание. Если они из разных культур, то добавляется необходимость изучения обычаев и норм поведения, принятых у партнёра. Всё это залог гармоничного союза. Никотан это понимает, а ты — нет. Несмотря на его старания, ты плохо знаешь среду, в которой он вырос, а всё потому, что тебе не нравятся методы его обучения. Да, он суров с тобой, но неужели так трудно понять, что именно это знание и есть та самая гарантия твоей безопасности? Вместо того чтобы преодолеть ваши различия, ты на каждом шагу престаупаешь табу, принятые в эрейской культуре, чем постоянно раздражаешь Никотана, а это, как ты теперь понимаешь, небезопасно. В общем, если ты продолжишь в том же духе, то с его привычкой к беспрекословному повиновению, я не поручусь, что трагедия не повторится.

— Тебя послушать, так Ник само совершенство, а я дура, которая сама нарываешься на неприятности, — обиделась Мари и глаза принца Хаоса заискрились смехом.

— Прости, но так оно и есть, — не стал он отпираться.

— Вот-вот! Все вы носитесь с Ником, а я так, сбоку припёка.

— И здесь ты права. Никотан очень важен для меня.

— А я, значит, нет, — пришла Мари к выводу и уныло добавила: — Ладно, я уже привыкла... И всё равно обидно! — вскинулась она.

— Ты ошибаешься, конечно же, ты тоже важна для меня...

Николс умолк и на его лице появилось озабоченное выражение.

— Детка, поторопись. Ты не представляешь, как случившееся надломило Никотана. Он полностью деморализован и в любой момент может покончить с собой.

Оживившаяся было девушка снова съёжилась на стуле.

— Не могу, мне страшно, — жалобно проговорила она.

— Мариэль! — хлестнул её жёсткий голос. — Ты так ненавидишь Никотана, что готова его убить?

— Конечно же, нет!

— Тогда соглашайся.

— Я же сказала, что не могу! — выкрикнула девушка. И сколько принц Хаоса её ни уговаривал, он твердила как заведённая, что ей страшно.

— Не думал я, что ты такая трусиха. Но что с вас взять? Из праха созданы, в прах обратитесь! — загремел он, выведенный из себя.

Гнев удивительного существа привёл к тому, что вокруг Мари стало твориться нечто несусветное. Откуда ни возьмись, в центре комнаты заплясала расширяющаяся воронка урагана, а затем резко потемнело и засверкали ветвистые слепящие молнии. Не давая ей сбежать, они со страшным грохотом взрывались у самых ног визжащей от ужаса девушки.

Одна из молний ударила в резные панели и по ним заплясали язычки пламени. В комнате запахло гарью, обещающей близкий пожар, но Мари ничего не замечала: всё её внимание было приковано к чудовищам, выползающим из тёмных углов комнаты. Во время вспышки очередной молнии она увидела, что один такой ужас, похожий на жабу размером с овцу, подкрался совсем близко и, собираясь тяпнуть её за ногу, разинул зубастую пасть. Чисто инстинктивно она пнула тварь между глаз и, когда та, утробно хрюкнув, шустро отскочила, она подумала, что земноводному не положено иметь акульки зубы.

Стычка с жабой привела Мари в чувство. Страх отступил и она, злая как чёрт, подключила ночное зрение. Николс по-прежнему сидел напротив и невозмутимо смотрел на неё.

Возмущённая явной провокацией, девушка оскорблённо выпрямилась.

— Таким способом ты не заставишь меня отступить. В твоей воле наказать меня, но выбор пути остаётся за мной, — сказала она, не обращая внимания на рёв ветра, грохот молний и вой чудовищ.

Внезапно наступившая тишина была такова, что Мари показалось, что она оглохла. Затем по комнате пронёсся невидимый вихрь, вернувший разрушенную обстановку к прежнему виду.

Чувствуя, что от пережитого ужаса у неё подкашиваются ноги, девушка не столько села, сколько упала на стул. На её плечи снова лёг ангельский плед, но она сбросила его и тот исчез, не коснувшись пола.

— Что теперь ты мне ответишь? — сухо спросил Николс, неприступный как скала.

— Слабость не есть синоним трусости.

— Да или нет?

— Не мешай, я думаю, — не сдавалась Мари.

Заметив движение слева, она увидела жабу, наблюдающую за ней из-под кровати.

— Что ж, у каждого своя Голгофа, — сказала она и показала жабе дулю, когда та плотоядно облизнулась. — Ладно, твоя взяла. Если тебе ещё нужно моё согласие, то оно есть у тебя.

На лице принца Хаоса промелькнуло саркастическое выражение.

— Я рад, что ты одумалась.

— Не разделяю твоей радости, но я рада, что ты рад. Кстати, не забудь забрать свою раритетную живность. Мне этот подкроватный ужас ни к чему.

— Мне тоже. Твоя жаба, ты с ней и разбирайся.

— С чего это она моя? — возмутилась Мари.

— С того, что это твои детские страхи.

Тон её непростого собеседника был холоден, и расстроенная девушка опустила глаза: как бы то ни было, она не хотела с ним ссориться. Тем не менее согласие было дано и у неё полегчало на душе. «Ну вот, пути к отступлению отрезаны. Всё, что мне остаётся, это плыть по течению...»

— Вот этого как раз не нужно делать, — прервал её мысли принц Хаоса и Мари пожала плечами.

— Это уж как карты лягут. Как я понимаю, во временной петле мы с Ником начнём всё сначала. И поскольку себя не переделаешь, то вряд ли что-нибудь изменится, — пессимистично заметила она.

— Ты должна верить, что у тебя всё получится, — всё также холодно произнёс принц Хаоса.

— Как будто у меня есть другой выход, — вздохнула девушка и вопросительно посмотрела на него. — Николс, ты точно бог?

— Всё ещё сомневаешься?

— Судя по расцветке, да и имени тоже... Нет, ты точно не он.

— Почему ты думаешь, что я не дьявол? — заинтересовался принц Хаоса.

— Потому что у него не может быть таких глаз, как у тебя, — улыбнулась Мари. — Спасибо, что помог мне преодолеть страх. Сама бы я ни за что не решилась. Прости, что потрепала тебе нервы.

— И ты прости меня, — оттаял принц Хаоса.

Приняв истинный облик, он обнял девушку.

— Мариэль, я был бы рад помочь, но не могу, тебе придётся справляться самой. Иначе меня обвинят в необоснованном вмешательстве. Надеюсь, ты будешь прислушиваться к своей интуиции, и это поможет тебе выжить.

— Боже мой! — потрясённая Мари коснулась его щеки. — Вы с Ником действительно так похожи? — воскликнула она, глядя во все глаза на того, кто по праву считался прекраснейшим из богов.

— Да, это мой истинный облик, который, благодаря одной зловредной девчонке, передался Никотану, чему я несказанно рад, — признался принц Хаоса и её закружил быстрый водоворот.

Последнее что она услышала, это пожелание удачи.

В общем-то, временная петля для смертных была не положена, но Мари находилась на особом положении. Аватара и вдобавок значимая фигура, от которой зависело благополучие популяции Истинной крови[9], при вмешательстве сверхъестественных сил, приведших к её преждевременной смерти, имела право на восстановление справедливости, чем принц Хаоса и воспользовался. Правдами и неправдами он выбил согласие у Мари и запустил временную петлю. Не сделай он этого, и на суд коллегии Двенадцати призвали бы её душу и того, кто помешал ей исполнить долгоиграющее пророчество, занесённое в договор Хаоса. А это было

чревато развоплощением для Ареса и пропажей души девушки — коллегия Двенадцати никогда не возвращала свидетельские материалы, проходящие по рассматриваемому ими делу.

Даже без вмешательства Ареса вероятность смерти Мари была слишком высока, и Николс прикинул во что ему обойдётся присвоение её души. Выходило дороговато, и он на всякий случай решил подстраховаться. Колесо Мироздания упорно сопротивлялось его идее смещения реальностей, и тогда он обратился к родственным связям, ведь они даже в мире богов немаловажная вещь. Страж сопротивлялся не менее упорно, крича, что это наглое мошенничество и он скорее сдаст его Коллегии Двенадцати, чем пойдёт на такую авантюру; тем не менее дело кончилось тем, что колесо Мироздания, к удовольствию Николса, хоть и со скрипом, но повернулось в нужную ему сторону.

[1] Наглая ложь. Вот и верь богам после этого.))

[2] *Ma vie, mes règles* (фр. яз.) — моя жизнь, мои правила.

[3] Присутствуй Ник при их разговоре, и он был бы неприятно удивлён — в этот момент Мари как никогда походила на свою мать.

[4] Откуда же ей было знать, что смертным не дано превозмочь волю богов. Всё равно будет так, как они хотят. Да и в умении убеждать с ними никто не сравнится; на их фоне подлый Змей, сумевший соблазнить Еву, покажется стеснительным мальчиком из церковного хора.

[5] Естественно, принц Хаоса и словом не обмолвился, что это всё сказки.

[6] И что уж греха таить, мужскими феромонами.))

[7] Это он о той части договора Хаоса, где прописаны правила для творцов.

[8] Во избежание споров с Коллегией Двенадцати, которая могла оспорить правомерность применённой им временной петли.

[9] Истинная кровь — смертные, что имеют шанс на бессмертную жизнь. Лучшие из лучших пополняют ряды богов Равновесия.

ГЛАВА 29. Вероятностный скачок, с возвращением на круги своя

Не успела Мари войти в лабораторию, как навстречу ей рванулось золотое сияние, пронизанное радужными всплесками, и она отпрянула обратно в коридор.

— Ким, это что? — спросила она тревожным шёпотом.

— Это всё, что осталось от меня, — отозвался искин и было нечто такое в его голосе, отчего волоски на её теле вздыбились как напуганные кошки, а затем, как ледяной душ, обрушилось ощущение беды.

— Прости меня, малышка! Прости за всё... и за случай с окном тоже. Я рада, что ты осталась жива. Прощай, Мари!

— Нет! Этого не может быть! Ким! Кимушка! Пожалуйста, не молчи! Отзовись!

Но сколько Мари ни звала, ответа больше не было. Прижавшись спиной к стене, она съехала вниз и невидящим взглядом уставилась перед собой. «Не верю! Ник не мог так поступить! Ведь он учёный, к тому же сам не свой до техники, а тут такое чудо, машина, обретающая самосознание», — уговаривала она себя, хотя знала, что зря надеется. Знала по той, тянущей пустоте в сердце, что без слов говорит о потере — такое же ощущение у неё было, когда умерла Рени.

Какая-то её часть удивлялась силе испытываемых чувств, — ведь в Киме было куда больше от машины, чем от живого существа, и всё же её горе было столь же остро, как тогда, когда она потеряла самого близкого для себя человека. Тем не менее, когда она поднялась с пола, её глаза блестели отнюдь не слезами.

Полная решимости Мари толкнула дверь лаборатории и, войдя в процессорную, направилась к капсуле сопряжения, стоящей на возвышении.

При виде прекрасного принца, лежащем в модифицированном хрустальном гробу, она было дрогнула, но тут же преодолела минутную слабость и нажала на кнопку экстренного отключения.

Створки капсулы медленно разъехались, Ник сел, и его затуманенный взгляд сфокусировался на взволнованном лице девушки.

Поняв, что завладела его вниманием, она наставила на него палец и выкрикнула:

— Зачем ты убил Кима? Отвечай немедленно или я не знаю, что я сейчас сделаю!

Борясь с головокружением и дезориентацией в пространстве, вызванными резким выходом из виртуала, Ник прикрыл глаза, но взволнованный голос Мари, обвиняющий его во всех смертных грехах, не давал ему прийти в себя и переключиться на реальность. И тогда, как пламя, полыхнуло раздражение, близкое к ненависти.

Взгляд Ника, обращённый к девушке, обрёл кинжальную остроту.

— Риза?! Какого крейда ты здесь делаешь? — прорычал он сдавленным от ярости голосом.

— Сума сошёл? Это я, Мари.

Девушка с тревогой посмотрела на Ника. Перепады его настроения были ей не в новинку, вот только гнетущая атмосфера, возникшая в лаборатории, давила на неё с такой силой, что она собралась дать дёру и будь что будет. Но тут жуткая гримаса на его лице уступила место усталости и он, ссутулившись, помассировал виски.

— Прости, если напугал, — счёл нужным извиниться он и пояснил: — В эрейском платье ты смотришься двойником своей матери.

Тем не менее, не доверяя ему, насторожённая девушка отступила к двери. «Что-то мне здесь совсем не нравится. Ник какой-то странный. Пожалуй, стоит уйти, от греха подальше», — подумала она и шагнула назад.

— Стоять! — приказал он и смерил её недобрый взглядом. — Ты хоть соображаешь, что чуть не спалила мне мозги? И вообще, сколько можно? Сначала ты пролила вино, а теперь экстренное отключение. Или ты нарочно?

— Скажешь тоже! — замахала Мари руками. — Честное слово, это вышло случайно.

— Случайно? — Ник смерил её подозрительным взглядом. — А у меня такое чувство, что ты ищешь мой смерти, потому постоянно крутишься рядом, — произнёс он сквозь зубы.

— Что? — Мари упала на колени. — П-простите, мой райделин, это больше не повторится, — пробормотала она привычную словесную формулу, дарующую ей отпущение грехов.

Тем не менее ощущение опасности не отступало, и в ней тревожной сиреной взвыл инстинкт самосохранения. «Ой, мама! Зачем только я сюда припёрлась?» — испуганно подумала Мари. Раздираемая противоречивыми чувствами, она не знала, что ей делать. С одной стороны, инстинкт кричал, что нужно бежать, пока не поздно, но опасение окончательно спровоцировать Ника удерживало её на месте.

Ситуация действительно была критичной. Психика Ника балансировала на опасной черте, и виной тому был не только резкий выход из виртуала. Навалилось всё разом: каждодневное выматывающее напряжение по созданию звёздной флотилии, неотвязные мысли о пророчестве, хмель тибетского вина и убийственный ремонт тиарана. Тем не менее запалом всей этой гремучей смеси послужила сама Мари. Воспитанный в каждом видеть врага, Ник увидел его и в девушке, невольной виновнице его предстоящей скорой смерти. «Если бы она не залезла ко мне в кровать, то ничего бы не случилось, — с гневом подумал он и, чувствуя себя как зверь, угодивший в капкан, скрипнул зубами. — Так что хватит её выгораживать! Что мать, что дочь — разницы никакой, обе шлюхи!»

На лице Ника промелькнуло выражение злого торжества, и, хотя Мари была настороже, она не успела среагировать. В мгновение ока он оказался рядом с ней и схватил её за горло.

— Отродье дешёвой шлюхи! Наконец-то ты мне попалась!

— Не смей, Мика тебя не простит! — выкрикнула девушка.

— Мика? — на лице Ника промелькнул холодный интерес. — А как же Литеран? Впрочем, плевать на твоих любовников. Они тебе не защита и отец тоже. Конечно, рай Таятан не обрадуется, что я прикончил его любимую доченьку, но меня, своего наследника, он не тронет.

Догадавшись, что он снова путает её с родной матерью, Мари окончательно запаниковала, тем более что пальцы Ника всё тесней смыкались на её горле.

— Пусти!.. мне больно! — с трудом проговорила она, цепляясь за его руки.

«Боишься? Правильно делаешь, — перешёл Ник на мысленную речь и расчётливо глянул на девушку. — Даже удивительно, что ты посмела явиться ко мне без своего обычного эскорта. Это ты зря. Уж поверь, я не упущу свой шанс и поквитаюсь с тобой за всё: и за маму, и за нерождённую сестру, и за себя тоже. Поквитаюсь сполна, так что лёгкой

смерти не жди».

Всё ещё не веря происходящему, Мари заглянула ему в лицо и у неё подогнулись колени. Это была не пустая угроза, у Ника был взгляд убийцы. «Нет!.. Ник!.. Ник, опомнись! Я твой брат, а не сестра! Ведь мы почти женаты! Нет, я уже твоя жена. Ты сам так сказал!» — задыхаясь, просипела она. В ответ ей прилетела хлёсткая пощёчина, сбившая её с ног. «Хватит скулить! Не позорь данное тебе имя, прими казнь достойно!» — прорычал Ник, в чьём сознании прошлое вытеснило настоящее.

Мари. Путь на голгофу и счастливое избавление

«Казнь? Какая казнь? За что?.. Боже мой, что он несёт? Нет, Ник совершенно точно съехал с катушек, нужно бежать, пока не поздно. В таком состоянии ему ничего не стоит меня прикончить», — промелькнуло в моих мыслях и я, недолго думая, развернулась и понеслась так, как не бегала никогда в жизни. Жаль, что я была далеко не так усердна на занятиях в тренажёрном зале, как следовало бы, но все мы сильны задним умом.

Что такое быть пойманной за волосы, да ещё на бегу, способны понять лишь те, кто подвергся скальпированию или заживо горел. Боль была такой острой, что у меня потемнело в глазах и на какое-то время я выпала из реальности. Очнувшись я тоже от боли. Схватив за волосы, Ник тащил меня за собой. Бедная моя головушка! Если и дальше так пойдёт, то я точно облысею. И вообще, чует моя душа, ничем хорошим это не кончится.

Непрекращающаяся тревога и опасение остаться без скальпа заставили меня собраться. Сгруппировавшись, я оттолкнулась от пола и встала на ноги, а затем попробовала выдрать его пальцы из своих волос. Куда там! Отцепить их можно было только вместе с волосами. По голове потекли струйки крови, и я взмолилась о пощаде. В ответ на это Ник рванул меня за волосы с такой силой, что я едва устояла на ногах.

В попытке вырваться на волю, я перепробовала всё, что могла, но он, вопреки моей надежде, не реагировал ни на мои слёзы, ни на мои мольбы. Какой-то кошмар! Да что это с ним? Почему он не приходит в себя?

Будто в ответ на мой вопрос рядом с Ником возник силуэт призрачной кошки. Ягуар! Не раздумывая, я швырнула в него браслетом, прихваченном в храме. Что из этого вышло я не увидела: Ник снова потащил меня за собой.

Из-за выдранных волос голова была как в огне — просто адская боль, но куда больше страдала моя гордость. Когда тебя волокут волоком, ещё куда ни шло: это поза полонянки, исполненная трагизма. А вот когда тебе приходится трусить рядом со своим мучителем, при этом стараясь не упасть, то это уже унижительно.

«Ну так сделай что-нибудь, а не веди себя как овца на заклание!» — возмущённо проговорил знакомый женский голос.

«Руана?» — обрадовалась я.

«Да! — последовал быстрый ответ, и моя наставница нетерпеливо добавила: — Мари, быстрее! Если Ник доберётся до зала Лотилий, в котором испокон веков совершались жертвоприношения, его будет сложно остановить».

«Он же сильнее меня ментально и физически! В таком состоянии он размажет меня по стенке», — запаниковала я.

«Если ты ничего не предпримешь, он точно убьёт тебя. Не надейся, сам он не остановится».

Merde! Вот какого чёрта я должна умирать во цвете лет? Интуиция говорила, что Руана права. Что ж, тогда придётся рискнуть. Стопроцентно уверена, что не сумею достать Ника, но я ему не покорная скотина, ведомая на убой. Хватит! Он достаточно поиздевался надо мной.

Нерешительность уступила место холодной ярости. Думай, Палевская, думай!

Шаг первый. Нужно сделать так, чтобы он отцепился от меня. Значит, нужна провокация.

— Ник, — негромко позвала я и он, к моей радости, замедлил шаг. — Помнишь, я тебя предупреждала: ещё раз ударишь меня вне иметис и я тебе больше не алиин.

Реакция на мои слова была такова, будто я плеснула бензин в горящий костёр. Стремительно обернувшись, Ник залепил мне пощёчину, причём с такой силой, что аж хрустнули шейные позвонки и я упала на пол. Merde! Перед глазами поплыла пелена, рот наполнился кровью. Хреново, если сломана челюсть...

Плевать! Главное, что он отпустил меня. Палевская, приди в себя, не смей отключаться!

Первым моим порывом было пуститься в бега, но я сдержалась. Это лишь подогреет хищнический инстинкт Ника. Если уж в первый раз мне не удалось от него уйти, то сейчас и подавно. Значит, нужно действовать по-другому.

Напружиненная поза, говорящая о готовности к нападению, и горящие зелёным светом глаза подтвердили мои опасения — всё верно, стоит побежать и он не пощадит меня. Собравшись с духом, я встала. Свистнула крита, но я была наготове и перехватила её жало.

Шаг второй. Нет, не бегство, сближение.

— Это твой единственный аргумент? — спросила я, когда мы оказались лицом к лицу.

Шаг третий и самый важный. Нужно нанести решающий удар и я, не дожидаясь ответа, что есть силы двинула Ника коленом в пах.

Yes! Я ни на что не надеялась, но, видимо, сегодня был мой день. Удар достиг цели и меня захлестнула радость.

Господи, не передать словами, какое это было отрадное зрелище! Ник выронил критику и с перекошенным от боли лицом схватился за причинное место, а затем, согнувшись в три погибели и, приплясывая на месте, сдавленно застонал.

Так тебе и надо гад! Это тебе за все твои издевательства надо мной.

«Знаешь, Арес, не хотел бы я оказаться на его месте. Насколько мне припоминается — это очень больно», — прокомментировал принц Хаоса происходящее.

«А-то! Как вспомню свой неудачный поход к одной кошечке при Сияющем дворе, до сих пор ноет в одном месте! Кто же знал, что эта стерва из гвардии милорда Ваатора и за ней требуется ухаживать, а не брать нахрапом», — отозвался бог-убийца, который по такому случаю забыл, что не разговаривает с братом.

Тем не менее я не теряла бдительности и на всякий случай отошла подальше: кто знает, что этому дураку взбредёт в голову. Правда, есть ощущение, что теперь он в нормальном состоянии, то есть опасен, но не более чем всегда.

— Ну что, прочухался? — поинтересовалась я, когда страдалец перестал стонать.

Ник ожёг меня ненавидящим взглядом.

— Рехнулась? Думай куда бьешь, да ещё с такой силой.

— Заткнись! — я продемонстрировала ему опухшую щёку, а затем ткнула в раскиданные по полу клочья волос, выданных вместе с мясом. — Видел? И ты ещё смеешь заикаться, что это я сошла с ума? — выкрикнула я срывающимся от злости голосом.

— Крейд! — буркнул Ник и ненависть на его лице сменилась замкнутым выражением.

— Я ничего не помню, — сообщил он и, потеряв виски, с подозрением глянул на меня.

— Ну конечно! Это я сама себе проредила шевелюру, а затем от полноты чувств сама же

себе чуть не сломала челюсть.

Вот скотина! Если не помнит, то, значит, не виноват? Обида душила с такой силой, что мне не хватало воздуха. Убила бы гада, если бы могла!

— Что ж, раз ты у нас невинная овечка, нам больше не о чем разговаривать...

«Палевская, не смей реветь!» — приказала я себе и, не разбирая дороги, бросилась бежать.

— Стой, Мари!

Ник преградил мне дорогу и я, ничего не видя из-за слёз, влетела в его объятия.

— Прости, родная!.. Ну, пожалуйста!.. Слово райделина, я сам не понимаю, что со мной творится! — бормотал он в перерывах между поцелуями.

— Пусти! К чёрту твоё слово... Уйди, видеть тебя не могу!

Увы, перенервничавшая до состояния полного нестояния я была не в силах дать достойный отпор и лишь вяло трепыхалась в его объятьях.

— Больно! — выкрикнула я и он сразу же отпрянул от меня.

«Ага, попался!» — подумала я с мстительным удовольствием. Торжествуя, я посмотрела на Ника и у меня перевернулось сердце в груди. По его лицу блуждала столь несвойственная ему жалкая улыбка, что я не выдержала и, плюхнувшись на задницу, заревела. В общем, со мной приключилась натуральная истерика, которую он стоически вытерпел.

Когда я выдохлась, Ник отнёс меня к медицинской капсуле. Думаю, мне хватило бы собственного регенерационного запаса, но это так приятно, когда о тебе заботятся. Тем более стоило только заикнуться, как он тут же бросался выполнять моё желание. Конечно, я не смогла отказать себе в удовольствии и как следует его погоняла.

И всё же, несмотря на примирение и чудесный секс, я перед сном дала себе слово, что сделаю всё, чтобы разорвать нашу не то помолвку, не то брак. Если раньше у меня ещё оставались сомнения, то сейчас их больше не было. К чёрту такую семейную жизнь. Я не самоубийца.

Ночью я спала плохо и часто просыпалась. Снилось всякая ерунда — пугающая и одновременно восхитительная. Будто бы Ник всё же притащил меня в зал Лотилий и, подвесив к перекладине, вознамерился снять с меня шкуру, но тут появился оживший Давид Микеланджело (правда, почему-то длинноволосый и чёрный аж до радужного отлива) и, глядя на меня прекрасными синими глазами, вручил мне крылья ангела, чьи перья были легче воздуха.

Я улетела в сказочные края и там всё было так, как поётся в любимой песне Ладожского — был город золотой с прозрачными воротами и яркою звездой и были там чудесные сады и звери невиданной красоты: и огнегривый лев, и вол, исполненный очей, и золотой орёл небесный.

Всё было бы просто замечательно, если бы в нашу компанию не затесался баран — тоже сказочный красавец, но по повадкам редкостный козёл. Этот мудака с аршинными золотыми рогами тащился позади нас и с воинственным блеянием периодически бодал меня пониже спины, да так сильно, что я каждый раз падала. К счастью, появился ягуар и в два счёта его слопал, за что я преисполнилась благодарности к нему. Поначалу я боялась громадной кошки, но ягуар вёл себя прилично — не рычал и не скалил зубы, как во сне, приснившемся в Академии, и я свыклась с его присутствием.

Звери привели меня к раскидистой яблоне с золотыми яблоками, и я поняла, что это знаменитое Древо познания добра и зла. Под ним стояла светловолосая девица в белом

платье и, поджидая меня, чинно держала яблоко на ладони — видимо, подменяла змея-искусителя, который отлучился по своим адским делам. Кстати, в девице мне померещилось что-то знакомое, но я так и не вспомнила, где её видела. В общем, я взяла протянутое яблоко и без раздумий вгрызлась в его сочную ароматную мякоть. Не знаю, совершил ли сей акт райского вандализма переворот в моём сознании, как это произошло с Адамом и Евой, но ничего особенного я не ощутила — разве что голод усилился, и я проснулась.

Открыв глаза, я натолкнулась на взгляд Ника. Он был спокоен. От вчерашней приниженности не осталось и следа. А жаль. Виноватый Ник нравился мне куда больше, чем Ник, воображающий себя пупом мироздания. Ну да, ладно. Как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Формальный обмен пожеланиями доброго утра, выдержанный в строгих эрейских рамках, как ни странно, принёс мне облегчение. Да и Ник вроде бы доволен, что всё вернулось на круги своя. Вот и замечательно. Нет нужды сокращать дистанцию, всё равно мы скоро расстанемся.

Привычный утренний ритуал с походом в ванную и гардеробную (они у нас отдельные) завершился в столовой, где я заказала завтрак для него и для себя. Когда он пришёл, я поставила перед ним поднос с едой — конечно, столовская сервировка, но так тиарану легче убирать. О машине Ник заботится куда больше, чем обо мне, но хоть не делает из меня личную служанку, за что ему отдельное спасибо.

— Чем сегодня займёшься? — спросил он во время завтрака.

Я подняла на него глаза.

— Погуляю по парку, а там будет видно.

Чем займётся он, я не спросила. Согласно ритену, я не имею права проявлять любопытство относительно его дел. Если он сочтёт нужным, то сам скажет о своих планах.

В технологическом плане эрейская цивилизация намного обогнала современное человечество, но в их семьях процветал махровый патриархат. Для жены слово мужа было законом. Женщина имела право голоса только в хозяйственных делах и в воспитании детей. Вот только высокородные эрейки не имели даже этих куцых прав. Единственно, что от них требовали — это произвести на свет наследника, а дальше хоть умри — никому нет до тебя дела. Конечно, я утрирую, но по большому счёту так оно и есть. Конечно, браки у эрейцев были бессрочные, но это не значило, что муж не мог избавиться от надоевшей жены. Во время празднования Лотилий он мог срубить ей голову — под предлогом измены, и никто не осудил бы его за это, что я и наблюдала в своём видении. Брр! Нет, надо бежать отсюда и как можно быстрее!

— О чём задумалась? — отвлёк меня Ник от грустных мыслей о тяжкой доле эрейских женщин в целом и, в частности, о моей собственной.

— Да так, о всякой ерунде, — ответила я, стараясь не выдать охватившее меня раздражение.

Вот какого чёрта? Я даже не могу встать из-за стола, пока он не закончит завтрак и не уйдёт из столовой. Может, рискнуть?.. Нет, не стоит, буду сегодня лапочкой. Иначе Ник придумает какое-нибудь наказание, а я хочу поискать авиетки. Впрочем, если даже найду, то не факт, что смогу попасть внутрь гаража. Одна надежда, что здесь их не от кого прятать и они стоят под открытым небом. О том, что управление авиеток персонифицировано и мне не удастся взлететь, я старалась не думать. Я бросила быстрый взгляд на Ника. Странно, что он не злится. Прикидывается, что не слышит мои мысли?

«Райделин Никотан действительно тебя не слышит», — последовал неожиданный ответ.

«Твоя работа?», — поинтересовалась я.

«Да», — призналась Руана.

М-да. Несколько неожиданно. Не имею понятия, каким образом спарринг-партнёрша покинула симулятор и переквалифицировалась в моё альтер-эго, но очень надеюсь, что не навсегда — всё же раздвоение сознания пахнет сумасшествием.

«Мы не долго пробудем вместе, — успокоила меня Руана и грустно добавила: — Я *рулат*, тень из прошлого. Ты была в опасности, и я пришла тебе на помощь».

Так-так! Выходит, личный ангел-хранитель — это не выдумки, только его посылают не Небеса, а предки. А вдруг Руана знает, каким образом разорвать помолвку, пришла мне в голову светлая мысль.

«Ведь её можно разорвать?» — спросила я с замиранием сердца.

«Да», — последовал ответ, и она сказала фразу, требуемую для развода. У меня перехватило дыхание, а затем забурлила такая радость, что я едва усидела на месте.

— Что случилось? — насторожился Ник.

— Ничего!.. Всё в порядке.

Поменьше эмоций, Палевская! Не выдавай себе раньше времени! И я, не в силах усидеть на месте, заёрзала на стуле. Конечно, для придания драматизма моменту расставания следовало бы отыграть его в вечерних декорациях, но, боюсь, у меня не хватит терпения.

Что ж, тогда нечего тянуть кота за хвост. Я встала и, выйдя из-за стола, приняла подходящую такому случаю позу.

— *Рай-ин-рай Никотан Реази Вистаньо! Ай, яте эминьоси ариос ле ая тебис. Этам суз!* — отчеканила я, а затем набрала в грудь воздуха и разродилась длиннейшей фразой, смысл которой не слишком понимала, видимо, это был устаревший вариант эрейского языка.

Ник тоже встал и, слегка поклонившись, не менее официальным тоном заявил, что данная норма законодательного права, прописанная в законе Зантурана, действовала лишь в том случае, если брак заключался между гражданами Священного королевства и вольных государств, да и то в исключительных случаях. Он может их все перечислить, но это не имеет смысла, поскольку он и я подданные королевства Лета — по праву происхождения своих родителей, и на нас действие данного закона не распространяется.

«Это правда?» — спросила я Руану. «Насчёт гражданства, да, — ответила она с виноватыми нотками в голосе. — Извини. Я плохо знаю законодательство Коалиции Священных королевств. Мне казалось, что положения закона Зантурана действуют и у них, поскольку он взят из их Брачного кодекса».

«Ладно, проехали», — вздохнула я и, подойдя к автоповару, заказала вина — себе и Нику. Плевать, что утро. Сев за стол, я подняла бокал.

— Поздравляю с очередной победой. Кстати, как долго ты можешь держать меня в бесплатных любовницах?.. Да-да, алин! Признаю свою ошибку, только не заводись.

— Пять лет, — ответил он, когда я уже выпила вино и вознамерилась пойти за добавкой.

— Замечательно. Надеюсь, ты до последнего продержишь меня в статусе алин, на случай если вдруг передумаешь жениться. Уж лучше ты выгонишь меня из дома, чем отрубишь голову во время Лотилий.

Я взяла новый бокал с вином, но Ник отобрал его у меня и поставил на столешницу автоповара.

— Мари, ты действительно не хочешь связать свою жизнь со мной? Только отвечай честно, без своих обычных увёрток.

Неужели? У меня заколотилось сердце.

— Клянусь Священным Ягуаром! — с жаром выдохнула я.

— В таком случае я откажусь от нашего свадебного соглашения. Мне нужна жена, а не строптивая рабыня, — заявил он и, выпив моё вино, вышел из столовой.

Ну и что это было?

«Слушай, у меня такое ощущение, что он разорвал нашу помолвку. Это так или нет?» — спросила я своего ангела-хранителя.

«Вроде бы, да... но я не уверена, — ответила Руана и добавила: — Райделин Никотан из нового времени. Не исключено, что обычаи изменились. Раньше это был жуткий позор для девушки, если жених от неё отказывался. Как правило, это приводило к конфронтации между семьями, и если алин была из высокородных, то дело доходило до крупных военных действий».

Судя по рассказу Ника, обычаи не слишком изменились; рай Таятан, его отец, отказавшийся от предназначенной ему невесты, заплатил за это частью своего королевства, что для него, как для правителя, жертва из жертв.

К сердцу подкатила обида. Ну, конечно! Меня-то можно бросить в любое время.

Руана хмыкнула. «Так ты хочешь, чтобы райделин отказался от тебя или нет?» — поинтересовалась она.

«Хочу. Но меня бесит, что отказ ничего не будет ему стоить. Захотел — женился, захотел — дал от ворот поворот».

«Если тебя это задевает, значит, он тебе не безразличен. Тогда почему ты так стремишься от него уйти?»

«Это не вопрос любви, это вопрос гордости, — подумав, ответила я. — Если бы Ник относился ко мне по-человечески, я бы ещё подумала, стоит выходить за него замуж или нет. Но он ведёт себя так, что не оставляет мне выбора».

«И всё же не спеши. Мне кажется, он любит тебя».

«Любил волк кобылу — оставил хвост да гриву», — сказала я и Руана засмеялась.

«Ну да, такая уж у нас, эрейцев, любовь. Если тебе от этого будет легче, то мой король поначалу устроил мне такое, что впору было вешаться, но ничего. Как видишь, любви это не помеха», — снисходительно проговорила она.

«Но я-то не мазохистка и терпеть не могу, когда мне портят шкурку».

«Не нравится, дай сдачи».

«Мне с ним не справиться. Он сильнее. Конечно, умей я драться, как ты, это было бы совсем другое дело».

«Хочешь быть на равных с райделином Никотаном, превзойди его в умениях», — посоветовала Руана.

«Легко сказать, да трудно сделать».

Дверь, ведущая на улицу, бесшумно ушла в сторону, и я зажмурилась от яркого солнечного света. Хорошо-то как!

Поскольку Ник предположительно дал мне развод, то транспорт можно больше не искать. Думаю, он сам отправит меня к отцу. В таком случае не мешает прогуляться по Риоголизу и в последний раз посмотреть на его красоты. Кто знает, как скоро я его увижу — если Ник вообще пустит меня сюда — так что нужно пользоваться моментом.

Наивная! Вечером я завела разговор о возвращении домой и тут выяснилось, что я, оказывается, всё неправильно поняла. И чтобы доказать мне это, Ник включил запись

тиарана, а затем заявил, что сказанная им фраза: «В таком случае я откажусь от нашего свадебного соглашения» говорит лишь о намерении разрыва, но никак не о самом разрыве. В общем, он так заморочил мне голову, приводя формулировки эрейского законодательства, что я отчаялась что-либо понять из его речей. Ну а когда он заявил, что ему ничего не стоит перевести меня из алин в разряд рабынь, то я забила на дальнейшее разбирательство и ушла в свои комнаты.

Плюхнувшись на диван в будуаре, я закрыла глаза. Ничего не хотелось делать — ни читать, ни смотреть. К тому же в доступе были только эрейские книги и фильмы, а я уже под завязку наелась чуждой для меня культурой. На глаза навернулись слёзы. Я скучала по дому и друзьям. А ещё я хотела видеть нормальных людей, чтобы убедиться, что остальной мир ещё не сошёл с ума и там, проштрафившись, никто не падает на колени. И что при желании можно пойти куда угодно и делать что угодно, и никто с тебя не спросит за это и уж тем более не станет наказывать. Когда Ник пришёл, я уже рыдала в голос. Он ничего не сказал, лишь обнял и до тех пор баюкал, пока я, успокоившись, не уснула.

Наутро всё вернулось на круги своя. Стоило мне нарушить заведённый распорядок и Ник положил ладонь на рукоять криты; так что пришлось вернуться к образу идеальной райдиэль, хотя меня уже тошнило от собственного притворства.

Из подслушанного разговора со Штейном выяснилось, что авиетки всё же имеют персонифицированное управление, и я, отказавшись от идеи побега по воздуху, решила поискать отходные пути по суше. Кстати, Штейн спросил обо мне, и я чуть было снова не расплакалась — хоть кто-то ещё помнит о моём существовании.

Стараясь не пропустить нужную дверь, Соня Беккер шла по коридору питерского штаба, пока ей не попалась солидная медная табличка, утверждающая, что именно здесь располагается новое царство господ аналитиков ОК СБ. За дверью скрывалось более чем просторное помещение, разделённое прозрачными боксами на отдельные отсеки, и Соня, не обращая внимания на повёрнутые к ней любопытные лица, искала глазами мужа. Иван оказался неподалёку и она, улыбнувшись, ласково пропела:

— Господин Ладожский, не могли бы вы уделить мне несколько минут?

— Лапуся, он не может, у него аврал, зато я весь в твоём распоряжении.

И перед Соней, будто из воздуха, возник высокий светловолосый парень. Не успела она опомниться, как он выпихнул её за дверь и прислонился к ней спиной, не давая Ивану выйти.

— Ведь ты подруга Мари Палевской? — спросил он довольно резко и Соня, подавшись назад, смерила его насторожённым взглядом.

Первым её порывом было сказать, что он слишком много о себе воображает, если думает, что она обязана перед ним отчитываться. Вот только, судя по короткой стрижке, парень был из спецназа и это заставило её прикусить язычок. От такого можно было ожидать чего угодно, да и холодные голубые глаза не располагали к грубости.

— Ну? — парень нетерпеливо глянул на неё. — Лапуся, проснись! Это не такой сложный вопрос, чтобы так долго над ним думать.

Соня надменно вздёрнула подбородок.

— Предположим, что подруга. И что с того?

— Да ничего. Просто хотел узнать, как она поживает.

Под напором Ивана дверь заходила как живая и девушка, ощутив за собой надёжный тыл, презрительно фыркнула.

— Прекрасно поживает, чего и вам желает.

— Тогда передавай ей привет от Хамелеона.

— Не думаю, что Мари в курсе вашего существования. Во всяком случае, я вас не знаю.

Парень смерил Соню оценивающим взглядом и ухмыльнулся:

— Ещё передай, что у неё хоть и тупенькая, но очень симпатичная подруга. Лапуся, ведь мы встречались.

Получив лёгкий щелчок по носу, Соня вскрикнула от неожиданности, но не успела она открыть рот, как наглый спецназовец исчез — причём так же быстро, как появился. В результате чего переполняющее её возмущение обрушилось на голову ни в чём не повинного Ивана, который на всех парах вылетел в коридор. Когда же она немного остыла и ему удалось вклиниться в её гневный монолог, она в ответ на его вопрос, что случилось, лишь смерила его сердитым взглядом и, развернувшись, ушла.

Видя, что с ней всё в порядке, Ладожский пожал плечами и вернулся к себе. Аврал на работе не оставлял ему времени на семейные разборки.

«Что случилось, что случилось! Да ничего не случилось, — проворчала разобиженная Соня. — В конце концов, могу я соскучиться и прийти, если муж уже вторую неделю не кажет носа домой? Кстати, о носе. Нехорошо, если он покраснел», — забеспокоилась она и,

зайдя в туалет, первым делом направилась к зеркалу.

Убедившись, что нос ничуть не пострадал, она поправила макияж и улыбнулась своему отражению. «Сам ты дурак! И на понт ты меня не возьмёшь. У Мари не просто очень красивая подруга, она ещё и умная. Если бы мы встречались, я бы запомнила. Хамелеон, говоришь? ОК! Думаю, *rara* тоже будет интересно узнать, что за тип интересуется дочерью Палевского. Но где же, Мари? — девушка перестала улыбаться и между её бровей залегли лёгкие складочки, вызванные беспокойством за подругу. — Это так на неё не похоже. Уже столько времени прошло, а от неё ни слуху ни духу. Даже не знаю, к кому ещё обратиться: к Михаилу Яновичу не подступиться, Ник неуловим, к Штейну страшно подходить, ещё наорёт как на Ивана. Так что остается лишь верить *rara*, что с ней всё в порядке. Во всяком случае, мне больше не снится тот дурацкий сон, будто её убили».

Соня зябко передёрнула плечами и включила воду, отгоняя от себя страшное видение изуродованной Мари, после которого она погнала Ивана к Палевскому, хотя тот поначалу упирался, заранее зная, какой будет его реакция. Правда, Ивана самого одолевали дурные предчувствия, и он дал себя уговорить.

При выходе из туалета Соня столкнулась с парнишкой лет пятнадцати и смерила его строгим взглядом — мол, нечего болтаться у женского туалета, но тот с восхищённым присвистом нахально оглядел её с головы до пят, и она густо покраснела.

«Бог ты мой, нашла кого смущаться! Это же совсем ещё зелёный пацан», — спохватилась девушка и направилась к лифтам. Прежде чем войти в кабину одного из них, она всё же не утерпела и обернулась, но парнишки уже и след простыл. Он показался ей знакомым и она, порывшись в памяти, вспомнила, где его видела. «Странно! С той лекции у лорда Бернштейна уже прошло довольно много времени, а мальчишка совсем не изменился. Нужно будет поговорить с научным руководителем. Может быть, это какая-то неизвестная мутация, что было бы очень кстати. Если я её опишу, это придаст вес моей диссертации».

Воодушевившись, Соня бросилась обратно, но сколько она ни спрашивала встречных, никто не видел нахального голубоглазого подростка, одетого так, будто его одежда с чужого плеча или куплена на вырост.

ГЛАВА 30. Семейные перипетии среди смертных и бессмертных

К досаде Ника, древнеэрейская формула отказа от помолвки имела законодательную силу и для подданных Коалиции Священных королевств. После того, как Мари её сказала, она больше не была его алин, что обязывало его в ближайшие дни отправить её домой. Вот только он не собирался этого делать.

Доступ к Брачному кодексу имелся лишь у Ника и тиарана, но была одна странность, которая заставила его усомниться в предательстве почившего искина. Прослушав запись отказа от помолвки, сказанную Мари, он понял, что ему не показалось: из-за характерного произношения некоторых гласных диалонский диалект было сложно перепутать с каким-либо другим. После чего он пораскинул мозгами и пришёл к выводу, что тут может быть лишь одно объяснение, а именно, как и в случае со Штейном, он имеет дело с *рулат*, то есть с вмешательством памяти предков.

Ну а дальше, с учётом видения Мари и исторических хроник, ему не составило труда догадаться, кто именно пришёл ей на помощь. Сентана Руана Родек была родом из вольного государства Диалон, к тому же она прошла подготовку судьи-поединщика[1], что предполагало знание ею законов своей страны.

На счастье Ника, предшественница Мари, сменившая гражданство, недолго прожила в королевстве Зимы, куда она попала в качестве рабыни. Не погибни Руана в столь юном возрасте, и она вполне могла заинтересоваться законодательством Коалиции Священных королевств. Вот тогда ему действительно пришлось бы туго.

Пока Ник раздумывал, как ему вернуть своенравную алин и при этом поладить с её защитницей, принц Хаоса размышлял над тем, почему душевный потенциал Мари больше, чем у обычного человека, но меньше, чем он должен быть в присутствии богини.

Арес, избравший роль стороннего наблюдателя, знал ответ, но помалкивал. К тому же его забавляли манёвры Ким.

Юная богиня по-прежнему пряталась от Николса, не теряя надежды оставить его в неведении относительно своего воскресения. Вот только он, к её досаде, не думал покидать планету и превратил семейный храм Риоголиза в прихожую своего эдема. Такое посягательство на его логово не вызвало восторга у бога-убийцы, но он не забывал, что всего лишь охранник при принце Хаоса. Правда, он больше не величал его «ваше высочество», а звал по имени, но сути это не меняло: Николс был хозяином, а он — слугой.

Поначалу Арес игнорировал эдем и не заходил внутрь — больше из-за обиды, чем из-за чего-либо другого, но через пару дней решил, что обязан быть ближе к охраняемому объекту.

— Сначала я, затем ты, — сурово заявил бог-убийца, преградив Николсу путь в эдем.

— Хорошо, — согласился принц Хаоса, пряча улыбку, и выкрикнул вдогонку брату: — Эй, кошка! У меня там уникальные образцы фауны, так что не особо расходишь.

— Не переживай, я уже поужинал, — отозвался Арес и, проигнорировав свои обязанности, улёгся под Древом познания добра и зла. Когда-то это была обычная яблоня, но потом ей необычайно повезло. Когда её коснулась божья благодать, она обзавелась вечной жизнью и золотой окраской плодов.

— Ну, скоро ты там? — спросил Николс, видя, что процесс проверки затянулся.

Прежде чем ответить Арес придирчиво оглядел золотые плоды, висящие поблизости, хотя все они были одного размера и формы.

— Жди. Я скажу, когда можно будет войти, — сказал он и захрустел сорванным яблоком.

— Свинтус ты, а не кошка, — укорил Николс бога-убийцу, который, невзирая на его появление, продолжал валяться под Древом познания добра и зла, причём на том самом месте, где обычно любил полежать он сам. — Ну-ка, подвинься! — потребовал он и пихнул громадного ягуара в бок, но тот ни на йоту не сдвинулся с места.

— Это ещё зачем? — прорычал Арес, с насмешкой глядя на него.

Николс возвёл очи горе.

— Потому что это мой эдем.

— А я на службе. И как твой охранник, ответственно заявляю, что именно с этого места лучше всего оборонять твою пыльную лавочку.

— Вот врёшь и не краснеешь. И мой эдем не пыльный, а просто очень старый. Отец сказал, что этот антиквариат достался нам от дедушки, — поведал Николс брату и, сев рядом, потрепал его по крупной лобастой голове.

Ягуар недовольно сверкнул глазами.

— Ещё раз дотронешься, останешься без руки, — предупредил бог-убийца и для остротки угрожающе щёлкнул зубами.

— Совсем обнаглел, — сказал Николс и грустно добавил: — Чем скалить зубы, лучше бы подсказал, как найти мою богиню.

— Ты ищешь ту, которой поверил на слово, что она демиург, или ту, что копия твоей матери? — осведомился Арес и принц Хаоса разом утратил сходство с Врубелевским демоном печали.

— Так ты видел Лотиэль? — радостно воскликнул он.

«Ага! Сидит поблизости и трясётся от страха, что снова попадёт в твои лапы», — фыркнул Арес про себя.

— Нет, — ответил он, выдержав нужную паузу.

— Наглая твоя морда, — вздохнул разочарованный Николс и сделал вид, что снова хочет потрепать его по ушам.

— Откушу! — рыкнул Арес и он отдёргнул руку.

— Кошак, не вредничай! Признайся, что ты видел Лотиэль.

— Признаюсь... Я её не видел. С чего ты решил, что она воскресла?

— Потому что в аватаре её нет.

— Ты уверен, что она ещё жива? Ведь в момент смерти её воплощения, ты каждый раз залавливал бедняжку и нещадно отбирал у неё набранную энергию. Сидя на голодном пайке, душа девчонки мало чем отличалась от душ смертных. Катастрофа уничтожила ноосферу и она, не получая подпитки, могла погибнуть от истощения.

— Уверен, что она жива, я чувствую её присутствие. Похоже, Лотиэль прячется от меня.

— Ещё бы! — фыркнул Арес. — Если бы меня столько раз отправляли к праотцам, я бы тоже прятался.

«И гораздо дальше, чем эта дурочка», — добавил он про себя.

— Честное слово, я не со зла, — грустно проговорил Николс. — Лотиэль не должна набрать силу, и ты знаешь почему.

— Однажды вы с папочкой доиграетесь и Коллегия Двенадцати, прознав про ваши делишки, как следует вздрючит вас, — проворчал Арес и на всякий случай прозондировал окружающее пространство. К его облегчению, кроме Ким, их никто не подслушивал. — Если аватара сама по себе, ты мог бы не запускать временную петлю, — заметил он.

— В первую очередь мне не хотелось, чтобы Коллегия Двенадцати, под предлогом нарушения пророчества, сунула нос в мою вселенную. Потом я не сразу обнаружил, что Лотиэль удалось отделиться: у аватары мощнейший душевный потенциал. В общем-то, я даже сейчас не уверен, что их души разделились. К тому же смертная девчонка довольно забавна, так что не последнюю роль сыграла моя симпатия к ней.

— А ты учишь, что без контроля Лотиэль пророчество может пойти вразнос?

— Ты прав, придётся присматривать, чтобы его участники не нарушали правила. Вот этим ты и займёшься. Арес, даже не начинай! Я не приму твой отказ, — произнёс Николс и, нивелируя свой безапелляционный тон, добавил несколько мягче: — Неужели так трудно присмотреть за одной планетой? — его губы дрогнули в улыбке. — Нет, если хочешь, мы можем поменяться. Я присмотрю за планетой, а ты за вселенной. Согласен?

Арес поднял голову и с подозрением посмотрел на него. Наученный горьким опытом он опасался очередного братского подвоха.

— Поищи дурака в другом месте. Больше ты меня не обманешь, — сказал он, стараясь не выдать охватившую его тревогу.

— Зачем мне кого-то искать, когда дурак у меня под боком? — сказал Николс и, дразня брата, вновь сделал вид, что собирается потрепать его по ушам, но Арес превратился в человека и оттолкнул его руку.

— Отстань, а то доиграешься.

Николс сорвал яблоко и назидательно проговорил:

— Вот ты дуешься на меня, а между тем в твоём послужном списке теперь появится приписка, что ты владеешь профессией творца, что немаловажно для такого юного бога, как ты, ведь это повысит твою цену в глазах начальства. Да и отцу будет легче продвигать тебя по служебной лестнице, поскольку ты у него ходишь в любимчиках.

Он развернулся и пытливо глянул на брата.

— Не спросишь почему?

— Зачем? — пожал плечами Арес. — Захочешь — скажешь, не захочешь — не скажешь.

— Всё ещё не можешь избавиться от легионерских замашек? Я бы на твоём месте полюбопытствовал, — ухмыльнулся Николс и, запихав в рот яблоко, проглотил его целиком.

— Ладно, не буду испытывать твоё терпение. Отец к тебе снисходителен, потому что твоя настоящая мать миледи Баастет. Во всяком случае, я так думаю. «Кольцо света», которое ты носишь, принадлежало ей.

— Доказательства! — потребовал Арес.

— Я слышал, как отец обсуждал с моим наставником свойства Кольца Света, а затем сказал, что хочет подарить его своей фаворитке миледи Баастет, но при этом не хочет навредить ей своим подарком. Извини. Если бы я раньше обратил внимание на твой браслет, я бы сразу сказал о своих подозрениях.

Арес посмотрел на золотой браслет — подарок той, что он считал матерью, и почувствовал, как уходит почва из-под ног. «Теперь понятно почему родители прохладно относились ко мне, хотя не забывали хвалить за то, что они считали хорошими поступками, и высшие баллы в учёбе. Ну так, похвалить может каждый, а вот пожалеть, когда тебе плохо,

лишь тот, кто любит», — угрюмо подумал он и вновь ощутил себя никому не нужным, как это часто случалось с ним в детстве.

Память всколыхнулась, отзываясь на его волнение, и воспроизвела картину из прошлого:

Вот маленький Арес, захлёбываясь слезами, бросается к матери, стоящей в окружении других фрейлин, но Зенобия отстраняет его от себя и как ни в чём ни бывало, продолжает разговаривать и смеяться. А вот его отец Зенон Парменид о чём-то беседует с приятелями, а затем протягивает руку и на его ладони возникает крошечная вселенная. Очарованный чудом творения Арес подбегает к нему и с отцовского лица пропадает оживление. Строгим голосом он велит ему пойти домой и заняться уроками.

Зёрна посеянного сомнения дали всходы, и память одно за другим подсовывала Аресу воспоминания, подтверждающие слова Николса. Обида росла как снежный ком, пока он не вспомнил и кое-что другое из жизни с родителями и перед его внутренним взором вновь замелькали картины из прошлой жизни:

Второй Круг Перерождения — это возраст отрочества и, как следствие, подросткового бунтарства. Его отношения с родителями натянуты до предела. Ареса бесит всё: и слёзы матери, которая уже нервно вздрагивает при его появлении, и попытки отца поговорить с ним по душам. Он не замечает — как видит это сейчас — что равнодушие родителей кануло в Лету, и они, как могут, стараются достучаться до его сердца. Юный Арес платит им тем, что с изощрённостью садиста изводит их постоянными капризами и страхом за его жизнь. Вот и в этот раз он не прошёл мимо группки провинциальных богов и без всякого повода врезал одному из них кулаком по лицу.

На его несчастье, это оказались Разрушители — самая жестокая раса богов.

Избитый до полусмерти Арес очухался лишь через сутки и обнаружил, что лежит в луже собственной, уже подсохшей крови и, что самое неприятное, у него отрезаны кисти рук и стопы ног. Его спасла молодость, приправленная кошачьей живучестью. Собрав остатки магических сил, заложенных в него природой, он переместился домой и вновь потерял сознание.

В следующий раз Арес очнулся уже в своей кровати — слабый как новорожденный котёнок, но, к его радости, при целых конечностях. Рядом сидела Зенобия. Видя, что он пришёл в себя, она уткнулась лицом в ладони и заплакала, да так горько, что у него подступил комок к горлу. «Мама, не плачь!» — попросил он и, сев в кровати, впервые за долгое время её обнял.

«Хорошо хоть голову не оторвали», — устало сказал вошедший Зенон и протянул ему жезл силы — волшебное лекарство, исцеляющее от любых увечий и болезней. Тогда он воспринял это как должное и лишь сейчас задумался, откуда отец его взял, — ведь жезлы силы выдавали только с разрешения лорда Хаоса. Почему-то Аресу не верилось, что он ходил к нему на поклон. Да и не мог бог низкого ранга так быстро получить аудиенцию у владыки Двенадцатого континуума. А это значило, что, нарушив запрет, Зенон сам создал жезл силы. Чем ему это грозило, Арес боялся даже подумать, — ведь лорд Хаоса люто ненавидел творцов и всячески их притеснял, хотя именно они поставляли ему жезлы силы — основу его могущества.

Может, Арес повзрослел, а может, наконец-то понял, что не безразличен родителям, но с той поры их отношения изменились к лучшему. Конечно, временами он взбрыкивал, но это было уже не так остро, как раньше. Во всяком случае, его эскапады больше не носили характер беспощадной войны с родителями.

Когда оракул предрёк ему службу в Легионе убийц, Зенон страшно расстроился. Он хотел, чтобы Арес пошёл по его стопам и тоже стал творцом. Проиgnорировав предсказание, он подал прошение в канцелярию, ведающую распределением молодых богов. Ответ пришёл в тот же день. Это было распоряжение о немедленной отправке Ареса в казармы Легиона убийц. Поникий Зенон, клянувший себя за прошение, обнял его и вручил ещё один жезл силы, сказав, чтобы Арес никому его не показывал. Затем пришла очередь Зенобии прощаться с сыном. Со слезами она одела на его руку «Кольцо света», мол, этот браслет уберёжёт его от несчастий.

«От собственной дурости не уберёжёт никакой артефакт», — вздохнул Арес, припомнив, сколько раз попадал в различные неприятности: и на службе в Легионе, и по милости Николса, находясь в шкуре творца.

Желая быть беспристрастным, он попытался вызвать в памяти образ леди Баастет. Но как он ни старался, он видел лишь надменную черноволосую красавицу, в чьих зелёных глазах, перешедших ему по наследству, ни разу не промелькнуло ничего похожего на материнскую любовь, какую он читал в глазах Зенобии. Затем он попытался представить лорда Хаоса на месте своего отца и внутренне содрогнулся.

— Что бы ты ни говорил, а «Кольцо света» — это мамин подарок. И вообще, мои родители Зенон и Зенобия Пармениды и другие мне не нужны.

Николс одобрительно глянул на брата.

— Я рад, что ты не отказался от них, узнав, кто твои настоящие родители.

— Они и есть мои настоящие родители. Мне плевать, кто там меня родил.

— Что ж, тем лучше. Я уж было забеспокоился, что ты возненавидишь меня из-за леди Баастет.

Арес покачал головой.

— Не беспокойся, она мне чужая. К тому же это леди Баастет хотела убить твою мать.

— Откуда ты знаешь?

— Слухи. Как правило, они правдивы — в отличие от официальных версий.

— Согласен, — усмехнулся Николс и повернул разговор в нужную сторону. — Так ты присмотришь за пророчеством и прочими делами на планете?

— Хорошо, — согласился Арес.

— Тогда у меня к тебе просьба. Мари удалось разорвать брачные узы и в настоящее время Никотан свободен от Пророчества. Сделай так, чтобы он их не возобновил. Я хочу, чтобы он остался в живых.

— Постараюсь, но ничего не обещаю... Апчхи! Кстати, не находишь странным, что девчонке удалось это сделать? Ведь душа Лоти не должна была этого допустить.

— Ты прав, это странно. Может, дело в том, что Никотан не только участник Пророчества, он один из королей Квадратуры круга. Если у Мироздания есть на него свои планы, оно способно внести коррективы в его судьбу. Правда, это предвещает неприятности такого масштаба, что как-то мне не верится, что такое возможно. Да, есть ещё вариант. Аватара могла подавить душу Лотиэль, которая служит основой Пророчества, и оно пошло

вразнос. Но такая ситуация вообще из ряда вон, да и душе смертной не справиться с душой богини... — принц Хаоса призадумался. — Хотя кто знает. Даже с учётом того, что она аватара, Мари — слишком уж необычная девушка. А ты что думаешь по этому поводу? — обратился он к брату.

— Мне-то откуда знать? Я всего лишь убийца и по совместительству твой охранник. Апчхи! Да что б тебя!.. Апчхи, апчхи!.. Ну всё, я пошёл! Апчхи!

Расчихавшийся Арес исчез и Николс по-хозяйски огляделся по сторонам. «Кошак прав, слишком много древней пыли. Пора прибраться», — подумал он и, повинувшись его воле, в эдеме заплясало множество вихрей, которые на этот раз выполняли роль пылесоса. Затем небо затянули тучи и хлынул ливень.

Всё бы ничего, но дождь не только до блеска отмыл райскую зелень, но и вызвал у неё такой бурный рост, что принц Хаоса, опасаясь быть погребённым под стремительно растущими растениями, поспешно переместился к Аресу и запечатал вход в эдем. К его досаде, этим дело не кончилось. Первозданная растительность, до предела заполонившая эдем, нашла лазейку и устремилась в реальное пространство, и обоим богам пришлось основательно попотеть, борясь с её вездесущими побегам. Когда рост зелени замедлился, они запустили в эдем многотонные живые танки, и они пожрали большую часть распоясавшейся зелени.

Когда эдем обрёл прежний благообразный вид, оба с облегчением выдохнули и, не сговариваясь, уселись под основательно подросшим Древом познания добра и зла. Арес протянул руку и сорвал яблоко. Некоторое время братья смотрели на райский фрукт, который по размерам и весу не уступал арбузу, и дружно расхохотались, представив каково теперь придётся новоявленным Адаму и Еве — конечно, если они когда-нибудь отважатся вкусить от плода, шкура которого по своей дубовости не отличалась от шкуры того же арбуза.

— Это ты зря, — сказал Арес, когда яблоня и яблоки вернулись к нормальному размеру. — Я уж было представил расу гигантов — под стать твоим модернизированным яблочкам. Кстати, всё хотел спросить, что будет, если племя смертных обретёт возможности для неограниченного развития?

— Мирозданию достаточно тех, что уже есть, Боливар не вынесет двоих, — ответил Николс и, забрав яблоко, вгрызся в его брызжущую соком медовую мякоть.

Арес с удивлением посмотрел на него.

— Думаешь, наши предтечи тоже были смертными?

— Естественно, — усмехнулся принц Хаоса. — Только это было давно и неправда. До того, как они преодолели свою смертную природу и уподобились богам.

— Я так понимаю, живая материя — опасная игрушка, чреватая тем, что однажды у нас появятся конкуренты.

— Верно, но, согласишься, крайне увлекательная игрушка, к тому же дающая свежую кровь Сияющему двору. Без молодых богов, с их реалистичным мировоззрением, он уже давно впал бы в маразм и, кто знает, к чему бы привели причуды его долгожителей.

— Всё равно не понимаю, какой смысл растить себе конкурентов, да ещё в таком количестве? — спросил Арес, заинтересовавшись поднятой темой.

— Поверь, выживут немногие. И совсем уж единицы сумеют подойти к такому уровню, который позволит им создать устойчивую связь с ирреальностью, что, по сути, есть доступ к Мирозданию, то есть к модулятору вселенных. Но и этого мало. Чтобы стать полноправным

партнёром в божественных играх, нужно занять место за столом Коллегии Двенадцати, для чего нужно будет вышибить оттуда одного из уже имеющихся игроков, поскольку у Мироздания их ограниченное количество. Как тебе известно, их ровно двенадцать. Правда, ходят слухи о каком-то легендарном тринадцатом уровне, но это всего лишь слухи. К тому же поговаривают, что возникновение Тринадцатого континуума ни к чему хорошему не приведёт. В общем, претенденты держат в тонусе Коллегию Двенадцати, не давая её членам почить на лаврах, — заключил принц Хаоса и запустил огрызком яблока в шпиона лорда Ваатора. Он подслушивал их беседу, прячась среди ветвей Древа познания добра и зла.

— Врёшь, не уйдёшь! — раздался азартный возглас братьев и вслед удирающему змею полетела сдвоенная пулемётная очередь из яблочных огрызков.

[1] Эреи — воинственный народ и в разборках предпочитал поединки. Даже их судебная система строилась на них. Специальные школы при храмах сызмальства готовили судей, виртуозно владеющих оружием. Потому эрейский суд был драматическим действием не для слабонервных. Во время исполнения смертного приговора, вынесенного Большим жюри, состоящим из четырёх судей, зрители тоже могли поучаствовать в нём. Конечно, если находились четверо желающих сразиться с осуждённым, который отнюдь не был овечкой на заклание. После победы по очкам (кто быстрее нанесёт четыре ранения) над своеобразными присяжными, он имел право на такой же поединок с судьёй. Если осуждённый и его побеждал по очкам, то с него снимался смертный приговор и заменялся более мягким, как правило, продажей в рабство. В случае убийства зрителя или судьи со смертником по очереди сражалось всё Большое жюри — до тех пор, пока его не убивали. В истории эреев не было случая, чтобы кто-то из смертников победил весь наличный состав судей.

Уборка в эдеме дала о себе знать тем, что в Риоголизе при безоблачно-ясном небе вспыхнула целая россыпь ярких радуг — под сопровождение по-весеннему весёлых раскатов грома.

Пока Мари любовалась небесным шоу, Ник, войдя в гостиную, с изумлением воззрился на деревянные панели и мебель, пустившие зелёные ростки, которые росли будто при ускоренной съёмке и, мало того, прямо на его глазах покрывались бело-розовыми бутонами.

«Крейд! Это ещё что такое?» — расстроился он и, в надежде избавиться от наваждения, поспешно смежил ресницы. Прошло довольно много времени, прежде чем он снова решился открыть глаза. На его счастье, несанкционированная растительность бесследно исчезла — будто её и не было.

Не доверяя себе, Ник прошёлся по гостиной и несколько раз резко обернулся. Но панели и мебель, пойманные врасплох, вели себя прилично и больше не фокусничали, пытаясь вспомнить молодость. Тем не менее, дойдя до противоположной стены, он с некоторой опаской дотронулся до украшающей её панели, а затем, не чувствуя под собой ног, рухнул в ближайшее кресло. «Всё, довольно! Пора заканчивать с мозговым штурмом, иначе добром это не кончится. И так уже до смерти напугал Мари. Вот какого крейда мне втемяшилось в голову, что она это Риза? А теперь ещё и галлюцинации начались», — сокрушённо подумал Ник и помассировал виски. Больше всего его беспокоило то обстоятельство, что он чувствовал себя вполне сносно, во всяком случае гораздо лучше чем обычно, — отчего его посетила обескураживающая мысль, а не сумасшествие ли это, и он поспешно отогнал её от себя[1]. «Что ж, если переутомление достигло стадии, когда рассудок объявляет бойкот, значит, нужно отдохнуть, а для этого лучше всего сменить обстановку, — пришёл он к выводу и усмехнулся. — Да и Мари не мешает побаловать. Думаю, она будет рада небольшому вояжу по миру».

В предвкушении предстоящего путешествия и радости девушки, рвущейся на волю, настроение Ника резко пошло вверх. Он встал и, подойдя к стене, открыл дверь, замаскированную под одну из панелей.

Ход, прорубленный в скале, привёл его в обширную пещеру, которая с незапамятных времён служила ему личным санаторием; бьющие здесь минеральные источники обладали отчётливо выраженным лечебным эффектом, что неоднократно было проверено им на практике.

Целью Ника был специально оборудованный грот, но характерное покалывание в затылочной части заставило его изменить маршрут, и он направился к озеру, чьи неподвижные чёрные воды масляно поблескивали в свете луны.

Неровное дно пещеры изобиловало многочисленными ловушками, состоящими из ломких выступов рыхлого известняка и причудливых вымоин, оставленных изменчивыми водными потоками, но Ник шагал легко, не глядя себе под ноги. По человеческим меркам здесь царилась кромешная тьма, но для вампирских глаз света луны, пробивающегося через разломы наверху, было более чем достаточно; да и дорога была ему знакома настолько, что он мог пройти по ней с закрытыми глазами. Тем не менее он был настороже и, взобравшись на плоский уступ у кромки озера, положил ладонь на рукоять бластера.

Когда мертвенно-чёрную гладь озера взбаламутила странная рябь, показывая движение чего-то живого и крупного, Ник достал оружие, но не спешил с выстрелом. Несмотря на охотничий азарт, ему не хотелось убивать неведомое существо, которое, как он чувствовал по эмоциональной сфере, дружелюбно настроено к нему. Одолеваемый любопытством, он прыгнул со скалы и без всплеска ушёл на глубину, а затем, насколько хватило дыхания, проплыл к месту, где, по его расчётам, должен был находиться таинственный обитатель озера. Увы, их четвёртая встреча кончилась тем же, что и предыдущие три — а именно ничем, хотя на этот раз Ник не поленился и с дотошностью учёного исследовал озеро вдоль и поперёк.

Раздосадованный безуспешными поисками он вновь взобрался на камень, с которого началась его подводная экспедиция, и прислушался к звукам в пещере. К его разочарованию, её гробовую тишину нарушало лишь журчание воды, шорох крыльев летучих мышей, да постукивание камешков, потревоженных мелкими грызунами. Тогда он пустил в ход ментальное сканирование, но оно тоже ничего не дало. В ближайших окрестностях не было ничего крупней годовалого медвежонка; пестун отбил от матери и теперь жалобно поскуливал, забившись под корни сосны.

«Чёртов невидимка! Вздумал шутить со мной? Ну погоди, наглая шкура! Поймаю, мало тебе не покажется», — проворчал Ник, стуча зубами от холода. Несмотря на неуловимость существа, недавно поселившегося в озере, его не покидала уверенность, что он имеет дело со зверем. С расстройства он пнул корягу, попавшую ему под ноги, и та с тяжёлым шлепком упала в озеро. Ассоциативный ряд навёл его на воспоминания о цветущей мебели, что вызвало у него тяжёлый вздох, и он направился к боковому ответвлению, ведущему в грот, — цели его подземного путешествия. Ему было невдомёк, что объект его поисков совсем близко, буквально в шаге от него, но он не замечал ни мокрой цепочки следов громадных кошачьих лап, ни глаз, периодически вспыхивающих призрачным зелёным светом.

В отличие от пещеры, сохранившей первозданный вид, грот был обустроен не хуже первоклассного санатория, причём рассчитанного на вкусы одного посетителя. Оформление, цветовая гамма, музыка, свет, запахи и даже состав воздуха — всё было так, как любил Ник.

Стоило ему ступить под своды грота, как загорелись многочисленные светильники и зазвучала музыка, из разряда той, что принято называть релаксом, и он, сбрасывая на ходу одежду, поспешил к бассейну. В отличие от вод озера, тоже целебных, но холодных до онемения, его термальные воды имели температуру близкую к температуре тела, что способствовало иллюзии невесомости — конечно, после того как Ник согрелся. После ледяной купели пещерного озера молочно-голубая вода бассейна показалась ему тёплой, как парное молоко.

Напряжение ушло и он, расслабившись, через некоторое время поймал себя на том, что ни о чём ни думает. Это было непривычно, — ведь раньше его мозг ни на секунду не прекращал свою работу, но ему понравилось новое ощущение.

«Везёт же некоторым, всю жизнь прожить в таком блаженстве. Впрочем, почему некоторым? Большинство людей ни о чём особо не думает, кроме как о хлебе насущном, — Ник представил себя в роли рядового обывателя, курсирующего между домом и местом работы, и скептически хмыкнул. — Дурак! Нашёл чему завидовать. Ну и чем такая жизнь отличается от жизни животных? Разве что обустроенностью норы и разнообразием досуга. Впрочем, даже эта малость есть далеко не у всех. Ты ещё идиотам позавидуй, вот уж кто самые счастливые люди на земле. Между прочим, пребывание в растительном состоянии

имеет свои преимущества. Замечено, что идиоты довольно долго не стареют; правда, умирают рано. Чтобы жить, нужна сила воли и чем она сильнее, тем дольше человек сопротивляется смерти. Кстати, о затянувшейся молодости и преждевременной смерти. Если судить по этим двум параметрам, то я несомненный идиот».

Ник помрачнел. Испортило ему настроение не столько вспомнившееся пророчество, сколько внезапно охватившее его одиночество. Чувство потери было столь острым, что у него перехватило дыхание. Такое беспредельное отчаяние он испытал лишь однажды — когда очнулся в хронокапсуле и понял, что его мир безвозвратно исчез.

«Крейд! Да что это со мной? Такая тоска, что хоть вешайся. И главное, с чего вдруг?.. О боги! Неужели я действительно схожу с ума?» — подумал Ник и ощутил, как по позвоночнику ползёт ледяной душью страх. Смерти он не боялся[2], а вот участь беспомощного идиота, во всём зависимо от окружающих, пугала его чуть ли не до беспомыслия.

Несмотря на попытку взять себя в руки, странное состояние не проходило, и Ник не выдержал.

— Тиаран, выход к водопаду! — яростно выкрикнул он, и в дне бассейна открылся люк.

Вода источника вынесла его к горной реке с ледяной зеленоватой водой. Минут через десять он оказался в заводи и встал под хлесткие струи водопада. Холод, выморозивший его чуть ли не до костей, вместе с теплом изгнал и бесовиз его души. «Может, с Мари что случилось?» — вдруг пришло ему в голову, но он тут же успокоил себя тем, что тиаран не оставил бы его в неведении и сообщил, случись с ней несчастье. Тем не менее он отказался от согревающего массажа и поспешил домой.

Ворвавшись к Мари, Ник обнял её и она, оказавшись в его ледяных объятиях, завизжала от неожиданности.

— Сдурел? Статуя командора и то теплее!.. Отстань! Я ещё не простила тебя, — проворчала она.

— Золотце, хватит злобствовать, — сказал Ник, сияя глазами, и ласково добавил: — Кто же согреет меня, если не ты? Хватит дуться, родная, лучше поцелуй меня.

После водопада на смену отчаянию пришла бурлящая радость и ему совершенно не хотелось ссориться с девушкой. Делая вид, что не замечает, как она напряглась, он привлёк её к себе, но она не ответила на его поцелуй.

— Что случилось? — спросил он без особого интереса в голосе. — Если ты снова о разводе, то забудь.

— Рада бы, но не могу, — Мари слегка отодвинулась от него. — Ник, мы должны расстаться. Пойми, наконец, у нас ничего не получится! Хочешь, чтобы я всю жизнь притворялась, а в душе ненавидела тебя? — горячась, воскликнула она.

Вопреки её ожиданию, Ник не разозлился.

— А ты меня ненавидишь? — спросил он и, обняв, провёл языком по её шее.

— Ой, щекотно!.. — поёжилась Мари. — Ник, прекрати! Я не поддамся на твою провокацию.

— Так ты меня действительно ненавидишь? Или сказала просто так, чтобы позлить?

— Какая разница? Рано или поздно, но я тебя возненавижу.

— Ну и что? Ненависть, как и любовь, приходит и уходит, а семья остаётся, — хладнокровно заметил Ник, и велел Мари раздеться.

Помедлив, девушка подчинилась, и он с одобрением оглядел её стройную мускулистую

фигуру. Его старания не прошли даром. Теперь она полностью соответствовала эрейским представлениям о женской красоте. «Ничего, подкорректируем и содержание. Время ещё есть. Хочет она того или нет, но у моего наследника будет достойная мать. Ведь моему сыну, если верить пророчеству, суждено стать выдающейся личностью. Может так стать, что своими деяниями он превзойдёт самого рая Реотана и этим ещё больше возвеличит род Реази Вестаньо. Конечно, очень хочется посмотреть, чем закончится наша экспедиция, но, в конце концов, не я первый жертвую жизнью ради наследника», — подумал Ник, пока Мари раздевала его самого.

Он больше не злился на неё при мысли о скорой смерти. Сын, обещанный пророчеством, примирил его с предстоящей участью. И не только это. После встряски в пещере он вдруг понял, что, независимо ни от чего ему нужна лишь Мари, и никто другая. Любовь ли это или банальное чувство собственности, ему было всё равно — что бы ни привлекало его в ней, он не собирался отпускать её от себя.

«Как там говорится у людей? В горе и радости, пока смерть не разлучит нас», — усмехнулся Ник и, склонившись к Мари, пропорол клыками кожу на её шее.

На этот раз он пустил в ход все свои познания в плотской любви и когда она, доведённая до исступления его искусными пытками, перестала что-либо соображать, он заставил её сказать требуемую фразу.

«*Сиа то мини, рай Никотан, миало толбибьен лимосте*», — прорыдала Мари, находясь в полуобморочном состоянии, и смилостивившийся Ник оставил её в покое.

Девушка сразу же сбежала в ванную комнату и подключила регенерацию — секс был жёстким и ей основательно досталось, но она не слишком злилась. Как следовало из объяснений Ника, чтобы зачать ребёнка, нужно было ослабить защиту женского организма, что у эреев достигалось при помощи кровопускания и сопутствующего психологического давления. Затем он сказал, что со временем изобрели медикаментозные средства, позволяющие добиться такого же эффекта, но большинство мужчин предпочитало действовать по старинке. «Ну, конечно! Чтобы садисты да отказались помучить своих жертв?» — хмыкнула Мари, но лекцию о репродуктивном механизме их расы, прочитанную Ником, она выслушала очень внимательно. Не удовольствовавшись этим, она нашла соответствующую литературу, которая, к её разочарованию, подтвердила его слова.

И поскольку Ник следил за её менструальным графиком, то садо-маза в дни овуляций была для неё не в новинку. Сегодня был именно такой день, тем не менее её тревожило победное выражение, отразившееся на его лице, когда она повторила сказанную им фразу. Слова были знакомыми, но их смысл ускользал от её понимания. «Значит, это устаревшая словесная формула, которая используется только по особым случаям, — от недоброго предчувствия у неё ёкнуло сердце, — например, в законодательных актах, где такая архаика в ходу». Не в силах терпеть неизвестность, она воззвала к Руане, и та подтвердила, что да, сказанное ею означает просьбу о возобновлении брачного договора.

— Просьбу? — вскричала Мари и возвела очи горе. — Вот гад! — она оживилась. — Выходит, твоя формула развода всё же действует. В таком случае разведусь с ним ещё раз и все дела.

— Не выйдет, — отозвалась Руана. — Просьбой о возобновлении брачного договора ты аннулировала свой отказ. Теперь жди, что он тебе ответит. Да, хочу предупредить, если райделин Никотан ответит тебе согласием, больше ни при каких обстоятельствах не повторяй формулу развода. С его стороны это будет расценено как издевательство, что

чревато для тебя большими неприятностями, вплоть до лишения головы.

— Вот ещё! Он первый обманул меня! — сердясь, воскликнула Мари. — Что ты молчишь? Скажи что-нибудь!

— Зачем? Ты мне не веришь.

— С чего ты так решила?

— Слышу твои мысли. Прочитировать? Ты подумала: «Чушь! Не верю, что за какую-то словесную абракадабру он способен отрубить мне голову».

Мари вздохнула; коллективный разум имел свои неудобства.

— Прости. И всё же, думаю, Ник не настолько кровожаден, как тебе кажется.

Руана что-то невнятно пробормотала; судя по интонациям, нечто ругательное в её адрес.

— Райделин Никотан наследник могущественнейшего короля. Он убьёт любого, кто посмеет его оскорбить, и ты не исключение, — резко проговорила она.

Настроенная на спор, Мари открыла было рот и тут подсознание выдало ей такое, что она едва устояла на ногах. Мешанина из запредельной боли и ужаса на грани помешательства захватила её лишь на мгновение, но подействовала на неё подобно удару боксёра-тяжеловеса.

Задыхаясь, как рыба, выброшенная на берег, Мари хватала ртом воздух, когда в ванную влетел Ник. Завидев его, она вскрикнула и, отпрянув к стене, выставила перед собой руки.

— Нет, нет! Не подходи, — невнятно пробормотала она, глядя на него безумными глазами.

Ничего не понимающий Ник шагнул к ней, и тогда из горла девушки вырвался долгий крик — так кричат животные в предсмертной агонии. Чтобы привести её в чувство, он залепил ей пощёчину и она, замолчав, присела на корточки. При виде того, как она сжалась и прикрыла голову руками, у него мелькнула мысль, что в вампирской академии неплохо преподают ОБЖ, а ещё он подумал, что Мари воспринимает его как стихийное бедствие.

— Тиаран, снотворное, — распорядился Ник.

После инъекции он подхватил девушку на руки и отнёс её в спальню. Пока она спала, он вооружился диагностическими приборами и проверил её состояние. К его удивлению, она оказалась в полном порядке. В разделах мозга не наблюдалось характерной активности, свидетельствующей о каких-либо серьёзных проблемах, и, что самое удивительное, он не нашёл там видимых следов своего вмешательства.

«Если не считать нервный срыв, который она перенесла практически безболезненно, Мари абсолютно здорова, в том числе психически. Тогда что это было?» — озадачился Ник. И тут он припомнил происшествие с мебелью и собственное жуткое состояние, охватившее его в пещере. «Слава богам! Значит, причина не в нас, а во внешнем воздействии. Скорей всего, ноосфера чудит», — подумал он с облегчением и тронул девушку за плечо.

— Спокойно, Мари! Что бы ты себе ни думала, но я не садист, — сказал он, когда она открыла глаза.

— Клянёшься? — сонно улыбнулась она.

— Ты помнишь, что с тобой было? — осторожно поинтересовался Ник, готовый к её новой истерике.

— Как тебе сказать... — Мари виновато посмотрела на него. — Не знаю с какого перепугу, но мне вдруг пригрезилось, как ты хлещешь меня критой, причём с таким выражением, будто решил забить до смерти. Кругом кровища, я кричу, а тебе хоть бы хны.

— Глупости! — отрезал Ник. — Это смерть для рабыни, а ты моя жена. Если я решу

убить тебя, то воспользуюсь мечом. Как это принято в наших кругах.

— Ну, спасибо! Ты меня успокоил, — фыркнула Мари и смерила его испытующим взглядом. — Ник, ты всерьёз насчёт убийства?

— Да, — последовал бесстрастный ответ. — Мари, не пойми меня неправильно. Я не жажду твоей смерти. Просто есть такие вещи, которые я не смогу простить даже самым близким людям. К тому же не исключено, что ты загонишь меня в безвыходное положение, и тогда я буду вынужден поступить так, как того требуют обстоятельства. Но одно я могу тебе обещать, твоя смерть будет лёгкой.

— Понятно. Выходит, права не я... — спохватившись, Мари замолчала, но Ник догадался, кого она имеет в виду.

— Передай своей *рулат*[3], я рад, что она оберегает тебя, — сказал он и, перейдя на диалонский диалект, холодно добавил: — Сентана Родек, при всём моём уважении я был бы крайне признателен, если бы вы поумерили свой пыл и больше не пытались развести меня с алин.

Изумлённая Мари вдруг обнаружила, что стоит на коленях и смотрит на Ника снизу вверх, а на его лице блуждает задумчивая улыбка.

— Что она тебе сказала? — не выдержала она.

Явно находясь под впечатлением только что состоявшегося разговора, он поднял девушку с колен и с рассеянным видом чмокнул её в лоб.

— Что жалеет о своём опрометчивом поступке и впредь не подведёт ни меня, ни тебя.

Ник помолчал, а затем, без видимой связи с предыдущим высказыванием, добавил, что сентана Родек — великая женщина и он гордится тем, что они связаны узами крови.

Мари это не понравилось. «Предательница!» — мысленно укорила она Руану. И хотя эрейка не ответила на её выпад, она ощутила её смущение.

Ревность к другой женщине — пусть даже в её собственном обличье, была внове для Мари. Она припомнила выставку женского белья в шкафах Ника, но его обладательницы оставили её равнодушной — в отличие от Руаны, она не видела в них соперниц.

Мысли Мари перескочили на жуткое видение, и она подивилась, что больше не испытывает того панического страха перед Ником, который пару часов назад чуть не свёл её с ума. Эмоции потускнели настолько, будто весь этот кошмар приключился не с ней, а с кем-то другим. «Может, так оно и есть. Я могла видеть кого-то другого, а не себя», — подумала она, впрочем, не особо в это веря.

Предложение Ника застало её в тот момент, когда она сидела перед трюмо и приводила себя в порядок.

— Золотце, я хочу немного отдохнуть. Как ты смотришь на то, чтобы составить мне компанию? — сказал он, встав за её спиной.

Рука Мари, держащая тюбик с помадой, непроизвольно дернулась, прочертив неровный карминный след на её губах. Привыкнув к внешности Ника, она не сразу узнала его в черноволосом красавце-принце, глядящем на неё из волшебного зазеркалья. «Спокойно, Палевская! Чего ты так разволновалась, будто видишь его в первый раз? Это всё тот же господин Чистильщик, чья душа черна как ад. Стоит дать слабину, и он сделает из тебя послушную куклу», — предостерегла она саму себя и, спохватившись, что слишком долго молчит, предложила:

— Что ж, давай прогуляемся по парку. Или устроим поход в горы.

Ник покачал головой.

— Не хочу. Надоело сидеть дома. Может, куда-нибудь съездим?

— Что? — не поверила Мари своим ушам. — И куда мы поедем? — живо воскликнула она, всё ещё не веря, что это происходит наяву.

— Куда захочешь, выбор за тобой, — с улыбкой ответил Ник, и она с радостным визгом повисла у него на шее.

Конечно же, Мари рвалась домой, но Ник был категоричен. «Всё, что угодно, кроме Питера, — заявил он. — Стоит только попасться Мике на глаза, и он повесит на меня решение очередной неразрешимой проблемы». Скрепя сердце, Мари согласилась с ним, и они сошлись на Франции, во всяком случае, как первом объекте их туристического вояжа.

[1] Впрочем, как большинство авторитарных правителей, его не слишком пугала перспектива сойти с ума. В конце концов, большинство из них не совсем умственно здоровы, что не мешает им управлять государством. Если у кого и возникают с этим проблемы, то это у их подданных.

[2] В пророчестве его бесила лишь обречённость, а не сам уход из жизни.

[3] Рулат — в данном случае наперсница.

Сборы были недолгими, по той простой причине, что Мари было нечего взять с собой — эрейские наряды были хороши, но не годились для прогулок на публике. Они привлекали бы столько же внимания, что и экстравагантные наряды от знаменитых кутюрье. Она высказала свои опасения Нику и тот её утешил, сказав, чтобы она ни о чём не беспокоилась, всё что нужно они купят на месте.

Когда они спустились в гараж — к разочарованию Мари, воздушный транспорт оказался надёжно укрыт — она вспомнила, что не дружит с высотой, но понадеялась, что после интенсивных тренировок её больше не будет укачивать. Она ошиблась. Авиетка соколом взмыла вверх, а затем резко завихляла по сторонам, и она едва сдержала рвотный позыв.

— Прости, иначе не могу, а то нас накроет система защиты Риоголиза, — сказал Ник, поймав её страдальческий взгляд, и добавил: — Потерпи немного, скоро мы выйдем из зоны её действия и тебе будет легче.

— Хорошо, — вздохнула Мари.

На всякий случай она приготовила пакет, но он ей не понадобился. Как и сказал Ник, вскоре авиетка перестала рыскать и полетела так плавно, что движение почти не ощущалось.

— Спасибо, мой райделин, — с чувством проговорила Мари и улыбнулась в ответ на его взгляд. — Спокойно! Это искренне, без притворства.

Ник пожал плечами, но она видела, что он доволен.

По прилёту в Париж она первым делом позвонила домой и у Палевского, убедившегося, что с ней всё в порядке, отлегло от сердца. Соня, как только слышала голос подруги, сразу же заявила, что первым рейсом вылетает к ней, и Мари стоило большого труда убедить её этого не делать. Не могла же она сказать, что рядом стоит недовольный Ник и пилит её мрачным взглядом. Звонить Эльзе она уже не решилась, боясь, что он передумает и отменит их путешествие. Для Мари, наконец-то вырвавшейся из заточения, это была бы катастрофа из катастроф.

Дело близилось к вечеру и перед ужином они решили немного пройтись. Гуляя по знакомым улочкам, девушка была так счастлива, что Ник подосадовал на свою недогадливость. «Крейд! Давно нужно было привезти её сюда. Глядишь, она перестала бы думать о разводе, причём ещё до того, как мы окончательно поженились».

Палевский внимательно просмотрел видеоролики с Мари и Ником, отснятые в Париже, и его взгляд обратился к Штейну.

— Тебе не кажется, что у Мари пришибленный вид? Такое чувство, что она в постоянном напряжении из-за того, что боится рассердить Ника.

— Ну... — замялся глава СБ. — Не хотел тебе говорить, но аналитики утверждают, что Ник основательно подчинил её себе, впрочем, ты сам это видишь.

— Не похоже, что она счастлива. Следовательно, это больше психологическая, чем физиологическая зависимость, — заметил Палевский.

— Тут я пас, тебе видней, — глаза Штейна блеснули синевой. — Но ты не комплексуй. Похоже, Ник сам понял, что перегнул палку и теперь пытается выправить положение.

— Думаешь? — Палевский увеличил изображение Мари и поморщился, заметив тонкую полоску шрама на её руке. — Ладно, семейные дела подождут. Что там с шустрым китайцем, который так удачно вписался в камчатскую операцию? Кстати, как велики потери?

— Китаёза спёр у нас массу важных документов, — сказал Штейн и досадливо поморщился. — Ищем, но пока безрезультатно.

— Даже мадемуазель Новак не помогла? — осведомился Палевский, возлагающий на девушку большие надежды.

— Из Псины неплохая ищейка, но мои орлы считают её шарлатанкой, поэтому пропускают её рекомендации мимо ушей. Слишком уж необычные методы она использует. Да и толку от её талантов, если старика и след простыл.

— Есть предположения, кто его нанял?

Штейн отрицательно качнул головой.

— Даже ума не приложу, кто выступил заказчиком. Судя по анализу украденных документов, получается какая-то ерунда. Они совершенно разнородные и выявить, в чём именно интерес заказчика, не представляется возможным. Старик виртуозно замаскировал цель кражи, похоже, он из агентурной гвардии.

— Или он случайный человек и взял то, что попало под руку, — предположил Палевский и слегка прищурился, глядя на главу СБ. — Как там твоя протезе мадам Сабурова? Насколько я припоминаю, она вошла в ближайший круг директора ЦРУ и занимает должность его помощника по вопросам стран бывшего СССР.

— Джонсон слишком подозрителен, он выпихнул её в политику. Жаль, что в дело вмешался Кравчинский и смешал нам карты с выбором директора ЦРУ.

— В принципе, политика — это тоже не плохо, — Палевский помедлил. — Но будь с ней осторожней. Знаю, Сабурова тебе нравится, но она сложный человек. В чью пользу она ведёт свою игру — это ещё вопрос. Вполне возможно, что это не ты, а она использует тебя для достижения своих целей.

— Предлагаешь её ликвидировать? — спросил насторожившийся Штейн.

Он действительно испытывал симпатию к человеческой женщине, но она не заходила так далеко, чтобы он мог проигнорировать прямой приказ Палевского. К его облегчению, тот не стал настаивать на убийстве Тамары.

— Решать тебе, — сказал Палевский, но не преминул добавить: — Сабурова умна, её IQ в районе ста семидесяти, а мы из-за особенностей строения мозга не можем её контролировать. Будь она вампиром, она была бы ценным приобретением, но в качестве ментальника она опасна. И ты это знаешь, — взгляд главы СС похолодел. — Томас, не смешивай личное с работой. Если промахнёшься с Сабуровой, мало тебе не покажется, — предупредил он.

— Понял, — вздохнул Штейн. — Мика, дай мне ещё немного времени, и я докажу, что не ошибся с Тамарой. Уже сейчас она приносит ощутимую пользу. Ведь списки интересующих Ника научных кадров предоставила именно она. Да и засекреченная карта редкоземельных элементов тоже её рук дело.

— Я же сказал, решать тебе, — нетерпеливо проговорил Палевский и Штейн поспешил откланяться, пока он не передумал.

ГЛАВА 31. Межвидовые контакты. Когда и хочется, и колется, и мама не велит

Ближе к ночи авиетка вампирской СБ, невидимая ни на радарях, ни через оптику, скользнула над куполом Йеркской обсерватории и опустилась перед небольшим двухэтажным особняком, принадлежащим гражданке США госпоже Сабуровой.

Поскольку прилегающая территория была под неусыпным контролем не только вампирской СБ, но и ЦРУ, то Штейн, невидимый в своём комбинезоне-хамелеоне, вошёл не через дверь, а через открытое окно на втором этаже. В доме он уже не осторожничал и снял маскировку, зная, что вампирская безопасность перехватила управление сторонними системами наблюдения и они пишат предназначенный для них спектакль.

— Привет! — сказал он, возникнув за спиной хозяйки дома, которая, несмотря на ночное время, продолжала корпеть над документами.

— Томас! — взгляд Тамары устремился к каминным часам. — Чёрт! Не думала, что уже так поздно. Хотя могла бы догадаться по твоему появлению, что наступил час вампира, — иронично добавила она.

— Вот именно, — усмехнулся Штейн и глянул на экран макбука, но его хозяйка успела закрыть рабочие файлы и его глазам предстала лишь заставка, изображающая вспышку сверхновой на ночном небе.

— Так, да? А если я сейчас заберу твой ноут и до основания его распотрошу?

— Давай, — Тамара закрыла макбук и протянула его Штейну. — Потроши на здоровье. Всё равно ничего не найдёшь.

— Стерва ты, Тамарка. Так-то ты платишь мне за всё хорошее? — Штейн взял стул и сел рядом с ней. Его взгляд скользнул в вырез голубого халатика, затем на округлые загорелые коленки. — Ты даже не хочешь переспать со мной, что уже полное свинство с твоей стороны. Ты в курсе, что портишь мне репутацию? Где это видано, чтобы бабы отказывали такому видному парню, как я.

Тамара положила макбук на стол и поспешно запахнула полы халата.

— Давай ближе к делу. Я устала и хочу спать.

— Злые вы бабы, — вздохнул Штейн. — Стоит вам поймать мужика на крючок, и вы не успокоитесь, пока не вытяните из него все жилы. Вот чем я тебя не устраиваю? С собой хорош, денег — куры не клюют, вдобавок не последний человек на престижной службе, а ты всё равно воротишь нос.

— Томас, прекрати! — в голосе Тамары прозвучало скрытое раздражение. — Как будто я не знаю, что нужна тебе как прошлогодний снег.

— А вдруг? — с жаром выдохнул Штейн и вплотную придвинулся к ней.

— Что вдруг? — отстранилась от него Тамара. — Ты так запал на меня, что бросишь свою красавицу-жену и уйдёшь ко мне? — осведомилась она и непроизвольно глянула на его руку, ища там обручальное кольцо.

Как большинство женатых мужчин, Штейн его не носил и у неё, вопреки скептицизму, сладко ёкнуло сердце.

— Зря язвишь. Будь ты из наших, может, у нас что-нибудь да сладилось, — вздохнул он. — Вижу, ты мне не веришь, а я, между прочим, серьёзно говорю. Ну, что молчишь? Ты

хоть понимаешь, что играешь с огнём?

— Я-то понимаю, а вот ты, похоже, нет, — парировала Тамара. — Смотри, а то доиграешься. Вот возьму и уведу тебя от жены. Представляешь, что тогда начнётся? Да ваш главный вампир перевернётся в своём гробу...

Ладонь Штейна запечатала ей рот.

— Замолчи, дура! Смерти себе ищешь? — прошипел он ей на ухо.

— Нет, не ищу, — спокойно ответила Тамара, когда он её отпустил. — Томас, я знаю, ты любишь Эльзу, и я этому рада. Вы — хорошие родители для моей дочери. Алисе с вами хорошо и мне этого достаточно, — она помолчала. — Если это потешит твоё самолюбие, одно время я сходила по тебе с ума, но, слава богу, это наваждение прошло. И я буду крайне признательна, если ты больше не будешь дразнить меня, подавая надежду на то, что невозможно.

Штейн повернул её к себе, но она не дрогнула, хотя редко кто мог похвастаться, что выдержал инквизиторский взгляд главы вампирского СБ.

— Что ж, ты права. Как поётся в одной вашей пошлой песенке, дельфин и русалка не пара. Это действительно так, что, впрочем, не мешает нам сотрудничать, — он оставил флирт и перешёл на деловой тон. — Выкладывай, что там у тебя. Есть подвижки с делом Кравчинского?

— Пока нет, — сказала Тамара, — но я работаю над этим.

Глаза Штейна заледенели.

— Моё начальство жаждет обильных денежных вливаний в наши проекты и, между прочим, некоторые из них должны прикрыть задницу человечества, о котором ты так сильно печёшься. Так что в твоих интересах войти в круг финансовой верхушки и чем быстрее, тем лучше. И мне плевать, как ты это сделаешь; хоть сама ложись в постель к Кравчинскому, но добейся его расположения.

Тамара возмущённо посмотрела на него, но затем опустила глаза.

— Я бы легла, да только он предпочитает булгаковских Лолит.

— Ну так, в чём проблема? Организуй ему малолетних проституток и пригласи его в гости.

— Прости, но это выше моих сил, — ответила Тамара ровным голосом. — Дай мне время. Я постараюсь найти другой выход. Если у тебя всё, я пойду.

— Сядь! Куда пошла? — рыкнул Штейн и толкнул её обратно в кресло. — Что, хочешь остаться чистенькой? Не выйдет! Рыпнулась в политику, значит, будь готова искупаться в дерьме по самую маковку.

— Томас, как ты не понимаешь? Это же дети! Да у меня сердце кровью обливается, как только подумаю, что на месте несчастных девочек могла оказаться моя Алиса! — не выдержала Тамара.

— Mein Gott! Она-то здесь при чём?

Штейн нажал на переносицу, но это не помогло ему избавиться от рези в глазах, вызванной недосыпанием и многодневной усталостью.

— Вот и что мне с тобой делать? — устало спросил он и смерил безмолвствующую женщину долгим взглядом. — Что ж, сам дурак. Вместо того чтобы сразу взять тебя к ногтю, устроил тут брачные танцы. Нет, так дело не пойдёт, пора принимать меры...

— Томас, хватит меня запугивать! — перебила его Тамара, поняв, что больше тянуть нельзя. — Хорошо, будут вам деньги, но при одном условии. Взамен я хочу получить

документацию по проекту щита Земли.

— Это не в моей компетенции.

— А мне плевать! Либо твой Палевский соглашается на мои условия, либо пусть катится ко всем чертям. Я смерти не боюсь, а вот вам придётся туго, если я открою миру правду о вас, — пошла она ва-банк.

— А ты понимаешь, что своими словами ты только что подписала себе смертный приговор?

— Томас, я не угрожаю, я предупреждаю, — спокойно проговорила Тамара. — К тому же со мной или без меня правда о вашем существовании рано или поздно станет всеобщим достоянием.

— Лучше поздно, — сказал Штейн, бесстрастно глядя на неё.

— Это уж как получится. Да, вы хорошо законспирировались, но с помощью ваших вампирских фокусов вы выводите из оборота слишком большие деньги, чтобы это прошло незамеченным. Денежные потоки сложно проследить, но не конечные пункты, где они оседают, — конечно, если знать, что искать. Буквально одномоментно грантовый дождь просыпался над институтами, занятых разработкой в области некоторых передовых технологий. Вдобавок подозрительно много строится заводов, чьих хозяев практически невозможно вычислить. Ну а те, что уже построены и оборудованы по последнему слову техники отчего-то не выходят на рынок со своей продукцией. Я уж не говорю об исчезновении нескольких выдающихся учёных-физиков. В общем, такое впечатление, что на вас уже работает вся мировая промышленность и лучшие умы человечества, и вряд ли я единственный аналитик, способный это увидеть. Вам необходимо легальное прикрытие и Кравчинский, как ты и сказал, идеальный вариант, но! Он далеко не дурак, и чтобы заставить его раскошелиться, ему нужно дать то, за что он готов платить. Единственное, что может его заинтересовать — это ваши передовые технологии. Документацией по звездолётам вы вряд ли поделитесь, а вот передать нам ваши разработки по энергетическому щиту Земли было бы вполне разумно, — изложила Тамара свои доводы и, с трудом удерживая маску спокойствия, воззрилась на собеседника, от которого зависело не только её будущее, но и всего человечества.

«Так вот что ты задумала! — усмехнулся Штейн. — Ну нет, дорогуша, как бы ты ни была умна, меня не проведёшь».

— Быстро же ты отступилась от своих принципов. А как же бедные дети? — язвительно поинтересовался он.

— Я же сказала, что найду другой выход, — последовал уверенный ответ.

«Значит, она уже договорилась с Кравчинским и это его условие — документация по щиту в обмен на деньги», — утвердился Штейн в своём предположении.

— Ладно, Палевского я беру на себя. Обещай Кравчинскому что хочешь, но привлекли его на нашу сторону. Даю тебе три дня. Если не справишься, пеняй на себя... — начал он было говорить, как тут дал о себе знать рай Реотан. «Крейд! Жалкая рабыня смеет тебе перечить, а ты, полноправный наследник дома Зимы, сидишь здесь и разводишь сопли вместо того, чтобы как следует её проучить», — прорычал он.

Придя в себя Штейн обнаружил, что Тамара сидит на полу и смотрит на него расширенными от ужаса глазами. Рай Реотан успел содрать с неё халат и он, несмотря на сложную ситуацию, бросил на неё заинтересованный взгляд. Вопреки ожиданиям, увиденное ему понравилось. Тамара похудела, но пропорции тела остались те же —

полногрудая, широкобёдрая, с тонкой талией и щиколотками она вызывала у него куда больше желания, чем худосочные вампирки.

«Ну, чего застыл? Если нравится, возьми её, а потом убей», — посоветовал прославленный король-садист.

Взгляд Штейна скользнул по белому кружевному белью, эффектно оттеняющему смуглую кожу, и, зацепившись за кровавые пятна на нём, прошёлся по разбитым губам Тамары, отметинам клыков на её шее и неестественно подвёрнутой ноге. «Вот скотина!» — охваченный бессильной яростью, он скрипнул зубами.

— Только не бойся, хорошо? — попросил он и сделал шаг в направлении Тамары.

Но она вскрикнула и раненой птицей попятилась от него.

Чтобы не длить её мучения, Штейн рывком миновал разделяющее их расстояние и от его ладони отделилось облако симбионтов. Когда его посланцы выполнили свою лечебную миссию и вернулись к нему, он рискнул обнять Тамару.

— Спокойно, девочка! Это было недоразумение. Больше я не трону тебя, — успокоительно пробормотал он, чувствуя, как она дрожит.

Тамара подняла на него глаза.

— Томас, что с тобой? Такое чувство, что это был не ты, а кто-то другой. У тебя шиз... раздвоение личности?

— Можно и так сказать. С некоторых пор ко мне прицепилось одно паршивое привидение и усиленно портит мне жизнь. Так что в следующий раз, как только увидишь, что я сам не свой, сразу же удирай. Хорошо?

— Хорошо, — всхлипнула Тамара. — Так и знала, что с вами, вампирами, что-то не так, — сказала она, выдавив из себя улыбку.

— Ну ты же умница, даже Палевский это признаёт, — сказал Штейн и ласково отстранил её от себя. — Я пойду, если ты в порядке.

— Нет! — Тамара прижалась к нему. — Побудь со мной ещё немного.

Штейн с удивлением посмотрел на неё.

— Не боишься? На твоём месте я бы драпал от меня во все лопатки, ведь я только что покалечил тебя.

— Забыл? У меня за плечами многолетняя закалка к побоям, а тут я даже особо испугаться не успела, как всё уже закончилось, — заявила Тамара с полным самообладанием и Штейн, поколебавшись, склонился к её губам. И хотя страсть ударила ему в голову, он был начеку и не на мгновение не забывал, что имеет дело с хрупкой человеческой плотью.

Когда Штейн летел обратно, рай Реотан снова дал о себе знать.

— Не думал, что доживу до такого позора, — сказал он скорбным тоном. — Эй, треклятый мальчишка, чего молчишь? Я с тобой разговариваю. Какого крейда ты прицепился к этой жалкой рабыне? Понимаю, была бы красавица, но ведь ни кожи, ни рожи. Ума не приложу, как эта уродина могла тебе понравиться.

— Не наговаривай, Тамара не уродина, — отозвался Штейн. — Конечно, с теми бабами, что были у меня, ей не сравниться, зато какая фигура, просто класс!

— Балбес! — проворчал рай Реотан. — А ничего, что эта ушлая девка солгала тебе? Ведь Кравчинский ходок не по малолеткам, а по Венерам с пышными формами. Наверняка она переспала с ним.

— Ну и что? У деловых баб вагина — рабочий инструмент. При засилье мужиков им

одним умом не пробиться, — хладнокровно парировал Штейн. — И вообще, отстань от меня. Подумаешь, переспали разок. Она не первая, она не последняя.

— Будь это так, я бы не поднимал бучу. Томас, убей её, пока не поздно. Ведь она даже не скрывает, что готова выдать вас человечеству. Твоя девка из идейных, и она враг, что при её уме и напористости уже опасно. А тут ещё ты дал слабинку и позволил взять себя за яйца. Пойми, такие, как она, идут до конца, их ничто не остановит. На первый взгляд она податлива, но это обманка, за её спокойствием и долготерпением кроется железный характер.

У Штейна испортилось настроение.

— Сам знаю, но она мне нравится.

«Причём настолько, что плевать я хотел, что Тамара человек. И вообще, чтобы я и не справился с бабой? Такому не бывать. Пусть только попробует выкинуть фортель, скручу в такой бараний рог, что мало не покажется», — подумал он, впрочем, понимая, что от такого собеседника, как рай Реотан, ему не спрятать свои мысли.

— Дурак! Это тебе не твои дрессированные вампирки, готовые на всё ради тебя. У этой дикарки свои понятия о жизни, ты её не приручишь. Уже одно то, что её не сломали годы унижений и издевательств, говорит о многом. Однажды, когда ты не ждёшь, она обязательно нанесёт удар.

Штейн признавал правоту древнего интригана, но что-то не позволяло ему принять разумные доводы его и Палевского и поступить как должно.

— Слушай, не мог бы ты заткнуться? Уже болит голова от твоих поучений, — не выдержал он.

— Ну так радуйся, что есть чему болеть. Мужу твоей человечихи она уже не доставляет никаких хлопот, — поддел его рай Реотан, но тем не менее выполнил его просьбу.

В голове Штейна воцарились благословенная тишина и согласие, правда, ненадолго. Перед ним то и дело возникало лицо Тамары, светящееся любовью, и тогда у него возникало тягостное чувство, от которого ему хотелось по-волчьи взвыть. Сердце говорило, что именно она та единственная, что нужна ему, но судьба распорядилась так, что он не мог её взять даже в любовницы. Во время их спонтанного секса он всё же не удержался и вонзил клыки в шею Тамары и, хотя она не показала виду, он ощутил, как она вмиг одеревенела и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы она забыла о своём испуге и вновь доверилась ему.

Отринув личное, он уже как глава СБ проработал линии поведения с Тамарой и пришёл к выводу, что самое лучшее в данных обстоятельствах — это чисто деловые отношения.

«Чёртовы бабы! Одна морока с вами», — тоскливо подумал Штейн, представив, каково ему придётся, когда он не сможет даже прикоснуться к ней.

Тем не менее дело было превыше всего, и он по прибытию в штаб Объединённых кланов доложил Палевскому о результатах своей поездки, после чего тот вызвал Ника. Втроем они обдумали, стоит ли передавать людям часть своих технологических секретов. Штейн и Ник взяли на себя роль адвокатов дьявола и были против, Палевский выступил в роли их оппонента. Рассмотрев вопрос со всех сторон, они пришли к выводу, что на фоне приобретаемой выгоды потери не столь уж критичны. «За оставшееся до отлёта время человечество всё равно не сумеет нас догнать», — сказал Ник, на том они и порешили.

ИЗУМРУД

В чистом поле у Калинкина моста кипит ожесточённая битва. Светлый князь со товарищи ожесточённо бьется с несметной ратью врагов. Мала князева дружина да удала. Как жар горит их кольчужная чешуя, не могут её пробить ни топоры, ни копья — всё ломается. Победил Светлый князь и, обернувшись к дружинникам, весело молвил:

— Спасибо за помощь, мужики! Вы уж по весне не очень лютуйте на Змеиной горке, а то бабам и детишкам, как ни говори, а всё шлятся посмотреть на вашу свадьбу.

— Бывай, князь! Не обессудь, но всякое случается. Сам понимаешь, как войдёшь в раж, тут уже не до глупостей... — прошипели дружинники и, ударившись о землю, обернулись змейками, которые шустро скрылись в невысоком сосняке. Зашелестел ракитов куст и из него показалась жуткая шипастая морда.

— Ванька, мать твою!..(ненормативная лексика) Мы с тобой как уговаривались? Больше раза по зубам не бить! Ну, а ты, подлец, пошто насовал мне бессечно раз по рылу?

— Извиняй, друг Горыныч, но что-то воинов совсем маловато.

— Ах ты, сукин сын!..(ненормативная лексика)! Меньше бы с соседями ссорился! Ещё бы их много было! Твоими стараниями у меня в пасти и так уже из зубов — половина... (ненормативная лексика) протезов стоит!.. (сплошная ненормативная лексика).

Антология вампирских взрослых сказок

ГЛАВА 32. Любовь любовью, а денежки врозь. Деньги и власть всегда возьмут своё, да и чужое тоже прихватят

Как и обещал, спустя три дня Штейн предстал перед Тамарой и вручил ей техническую документацию по энергетическому полю, которое, по мысли Ника, должно было защитить Землю от губительного излучения сверхновой.

Сев за макбук, она бегло просмотрела содержимое флешки и подняла на него глаза.

— Деньги переведут по указанным счетам, как только специалисты Кравчинского подтвердят, что ваша информация имеет ценность, — она мягко улыбнулась. — Не подумай, что я тебе не верю. Хотя я ничего не понимаю в этой научной галиматье, но уверена, вам ни к чему нас обманывать.

— Верно, — отозвался Штейн, пристально глядя на неё. — Если вы возьмёте на себя заботу о щите, для нас это будет большим облегчением.

На лице Тамары промелькнула тень.

— Что ещё вы потребуете взамен? — спросила она деловым тоном.

— Режим благоприятствования нашим стройкам. Больше никакого саботажа под видом задержки поставок и организации беспорядков среди рабочих.

Тамара кивнула, соглашаясь.

— Договорились. Я поговорю об этом с Кравчинским, и он нажмёт на кого надо. Думаю, это ему под силу.

— Заодно донеси до своего бывшего начальства, чтобы они не наглели со слезкой. Иначе я не ограничусь уничтожением дронов и разнесу к чёртовой матери военные части и службы, занимающиеся их запуском.

— Поняла, — Тамара поджала губы. — Но вы не слишком расходитесь. Иначе я ничего не могу гарантировать.

— А вот это ничуть меня не интересует! Сдерживать человечество от принятия неразумных решений — это твоя прямая задача. Или мне показать, на что мы способны в случае открытого конфликта? — рявкнул Штейн.

— Томас! — не выдержала Тамара. — Не знаю, почему ты злишься на меня, но давай разделять наши отношения и политику.

«Радар что ли у баб на меня? Вот и Тамарка туда же», — сердито подумал Штейн.

— Это твои фантазии. Наши отношения здесь ни при чём...

— Не лги! Я же вижу, что ты сам не свой, — волнуясь, проговорила Тамара, настроенная прояснить всё до конца. — Если ты боишься, что я буду преследовать тебя, то ты ошибаешься. Я не такая идиотка, чтобы не отличить жалость от любви. Томас, я ни на что-то не рассчитываю. Если уж на то пошло, то мне будет гораздо легче, если мы забудем о случайном перетрахе и вернёмся к чисто деловым отношениям.

— А мне нет! — заявил Штейн, и она слегка улыбнулась его чисто мальчишескому упрямству, хорошо знакомому ей по школе.

— Не вредничай! Уверена, помимо работы, ты шёл ко мне именно за тем, чтобы сообщить, что всё кончено. Так что успокойся, я двумя руками только «за».

Определённость сняла тяжкий груз с её души и она, ощущая себя хозяйкой положения, надела очки и требовательно глянула на белокурого красавца-вампира, с возмущением вззирающего на неё.

— Давай продолжим. Я тороплюсь, у меня скоро заседание в Капитолии.

— Вот зараза! — Штейн грохнул кулаком по столу. — Это я должен был дать тебе от ворот поворот, а не ты!

— Не переживай. Я облегчила тебе задачу, только и всего, — невозмутимо заметила Тамара, но Штейн не был бы Штейном, если бы не оставил последнее слово за собой.

— Похоже, ты предпочла Кравчинского, если так легко отказалась от меня, — сказал он, чтобы её задеть. Несмотря на то, что её мысли были закрыты для него, он знал, что она его любит и любит сильно.

По лицу Тамары скользнула тень, но выдержка и в этот раз ей не изменила.

— Я была бы душой, если бы упустила такой шанс. Ведь ты женат и счастливо. Что ещё мне остаётся? К тому же этот брак в наших общих интересах.

Своими словами она выбила у Штейна почву из-под ног.

— Тамар, дело не в том, что я женат, — он вздохнул. — Помнишь, я сказал, что дельфин и русалка не пара? Это действительно так. Нет, трахнуть тебя я могу в любое время, вот только большой вопрос, сумею ли я сдержаться как в прошлый раз. Но даже так ты всё равно испугалась. А стоит мне разок дать себе волю, — ведь я тебе не грёбанный ангел, и ты сломя голову сбежишь от меня. Как ни старайся, природу не обманешь. Садо-маза для нас не развлечение, а насущная необходимость, вызванная особенностями нашей физиологии. Лишь в стрессовом состоянии наши женщины способны забеременеть, во всяком случае, так утверждает наш Старейший.

Штейн возник рядом с Тамарой и, положив ладони ей на плечи, слегка стиснул пальцы,

борясь с желанием выпустить когти.

— Короче, я хочу сказать, что, как это ни прискорбно, вампирский секс имеет особенности, несовместимые ни с вашей моралью, ни с вашей физиологией, — его глаза блеснули синевой. — Так что, если тебе дорога твоя шкурка, довольствуйся платонической любовью и о большем не мечтай. И радуйся, что этому дураку хватает силы воли, чтобы не разложить тебя прямо здесь и как следует вздрючить, невзирая на твои вопли и крики о помощи. А вот я не собираюсь с тобой миндальничать.

— Томас! — в панике выкрикнула Тамара, когда его когти пропороли кожу на её груди.

«Не смей её трогать!.. Убирайся! Ты мне больше не нужен!» — прорычал Штейн и от неимоверного усилия на его шее вздулись вены. Он сражался как одержимый, боясь, что рай Реотан перехватит бразды правления и убьёт Тамару. Но древний интриган отступил лишь тогда, когда накал внутренней борьбы достиг грани помешательства. «Всё, хватит! Я ухожу», — прорвался к сознанию Штейна его голос и тогда его разом отпустило напряжение. Он прислушался к себе и его охватило тягостное чувство — чувство вины и безвозвратной потери. «Рай Реотан, я же это не всерьёз. Прошу, вернись!.. Ты, скотина, только не говори, что взял и бросил меня! Я тебе этого не прощу!.. Старый ты дурак! Кто же теперь присмотрит за мной?» — в панике выкрикнул он. Но сколько он ни звал, рай Реотан не откликнулся. «Он ушёл в долины предков и больше тебя не слышит», — сказал ему внутренний голос, и он содрогнулся от рыданий.

В чувство его привела хлёсткая пощёчина.

— Сядь и успокойся! — приказала Тамара после чего толкнула Штейна в своё кресло и поднесла к его губам стакан с водой. — Пей!.. Всё пей, до дна.

— Спасибо. Сильно испугалась? — прохрипел Штейн, когда она отняла от его губ опустевший стакан.

— Ещё бы! Натуральный сумасшедший дом, — Тамара помолчала. — Я так понимаю, ты сумел победить своего мистера Джекила. Поздравляю. Судя по тому, как тебя корёжило, битва была не из лёгких.

Она протянула ему коробку с салфетками.

— Держи, а то видок у тебя, натуральный детский сад.

Штейн испытующе посмотрел на неё.

— Почему ты решила, что победил мистер Хайд, а не мистер Джекил?

— Если бы ты видел себя со стороны, ты бы не спрашивал. Вас сложно перепутать, так что ясно, что победа осталась за тобой, а не за твоим кошмарным двойником.

Поскольку он не взял салфетки, Тамара сама вытерла ему лицо, мокрое от слёз, и, сев у стола, подвинула к себе макбук.

— Ну а теперь, может быть, вернёмся к нашим баранам и завершим сделку? Нет, если ты не в состоянии, можешь оставить проработку деталей мне и Кравчинскому.

— Чёрта с два! Дай мне минуту, и я снова буду как огурчик, — Штейн закрыл глаза и мобилизовал внутренние резервы организма. — Вот теперь порядок. Давай, что там у тебя.

Тамара, во все глаза наблюдавшая за его метаморфозой, лишь покачала головой.

— Хорошо вам, вампирам, раз! и усталость как рукой сняло.

— Да, хорошо, — сухо согласился Штейн и подвинул к ней свой планшет. — Посмотри, это наши предложения. Если есть возражения, обговорим.

Прежде чем прочитать документы, Тамара покрутила вампирскую технику в руках.

— Не старайся, там нет торговой марки производителя.

— Ясно, ваша разработка, — она понажимала значки на экране. — Вроде бы ничем особо не отличается от моего макбука, разве что быстродействие и качество изображения будут повыше.

— Работай, я спешу. Да и ты вроде как собиралась на заседание в Капитолий. Кстати, давай речь, я пока посмотрю, — предложил Штейн.

— Не нужно, — отказалась Тамара. — Сколько можно водить меня на помочах? Пора уже становиться на ноги.

— Как знаешь. Набьёшь синяки, потом не жалуйся.

— Не буду. А теперь помолчи и дай мне прочитать, какие ещё ультиматумы вы нам приготовили.

После завершения деловых переговоров Штейн всё же не удержался и спросил, что за отношения у неё с Кравчинским. Тамара не стала лукавить и призналась, что могущественный магнат сделал ей предложение. «Видимо, как и ты, Анри оценил мой потенциал», — грустно усмехнулась она.

Узнав, что она ответила согласием. Штейн одобрительно кивнул. «Молодец, ты правильно сделала. Это удачная партия. Поздравляю», — сказал он и, прощаясь, небрежно поцеловал её в щёку.

Когда он ушёл, Тамара быстро переоделась и, поправив макияж, спустилась в столовую, где налила себе ликёр, хотя для алкоголя было ещё не время. Подойдя к окну, она глянула на аккуратную лужайку, по которой ходил молодой загорелый парень, он катил перед собой оранжевую стрекочущую газонокосилку. «Надеюсь, Гарри не натолкнётся на чудо-технику Томаса, а то его конспирация полетит ко всем чертям», — подумала она и, поднеся бокал к лицу с удовольствием вдохнула терпкий аромат спелой вишни, напомнивший ей о родительском доме. «Далеко же меня занесло», — с грустью подумала она и сглотнула тягучую сладкую жидкость. Завуалированное признание Штейна застало её врасплох и теперь она не знала радоваться ей или горевать.

«Вот и что мне теперь делать? Ну почему ты просто не сказал, что не любишь меня? — с досадой подумала она. — Впрочем, с чего я решила, что Томас искренен в своих чувствах? Забыла, кто он такой?.. Проклятье! Одни вопросы и ни одного ответа. Хоть гадай на ромашке, выясняя любит или просто голову мне морочит».

Трель мобильного вернула её к действительности. Это звонил секретарь, чтобы напомнить о заседании в Конгрессе и доложить, что автомобиль готов к выезду в аэропорт и, чтобы успеть на самолёт, ей нужно поторопиться. «Иду», — отозвалась Тамара и с сожалением поставила недопитый бокал на барную стойку.

После заседания в Конгрессе, где эмоциональное выступление госпожи Сабуровой было встречено энергичными аплодисментами, его участники переместились в ресторан ближайшего престижного отеля.

Анри Кравчинский несколько припозднился, но сразу же направился к её столу, сопровождаемый любопытными взглядами присутствующих. Серого кардинала от политики здесь знали и обычно его присутствие не вызывало такого внимания. «Значит, Анри настроен серьёзно и успели распространиться слухи о нашей помолвке», — пришла Тамара к выводу.

— Здравствуй, дорогой, — улыбнулась она жениху.

— Моя прекрасная царица Тамар, — ласково пропел Кравчинский и, взяв её за руку, изобразил галантный поцелуй. — Слышал твоё выступление, оно бесподобно.

— Спасибо. Я рада, что тебе понравилось, — проговорила польщённая Тамара.

По опыту общения с Кравчинским она знала, что его одобрение ещё нужно заслужить. И хотя он был скуп на похвалы, зато те, кто их получал, могли рассчитывать на блестящую карьеру.

Они познакомились год назад. В общем-то, поначалу ничто не предвещало, что могущественного магната способна привлечь безвестная девица не первой молодости, обретающаяся на нижних ступенях карьерной лестницы в ЦРУ. Тем более у Сабуровой не было ни поддержки клана богатых родственников, ни влиятельных знакомых — кроме её непонятной связи с ныне покойным директором ЦРУ. По слухам, они познакомились в супермаркете, где она работала продавщицей. Другая версия гласила, что это случилось на детской площадке и что она работала бэбиситтером[1]. Правда, были те, кто утверждал, что ныне могущественная госпожа Сабурова въехала в страну как незаконная эмигрантка и просила милостыню на улицах Вашингтона. Директор ЦРУ, любивший пешие прогулки, дал побирушке сто долларов, а затем, узнав, что она из России, разговорился с ней. Тогда-то она и сумела заморочить ему голову байками о вампирах, на которых он в последнее время был помешан, причём настолько, что его рассудок не выдержал и в результате он покончил жизнь самоубийством.

Прежде чем это произошло, госпожа Сабурова сумела извлечь немалую выгоду для себя — к зависти своих менее удачливых коллег, что со временем перетекло в стойкую неприязнь. Карьера Тамары, начавшись с должности скромного консультанта на военном полигоне, неожиданно стремительно пошла вверх. Правда, помимо всё более значительных должностей на неё посыпались и неприятности. Особо изобретательны на подлости были женщины, но и мужчины, ведомые ревностью к её успеху, не слишком от них отставали.

Стиснув зубы, она вынесла всё, вплоть до нескольких происшествий, которые подозрительно походили на неудавшиеся покушения на её жизнь, как-то: падение массивной рекламной конструкции с кучей оголённых кабелей, находящийся под током, или автомобиль, потерявший управление, но почему-то упорно стремящейся к ней. Благодаря присмотру вампирской СБ, Тамара не пострадала, но, как говорится, осадочек остался.

Остракизм пошёл на убыль, когда сотрудники ЦРУ поняли, что выскочка далеко не глупа и в профессиональном плане способна переиграть даже матёрых коллег.

Конечно, Тамара была дилетанткой и на первых порах плохо ориентировалась в хитросплетениях мировых политических течений; она бы треском провалилась, если бы за её спиной не стоял Штейн, руководящий её действиями. Благодаря его помощи она составляла такие блестящие планы операций, что оставлять её в загоне было бы опасно, со временем её могли перекупить другие разведки, из-за чего ЦРУ потеряло бы не только великолепного специалиста, но и приобрело бы опасного врага.

С появлением Дугласа Джонсона успешное шествие госпожи Сабуровой по карьерной лестнице резко замедлилось. Новый директор ЦРУ, опасаящийся за своё кресло, — что было вполне вероятно на фоне катящейся по миру мутной волне феминизма и толерантности — выпихнул Тамару в политику, чему она была только рада. Чем больше она узнавала кухню своей работы, тем больше её воротило от неё: всё же она была убийцей по необходимости, а не по призванию. Тем не менее бывшие коллеги не забывали о ней и после увольнения установили наблюдение за её домом. Когда же пошли слухи о её связи с Анри Кравчинским, который был не только чудовищно богат, но и крайне влиятелен в среде политиков, ЦРУ отреагировало тем, что за Тамарой установили круглосуточную слежку. Вот

и сейчас один из агентов пасся поблизости, маскируясь под менеджера, присматривающего за официантами.

— Дорогая, чего грустим? — Кравчинский склонился к уху Тамары. — У тебя месячные? Так я не брезгливый. Или тебя тревожит что-то другое? Так я весь внимание. Только скажи, моя смуглая русская лилия, и я устраню любые препятствия на твоём пути.

— Спасибо, но я предпочитаю справляться с ними сама, — ответила Тамара, подавив невольную дрожь от его близости. Не то чтобы он был ей неприятен, сколько она чувствовала, что он чрезвычайно опасен.

Кравчинский принялся и бросил на неё озабоченный взгляд.

— Всё же у тебя проблемы и, похоже, немалые. Ты поэтому пьёшь с утра пораньше?

Тамара покосилась на соседей.

— Анри, давай не сейчас. Обсудим наши дела без посторонних.

— Ну, если это наши дела, тогда всё нормально, — успокоился Кравчинский и, запустив руку под стол, сжал её колено. — Люблю тебя, — сказал он во всеуслышание, отчего она была готова провалиться сквозь землю.

— Заткнись, — посоветовала ему Тамара и он улыбнулся.

— Злюка! Я же действительно тебя люблю и, что печально, ничего не могу с этим поделать.

«Твою ж мать!» — ругнулась Тамара и с вежливой улыбкой вышла из-за стола.

— Прошу меня простить, кажется, у меня пропал аппетит, — сказала она в ответ на вопросительные взгляды коллег по партии.

— Дорогая, неужели ты беременна? Тогда ты непременно должна сходить к гинекологу.

Улыбка Тамары закаменела. Стараясь не смотреть на знакомых, она быстрым шагом пошла к выходу. Кравчинский, идущий следом, что-то говорил, но она его не слушала. У машины она обернулась и смерила его уничтожающим взглядом.

— Замуж за тебя? Да ни за что в жизни!

Не удовольствовавшись этим, она хлопнула дверцей мерседеса, а затем выглянула из окна и швырнула ему под ноги обручальное кольцо.

— Шиксе оно ни к чему, слишком много чести.

Кравчинский расплылся в довольной улыбке.

— Ну точно моя девочка! А я ещё сомневался, — пробормотал он и наклонился, ища, куда упало кольцо. Как истинный сын еврейского народа, он был бережлив и без нужды не разбрасывался своим добром. Найдя отвергнутый символ любви, он щёлкнул пальцами, подзывая машину, и супернавороченный титановый монстр мягко притормозил около своего хозяина.

Верность, как и тактичность, не была сильной стороной Кравчинского, избалованного женским вниманием. Впрочем, только тогда, когда он не считал нужным их соблюдать.

Поссорившись с Тамарой, он отправился к любовнице, где отлично провёл время. Его отношения «деньги — товар» всегда действовали безупречно. Впрочем, Кравчинскому было всего лишь сорок и внешнею он походил на Хью Гранта[2], конечно, не без участия пластического хирурга. Да и в общении он казался обаятельным рохлей, но так думали только те, кто его не знал. Как бы то ни было, женщины любили его не только за деньги.

По рождению Анри Кравчинский был французом, по национальности евреем. Его прапрадед по матери был выходцем из России и звали его Аарон Кравчук, но он,

перебравшись во Францию, сменил имя и фамилию.

Семья Кравчинских, эмигрировавшая из России ещё до революции 1917 года, была изначально богата, так что Анри не пришлось начинать с нуля, но он настолько преумножил семейное состояние, что близкие в шутку называли его царём Мидасом. Правда, сестра-близняшка, когда злилась, звала его зловредным лепреконом, что, в общем-то, было ближе к истине. Он любил шутить шуточки с людьми, причём далеко не всегда безобидные, а ещё он мог предать, пытаться, убить, но, как правило, старался этого не делать — если позволяли обстоятельства. Но это было не главное, свой авторитет и положение на мировой арене Кравчинский заработал умом и чудовищной энергией, которая была в нём ключом, порождая деньги и детей, и то и другое по большей части незаконного происхождения. Впрочем, мамашам его отпрысков не на что было жаловаться, он был щедр, и они купались в королевской роскоши. Единственно, дети Кравчинского не обладали его удачей и по разным причинам редко перешагивали порог зрелости.

[1] Бэбиситтер (англ. язык) — временная нянька.

[2] Естественно, в его лучшие годы.

Тамара попала в поле его зрения на вечеринке у приятеля по университету. Чем уж она ему приглянулась, Кравчинский затруднялся сказать. Хмурая женщина — не слишком красивая и не слишком молодая — стояла в стороне от веселящейся толпы и изредка прикладывалась к бокалу шампанского. Единственно, что ему понравилось в ней, это её фигура, да и то лишь потому, что удачное бордовое платье выгодно подчёркивало её крутые бёдра и высокую грудь. Потом он обратил внимание, что не последние люди в их тусовке, ищут её расположения и это его заинтересовало, причём настолько, что он не поленился и спросил у приятеля кто она такая и как её зовут.

Узнав, что госпожа Сабурова в прошлом довольно большая шишка в ЦРУ, а теперь подвизается в политике, он удивился. Почему-то её вид не вязался у него ни с тем, ни с другим, но, подойдя ближе, он увидел её глаза и понял, что ошибся. Это была умная и беспощадная женщина, которая ради своих целей была способна на всё — что не противоречит её убеждениям. В общем, его поля ягода.

Они познакомились, и Кравчинский обнаружил, что она интересная собеседница, правда, временами склонная к патетике и пафосу, но своеобразный сухой юмор сглаживал этот её недостаток.

Сабурова знала, кто он такой, и его забавляло её прохладное отношение к его попыткам ухаживать за ней. После смерти трёх жён в обществе его прозвали Чёрным вдовцом, поэтому его не удивляла настороженность новой знакомой. Тем не менее она явно искала его расположения, и он посчитал, что она клюнула на его деньги.

Кравчинский снова её недооценил. Как потом выяснилось, под видом флирта госпожа Сабурова прощупывала его, а затем, посчитав достойным доверия, рассказала о расе людей, похожих на вампиров, и о том, что Землю скоро накроет смертельное излучение нейтринной звезды. Само собой, он не поверил ни единому её слову. И поскольку Тамара была ему небезразлична, к концу беседы он решил, что незамедлительно отправит её в лучшую психиатрическую клинику. Умные женщины были его слабостью, и он не хотел её терять. Шизофрения его не пугала, в его семье она встречалась куда чаще, чем он был готов признать при посторонних. Да и жить с шизофреничкой ему было не привыкать, к тому же на фоне его второй жены Тамара выглядела сущим ангелом.

В общем, Кравчинского не пугали трудности. Его ничто не пугало и, как правило, ничто не удивляло, но той, что он наметил себе в любовницы, а затем, буквально через неделю, в жёны, удалось это сделать.

Зная, что он ей не верит, Тамара сделала ему такое предложение, от которого он не смог отказаться. В обмен на финансирование вампирских проектов она предложила ему документацию по энергетическому щиту для Земли. Крачинский подумал и решил рискнуть. Ведь в случае болезни Тамары он ничего не терял.

Он попросил неделю на размышления и первым делом послал людей разузнать всю подноготную Сабуровой. Он редко интересовался прошлым своих любовниц, — во всяком случае, больше необходимого минимума, позволявшего держать их в узде, но о своих деловых партнёрах он хотел знать всё и вся.

Конечно, Штейн основательно подчистил «хвосты», тем не менее шпионы

Кравчинского, будучи опытными профессионалами, сумели нарыть немало полезной информации. Самым ценным было сообщение некоего Олега Васильева, который во время совместной пьянки сказал агенту, что видел Тамару живой и заявил, что это она убила мужа и соседку. Видя, что он чего-то не договаривает, агент прибег к помощи фармакологии.

Сыворотка правды развязала язык алтайскому пьянице и Кравчинский, изучив досье Тамары, не знал, что ему думать, — ведь сказанное Васильевым походило на бред и в то же время подтверждало её рассказ. И не только это. Он заметил кое-какие ходы разведслужб, которым у него не было объяснения; материалы по этим делам были настолько засекречены, что даже он не смог к ним подобраться.

«Невидимый сопровождающий и невидимая техника! Да я готов отдать господам вампирам половину своего состояния только за одну эту технологию», — пришёл Кравчинский в восторг. Детальное изучение донесений собственной агентуры и тех материалов, что были позаимствованы в ЦРУ, утвердили его в мысли, что за спиной Тамары стоит кто-то не менее могущественный и умный, чем он сам. И почему-то он был уверен, что это тот самый «артист», за которого её нещадно избил муж Антон Шкловский, который до сих пор числился без вести пропавшим. Слишком уж этот тип был скрытен и до встречи со скромной сельской учительницей и её подругой никто даже не подозревал о его существовании. Свидетельствам детей, утверждающим, что это был киношный Риддик, он, естественно, не придавал значения.

Кравчинский посмотрел видео с дрона, заснявшего место жительства предполагаемого резидента Сабуровой. На первый взгляд это было обычное сельское подворье — бревенчатый двухэтажный дом и несколько хозяйственных построек, каких на Руси не перечесть. Тем не менее чутьё говорило ему, что он не ошибается. Слишком уж много пустовало земли вокруг, что наводило на мысль о громадном поместье и замаскированных объектах. «Будь это моей резиденцией, то вон там я бы разместил бассейн», — подумал он, точно угадав его местоположение.

Слежка с воздуха показала, что в доме живут только угрюмый старик в бессменной поношенной фуфайке и молодая женщина с протезом вместо правой руки. Подозревая, что территория поместья напичкана датчиками и следящей аппаратурой, Кравчинский велел агентам не приближаться к нему, всё равно им не удалось бы изобразить случайных прохожих: в таких местах люди обычно знали друг друга. Так что пришлось ждать подходящего случая, чтобы прощупать обитателей дома. Когда старик спустился в посёлок за продуктами, агент, который под видом водителя привёз свежий хлеб в магазин, угостил его сигаретами и тот, подобрев, пожаловался ему на свою жизнь, мол, сын со снохой совсем не кажут к нему носа, вот он и принял к себе приживалку. Ольга хоть увечная, а всё же молодая баба и в постели ничуть не хуже остальных. Загрузив тележку продуктами, старик отправился восвояси, по дороге ворча, что денег потрачено много, а есть нечего, и что молодайка требует покупать конфеты и пряники, а они стоят слишком дорого, как будто чай с сахаром и булка не то же самое.

Тем не менее весь этот фарс Кравчинского не обманул, он сам любил отдыхать в таких вот диких местах и его обслуживающий персонал с неменьшим искусством маскировался под местных жителей.

«Всё, женюсь!» — решил он, глядя на фотографию Тамары, где она с нежностью прижимала к себе рыжеволосую девочку, которая по возрасту была ровесницей одной из его дочерей. «Мама, конечно же, поднимет жуткую бучу, что она не еврейка, — размышлял

он, — но женщину с такими связями ни в коем случае нельзя упускать. К тому же она мне нравится. Наверняка в её шкафу припрятан целый полк скелетов, так что жизнь с ней обещает быть нескучной». Последнее соображение его воодушевило. Он любил страсть и драму в семейной жизни и считал их неотъемлемой частью там, где супруги любят друг друга. Правда, три предыдущие жены сильно сомневались в его любви и закатывали ему грандиозные скандалы по любому пустяку, чередуя их безобразными сценами ревности на людях. В результате, не выдержав накала страстей, одна из жён вскрыла себе вены, две другие пытались бежать от него, но обе неудачно. Одна, не смущаясь высоты, вышла в окно и, упав с высоты, сломала себе шею; вторая на такой скорости гнала автомобиль, что вылетела с магистрали и как бабочка вспорхнула к небесам, а затем, упав на грешную землю, сгорела в пламени своей страстной, но безответной любви к мужу, приправленной бензином.

В качестве подарка будущей невесте Кравчинский вознамерился разыскать Алису, но девочка будто сквозь землю провалилась. «Что ж, в таком случае придётся ограничиться кольцом», — не слишком огорчился он.

Предложение руки и сердца Кравчинского Тамара получила спустя неделю, после того как передала ему обещанную документацию по энергетическому щиту. Скорость, с которой он просматривал файлы, сказала ей, что у него фотографическая память и она взяла это на заметку, в собранном на него досье этого не было. После ознакомления Кравчинский сказал, что принимает её предложение и после консультации со специалистами откроет транш по указанным счетам. После чего он достал кольцо и, по-рыцарски опустившись на колени, с пафосом объяснил ей в любви. Тамара приняла кольцо, но с некоторым замешательством.

«Значит, я не ошибся и её сердце занято другим, — возликовал Кравчинский. — Дорогая, да ты настоящее сокровище! Надеюсь, ты не обманешь моих ожиданий и приведёшь нашу семейную лодку в самый эпицентр бури страстей».

Вот только на этот раз он встретил достойную противницу. Тамара тоже не теряла времени даром и, воспользовавшись связями в ЦРУ и полиции, провела своё расследование. «Действительно, Чёрный вдовец, точнее не назовёшь», — усмехнулась она, глядя на снимки жертв Кравчинского, в числе которых были не только жёны, но и любовницы; следствие установило смерть пятерых из них, но сколько их было на самом деле, знал только он сам.

Причём, как полиция ни старалась, ей не удалось доказать его причастность к гибели ни одной из этих женщин. Материалы дел неопровержимо свидетельствовали, что все они либо кончили жизнь самоубийством, либо стали жертвами несчастных случаев.

«Ну а то, что все они любили Кравчинского, которому было плевать на их чувства, недостаточный мотив для обвинения его в жестоком обращении, которое повлекло за собой смерть несчастных дурочек», — заключила Тамара. Походив по кабинету, она тщательно взвесила все «за» и «против», а затем швырнула собранное на Кравчинского досье в горящий камин. В любом случае, этот противник был ей не по зубам.

«Что ж, посмотрим, что он теперь предпримет», — подумала она. Кое-что её беспокоило. Из досье следовало, что Кравчинский большой любитель развести женщин, обещая им замужество. Забавы ради он предлагал руку и сердце, а затем с удовольствием наблюдал за их хитроумными ходами по доведению его до алтаря. В ход шло всё — совместные дети, мнимые смертельные болезни, демонстрация не менее смертельной влюблённости, и это не считая полного спектра секс-услуг, подкупа слуг и талантливых спектаклей, призванных вызвать у него тёплые чувства или признательность. Что именно

зависело от направленности постановки — была ли она с романтическим или криминальным уклоном. В случае последнего торжественно предъявлялся злодей, якобы покушавшийся на его жизнь. Правда, такое случалось не часто. Всё же далеко не каждый из актёров был готов продать свою жизнь, тем более талантливо сыграть злодея или злодейку.

В общем, любя женскую породу за матримониальную изобретательность, Кравчинский веселился от души. Вот поэтому Тамара решила, что не мешает устроить ему проверку по выяснению липовое его предложение или нет. К тому же ею руководило подспудное желание отомстить за несчастных женщин, что имели глупость полюбить его.

После ссоры в Капитолии тем же вечером Кравчинский прислал ей в качестве извинения громадный букет цветов, к которому прилагался увесистый футляр с ожерельем. Судя по шлифованным драгоценным камням и старинной оправе, оно имело историческую ценность и, скорей всего, стоило целое состояние. Тем не менее Тамара была непреклонна. «Банальщина! Цветы и безделушка. Нет, дорогой мой, слишком дёшево ты меня ценишь», — холодно подумала она и, подозревая посыльного, который терпеливо дожидался её ответа, отправила ожерелье обратно. Цветы она выбросила в окно, зная, что Кравчинский это видит.

«Просто замечательно!» — обрадовался он и, отняв бинокль от глаз, снова отправил посыльного к ней, только на этот раз с купчей на престижное поместье стоимостью в несколько сот миллионов. Тамара снова подошла к окну и демонстративно порвала документы.

«Да ты ж моя прелесть!» — умилился Кравчинский и махнул поджидающим стилистам. — Давайте, время пришло. Моя Ассоль ждёт своего капитана Грея.

При виде плывущего к ней корабля с алыми парусами и застывшей фигуры на капитанском мостике, Тамара поначалу разочарованно фыркнула, но, когда дирижабль приблизился настолько, что можно было разглядеть детали, она всё же улыбнулась.

Вопреки ожиданиям, Кравчинский явился к ней не в образе романтического капитана Грея. Подбоченившись, там стоял дон Кихот Ламанчский, причём во всей своей красе, то есть в ржавой погнутой кирасе, побитом морионе и шарообразных полосатых штанах до колен, переходящих в чёрные дырявые чулки. Башмаки были под стать остальному одеянию — украшенные шпорами и загнутыми носами, они хлюпали подошвами, прося каши. За плечами рыцаря печального образа развевалась пурпурная тряпка, испещрённая пятнами и дырами; причём, судя по шёлковой плотной ткани, плащ знавал лучшие времена, но явно не в этой исторической эпохе.

Раздутый от ощущения собственной важности, реинкарнированный дон Кихот шагнул с причалившего дирижабля и, запутавшись в шпорах чудовищного размера, плащмя рухнул на землю. При виде громадного отпечатка босой ноги на его заднем фронте, суровая Дульсинея наконец не выдержала и засмеялась.

«Ну вот! Классика никогда не подводит — она на все времена», — усмехнулся Кравчинский и, освободившись от маскарада, поправил галстук. В смокинге и всём, что к нему прилагалось, он смотрелся истинным аристократом, впрочем, он им и был, причём не только по деньгам, но и по крови. Стилист успел ещё раз махнуть щёткой по его аккуратно уложенным густым волосам и он, взяв коробочку с кольцом и алую розу, с торжественным видом направился ко входу в дом.

Шутовство и розыгрыши кончились. На этот раз, делая предложение, Кравчинский впервые в жизни волновался. Интуиция говорила ему, что Тамара может отказать, чего он

никак не мог допустить: слишком уж высоки были ставки. «Хватит меня пилить, — сказал он матери, недовольной его выбором. — Если тебе нужна невестка-еврейка, пусть моя сестрица сделает операцию по смене пола, как она грозитя, и осчастливит тебя, а меня уволь. Пора уже уяснить, что при выборе женщин я руководствуюсь лишь своими хотелками. Но пусть тебя утешит то обстоятельство, что приданое, которое принесёт мадам Сабурова, не просто велико, оно чудовищно велико». Это был весомый аргумент, и Полина Разумовская сменила гнев на милость. «Хорошо. Я не встану на пути твоего счастья, но будь добр привести свою шиксу в надлежащий вид. «Я не собираюсь краснеть за неё перед людьми», — сказала она и бросила горделивый взгляд в зеркало. — И не спорь со мной! Мой милый, ты посмотри, мы же с ней выглядим ровесницами».

Одетая в нарядное светлое платье Тамара ждала его в вестибюле первого этажа. Стоило Кравчинскому увидеть её лицо, и он понял, что зря волновался.

Не дожидаясь, когда он сделает ей повторное предложение, Тамара подошла к нему и, забрав кольцо, сама надела его на палец.

— Я так понимаю, ты собрался устроить семейный ужин. Идём, — сказала она и, взяв его под руку, приподняла бровь, мол, в чём дело?

— Извини, — спохватился Кравчинский и повёл её выходу.

Оценив комичность положения, он утробно хрюкнул. Это было впервые, когда брачной инициативой владела женщина, а не он.

— Дорогая, можно я ещё подумаю, жениться мне на тебе или нет? — спросил он, состроив жалобную мину.

— Нет! — отрезала Тамара. — Я хочу, чтобы наш ребёнок имел законное происхождение.

Обрадованный Кравчинский подхватил её на руки.

— Это правда?

— Чистейшая, — кивнула Тамара. — Уже три недели.

По лицу Кравчинского прошла тень, и она с лаской коснулась его щеки.

— Не переживай! Я знаю о вашем семейном проклятье, но даю тебе слово, с нашим ребёнком всё будет в порядке. Никто не посмеет его коснуться даже пальцем, тем более похитить или убить.

— Ты и об этом знаешь? — неприятно удивился Кравчинский.

— Да, — Тамара прижала палец к его губам. — Тсс! А ещё я знаю, кому нужно предъявить счёт за это, — сказала она ему на ухо.

— В таком случае ты сокровище, дарованное мне самим Богом.

И Кравчинский, выйдя за двери, с осторожностью, будто хрупкую вазу, поставил её на ноги. Союз обещал быть более чем полезным, и сейчас он изничтожил бы любого, кто посмел бы покуситься на его невесту.

И всё же, помимо корысти, женщина, что шла рядом, тянула его к себе и по иной причине. Чувство, рождённое на глубинном уровне, было сложным и тёмным, но он себя не обманывал, это была любовь, причём любовь с большой буквы.

«Чёрт! Что же теперь будет?» — расстроено подумал Кравчинский и Тамара, почувствовавшая его настроение, повернула к нему голову.

Заметив, что она смотрит на него, он прохладно улыбнулся.

— Что, случилось? Тебя что-то тревожит?

— Меня-то нет, а вот ты какой-то нерадостный. Если тебя настолько угнетает мысль о нашем браке, то я тебя не неволю.

Тамара остановилась, готовая повернуть назад, но Кравчинский привлёк её к себе и поцеловал — долго и страстно.

— Нет, моя своенравная королева, кто попал в тенёта Черного вдовца, тому нет пути назад, — проговорил он, глядя на неё так, будто впервые видит.

Зная о его недюжинной способности очаровывать женщин, Тамара зябко передёрнула плечами. «Проклятье! Как бы не угодить из огня да в полымя, — тревожно подумала она, припомнив несчастливый опыт своей прежней семейной жизни. — Вот только у Антона даже близко не было тех возможностей, что есть у Анри. Если он вознамерится устроить мне ад, даже не знаю, что будет. Разве что последовать примеру его жён и прибегнуть к самоубийству, чтобы долго не мучиться...»

— Je suis désolé, mon amour, j'ai été inattentif envers toi[1], — произнёс Кравчинский и на её плечи легло соболье манто.

Французского языка Тамара не знала, но без перевода догадалась, что он сказал.

— Это ты извини, что доставляю тебе беспокойство.

— В этом преимущество моих жён. Они вольны доставлять мне беспокойство, сколько хотят и когда хотят.

В машине Кравчинский обнял её за плечи и с нежностью заглянул в лицо. «Какого чёрта он всю дорогу приглядывается ко мне? Ведь раньше ему не было дела до меня», — подумала Тамара, обеспокоенная его неожиданным вниманием.

— Да, кстати, — она порылась в сумочке и протянула ему флешку, — здесь брачный договор. Пусть твоя юристы его посмотрят.

— Хорошо, моя любовь, — Кравчинский небрежно сунул флешку в нагрудный карман. — Но ты же знаешь, женщины от меня так просто не уходят.

— Кто знает. Вдруг мне повезёт, и я буду первой, кто уйдёт от тебя не вперёд ногами, — саркастически заметила Тамара и он, беззлобно посмеявшись, привлёк её к себе и поцеловал.

— Не нервничай, с тобой ничего плохого не случится.

«Свежо предание да верится с трудом», — вздохнула Тамара и прижалась щекой к его плечу.

— Вообще, не знаю, что на меня нашло. Я же решила, что больше ни за что не суну голову в петлю замужества. А уж выйти за тебя — всё равно что заранее подписать себе смертный приговор. И тем не менее, — она собралась с духом. — Хочу, чтобы ты знал, я была замужем, но убила мужа. Зарубила его топором.

— Умница, — одобрил Кравчинский. — Если бы надо мной столько издевались, я бы порвал своего мучителя на мелкие кусочки.

— Соседку я тоже убила. Обухом топора.

— Это все твои убийства? А работа в ЦРУ?

— Скажешь тоже! Я же аналитик, — Тамара вздохнула. — Мы лишь разрабатываем способы убийства, но от этого не легче.

— И ты до сих пор переживаешь из-за какой-то пары жалких убийств? — снисходительно проговорил Кравчинский и, не удержавшись, снова её поцеловал. Она будто магнитом влекла его к себе.

— Господи! — вдруг заволновалась Тамара. — Даже не смей признаваться в своих

делишках, а то я раздумаю выходить за тебя замуж.

— Поздно, моя любовь. Так или иначе, но я притащу тебя к алтарю.

— Анри, мой интерес к тебе понятен, мне нужны деньги и влияние на политической арене, но я-то тебе зачем? Если ради моих связей с вампирами, то не стоит. Со мной или без меня они всё равно будут сотрудничать с тобой.

— Я знаю.

Тамара попробовала было отстраниться, но Кравчинский её не отпустил.

— Тогда я вижу лишь одну причину. Ты хочешь поразвлечься за мой счёт, — с досадой проговорила она.

— И да, и нет. Моя любовь, ты мне нравишься и это новый опыт для меня, — улыбнулся Кравчинский. — Но это не исключает моего желания поразвлечься за твой счёт.

— Кошмар! — покачала Тамара головой. — Такое чувство, что сговариваются пожениться двое монстров.

— Что звучит крайне многообещающе. Не находишь? Кстати, твой «артист», случаем, не твой куратор от вампиров? — закинул удочку Кравчинский. Но тут же — по тому, как напряглась Тамара — он понял, что поспешил.

— Анри, давай не будем. Всё что могла, я тебе уже рассказала.

— Всё-всё! Извини, я был не прав, — Кравчинский глянул в окно. — Мы приехали.

Как галантный кавалер, он вышел из машины и, открыв дверцу, протянул руку невесте.

— Моя любовь, долой заботы! Королевская осанка и улыбка должны стать твоей визитной карточкой, — предупредил он вполголоса, и Тамара перестала хмуриться. Улыбку она сочла лишней, но плечи распрямила и по ходу визита старалась не забывать высоко держать голову.

При знакомстве с роднёй Кравчинского ей понадобилось всё её самообладание, особенно с Полиной Разумовской, которая не скрывала, что она ей не нравится и во всеуслышание раскритиковала её наряд, причёску и макияж. Когда она перешла к её личным достоинствам, Тамара, внутренне кипя, так глянула в сторону жениха, что он поспешил ей на выручку.

— Сейчас же уведи её от меня и впредь держи где-нибудь подальше, если не хочешь остаться сиротой, — проговорила она, не стесняясь тем, что Полина её слышит.

Пряча смех, Кравчинский соорудил матери страшные глаза и, подхватив Тамару под руку, повёл её знакомить с многочисленными друзьями и партнёрами по бизнесу.

Как ни странно, угроза расположила Полину Разумовскую к будущей невестке и она, как деятельная женщина и добрая мать, заботящаяся о благополучии сына, взяла её в оборот. Когда Тамара категорически отказалась ложиться под нож пластического хирурга, она уговорила её пройти череду омолаживающих процедур.

Результат удовлетворил обеих. Тамара на свадьбе выглядела гораздо моложе своих тридцати четырёх и Полина заявила, — мол, если постараться, то даже из Бабы Яги можно сделать приличную женщину. При этом она выразила надежду, что внук унаследует гены отца, а не своей ничем не примечательной матери. Тем не менее даже у неё не поворачивался язык назвать невестку некрасивой[2].

[1] Прости, любовь моя, я был невнимателен к тебе.

[2] *Не могу удержаться. Чутьочку патетики.)*

Что ни говори, а деньги творят чудеса. Стильно одетая, уверенная в себе Тамара

ощущала себя королевой и прихлебатели из окружения королевы-матери, столкнувшись с её умом и негибаемой волей, быстро поняли, кто отныне будет властвовать в гареме империи Кравчинского. Из невзрачной забитой куколки наконец-то вылупилась прекрасная бабочка — свободная и целеустремлённая, которая, как героиня одного забытого, но жизненного фильма, могла бы с полным основанием заявить: «Вот стою я здесь перед вами, простая русская баба, мужем битая, попами пуганная, врагами стрелянная — живучая! Стою я и думаю — зачем я здесь? Это — проводить величайшие в мире законы».

В день свадьбы Тамары Штейн исчез, и никто не мог сказать, где он находится. И как назло, именно в этот день он понадобился Палевскому и, судя по раздражению, был нужен ему позарез.

По словам Эльзы, Томас, как обычно, встал в половине пятого утра и в пять отправился на работу. На входе в штаб он тоже отметил, но, не заходя к себе, сразу же спустился в подземный гараж, где взял служебную авиетку и улетел.

В журнале дежурного офицера было записано, что глава СБ отбыл по делам, находящимся под грифом секретности. Маячок, соответственно, был отключён и отследить его по авиетке не было никакой возможности.

Понимая, что добытая информация более чем скудна, Ладожский, доложивший все эти сведения, бросил на Палевского виноватый взгляд. Судя по его озабоченному виду, дело было архиважное и, возможно, архисрочное.

— Михаил Янович, я пойду? — спросил он, думая, что тот забыл про него.

— Нет, — очнулся Палевский и кивнул вошедшей девушке. — Мадемуазель Новак, вы вовремя. Введите месье Ладожского в курс дела. Он руководитель операции.

— Я? — растерялся Иван, не ожидавший такого поворота событий.

— Да, ты, — Палевский кинул ему флешку. — Здесь необходимые документы и контакты. Бери Пятую группу и в путь.

— Так точно! — вытянулся Иван, смирившийся с неожиданным назначением. Правда, это было его первое задание без присмотра главы СБ, и он несколько волновался.

Сам не зная зачем Штейн летел в Висконсин. Конечно, Тамара прислала ему приглашение, но он не собирался присутствовать на её свадьбе. Приземлившись на крыше пристройки, где на авиетку не натолкнулся бы обслуживающий персонал её дома, он прыгнул вниз и, заметив открытые окна на втором этаже, повеселел. Тамара его ждала, хотя он ни на что не надеялся. Штейн нашёл её в бальной зале, служившей гостиной. Облачённая в свадебный наряд она стояла перед зеркалом, и, судя по отсутствующему взгляду, мыслями была не здесь. Но как только он вошёл, она сразу же обернулась, хотя он не снял маскировку и был невидим. «Томас?» — неуверенно позвала она, но он не откликнулся и, неслышно ступая, подошёл ближе и со смешанным чувством оглядел её с головы до ног. Тамара была великолепна и сейчас не уступала Эльзе в красоте. Правда, Тамару отличала безыскусная сельская красота, а у Эльзы она носила изысканно-аристократический характер. «Нужно будет принять ислам, чтобы впредь не терзаться выбором», — меланхолично подумал Штейн и, заметив, что встревоженная Тамара потянулась к сумочке, где у неё наверняка лежал пистолет, снял маскировку.

— Да я это! Не паникуй.

— Спасибо, что пришёл, — обрадовалась она и порывисто его обняла. — Я уж и не надеялась.

— Могу сказать то же самое. Думал, ты у Кравчинского, чистишь пёрышки перед свадьбой.

— Он настаивал, но я не захотела.

«Надо же, не ожидал такой покладистости от этого змея-искусителя. Обычно желания женщин ничего для него не значат», — удивился Штейн.

— Что, Полин Разумовская совсем тебя заклевала? — прохладно поинтересовался он.

— Нет, просто дома мне спокойней. И вообще, перед свадьбой захотелось побыть одной. Вдруг я совершаю ошибку, тогда ещё не поздно отступить, — призналась Тамара.

«К тому же вдруг ты заглянешь», — мысленно добавила она и, отстранившись, поправила причёску.

— У тебя ко мне дело или зашёл пожелать мне семейного счастья?

Штейн пожал плечами.

— Да нет, просто осточертело на работе. Захотелось развеяться, вот я и подумал, отчего бы не заглянуть к тебе. Если ты выходишь замуж, то можно у тебя хотя бы спокойно выспаться. Но, видишь, как оно вышло, ты здесь и, значит, мне придётся пожелать тебе счастья.

Сунув руки в карманы комбинезона-хамелеона, он побродил по комнате.

— Ну ладно, я пошёл. Извини за вторжение.

— Томас! — воскликнула Тамара, но он снова спрятался за маскировкой.

Слегка шевельнувшаяся штора на окне сказала ей, что он ушёл и она дала волю чувствам. «Проклятый вампир! Вот чего тебе неймётся? — всхлипнула она. — Если уж ты отступился от меня, то какого чёрта ты бродишь вокруг, бередя мне душу?»

Плач Тамары заставил Штейна остановиться, но он усилием воли не дал себе повернуть назад, зная, что ничем хорошим это не кончится, разве что сорвёт удачно начатую операцию по сотрудничеству с Кравчинским.

Первоначально он планировал вернуться домой, но затем передумал и полетел, куда глаза глядят.

Голод и желание выпить привели его в небольшой городок где-то на юге Бразилии и он, приземлившись, отправился в местный бар-ресторан. Заведение было средней руки, но ему там понравилось — столы и посуда были чистыми, музыка ненавязчивой, еда вкусной, а люди приветливыми. Единственно, что не отвечало его вкусу, это низкосортная выпивка, и он взял себе пиво, которое в плане алкоголя было для него как слону дробина.

Как обычно, привлечённые его внешностью и остаточным излучением ментального поля, вокруг него закружили местные девушки, совсем юные, судя по виду ещё школьницы, и он распорядился, чтобы их угостили за его счёт. Обрадовавшись дармовым пирожным, соку и мороженому, девчонки живо расселись за столики вокруг него, и он неожиданно для себя ощутил, что с удовольствием слушает их беззаботную болтовню. Видя, что парни, ровесники девчонок, не решаются к нему подойти, Штейн сделал приглашающий жест и заказал для них пиво и коктейли, чем сразу же заслужил их расположение. Хотя он говорил на смеси английского, испанского и немецкого, подростки прекрасно его понимали и так заливисто смеялись его шуткам, что у него посветлело на душе. В какой-то момент он почувствовал себя Санта-Клаусом, устроившим детям внеплановое рождество, и подумал, что это как отпущение грехов: в кои веки он приносил людям не смерть, а радость.

Соблазнившись аппетитом подростков, способным перемалывать тонны еды, Штейн тоже заказал себе мороженое и засмеялся, когда парни и девчонки молитвенно сложили руки и издали всеобщий восхищённый вздох. Осмелев, подростки стали расспрашивать его кто он и откуда, и он взял у одного из парней гитару. Петь он не очень любил, а вот играл хорошо, благодаря урокам музыки, полученным в вампирской школе. И хотя дело было

давнее, навыков он не растерял. «Значит, хотите знать кто я?» — спросил Штейн и после гитарного проигрыша спел песню из Desperado. И поскольку харизмы у него было ничуть не меньше, чем у Бандераса, то восхищённые подростки попросили его спеть на «бис», что он и сделал, но спел уже другую песню, немецкую сентиментальную, а затем сказал, что концерт окончен и тогда посетители бара-ресторана, которых основательно прибавилось, устроили танцы. Штейн не стал ломаться и присоединился к ним. В общем, выпав из нескончаемого рабочего колеса, он отдыхал и телом, и душой.

Жителям городка, которые были этническими немцами, он пришёлся особенно по душе, и они наперебой уговаривали его погостить в их семьях, но Штейн ответил отказом, сказав, что рад бы в рай, да грехи не пускают и, вообще, пора и честь знать, мол, дела не ждут. Особенно из-за его ухода расстраивались девушки. Последней надежду на взаимность потеряла кудрявая мулатка с задорным выражением на хорошеньком личике. Она проводила его до окраины городка и с жалобной миной изобразила пальцами сердце на груди. Отойдя немного, Штейн обернулся — девчонка всё стояла, глядя на него, и он помахал ей, а затем неспешно направился к берегу моря. Там его и нашёл Ник.

— *Pu дей, райделин Реотан Рамсей Кабаледра*, — поприветствовал он его и, взяв предложенную банку пива, сел рядом.

— Переведи, — попросил Штейн.

— Мог бы сам сообразить, что это пожелание доброго вечера и твой эрейский титул, — фыркнул Ник.

«Заносчивый поросёнок», — беззлобно подумал Штейн.

— Думаешь, я тоже из этой твоей Арей? — усмехнулся он.

— Уверен в этом, — Ник отпил из банки с пивом и аккуратно поставил её рядом. — Твои навыки, вбитые в мышечную память, никуда не делись. И они таковы, что я могу сказать, что твоим наставником был сентано Васкело, самый выдающийся из судей-поединщиков королевства Зимы. Походка, движения, мелкая моторика — всё это говорит за то, что ты его ученик.

— Ну, не знаю, — отозвался Штейн и, покосившись на него, внутренне напряжился. — Сам я по-прежнему ничего не помню, остаётся лишь верить тебе на слово.

— Зачем? Это просто выяснить. В рамках ритена у нас должна быть одна подготовка.

Хотя Штейн был готов к нападению, он едва успел уйти из-под атаки. «Рад-бэд![1]» — стегнул его по ушам резкий голос Ника, и он без раздумий рванулся в сторону. Тем не менее его слегка задело выстрелом, и кисть левой руки полоснуло болью. «Твою ж мать!» — Штейн бросился к Нику и тот с возгласом: «Кер![2]» исчез из его поля зрения. Он крутанулся на месте и нашедшийся Ник с хладнокровным выражением на лице снова направил на него бластер. «Вот говнюк!» — возмутился Штейн. Но это была его последняя осмысленная реакция на спонтанный бой. Ник ускорился и в дальнейшем он действовал исключительно на рефлексах.

Уходя от смертоносных лучей, Штейн исполнял такие немислимые кульбиты, на которые он никогда не подумал бы, что способен. «Фад![3]» — выкрикнул он, окончательно вымотавшись, и рухнул на землю.

Когда он немного отдышался, Ник протянул ему руку, помогая встать.

— Вот видишь, всего лишь нужно тебя встряхнуть, чтобы ты вспомнил науку сентано Васкело, — произнёс он наставительным тоном и приложился к начатой банке с пивом, которая ничуть не пострадала во время их молниеносной акробатики.

Штейн хохотнул и бросил на Ника завистливый взгляд. С него самого градом лил пот и от слабости тряслись коленки, в то время как его противник лишь самую малость вспотел и покраснелся.

— Так что это было?

— Рай-ритен. Система подготовки наследников в правящих домах, — Ник отбросил опустевшую банку. — Мика беспокоится, куда ты пропал. Полетишь со мной или доберёшься своим ходом?

— Своим, — ответил Штейн, о чём впоследствии пожалел.

Выжатый как лимон после спарринга с Ником он потерял не только солидную часть регенерационного запаса, но и бдительность. Вдобавок его подвело радушие местных жителей, проявленное в придорожном ресторанчике. Чтобы быстрее добраться к оставленной авиетке, он сел в попутку, в которой сидели парни и девчонки, знакомые ему по недавней тусовке. Очнулся он в придорожной канаве — ограбленный и с ножом в боку.

Полученные ощущения крайне не понравились ему и он, досадуя на свою беспечность, разыскал тех, кто с ним это сделал. Благо, что юные бандиты ещё не разбежались по домам и пытались разблокировать его банковскую карту. Обездвижить их с помощью ментала было для Штейна плёвым делом, и перепуганные насмерть подростки вытаращили на него глаза, не в силах выдать из себя ни звука. Боясь, что утерять самообладание и окончательно расвирепееет, Штейн не стал рыться в их куцых мозгах и вынул нож. Краткий допрос выявил зачинщика этого дела. Как он и подозревал, им оказалась та самая юная мулатка, что так страдала, провожая его. Она же была и его несостоявшейся убийцей.

Мальчишки отделались испугом, а вот девчонке не повезло. Когда нашли её обезглавленный труп, стошнило даже бывалых полицейских. Да и свидетели её убийства были в таком состоянии, что их пришлось все скопом отправить в психиатрическую больницу. Двое подростков так и не оправились — один из них сошёл с ума, второй онемел и лишь трясся и плакал, когда его пытались допросить. Когда очнулся третий подросток, выяснилось, что он единственный сохранил рассудок. Он-то и заявил дознавателю, что имел возможность ещё при жизни ознакомиться с тем, что представляет собой ад. У мальчишки была интеллигентная семья и он, владея литературным языком, умел выразить свои эмоции.

К досаде полицейских, уцелевший свидетель абсолютно не помнил убийцу, но врачи отказали им в гипнозе, сказав, что возможно именно это обстоятельство спасло ему рассудок. Тогда они попытались связать с убийством светловолосого чужака, но жители городка все как один встали на его защиту и заявили, что этого не может быть, мол, он отличный парень и ушёл задолго до того, как произошло убийство.

Палевский встретил вошедшего Штейна внимательным взглядом — тот был хмур, но спокоен.

— Свадьба состоялась? — спросил он, хотя ему уже доложили, что Кравчинский и Сабурова сочетались законным браком.

— Да, — ответил Штейн и, отодвинув стул, сел за стол. — Этой секретной новостью забито всё интернет-пространство. Так ты за этим меня искал?

— Нет, из-за твоих страданий по жалкой менталистке, — ответил Палевский и, видя, что его помощник сердито сверкнул глазами, примирительно добавил: — Не злись, ты знаешь моё отношение к таким связям.

— Да нет там никакой связи, — буркнул Штейн и взял протянутый ему планшет. —

Славно! Пси́на всё же вычислила китайского ходочка, — оживился он.

— Ладожский с группой отправился прощупать, чем конкретно занимаются монахи. По моим ощущениям, он справляется с порученным делом, но будет не лишним его проконтролировать.

— Само собой, все заслуги мне. Ладожский — способный парень, но рановато начал примеряться к моему креслу. Сначала пусть побегает на посылках, как я у тебя, — заявил Штейн, не отрываясь от просмотра полученных сведений по краже с секретного полигона на Камчатке. — И не смотри на меня. Рая Реотана больше нет, мне удалось спровадить его, о чём я уже начинаю жалеть. В конце концов, он не раз и не два спасал мне жизнь.

— Понятно. Видимо, ему тоже крайне не нравилась твоя привязанность к этой женщине, и он попытался её ликвидировать, — высказал Палевский предположение.

— Давай не будем. Сейчас рая Реотана больше нет и это данность, не подлежащая сомнению.

— Томас... Ладно, не суть. Так что ты думаешь по поводу тибетских отшельников?

— Если к нам пожаловал кто-то из монахов, дело усложняется. Судя по банковским счетам монастыря, его братия богата как пресловутый Крез. Так что им нет резона брать себе стороннюю подработку. С такими деньжищами монастырь сам может нанять кого хочешь. Значит, тут замешано что-то другое. Обмозгуем, когда получу больше информации, — сказал Штейн и поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Оставшись один, Палевский проанализировал поведение главы СБ и покачал головой. «Может, рай Реотан и ушёл, но это мало что меняет. Томас унаследовал его интеллект и черты характера, что со временем станет проблемой. В стае не бывает двух вожаков. И всё же я надеюсь, что у нас не дойдёт до прямой конфронтации, иначе это будет катастрофа. Будь у меня возможность повернуть время вспять, я бы выдал за него Мари. Тогда Томас вошёл бы в семью, а это уже другая иерархия, у него не было бы нужды оспаривать моё главенство. Кстати, о дочери. Нужно будет всё же навестить их с Ником, пора выяснить, что там у них происходит», — подумал король вампиров и вздохнул, понимая, что выкроить время на поездку по семейным делам, в общем-то, нереальная задача.

[1] Рад-бэд! (эрейский яз.) — начали!

[2] Кер! (эрейский яз.) — шевелись!

[3] Фад! (эрейский яз.) — стой!

Поездка в Париж дала Мари возможность вернуться к тем чудесным временам, когда по большому счёту ничто не омрачало её жизнь. Надёжно укрытая родительским крылом, она беспечно порхала из института домой, а по вечерам шла веселиться с друзьями. Прежние заботы и огорчения сегодня ей казались такими нестоящими пустяками, что ей оставалось лишь удивляться, что когда-то они заставляли её плакать.

«Правильно говорят, что всё познаётся в сравнении», — подумала она, с наслаждением катая на языке холодный комочек сливок, сдобренный кусочками фруктов и орехов. Сегодня мороженое казалось ей особенно вкусным — Ник временно её покинул, сказав, что должен уехать по делам, и она гуляла по улицам одна. Не сказать, что его присутствие было ей в тягость, но, как любому человеку, время от времени ей хотелось побыть одной.

В больших дозах одиночество — это отравка, а в малых оно лекарство, дарящее покой и сладость бытия. Именно это Мари и ощущала — покой и сладость бытия. «Это ли не счастье? Продлись мгновенье, ты прекрасно!» — воскликнула она и вдруг поняла, что действительно счастлива, причём полностью и безоговорочно. Свобода пьянила её не хуже вина и она, раскинув руки, со смехом закружилась, благо, что поблизости не было прохожих и никто не мешал ей безумствовать. «Я так счастлива, что умри я сейчас, и это было бы справедливой платой», — мелькнула у неё мысль. И тут она заметила, что две клуши, от макушки до пят закутанные в чёрные тряпки, остановились и с осуждением смотрят на неё. Перестав дурачиться и подпрыгивать, девушка состроила благопристойную мину: «Увы, счастье мимолётно, так что приходится собирать его по крохам, а значит, придётся ещё немного пожить».

Проходя мимо, Мари показала женщинам язык, и когда те возмущённо закудахтали, она не удержалась и, согнувшись, как крыльями помахала руками. Намёк был понят и на неё обрушился уже целый поток брани. «Вот что за народ? Мало того, что сами сидят в клетке, так ещё осуждают тех, кто не хочет в неё лезть. И вообще, в чужой монастырь со своим уставом не ходят», — подумала она и улыбнулась пожилой француженке, которой её клоунада пришлась по душе, и она одобрительно ей подмигнула.

И всё же встреченные мусульманки испортили ей настроение. Женщины навели её на мысль, что она находится в том же положении, что и они. «А может, и того хуже. Во всяком случае, их вряд ли постоянно ставят на колени и лупят плёткой, к тому же безнаказанно», — с грустью подумала Мари. Высоко подпрыгнув, она крутанула балетный пируэт — к восторгу уличного художника, а затем как ни в чём ни бывало пошла дальше.

Принц Хаоса, наблюдающий за девушкой, улыбнулся её озорству.

— Надо же, какой богатый душевный потенциал! Даже жаль терять её из-за Пророчества.

Арес, находящийся в форме ягуара, приоткрыл глаза.

— Думаешь, она не выживет при Сияющем дворе? — прорычал он.

— Тебе повезло, ты уже родился богом, поэтому не было нужды проходить через бойню Арены. Юные там не выигрывают. Как правило, их убивают в первом же раунде. По причине своего возраста они слишком наивны и мягкосердечны.

— Ну, я бы не был столь категоричен. Вспомни, кто её мать.

— Кровь, конечно, не водица, но, чтобы противостоять банде убийц, Истинная кровь должна дозреть, а это значит обрести широту мышления и ожесточиться душой. Лишь тот, кто потерял веру в добро и справедливость, может выстоять в жестокой схватке, чтобы затем через страдание и покаяние вновь обрести потерянную веру. По мысли банды свихнувшихся лордов Хаоса, это должно сформировать в нас качества, необходимые богам Равновесия. «Познай добро и зло, чтобы соблюсти судейскую бесстрастность», — вот их лозунг.

Бог-убийца перетёк в человеческую форму и, встав, сладко потянулся. «Есть хочется», — он погладил урчащий живот и покосился на брата, погружённого в раздумья. После приснопамятной уборки он постоянно обретался в эдеме Николса и временами подьедал безропотную райскую живность. Уж слишком вкусным было здешнее мясо, чтобы он мог удержаться от соблазна.

— Даже не думай! — упредил Николс его намерение. — Отныне никаких тебе коз и барашков. Задерёшь ещё хоть одного и станешь первым ягуаром-вегетарианцем, — приподнявшись, он швырнул в Ареса яблоком. — Вот, держи! Не кривись, стоит только сесть на растительную диету и тебе понравится.

— Иди ты... сам знаешь к кому. Уже тошнит от твоих райских яблок, — проворчал бог-убийца, тем не менее надкусил пойманное яблоко. — Трава травой. Вот что тебе стоит сделать их мясными?

— Да, пожалуйста! — сказал Николс и внутри яблока зашевелился клубок пухлых глазастых гусениц, призывно хлопающих длинными ресницами.

— Фу, какая гадость! — скривился Арес и кинул яблоко обратно.

Принц Хаоса щёлкнул пальцами и стайка прекрасных бабочек, в которых превратились гусеницы, повернула назад и закружила над богом-убийцей.

— Кыш-кыш! — замахал он на них. — Пошли вон, бесполезные насекомые. Уж лучше яблочные червяки, чем вы... Николс, я убью тебя! — рявкнул он, когда на его голову посыпались всё те же хорошо откормленные гусеницы, только на этот раз обижено хлопающие глазами.

— Ну ты и привереда! Мясо ему, видите ли, не нравится, бабочки тоже, — сказал Николс, с упрёком глядя на брата. — Если тебе не по душе мой эдем, может, вернёшься к себе в храм?

— И даже не надейся, — ухмыльнулся Арес. — Ты же знаешь, моя обязанность охранять тебя, значит, я постоянно должен быть рядом.

— Бездельник! — укорил его Николс. — Нет, чтобы присматривать за Истинной кровью, что вот-вот сбежит с планеты, ты вместо этого торчишь около меня и трескаешь драгоценные плоды добра и зла, доставшиеся нам от дедушки, да ещё ворчишь при этом. И то тебе не так и это тебе не эдак.

— Как там их новый дом? — сменил Арес тему.

— Лучше, чем этот. Им будет где разгуляться. Конечно, местами напортачили, но ты не вмешивайся. Решили поиграть в Создателя, пусть дальше развлекаются, — ответил Николс, не вдаваясь в подробности.

— А что здесь? Решил всё же уничтожить?

— Не знаю. Мне не слишком нравится ублюдочная разумная жизнь, которая возникла из-за твоего попустительства и вот-вот уничтожит экологический баланс, превратив планету в безжизненную пустыню. Тем не менее что-то в ней есть. Короче, дадим человечеству шанс.

Если сумеют вовремя поставить защитный экран, значит, будут жить. Не успеют, полягут прахом. Возможно, тогда имеет смысл сменить параметры планеты и попробовать иную форму разумной жизни.

— Делай, как знаешь, мне всё равно; я уйду вместе с моими детьми.

Арес с сожалением посмотрел на златорогого барана, пасущегося поблизости. Обглоданный до косточек, он с завидным упорством тут же воскресал, чем очень ему импонировал: его можно было есть до бесконечности.

— Ладно, если жмотишься с мясом, пойду поем в другом месте. Заодно посмотрю, как там Никотан. Последнее время за ним таскается геральдический зверь из Квадратуры круга. Как бы глупый кошка чего не натворил, играя с ним в прятки.

Бог-убийца, облачённый в живописный байкерский наряд, вместе со своим кошмарным мотоциклом реализовался на улицах Парижа и с грохотом припарковался в ряду таких же механических монстров. «Не скучай, брат! Я скоро», — он похлопал мотоцикл по бензобаку и направился к излюбленному питейному заведению. И тут ему заступила дорогу такая красotka, что даже у него перехватило дыхание. Стараясь не выдать своего потрясения, Арес оглядел её с головы до пят и скептически хмыкнул. Указанный промежуток тела содержал так мало одежды, что можно было сказать, что её нет.

— Сдурела? Хочешь, чтобы за тобой бегали все окрестные маньяки и насильники?

— Ой, да ладно тебе ворчать! — Ким взяла его под руку. — Угостишь девушку стаканчиком текилы? Ну или что там пьют крутые парни из Легиона убийц.

— Воду они пьют, — ухмыльнулся Арес. — Хочешь двойную, не разбавленную?

Ким повернула голову и с сомнением посмотрела на него.

— Придуриваешься, да?

— Так будешь или нет?

— Ладно, воду, так воду. Я не привередливая.

— Ну, смотри! Чтоб потом без обид.

Перед входом в бар Ким всё же решила не особо провоцировать его посетителей и сменила рискованный наряд, состоящий из двух розовых полосок, на чёрные джинсы и свободную шёлковую блузку. «Какая киска!» — раздался дружный мужской стон, но никто не рискнул приблизиться к подружке того, кого знали под кличкой Череп.

Ким расслабилась. Начнись паломничество воздыхателей и ей пришлось бы туго. Принц Хаоса был слишком близко, чтобы она могла позволить себе особо выйти за рамки возможностей своей смертной личины.

— Не бойся, при мне они к тебе не полезут, — окончательно успокоил её Арес и протянул стакан с прозрачной жидкостью. — На, пей! Вода, двойная не разбавленная, как обещал.

По виду это была действительно вода. Ким с подозрением принялась — никакого постороннего запаха не ощущалось. Тогда она, чтобы выяснить состав, запустила в стакан тончайшее щупальце, не видимое человеческим глазом, и на её лице отразилось разочарование.

— Фу, на тебя! Я уж думала, что здесь какой-то подвох, а это обычная вода.

— Я так и сказал, что это вода. Ты слишком подозрительная. Если опасаясь, можешь выпить моё пиво. — Арес протянул ей кружку. — Ну, что опять не так?

— Не люблю его, — призналась Ким.

Мучимая жаждой она отхлебнула из стакана и застыла с вытаращенными глазами. Целую вечность внутри неё пылал вулкан, а затем он разом погас, не оставив после себя никаких болезненных ощущений.

— Ничего не говори, развею прахом, — предупредила богиня, причём таким тоном, что Арес счёл за благо промолчать. — Что это было? — спросила она минут через пять.

— Вода, двойная не разбавленная... Спокойно! Церемониальный напиток для новичков, вступающих в наш легион.

— Дебилы, — вздохнула Ким и с сомнением глянула на тарелку, которую поставила перед ней официантка. — Если еда такая же как вода, я тебя урою[1], что бы ни значило это слово.

— Ешь. Всё нормально. А насчёт воды я тебя предупреждал, но ты сама захотела, — сказал Арес, после того как прожевал кусок полусырого мяса и запил его пивом.

— Болван! Я же не новичок, вступающий в ваш легион, зачем мне ваш церемониальный напиток? — Ким прищурилась, глядя на Ареса. — А, поняла! Ты подумал, что я слежу за вами, и если бы отказалась пить, то этим подтвердила, что я шпионка из этих ваших шпионских ведомств.

— Ну, как-то так, — не стал её огорчать бог-убийца.

«Не говорить же хорошенькой дурочке, что из неё такая же шпионка, как пуля из известного пластичного материала органического происхождения», — снисходительно подумал он и добавил:

— Ешь. Клянусь честью, с твоей едой всё в порядке.

— Ладно, уговорил, — поверила ему Ким и подвинула к себе тарелку с салатом. — Слушай, тупоголовый, насколько я понимаю, ты из Легиона убийц, но не понимаю, зачем ты здесь... Ладно-ладно, я не лезу в твои дела! Просто имей в виду, если тебе поручено прикончить Николса, то я с удовольствием тебе помогу.

— Понял. Буду иметь в виду.

Арес опустил голову, пряча улыбку. «Вот глупая! Тебе самой не мешает помощь, когда Николс перестанет закрывать глаза, когда ты мельтешишь поблизости. Что-то мне подсказывает, что не так уж он сохнет по тебе, как изображает».

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Да ничего, просто болтаюсь по миру, — ответила Ким. — К тому же здесь Мари, и мне интересно нет ли у неё побочных эффектов после временной петли.

«Лжёт», — не поверил ей Арес; слишком уж у юной богини был неприкаянный вид.

— Хочешь прокатиться со мной? — предложил он, когда она смела всё с тарелок, включая мясное ассорти, которое он заказал для себя.

Раздумывая, Ким подняла на него глаза.

— А давай! — согласилась она и, взяв его кружку с пивом, напоследок осушила её до дна. — Ну, чего расселся? Я готова.

Арес поднялся из-за стола.

— Сначала нужно сходить в туалет. На дорожку. Не хочешь составить мне компанию? — предложил он и усмехнулся, видя, как алая краска смущения заливает прекрасное личико его сотрапезницы. — Не переживай, у них здесь отдельные заведения. Но будь там настороже, здесь такие дамы водятся, что могут запросто изнасиловать. Если что, кричи. Я буду по соседству.

Ким фыркнула, но последовала его совету.

Войдя в туалет, она ужаснулась. Свет был тусклым, стены покрывали неприличные надписи и рисунки, двери кабинок не закрывались, унитазы были грязней грязного. Ко всему прочему вонь стояла такая, что у неё перехватило дыхание.

«Скоты!» — с отвращением подумала Ким и, выбрав дальнюю кабинку, зашла внутрь и та на мгновение осветилась ярким светом.

Предупреждение бога-убийцы оказалось не лишним. Не успела она присесть на унитаз, блистающий невиданной прежде чистотой, как её уединение было грубо нарушено. Восстановленная задвижка вылетела от удара ноги и к ней заглянул бритоголовый плотный мужчина, весь в чёрной коже и цепях.

— Эй, цыпа, ты чем здесь занимаешься? — спросил он грубым голосом и расплылся в щербатой улыбке. — Гляди, какая красотка, да ещё кабинка чистая. Супер, — он принялся и на его мордастой физиономии появилось озадаченное выражение. — У меня глюки или здесь действительно пахнет цветами?

Его взгляд переместился на Ким, которая спешно пыталась застегнуть молнию джинсов, и в блекло-голубых глазах загорелся похотливый огонёк.

— Не торопись, куколка, давай поиграем в Белоснежку и семь гномов, — он шагнул к ней и рванул кофточку на её груди. — Ух ты, какая красота!..

— Пошла вон!

Схватив за ворот куртки, Арес с такой силой швырнул «кубышку», что она, звеня цепями, врезалась в стену и, потеряв сознание, безвольно сползла на пол.

— Я же сказал, зови, если будут приставать.

— Так это женщина? — удивлённая Ким посмотрела на распростёртое квадратное тело, бугрящееся рельефными мускулами.

— Пауэрлифтинг, спортсменка-штангистка. Из-за неумеренного потребления тестостерона утратила свой изначальный пол и теперь бросается на женщин, хотя по психотипу гетеросексуальна и раньше предпочитала мужчин, — сообщил Арес и прикрыл дверь кабинки. — Делай свои дела, я покараую.

— Что-то мне расхотелось...

— Пиво и много. Описаться по дороге, пеняй на себя.

Смертный организм требовал своего и Ким решила.

— Хорошо, я быстро.

Женский смех и голоса всё нарастали и она, выйдя из кабинки, обнаружила, что бог-убийца окружён женщинами, которые, веселясь, делали ему всё более смелые предложения, а он отвечал им шутками и грубоватыми комплиментами.

Когда красивая русоволосая девушка всем телом прижалась к нему, а затем приподнялась на цыпочки и поцеловала в губы, Ким ввинтилась в толпу и, схватив его за руку, потащила за собой. «Эй ты, ревнивая сучка! А харя не треснет? Этот самец наше всеобщее достояние, а ты хочешь зацапать его себе одной!» — выкрикнула ей вслед разочарованная девушка. И тут, в довершение туалетной эпопеи, очнувшийся андрогин, под одобрительный женский ропот, подпрыгнул как лягушка и попытался схватить Ким за ногу. Когда его толстые короткие пальцы скользнули по её коже, она взвизгнула от омерзения и Арес подхватил её на руки. Видя, что андрогин не унимается, он наступил ему на запястье и тот тонко, чисто по-женски завизжал. При выходе из женского туалета их встретила толпа хмурых молчаливых мужчин. «Парни, вы меня знаете. Если что, пощады не ждите», — предупредил Арес собравшихся, и они неохотно расступились.

На улице, пока спутница усаживалась на заднее сиденье его мотоцикла, он обернулся к ней и поинтересовался, мол, неужели она действительно его приревновала. «Держи карман шире! — фыркнула Ким. — Просто я испугалась, что если ещё немного задержимся, то нас обоих изнасилуют, причём в извращённой форме. Такому толстокожему болвану, как ты, любые сексуальные контакты только в радость, даже с этими грязными смертными самками, а я тонко чувствующая натура, для меня насилие — это психологический шок», — самодовольно заявила она. «Ну, конечно! Нет, ты не ревнуешь, особенно после того, как предстала передо мной практически голой», — рассердился было Арес, но тут красавица богиня, обняв, прижалась к его спине, и обида бесследно испарилась.

— Всё, больше не могу! — простонала Ким, когда они после сумасшедшей езды по просёлочным дорогам вернулись в Париж и остановились на набережной Сены. Она сползла с мотоцикла и повалилась на газон. — Домой хочу!.. Где мы сейчас? — спросила она, лежа в позе морской звезды.

— Набережная Орсе. Пятьдесят пять.

— Слава Создателю! Отсюда мне недалеко.

«Слабачка!» — презрительно подумал Арес, но усталое лицо Ким и слой пыли на её одежде и волосах смягчили его.

— Не так уж близко, — он подошёл к ней. — Вставай! Я отвезу тебя.

— Нафиг! Сама дойду. По твоей милости я себе весь зад отбила, — отозвалась она, не открывая глаз.

— Ну, как знаешь. Вообще-то, я могу соорудить для тебя воздушную подушку...

— Так какого чёрта ты раньше этого не сделал? — накинулась на него Ким и встревоженный Арес запечатал ей рот ладонью.

— С ума сошла? Зачем ты упоминаешь того, кого упоминать нельзя?

Ким затрясла головой, а затем как следует цапнула его мгновенно выросшими острыми зубами.

— Пусти, болван! Плевать мне на лорда Ваатора, он мне не указ.

«Ах ты, нахальная девчонка! Это ты зря. Я в друзьях-то не подарок, а уж во врагах и вовсе редко кто осмеливается меня держать, — повелитель Адской Бездны внимательно пригляделся к юной богине. — Даже если ты имеешь к ней отношение, это сходство тебя не спасёт, скорей, вызовет ещё больший гнев лорда Хаоса». Тем не менее он не открыл своё присутствие молодым богам и отправился восвояси.

— Ты чего? — спросил Арес, заметив, что Ким заметно скисла и вроде как ей не по себе.

— Ничего, — буркнула она и похромала к мотоциклу. — Ну, чего встал? Поехали. Кстати, ты знаешь, где я живу?

— Естественно. Интересно, а Мари с Ником знают, что ты обретаешься в их доме?

— Это ещё зачем? У меня там пространственно-временной карман, который им абсолютно не мешает, поскольку мы никак не пересекаемся.

— Если не считать того, что ты обкрадываешь их по части еды и одежды, пользуешься их ванной и средствами личной гигиены.

— Ерунда! — отмахнулась Ким. — Мари, если замечает убыль, всё равно не скажет Нику, а тому сейчас не до всяких мелочей.

[1] Урыть — жаргонизм, пришедший из уголовной среды, где данное слово

используется в качестве угрозы избиения или убийства. Синонимы: зарыть, закопать.))

ГЛАВА 33. Вояж в город Любви, где попутно выясняется есть ли Бог. Встреча предтеч

Разгоняя утренний туман, в открытое окно заглянули первые лучи солнца, и вслед за ними в комнату влетела любопытная синица. Пометавшись под потолком, она опустилась на резную завитушку спинки кровати и звонко пиликнула над ухом Мари.

Выдрессированная побудками Ника, девушка резко села в постели. «Чтоб тебя, крылатый звонок!» — пробормотала она и, потянувшись, открыла глаза.

В комнате было душно, и она скользнула к окну. Свежий утренний ветерок после нескольких дней изматывающей жары воспринимался как подарок Небес и она, жмурясь как довольная кошка, свесилась через подоконник. С улицы пахло свежей выпечкой и близкой водой. «Совсем как раньше... — подумала Мари с подступающей ностальгией. — Интересно, где *tata* заказывала *rara* его любимые круассаны? Может, Ник их тоже любит».

— Люблю, — сказал незаметно подошедший Ник и она, обернувшись, вдруг поняла, что соскучилась по нему.

Случись такое раньше она с радостным визгом повисла бы у него на шее, но сейчас слишком многое пролегло между ними, да и момент был уже упущен.

Как предписано ритеном, Мари поклонилась и, подняв голову, сдержанно улыбнулась.

— Приветствую вас, мой райделин. Надеюсь, ваша поездка была удачной.

Огорчённый формальным приёмом Ник постарался скрыть досаду; он видел, что девушка рада ему и ожидал более тёплой встречи.

— Купил в ближайшей булочной, — он протянул ей пакет с круассанами. — Если верить её хозяину, твои родители заказывали выпечку именно у него.

— Хорошо, сейчас я сварю кофе, — Мари забрала у него круассаны и направилась было в кухню, но затем развернулась и без раздумий бросилась к нему.

Чувствуя, как радостно забилося сердце, Ник привлёк девушку к себе и замер, боясь спугнуть птицу счастья, что озарила своим светом всё вокруг. Цитрусовый аромат её волос, горьковатый и возбуждающий, пробудил в нём желание и вместе с тем вернул на землю. «Неужели она пользуется феромонами? — мелькнула у него мысль. — Нет, не может быть! Мари чужды такие уловки», — запротестовал он. Но было уже поздно и ему оставалось лишь сожалеть, что птица счастья столь капризна и не терпит ни малейшего подозрения в свой адрес.

— Что делала без меня? — спросил Ник, пристально глядя в глаза девушки.

— Гуляла, — ответила Мари и улыбнулась: — Ну? И что ты там ищешь?

«Своё счастье», — сказала его сердце, но, как всегда, промолчало.

— Я думал, что у тебя чёрные глаза, в смысле, тёмно-карие, а оказалось, что они насыщенного фиолетового цвета.

— Вот зараза! Ты только сейчас это заметил? — досадуя, девушка стукнула его свободной рукой. — Пусти, знать тебя не хочу!

— Сама виновата, ты редко смотришь на меня, — попробовал оправдаться Ник, но не тут-то было. Мари обвиняющим жестом ткнула в него пальцем.

— Тем не менее я знаю, что у тебя тёмно-зелёные глаза с золотыми вкраплениями и даже могу сказать сколько их всего.

— Твоя взяла, — сдался он и с нежностью её поцеловал. — Не сердись, я люблю тебя.

— Что ты сказал? — Мари с недоумением захлопала глазами.

— Что твоя взяла. Алин, круассаны стынут, ты обещала кофе, — напомнил Ник.

— Уже иду... — не спуская с него испытующего взгляда, девушка попятилась прочь. — Я скоро! — пообещала она и исчезла за дверью.

«Трусиха! — мысленно укорил её Ник, но затем призвал себя к терпению. — Не удивительно, что Мари осторожничает. Я слишком давил на неё и теперь она боится, что моё признание всего лишь очередная уловка. А может, в ней говорит обида».

Тем не менее его мажорный настрой основательно потускнел. Он хотел, чтобы девушка любила его несмотря ни на что — любила беззаветно, всей душой; как она любила его соперника Тьена Моррисона. «Уж на него она не стала бы дуться и делать вид, что не расслышала его признания», — сердито подумал он и направился в столовую. Мари там не было, как и кофе с круассанами — одна лишь нетронутая сервировка на столе.

— Алин, ты там уснула? — выкрикнул он, подойдя к дверям.

— Беспочвенные обвинения, — отозвалась Мари, и она вошла в столовую, неся поднос, где помимо блюда с круассанами и кофейника стояла сковорода с фырчащей маслом яичницей и тарелка с чёрным чесночным хлебом.

— Я так понимаю, ты ещё не ел, и по-быстрому приготовила завтрак. Так что строго не суди, пианист играет как умеет.

«В конце концов любовь можно выразить по-разному, не обязательно словами», — подумал довольный Ник.

— Садись, сегодня я поуаживаю за тобой, — он забрал у Мари поднос и отодвинул для неё стул. — Что тебе налить, сок или воду?

Кофе и круассаны были на высоте, а вот яичница оказалась основательно пережарена, но Ник сказал, что всё замечательно и он давно так вкусно не ел. Мари просияла и пообещала готовить каждый день, на что он поспешно заявил, что они приехали сюда отдыхать и он ради своих прихотей не собирается превращать её в кухарку. Догадавшись в чём дело, Мари хихикнула и он, посмотрев на неё, улыбнулся.

Несмотря на усталость и бессонную ночь, Ник отказался отдыхать, и они пошли на прогулку. Взявшись за руки, они вышли к набережной Орсе — как раз там, где останавливалась Арес и Ким, а затем пошли в направлении Эйфелевой башни. Большую часть дороги они молчали: Ник по привычке, Мари по необходимости. Эйфелева башня была закрыта для посещения, но их пропустили — к возмущению тех туристов, что это видели. По лестнице они поднялись на обзорную площадку и Мари пожалела, что сейчас утро; она любила бывать здесь ночью, когда город представал в виде громадной световой игрушки.

Помня сказанные им слова, она посмотрела на Ника. Облокотившись на перила, он смотрел перед собой, но у неё было ощущение, что мыслями он не здесь.

— О чём думаешь? — спросила она, первой нарушив молчание, для чего ей пришлось преодолеть внутреннее сопротивление, ритен постепенно входил в её плоть и кровь.

— Да так... обо всём сразу, например, о нас с тобой, — он повернул к ней голову. — Думаю, почему ты не ответила на моё признание в любви. Либо я поспешил, либо ты не любишь меня, но боишься в этом признаться из-за того, что я тебя накажу.

— Я же говорила...

— Вот только не надо про сексуальное притяжение, — поморщился Ник, — к любви это не имеет прямого отношения.

— Тогда не знаю, что тебе ответить, — ответила Мари и её губ коснулась вежливая извиняющаяся улыбка. — Похоже, в любви тоже есть область, где действует принцип неопределённости.

«Странно, — подумал Ник, — ведь в легенде говорится, что мы оба должны полюбить друг друга. Тогда почему и я, и она колеблемся, и наши чувства отнюдь не костёр великой любви? Может, нас свело не Пророчество Лоти, а всего лишь моя прихоть?» Он потребовал, чтобы девушка его поцеловала, и прислушался к её и своим ощущениям. Обоим поцелуй был приятен, но не более того. «Крейд, да что же это творится? — и он, не смея поверить вспыхнувшей надежде, покачал головой. — Нет, пророчество никогда не давало осечки, видимо, просто ещё не пришло время».

— Хочешь шампанского? — спросил Ник, чтобы отвлечься от назойливых мыслей.

— Хочу, — кивнула Мари.

— Тогда иди за мной. Будем подниматься по лифтовой шахте.

— Может, зайдём в бар на этом уровне? — жалобно спросила девушка, не испытывающая особого желания лезть по железным фермам, но Ник был категоричен.

— Нет! Лучшее шампанское наверху, — заявил он и взял её за руку. — Алин, не вредничай! Неужели ты не хочешь выпить в компании месье Эйфеля и мистера Эдисона?

«Ну конечно, всю жизнь мечтала сделать это в компании двух восковых истуканов», — вздохнула Мари, но вслух ничего не сказала и подоткнула подол платья.

— Я первая или ты? — спросила она.

— Иди ты первой, — ответил Ник, решив, что с её боязнью высоты не мешает её подстраховать.

К его удовольствию, Мари преодолела подъём со скоростью бывалых спецназовцев. Правда, когда он её похвалил, она снова ответила ему фразой, выуженной из арсенала эрейских леди, что несколько огорчило его. Судя по эмоциональному фону, благодарностью там и не пахло.

«Вот и смысл было сюда лезть», — раздражённо подумала девушка, когда выяснилось, что наверху нет шампанского.

Ник глянул на неё и, ничего не сказав, отправился в обратный путь. Вскоре он вернулся, держа бутылку, которая своим появлением на свет была обязана императору Александру Второму — это было лучшее из того, что он нашёл на нижних уровнях башни. Мари ждала его, сидя за столиком, расположенным под окнами квартиры Эйфеля.

— Внутрь не пойдём? — спросил Ник.

— Нет, — последовал категоричный ответ.

— А как же месье Эйфель и мистер Эдисон?

— Пусть смотрят через окно и завидуют.

— Ладно, — Ник разлил шампанское по бокалам и один из них протянул девушке. — За что выпьем?

Она пожала плечами.

— Какая разница? Просто выпьем вот и всё.

— Ладно, — снова согласился Ник, хотя его уже злило её явное равнодушие к его попыткам наладить их взаимоотношения.

«Как смеет она игнорировать моё признание в любви?» — раздражённо подумал он, но

постарался подавить накативший приступ гнева.

— Куда бы ты хотела пойти? — спросил он.

Мари подумала и поняла, что как-то так вышло, что, живя в Париже, она ни разу не побывала ни в одном из мест, которые так любят посещать туристы. У Рени и Палевского были свои предпочтения для прогулок по городу, у неё и её друзей — свои, но все они, за исключением Эйфелевой башни[1], не имели отношения к общепризнанным достопримечательностям. Вдобавок выяснилось, что Ник в последний раз бывал на улицах Парижа во времена средневековья, поэтому она решила, что не мешает всё же пройтись по туристическим тропам и для начала посетить Лувр.

Ник не стал возражать и они, спустившись с Эйфелевой башни, направились к знаменитому музею, хранящему память веков в виде картин, скульптур и костей с черепками, извлечённых из руин, могил и помоек.

Свидетельства прошлого быстро наскучили Мари, ведь по-настоящему они интересны только тем, кто увлекается историей или искусством. Латинский квартал и Монмартр тоже не произвели на неё особого впечатления. «Не понимаю, что здесь особенного, — фыркнула она, — к тому же я здесь уже бывала, просто не знала, что это они и есть». Ник усмехнулся, но не стал спрашивать, почему таблички с названиями улиц прошли мимо её внимания. Для него самого места, связанные со старым Парижем, были полны воспоминаний, но он понимал, что если ими поделится, то Мари всё равно их не оценит, для неё они будут скучны и она выслушает его только из вежливости. «Если не хуже», — подумал он и с беспокойством посмотрел на девушку, но увиденное его успокоило. На его взгляд она не выглядела забитой, и он решил, что немного сдержанности ей не помешает.

Триумфальная арка со своими похоронными табличками и толпой туристов на обзорной площадке оказалась той последней каплей, что окончательно прибила познавательный пыл Мари. «К чёрту достопримечательности!» — заявила она, и поскольку было обеденное время, они направились в ресторан, который, судя по аппетиту, пришёлся ей куда больше по вкусу, чем духовные ценности.

В качестве послеобеденного моциона они погуляли по площади Согласия. Затем Мари купила булку и пока она, присев на бордюр фонтана, скармливала её вездесущим голубям, Ник бродил вокруг, ломая голову над организацией приборной связи между звездолётами. Проблема заключалась в защитном поле корпусов, которое, как и положено, отражало все известные ему виды излучений. Наметив пути решения задачи, он глянул на Мари и его мысли свернули к Пророчеству Лоти; его не покидало чувство, что оно идёт не так, как должно. «Может, повлияло то, сейчас господствует другая культура и, как следствие, иные верования?»

— Куда мы теперь? Домой или ещё погуляем? — перебила Мари его размышления.

— Как хочешь, — сказал Ник, и девушка выбрала загородную прогулку.

Вместе с остальными пассажирами они взошли на борт кораблика, курсирующего по Сене и, когда тот достиг предместий Парижа, они вышли.

Охваченная печалью и в то же время умиротворением Мари брела по утоптаным тропинкам, ведущим мимо ухоженных полей и виноградников, — терпкий запах созревающего винограда навевал ей воспоминания о Рени и их совместных вылазках на «ПЛЕНЭР». Когда тоска по матери стала совсем уж нетерпимой, она всхлипнула и уткнулась Нику в грудь. «Не плачь! Если рай существует, уверен, она там», — сказал он ей в утешение, и она заплакала уже навзрыд.

Ник гладил девушку по волосам и вздрагивающим плечам и в душе плакал вместе с ней. «Не мудрено, что я так цепляюсь за Мари, ведь она то единственное, что осталось мне от Ареи и родного дома. По сути, мы с ней двое детей, потерявшихся во тьме веков и оказавшихся в страшном новом мире», — грустно подумал он и отстранил девушку от себя.

— Хватит, золотце, ты уже насквозь промочила меня слезами, — сказал он и, протянув ей носовой платок, предупредил: — Только давай без соплей, терпеть не могу, когда их размазывают по моим вещам.

— Подумаешь! Сама измажу, сама постираю, — прорыдала Мари.

Зная по опыту, что у неё нескончаемый поток слёз, Ник понял, что пора принимать меры.

— Ну ты и чучело, глаза опухли, нос покраснел. Если дальше так пойдёт, я с тобой разведусь, — сказал он, дразня девушку.

Слёзы Мари сразу же иссякли, и она подняла на него глаза.

— Обманщик, — вздохнула она. — Вот врёшь и не краснеешь. Кстати, ты так и не ответил, принимаешь ты моё вынужденное извинение за разрыв помолвки или нет.

— А ты хочешь, чтобы я его принял? Только честно, — потребовал Ник.

— Честно? — девушка смерила его негодующим взглядом. — Нафиг! Что бы я ни сказала, ты всё равно повернёшь дело так, как надо тебе, а не мне.

И в знак протеста она демонстративно высморкалась в его платок.

— Какой кошмар! — брезгливо сморщился Ник. — Можешь оставить его себе, мне он не нужен.

— Ну нет, мне он тоже ни к чему! — воскликнула Мари и попыталась всучить ему использованный носовой платок.

Ник пустился в бега и она, издав победный клич, бросилась следом за ним. Игра в догонялки заставила их забыть обо всём, и они со смехом носились друг за другом. В поле с сурепкой Мари наконец удалось догнать неуловимого Джо, и парочка под недовольное жужжание многочисленных пчёл упала в солнечную душистую траву. Беззаботные и счастливые они лежали рядом и смотрели в небо. Когда Ник взял её за руку, Мари подумала, что впервые за последнее время не ощущает в его присутствии ничего, кроме радости. Чтобы видеть его лицо, она повернулась на бок. «Настоящий принц, — с восхищением подумала она и вздохнула. — Жаль, что редкий засранец».

— Люблю тебя, — сказала она, но Ник даже бровью не повёл в ответ на её признание.

Мари склонилась и поцеловала его.

— Знаю, ты злишься, что я промолчала в ответ на твоё признание. Прости. Мне не хотелось лгать. Я действительно не знала, что к тебе испытываю. Думаю, это жажда свободы. Я так рвалась на волю, что видела в тебе лишь тюремщика. Да и унижения не слишком располагают к нежным чувствам.

Ник сел и Мари, прищурившись, посмотрела на него.

— Что, заинтересовался? Думаешь, я тебя разыгрываю? Нет, с любовью я не шучу, — она коснулась его щеки. — Мистер Совершенство... такой красивый, что даже не верится, что ты человек, — ласково сказала она. — И всё же, не принимай моё признание за чистую монету. О нет, даже не думай! Я тебя не обманываю! Сейчас я люблю тебя так, что больно сердцу, но не могу обещать, что ничего не изменится, когда ты вернёшься к прежним замашкам. А ты вернёшься, я же тебя знаю, ведь ты упёртый как баран. Ник, но почему с тобой всё так сложно и трудно? Не потому ли, что ты боишься потерять себя, если отринешь

то, что вложено в тебя родителями и воспитателями?

Девушка глянула на молчащего Ника.

— Прости, из меня неважный психоаналитик, — сказала она с сожалением, и он привлёк её к себе.

— Не стоит загадывать наперёд. Просто люби меня и у нас всё сложится.

«Хотя кто знает. Вот и Лоти молчит, а по легенде должна была подать нам знак», — поднявшись, Ник отряхнул одежду и протянул девушке руку.

— Вставай. Я проголодался. Неподалёку есть городок, давай зайдём туда и поищем, где там можно поесть.

— Давай, — согласилась Мари, начавшая уже опасаться, что он вновь замкнулся в себе.

К её радости, Ник по-прежнему был в хорошем настроении и даже рассказал ей о своём вояже в Латинский квартал, который закончился грандиозной потасовкой. «Представляешь, один здоровенный виллан даже умудрился заехать мне кулаком по физиономии. У ментальника была просто нереальная реакция, я даже пожалел, что пришлось его убить».

Старинный городок встретил их тишиной и безлюдьем, вызванным послеобеденным зноем. Это была та самая Франция, в которой легко представить себе, что где-то здесь до сих пор живут герои господина Дюма или потомки его знаменитых мушкетёров.

Очарованные красивой усадьбой, они остановились у открытых ворот и хозяева, вопреки распространённому мнению о высокомерии французов, не только радушно встретили незваных гостей, но и пригласили их за стол. Вскоре Ник и Мари сидели в тени навеса, увитого виноградом, и наслаждались истинно французскими блюдами, запивая их чудесным молодым вином.

[1] Молодые вампиры использовали её для тренировок в вингсьют-акробатике.

Дня через три, за обедом, Мари рискнула спросить о Киме — она хотела знать, можно ли его восстановить. Ответом ей послужил сердитый взгляд и приказ встать на колени. Когда она выполнила требуемое и смиренно попросила прощения, Ник бросил столовые приборы и вышел из столовой. «Хорошо хоть не вытянул критой, уже прогресс, — вздохнула девушка и покачала головой. — Видимо, он уже жалеет, что уничтожил Кима, а злится на меня».

Несмотря на обиду, аппетит у неё не пропал и, оставшись одна, она с удовольствием поела, а затем спросила тиаран, чем занимается его хозяин. Оказалось, что Ник арендовал аэроплан и теперь летает на нём. «Ну и слава богу!» — обрадовалась Мари и в свою очередь не преминула сбежать из дома.

На улице тарахтящий звук мотора заставил её поднять голову. Кто лётчик, было не разглядеть, но она не сомневалась, что за рулём древнего аэроплана находится Ник. При виде рискованных фигур высшего пилотажа, которые он исполнял, у неё ёкнуло сердце. «Вот дурак! Нашёл на чём летать. Да на этой рухляди убится как нечего делать».

— Тиаран! — позвала она. — Что райделин взял с собой на случай аварии?

— Парашют модели Котельникова РК — 1.

— Что?! — воскликнула Мари и стиснула зубы: «Пусть только приземлится, убью гада!»

— Тиаран, держи наготове спасательную платформу, — приказала она.

— Слушаюсь и повинуюсь, райдиэль, — отозвалась умная машина.

При виде сверкнувшей в воздухе спасательной платформы, снизу совершенно невидимой, а сверху похожей на гигантский мыльный пузырь в форме матраса, губы Ника тронула улыбка. «Во всяком случае, она не мечтает о моей смерти», — удовлетворённо подумал он и, крутанув бочку, направился к аэродрому.

Судя по звуку, фанерный раритет благополучно приземлился и Мари облегчённо выдохнула. «Ну, погоди у меня! Вернусь домой, я тебе покажу, как устраивать мне проверку!» — с негодованием подумала она и направилась к Сене.

Блуждая в центре Парижа, она не стремилась сюда, но ноги сами привели её в православный собор, в который набожная мать Ладожского неоднократно её водила — в надежде, что будущая невестка приобщится к христианским ценностям. Мари посмотрела на изображение Александра Невского и перекрестилась. Зайдя внутрь церкви, она снова перекрестилась и прочитала молитву, как учила Вера Дмитриевна, а затем поставила свечку за здравие раба божьего Никотана и заказала поминальную службу за упокой души раба божьего Кима.

Выйдя из храма, она стянула с головы косынку и озабоченно подумала, не является ли последнее святотатством по отношению к православной церкви, но потом решила, что Бог один для всех, в том числе для искусственного интеллекта, и что приносить людям утешение — это основная обязанность любой религии.

«Интересно Бог действительно существует или это всего лишь выдумка? Эйнштейн вот верил, а я? — подумала она, чувствуя нарастающее смятение. — Даже не знаю. Церковники рисуют его в образе добренького старца с нимбом и белой кудрявой бородой как у Санта

Клауса, и что он безмятежно восседает на пышных облаках... Ха! Как бы не так! Бог чёрен как Сатана и у этого синеглазого стервозы весёлый характер. А ещё он умеет превращаться в дракона. Эдакое ужасно-прекрасное чудовище, восседающее на звёздном троне Вселенной, — губы девушки тронула слабая улыбка. — Боже, какая чепуха! И всё же, вдруг права я, а не церковники? Вот бы получить какой-нибудь божественный знак...»

И тут провозвестником чуда в ясном небе вспыхнула ярчайшая тройная радуга, а затем хлынул тёплый «грибной» дождь и под его струями по лужам заплясали огромные пузыри. «Ура! Он существует! Я это знала! Приветствую вас, ваша божественность!» — радостно завопила Мари под изумлёнными взглядами прохожих. Подставив лицо дождю, она прыгала по лужам, размахивая над головой зажатой в руке косынкой, и, вторя её воплям, с небес гремели весёлые раскаты грома, подозрительно похожие на смех. Потом кто-то включил музыку и вскоре вокруг девушки, радостно хохоча, танцевала уже целая толпа промокшей до нитки молодёжи, выкрикивая вслед за ней: «Аллилуйя! Бог есть! Возрадуйся ваша божественность! Я люблю тебя!»

«Мари! Я тебя жду», — позвал её телепатический голос Ника и она, вывернувшись из объятий кудрявого парнишки лет четырнадцати, сокрушённо развела руками, — мол, извини, но мне пора. После чего она скинула размокшие туфли и, сверкнув напоследок улыбкой, исчезла так быстро, что он даже не понял, в каком именно направлении она ушла. «Чёртовы Золушки! — вздохнул мальчишка. — Вечно они сматываются, не оставив номера своего мобильного». Поколебавшись, он поднял туфли Мари. «Гляди-ка, а они дорогие. Значит, она уже не служанка, а принцесса. Отнесу сестре, вдруг они ей подойдут».

Мальчик так и не отдал туфли сестре, спрятал в своём шкафу — сам не зная зачем. Вечером, стоило ему закрыть глаза и перед его глазами возникла прекрасная девушка, танцующая под дождём. «Чёрт!» — он со стоном сполз с кровати и направился в ванную. Вернувшись, он вытащил давно заброшенный мольберт и натянул новый холст; краски и кисти засохли и ему пришлось их позаимствовать у отца. Утром он глянул на свою работу и у него перехватило дыхание. Это была она — девушка, танцующая под дождём.

— Картина великолепна, — сказал отец, стоящий за его спиной. — Само олицетворение Жизни и Любви, причём с большой буквы. Как жаль, что это всего лишь твоя фантазия, — добавил он, с тоской взирая на прекрасную танцовщицу.

— Папа, я её видел, она настоящая! — воскликнул мальчик.

— Извини, сын, но ты выдумываешь. Такие, как она, живут лишь в наших мечтах, — художник потрепал сына по голове. — Не огорчайся! В твоём возрасте простительно путать сон и явь. Даниэль, я же говорил, что у тебя талант. Великий талант. У тебя утончённость и эмоциональность Рафаэля, но я уверен, что ты его превзойдёшь.

ГЛАВА 34. Встреча с прошлым

По дороге домой Мари пришло сообщение, что Ник её не дождался и улетел в Санкт-Петербург, и она вся промокшая, но совершенно счастливая, не раздеваясь, бросилась в кровать. Как только её голова коснулась подушки, она сразу же провалилась в яркое сновидение.

С ощущением, что мир чудесен, Мари стояла на голом скалистом плато. Свежий горный ветер теребил подол её платья и она, придерживая длинные пряди волос, смотрела и никак не могла насмотреться на деревеньки и аккуратные квадраты полей, расположенные на горных склонах. Переполненная радостью она жадно ловила запахи и звуки родной земли, истомлённой летним зноем. Это была Арея — её невообразимо далёкая родина, которую она никогда не видела, и тем не менее любила всей душой.

А ещё Мари не подало ощущение дежавю, но не успела она задуматься, откуда оно взялось, как картина мира внезапно изменилась.

На смену суровому горному пейзажу с идиллической сельской Аркадией пришла равнина, которая горбилась длинными зелёными холмами, похожими на сборище гигантских динозавров. Она стояла как раз на «голове» одного из таких зелёных чудовищ, а невидимый, но близкий океан давал о себе знать равномерным шумом прибоя и более чем свежим ветром, спасающим от изнурительной полуденной жары.

«Похоже, здесь самый разгар весны», — с нарастающим волнением подумала девушка и огляделась по сторонам. И в самом деле чистая зелень трав, вырвавшихся из снежного плена, перемежалась яркими пятнами полевых цветов и лишь редкие деревья нарушали их ковровое однообразие. В основном это были сосны, чьи плоские кроны и искривленные стволы говорили о том, что борьба за выживание даётся им нелегко. Охваченная странным чувством узнавания, хотя могла поклясться, что никогда здесь не бывала, девушка прикоснулась к тёплому чешуйчатому стволу ближайшего дерева. «Бедолаги! Кажется, это северная оконечность Пангеи, где климат более чем суров. Насколько я помню из уроков тиарана, здесь были лютые зимы и не менее лютые лето».

Мари подошла к пологому обрыву и восторженно вскрикнула. Она не ошиблась, это действительно была северная оконечность Пангеи, а прекрасный белый город, что предстал её глазам, был знаменитый Зеймо — столица Священного королевства Зимы, и его слава была вполне заслужена. Городские строения казались настолько легкими и воздушными, что одним своим существованием они превращали этот суровый мир в волшебную сказку.

«И что удивительно, своим появлением на свет это чудо архитектурного творения обязано раю Реотану», — перед внутренним взором Мари промелькнул образ знаменитого эрейского короля, и она улыбнулась, припомнив их единственную встречу наяву. Конечно, это был не совсем он, а рулат Штейна, и всё же он очень походил на того, кто пригрезился ей в видении, и, что примечательно, после погружения в эрейскую культуру его поведение уже не вызывало у неё такого отторжения, как это было вначале.

— Э-э-эй! Сонами-сонам ае рай-ин-рай Реотан! — выкрикнула девушка и, будто

приветствуя её, налетел порыв тёплого хмельного ветра с долины. Она засмеялась и, отбросив лезущие в глаза пряди волос, вдохнула пьянящий аромат разогретой под солнцем земли. «Господи, как же хорошо! Будь моя воля, я бы осталась здесь навсегда...»

— Сонами-сонам ае Мариэль! Вижу, тебе пришёлся по душе мой мир. Я рада.

Мари живо обернулась.

— Сонами-сонам ае Руана! — поприветствовала она ту, что пришла ей на помощь в самый ответственный момент её жизни.

«Боже, такая красивая, что даже у меня захватывает дух. Нет, мне до неё далеко», — подумала она, любуясь изящной темноволосой девушкой, облачённой в богатый наряд, и на лице эрейки появилось укоризненное выражение.

— Откуда такая неуверенность в себе? Мы с тобой не просто похожи, мы с тобой ближе, чем сёстры-близнецы. Я это ты, а ты это я.

— Да ладно тебе! уж позавидовать нельзя, — улыбнулась Мари. — В отличие от меня, ты собранная и целеустремлённая, поэтому мне действительно далеко до тебя.

— Конечно, в чём-то мы разные, ведь жизнь так или иначе накладывает свой отпечаток, — дипломатично заметила Руана. — К тому же в профессии судьи-поединщика без собранности и целеустремлённости долго не протянешь, — добавила она.

Мари вздохнула.

— Что ж, хочу я того или нет, но теперь мне придётся стать такой, как ты. Иначе Ник съест меня вместе с потрохами. Вот только не знаю, получится ли.

— Получится, я в тебя верю. Прими себя такой, какая ты есть. Пока ты мечешься, ты сама себе создаёшь трудности, — Руана подвела её к самому краю обрыва. — Ну как тебе наш Зеймо? Правда, красивый город?

— Он бесподобен! — воскликнула Мари, и она польщённо улыбнулась.

— Ещё бы! Ведь его построил мой король, а он великолепен во всём, за что бы ни взялся, — Руана вытянула руку в направлении города. — Видишь беседку и рядом скульптуру крылатой богини Весны? Мы там часто бываем, это наше любимое место.

Она покосилась на гостью и презрительно фыркнула.

— Слепуша!

— Неправда! У меня отличное зрение! — запротестовала Мари, но как ни напрягала глаза, вместо беседки и скульптуры она видела лишь размытые белые пятна. Наконец, она сдалась. — Нет, не вижу, хотя у меня единица. Во всяком случае, так говорят врачи.

— Ладно, не трудись! И так ясно, что у тебя нет нужной остроты зрения, что неудивительно. Я так полагаю, что у вас повсюду отвратительно загаженный воздух вашими вонючими повозками и жутким количеством дыма, идущего из огромных труб. Какого крейда вы там столько сжигаете, хотелось бы мне знать.

— Так ты тоже видела меня? — воскликнула удивлённая Мари.

— Ну да, ты была с райделином Никотаном. Как воплощения Лоти, мы имеем провидческий дар. Разве ты не знала? — осведомилась Руана и покачала головой. — Понятно. Что именно видела ты?

— Как этот гад рай Реотан наворачивал вокруг тебя круги, но, к счастью, его выбор пал на другую. Затем ты дралась с рыжеволосым красавцем, похожим на моего бывшего парня. Ты победила, но рай Реотан не дал тебе свободу. Кстати, ваш бой — это нечто с чем-то. Настоящий мастер-класс!

— Ничего особенного, я обязана уметь драться, — сказала Руана, довольная

похвалой. — Ведь всю сознательную жизнь меня готовили к должности судейского чиновника, а это означает, что я лучше всех должна владеть туалети. Ведь с его помощью мы несём людям правосудие.

Она вопросительно глянула на Мари.

— Твой бывший парень действительно похож на райделина Таритана?

— Не знаю, кто такой райделин Таритан, но твой противник по поединку похож на него как две капли воды.

— Слава богам! Хоть в этот раз ему повезло, — вздохнула Руана. — Пожалуйста, будь снисходительней к райделину Никотану. Постарайся не слишком его не огорчать. Хорошо? Ему и так приходится несладко.

— А что такое? — забеспокоилась Мари.

— Узнаешь в своё время, — Руана озабоченно нахмурилась. — Да, хочу предупредить, будь осторожна с симулятором. Боюсь, что он не совсем то, чем кажется. Если снова появится райдиэль Лотилана, веди себя с ней вежливо и будь предельно осторожна.

— Хорошо, — кивнула Мари. — Мне тоже показалось, что симулятор не в порядке. Всё собираюсь сказать Нику, но как-то недосуг.

— Соберись уже и поговори с райделином Никотаном, пока не поздно. Понимаю, ты злишься, что он хитростью заставил тебя возобновить помолвку, но ведь ты его любишь и, значит, это уже не имеет значения, — сказала Руана. — Или ты злишься на меня, что я не остановила тебя? — добавила она.

— Да, нет. С чего мне злиться? Если бы не ты, то у меня не было бы и этой возможности, — Мари вздохнула. — Ты права, я люблю Ника. Причём так, что готова жизнь за него отдать. Другой вопрос, хочу ли я быть вместе с ним. У нас не очень складываются отношения, слишком велика пропасть между нами и в веках, и в культуре. Иногда я думаю, что нам её не преодолеть, потому лучше расстаться, чем понапрасну трепать друг другу нервы. Только он упёрся и не хочет меня слушать; решил, что достаточно будет перевоспитать меня в соответствии со своими требованиями. Сама представляешь, в каком я восторге от такой перспективы.

— Знаешь, Мари, ты напоминаешь мне одну дурочку из сказки. Помнишь, там девчонке у родника подмигнул паренёк, и она тут же вообразила себе, как они поженятся, и у них появится ребёнок. Затем он подрастёт, и его пошлют за водой. У ключа он поскользнётся на скользких камнях и убьётся насмерть. Так и ты, вместе вы всего ничего, а ты уже вообразила себе кучу грядущих несчастий. Крейд, мне бы твои проблемы! — Руана с досадой стукнула по стволу дерева и громадные чёрные муравьи, ползущие по нему, тут же приняли боевую стойку. — Вот мне действительно пришлось несладко. На первых порах рай Реотан устроил мне такой ад, что просто диво, как я осталась жива, да и потом жизнь с ним была сплошным хождением по лезвию ножа. Да будь мой король таким, как райделин Никотан, я была бы на седьмом небе от счастья.

— Хочешь сказать, что я привереда и сама не знаю, чего хочу? — обиделась Мари.

— Вот именно! — жёстко ответила Руана. — Райделин Никотан очень похож на своего пращура райделина Витатана, а тот был просто замечательный мальчик. Нет, я не утверждаю, что с ним будет легко. Короли — народ капризный. Не важно любят они или нет, но подстраиваться под них приходится нам, женщинам, независимо от того Золушки мы или высокородные принцессы. Скажи, почему ты не хочешь понять человека, которого ты, по твоему утверждению, любишь? Почему ты упорно сопротивляешься его попыткам

привить тебе привычный ему уклад жизни? Да, тебе будет нелегко, но за всё в жизни приходится платить и любовь здесь не исключение.

— Какого чёрта именно я должна ломать себя? Может, это ему тоже стоит немного поднапрячься и понять меня? — возмутилась Мари, хотя в душе уже начала сомневаться в своей правоте.

— Крейд! — Руана возвела очи горе. — Ведь кто-то должен уступать и так уж вышло, что природа отвела эту роль женщине. И не рассказывай мне байки про эмансипацию! Так или иначе, но один из супругов должен оставаться дома и поддерживать огонь в очаге, чтобы другой знал, что его там любят и ждут. Нет, если тебе по нраву истеричные мужчины с пылесосом и поварёшкой в руках, которые постоянно треплются с приятелями, обсуждая новый покрой пиджаков, проблему с потенцией и простату, то кто я такая, чтобы стоять на пути твоего счастья...

— Ужас какой, — пробормотала Мари и затрясла головой, представив себе Ника в коричневом форменном платье горничной, кокетливом передничке и с кружевной наколкой на голове.

— А может, ты хочешь стать одной из тех деловых женщин, что курят как паровозы, обсуждают биржевые сводки и мотаются по всему миру, заключая миллионные сделки? Только учти, со временем они валятся на больничные койки с инфарктом или язвой желудка, а может, и с тем и с другим. Несмотря на богатство, мужчины в их домах не задерживаются, а дети только и ждут, когда они отдадут концы. Ведь бизнес — это не столько работа, сколько образ жизни... Ладно-ладно! Вижу тебе не по нраву нарисованная картина. Так какого крейда тебе надо?

— Merde! Откуда мне знать, чего я хочу? — взорвалась Мари. — Не попробуешь — не узнаешь! А как узнать, если Ник запер меня в четырёх стенах? Так что хватит читать мне нотации! — она с подозрением прищурилась. — Кстати, у меня такое ощущение, что я уже где-то это слышала. Постой, откуда ты знаешь современные термины?

Руана отстранённо улыбнулась.

— Вообще-то, это не столько я, сколько твои собственные мысли. Собственно, я пришла попрощаться с тобой...

— Что? Я же пропаду без твоей помощи! — воскликнула Мари, разом потерявшая весь свой полемический задор.

— Не пропадёшь, — усмехнулась Руана. — В конце концов, твоя судьба в твоих руках. Главное, будь тверда и, не колеблясь, иди к поставленной цели... — она к чему-то прислушалась и её лицо осветилось радостью. — Слышишь? Мой король зовёт меня. Прости, мне пора.

— Нет-нет! Подожди, не уходи, у меня ещё столько вопросов к тебе, — запротестовала Мари, но собеседница, развернувшись, бросилась бежать по едва заметной тропинке, ведущей вниз.

— Не могу! У моего короля такой вспыльчивый нрав, что лучше не заставлять его ждать, а то себе дороже.

— Руана! — Мари бросилась следом за ней. — Всего минутку! Расскажи мне с Пророчестве, и я отстану от тебя!

— Если боги до сих пор не открыли тебе Пророчество, значит, так нужно! — Руана обернулась и помахала ей. — Прощай и будь счастлива! И не бросай занятия с туаши! Основы я тебе дала, остальное изучишь самостоятельно! — выкрикнула она.

Это было последнее, что Мари услышала от своей предтечи.

«Да чтоб тебя! — она села в кровати. — Какой-то заговор! Стоит только завести речь о Пророчестве и народ начинает либо увиливать от разговора, либо удирает во все лопатки». Когда перед ней промелькнул образ обнажённого чернокожего гиганта, взирающего на неё необычайно красивыми синими глазами, она озадаченно потёрла лоб: «Это ещё что такое? Сплю наяву или глюки подъехали?» Подумав, она решила, что это всё же остатки сна и нужно выпить кофе.

Светловолосая девица, хозяйничающая в кухне, не столько её удивила, сколько рассердила.

— Так! — сказала Мари, оперев руки в боки. — И как это понимать?

Ким вздохнула.

— Я думала ты спишь и решила поужинать.

— Давай начнём с предыстории. Кто ты, зачем ты и кто тебя сюда пустил, — потребовала Мари, расположившись за столом.

— Можно я поем? — жалобно сказала Ким, глядя на тарелку с только что приготовленным фруктовым салатом.

— Нельзя! — с неумолимым выражением на лице Мари придвинула тарелку к себе и запустила в неё ложку. — Не хватает лимонного сока, — констатировала она после снятия пробы.

— Садистка! — буркнула богиня и, сев напротив, вызывающе вздёрнула подбородок. — Меня пригласил райделин Никотан... Ой! — вскрикнула она, получив ложкой по лбу.

— Ври да не завирайся, — назидательно проговорила Мари. — Конечно, райделин Никотан тот ещё дурак, но не настолько, чтобы приводить в дом любовницу. К тому же ты уже не первый день пасёшься в наших запасах. Верно? Одного не пойму, как ты пробираешься в наш дом, ведь я уже несколько раз меняла код на замке. Самое странное, что камеры тебя ни разу не засекли. Если ты такой крутой спец, тогда не понимаю, за каким фигом тебе надо заниматься воровством, когда проще устроиться на работу и жить себе припеваючи. Нынче ваша братия, шарящая во всех этих электронных штучках, буквально нарасхват.

— Есть хочу. Можно?

Ким потянулась к тарелке, но Мари всё той же ложкой стукнула её по руке.

— Нет, ну какая наглая девица! Сказано нельзя, значит, нельзя, — она глянула на Ким и подтолкнула к ней тарелку. — Ладно, ешь, а то у тебя такой вид, будто ты вот-вот в обморок грохнешься.

— Спасибо! — обрадовалась богиня. Она в два счёта приговорила салат и состроила умильную мину. — Можно мне кофе?

— С ума сошла? Кофе? На ночь глядя? — возмутилась Мари. — Хорошо, тогда я тоже попью, — сказала она и направилась к кофеварке.

Когда кофе был готов, она повернулась к столу, но в кухне уже никого не было.

«Так и знала, что сбежит», — Мари поднесла к губам раритетную фарфоровую чашечку, изготовленную древними китайцами,[1] и блаженно зажмурилась.

— Мрр! Как вкусно! Просто ни в сказке сказать ни пером описать.

— Я тоже хочу, — заявила Ким, как ни в чём ни бывало восседающая за столом.

— Держи, — Мари поставила перед ней вторую чашку с кофе. — Домовушка, сладкое

любишь? — спросила она с любопытством глядя на странную гостью.

— Люблю, — с готовностью закивала Ким. — Если не жалко, дай мне тех конфет, что в жёлтой коробке.

Мари с негодованием посмотрела на неё.

— Так это ты слопала мои любимые конфеты! Ты хоть знаешь, сколько они стоят? Золото и то дешевле.

— Я их тоже люблю, — опустила глаза Ким. — Извини, я больше не буду.

— Ладно, чего уж там, — свеликодушничала Мари.

Порывшись на полке, она нашла коробку с шоколадным ассорти и, взяв себе пару конфет, остальные поставила перед гостьей. Проявленная ею щедрость заслужила благодарный взгляд, и она окончательно оттаяла.

— Ешь, мне не жалко, — Мари поднесла ко рту конфету. — Слушай, как тебя зовут?

— Ким. Ой! — богиня прижала пальцы к губам.

— Ким, я так понимаю, фамилия, а Ой это имя, — съехидничала Мари и богиня заёрзала на стуле под её неотступным взглядом.

— Ну... как-то так, — смущённо пробормотала она.

Арес, скрытно наблюдающий за ними, возмущённо фыркнул: «Безмозглая девчонка! Вот зачем открывать простым смертным, кто ты, тем более такой же безмозглой девчонке... Да чтоб тебя!» — ругнулся он, получив чувствительный удар под дых.

«Заткнись! Как-нибудь обойдусь без твоих ценных указаний!» — с негодованием воскликнула Ким.

— Ты это кому? — удивилась Мари.

— Ты слышала, что я сказала?! — всполошилась Ким.

Сунув в рот вторую конфету, Мари тщательно её прожевала и приложилась к чашке с кофе.

— Сложно не услышать, когда ни с того ни с сего на тебя кричат, чтобы ты заткнулась и что обойдутся без твоих ЦУ, хотя ты их вроде бы и не давала.

— Кошмар! — поникла Ким и умоляюще посмотрела на неё. — Можно я уйду без объяснений? Чисто по-английски, а?

— Вот даже не знаю, — держа драматическую паузу, Мари с глубокомысленным видом изучила свои ногти. — Что-то мне подсказывает, что остановить тебя я буду не в силах, так что поступай как знаешь, — наконец сказала она.

— Спасибо, Мари, ты прелесть! — Ким вихрем подлетела к ней и, чмокнув в щёку, исчезла в пространственно-временной складке.

«Совсем дура», — констатировал бог-убийца. Он вознамерился подчистить воспоминания Мари и тут столкнулся с неожиданным препятствием. Первородная материя из Кольца Света, способствовавшая воскресению девушки, окружила её непроницаемым коконом, а когда он попытался его взломать, тот преобразился в монстра и с такой яростью напал на него, что он счёл за благо ретироваться.

[1] Мари предпочитала бадейки из демократического фаянса, но приходилось держать марку.

ГЛАВА 35. Тибет — место чудес

О старике, побывавшем на секретном Камчатском полигоне и укравшем там часть секретных документов, Ник узнал из звонка главы вампирской службы безопасности, который застал его во время приземления на аэроплане.

Монахи оказались непробиваемы по части ментального щита, а обычные методы допроса не дали результата — азиатские стойки молчали, несмотря ни на что. К тому же главу СБ тревожили паранормальные способности монахов, необычные уже тем, что они носили массовый характер — во всяком случае, так следовало из памяти монастырских послушников и местных жителей. Делать было нечего и Штейн, отбросив самолюбие, обратился за помощью к тому единственному, кто мог помочь ему в расследовании.

Это оказался тот самый монастырь на Тибете, в котором Ник останавливался в 1607 году и который он под настроение облагодетельствовал тоннелем, поэтому он, к удовлетворению Штейна, сказал, что слетает туда и посмотрит, так ли уж непробиваема монастырская братия. Не откладывая дело в долгий ящик, Ник сдал аэроплан хозяину и пересел на авиетку, которая под видом вертолётки приземлилась поблизости. По пути он вспомнил о Мари и позвал её домой, а затем через тиарана оставил ей сообщение, что уехал, но скоро вернётся.

По прилёту на место он сделал круг над монастырём. Тоннель, проложенный им в горе, сотворил настоящее чудо — разбогател не только сам монастырь, процветала вся округа. Преобразившаяся до неузнаваемости местность изобиловала богатыми усадьбами, окружёнными садами и причудливыми террасами, где, судя по информации тиарана, трудолюбивые тибетцы выращивали овощи и лечебные травы.

Ник вспомнил чудесное вино, которым угощал его Ли Вейдж, и ностальгически вздохнул, а затем призадумался. Кичливое богатство буддийского монастыря говорило ему, что духовные наследники бывшего настоятеля вряд ли унаследовали его гостеприимство.

«Что ж, тогда остаётся лишь надеяться, что они хотя бы унаследовали ум старого разбойника», — подумал он.

Не мудрствуя лукаво, Ник посадил авиетку прямо на центральную площадку храмового комплекса и направился туда, где, по указанию тиарана, находилось руководство операцией. Когда он вошёл в небольшую комнатку, Ладожский смерил его насторожённым взглядом, а затем, спохватившись, поднялся из-за стола и, как положено, отдал честь.

— Сэр!

— Садись, чего вскочил? Мы же одни и вроде как друзья, — взяв стул, Ник сел напротив Ивана. — Что, всё не можешь привыкнуть к мысли, что я Старейший? — усмехнулся он.

— Тебя бы на моё место, — проворчал Ладожский, несколько расслабившись.

— Мне на своём хватает дел. А где Штейн?

— Умчался по другим делам, как только договорился с тобой.

— Понятно, — Ник протянул руку. — Давай, что там у тебя.

Ладожский вручил ему планшет.

— Вообще-то, там нет ничего полезного, — признался он и пожаловался: — Это не

монахи, а сплошные Зои Космодемьянские. Думаю, тебе уже сказали, что у них непробиваемые ментальные щиты, а сыворотка правды и меры жёсткого убеждения ничего не дают.

— Да? — Ник запустил видео допросов. — Просто ты не умеешь пытаться, — констатировал он и поднялся. — Идём, я покажу тебе, как это делается.

«Чёрт!» — поскущнул Иван, но, памятуя с кем имеет дело, счёл за благо промолчать.

Когда они вышли во двор и пошли рядом, Ник не выдержал:

— Ладожский, врезать бы тебе за такие мысли, да не хочется расстраивать твою жену: всё же они с Мари подруги.

— А я что? Я ничего!

— Я тебе не маньяк-убийца. И да, можешь не переживать, Мари жива и здорова.

«Слава богу!» — обрадовался Иван и прибавил шагу, чтобы догнать Ника, ушедшего вперёд.

— Да ладно тебе злиться! — примирительно проговорил он и, поколебавшись, рискнул спросить: — Я слышал, что вы поженились. Это правда?

— Правда, — буркнул Ник и, внезапно остановившись, развернулся к нему. — Мика сказал, что ты беспокоился из-за Мари. Почему? — спросил он.

«Ревнует он, что ли?» — поначалу не понял Ладожский, но затем догадался, о чём речь, и состроил покаянную мину.

— Извини, я не хотел вмешиваться в ваши отношения. В общем, с неделю назад мне и Соне приснились практически одинаковые сны, верней, кошмары. В них ты убивал Мари... — он бросил взгляд на криту на поясе Ника и на его лице промелькнуло сильнейшее замешательство. — Ладно, не бери в голову. Думаю, мы с Беккер пересмотрели ужастиков. Слишком уж фантастической была обстановка, в которой всё это происходило.

— Говори, как есть, не увливай! — потребовал Ник.

Сдавшись под его давлением, Ладожский подробно описал способ и место убийства и он, слушая его, терялся в догадках. Слишком уж это походило на правду. К тому же Иван в деталях описал зал Лотилий в Риоголизе, который в вампирском сообществе называли Старой базой и в котором, кроме Мари, ещё никто не был. Нику сразу же вспомнилась реакция девушки после его разговора с её рулат — как она ни с того ни с сего вдруг испугалась его, а затем рассказала о своём видении, которое подтверждало сон Ладожского. «Крейд! Что за ерунда?» — подумал он с недоумением.

«Вот именно! Что за ерунда? — озадачился принц Хаоса. — Обычно временная петля убирает все следы своего вмешательства, но не в этом случае. Да... определённо что-то пошло не так. Проклятье! Если Ваатор доложил о творящихся здесь странностях, то дело плохо. Со дня на день может заявиться отец и тогда мне уж точно мало не покажется», — расстроился он.

Вопреки опасениям Ладожского, встреча Старейшего с монахами обошлась без кровопролития. Стоило им войти в помещение, где держали монахов и старика, подозреваемого в краже документов, и тот, вскрикнув, распростёрся ниц.

Ник пригляделся к старику.

— Ли Вейдж, неужели это ты?

— Да, мой господин, это я, — последовал благоговейный ответ.

«Ну и дела! Триста лет многовато даже для эреев, не говоря уж о людях», — Ник вошёл в клетку с пленниками и взял старика за локоть, помогая ему встать. — Вот уж не ожидал, что ты настолько задержишься на этом свете, — сказал он, с удивлением глядя на буддийского монаха, которого он никак не ожидал застать в живых.

— Разве ваш недостойный слуга посмел бы уйти без вашего разрешения? — по лицу Ли Вейджа покатались слёзы, и он вновь попытался упасть ниц, но Ник ему не позволил.

— Нет уж, реминю Ли, давай обойдёмся без церемоний и просто побеседуем.

— Как прикажете, мой господин. Я всего лишь пыль под вашими ногами.

Ник вывел старика из тюремной клетки и усадил его на стул.

— Скажи, кража документов на Камчатке это твоих рук дело? — перешёл он к делу.

— Да, мой господин, — ответил Ли Вейдж, преданно взирая на него.

— Зачем они тебе?

— Это моё подношение вам, мой господин, — последовал совершенно искренний ответ.

— Ментальный щит — это тоже ты? — на всякий случай спросил Ник.

— Да, — утвердительно кивнул старик и на его лице появилось нерешительное выражение. — Теперь, когда вы здесь, могу я, ничтожный, просить вас о последней милости?

— Иди. Я выполню твою просьбу.

Когда настоятель вышел, Иван, стоявший позади Ника, глянул на монахов, сидящих в сооружённой для них тюремной клетке, и склонился к нему.

— Старик просил тебя о смерти? — спросил он на русском и по быстрому взгляду одного из монахов догадался, что тот его понял.

— Да, — ответил Ник.

— Может, повременишь? Наверняка он много знает и будет нам полезен. К тому же мы ещё не выяснили, где украденные документы, — сказал Ладожский, перейдя на португальский.

— Не могу. Ли Вейдж — верный слуга. Он заслужил, чтобы я выполнил его последнюю волю. А документы он сейчас принесёт.

Положив руку на крыту, Ник встал и подошёл к монахам, которые сразу же перестали перешёптываться и с тревожным видом воззрились на него.

— Ну что, господа муравьи, что же мне делать с вами? Без своего пастыря вы мало что стоите. Может, прикончить вас всем скопом? Во избежание будущих проблем.

В ответ на его заявление, сказанное на тибетском, монахи прикрыли глаза и начали молиться.

К удивлению Ладожского, от их имени выступил не старик с благообразным лицом, а молодой мужчина лет тридцати на вид. Поклонившись Нику, он выпрямился и в его глазах блеснуло острое любопытство.

— Господин, смерть нам не страшна, но мы будем признательны, если вы повремените с казнью и дадите нам попрощаться с родными, — сказал он на хорошем английском.

Ладожскому показалось знакомым лицо монаха.

— Господин Ма Вей? — спросил он, вспомнив имя молодого астрофизика, и кивнул, не дожидаясь ответа. — Точно! Это тот самый талантливый дурак, что за раскрытие очередного тёмного секрета Вселенной получил Нобелевскую премию по физике, а затем пустился во все тяжкие, за что поплатился жизнями жены и сына, — сказал он, адресуясь к Нику.

Возмущённый его циничным высказыванием китайский учёный шагнул было к ним, но

усилием воли взял себя в руки.

— Да, вы правы. Я заплатил за свою ошибку жизнями тех, кто был мне дороже всех, — сказал он смиренным тоном. На последних словах его голос дрогнул, и он опустил глаза, перебирая бусины тренгвы[1], связанные воедино чёрной кистью[2].

— И поделом тебе! Сел пьяным за руль, будь готов отвечать за последствия.

Ник поднял руку, призывая Ладожского к молчанию, а затем взял планшет и протянул его Ма Вею.

— Хуже другое, ты ошибся в элементарных расчётах, что не делает тебе чести как учёному. Вот правильное решение.

Китайский учёный помедлил, а затем взял планшет и впился глазами в строчки математических формул. Спустя время на его лице проступило отчаяние и он, не отрываясь от экрана, заметался по тесной камере.

— Не может быть! — вскричал он и по привычке попытался вцепиться в сбритые волосы. — Господи, какой же я идиот! Где только были мои глаза? Это же элементарно!

— Вот именно, — холодно уронил Ник.

Повинуясь его взгляду, Ладожский забрал планшет у китайца, и тот упал на колени.

— Господин, не гневайтесь! Дайте мне ещё одну возможность, и я сделаю всё, что в моих силах!

— Зачем? Собираешься продолжить свои исследования? Так они не имеют смысла, поскольку построены на ложных предположениях.

— Я это понял, — поник Ма Вей. — Судя по тому материалу, что я только что видел, и тому, что добыл Ли Вейдж, вы далеко ушли. Намного дальше, чем земная наука.

— Этот самовлюблённый идиот думает, что мы пришельцы, — усмехнулся Ладожский и китаец смерил его острым взглядом.

— А разве это не так?.. Вы не похожи на обычных людей, — сказал он, не дождавшись ответа.

Ник тем временем закончил мысленный разговор с Палевским и снова обратил свой взор к Ладожскому.

— Подожди, я должен поговорить с Ли Вейджем, — сказал он и исчез за дверью.

— Скажите, нас убьют? — нерешительно проговорил Ма Вей.

— Думаю, да, — лаконично ответил Ладожский, стараясь не поддаваться жалости.

Ма Вей ему импонировал. Несмотря на высокомерие и махровый эгоизм (китаец был выходцем из очень богатой семьи), он был честен и искренне раскаивался в совершённом убийстве. К тому же они были ровесниками, и Иван невольно ставил себя на его место. «Как говорится, от тюрьмы и сумы не зарекайся», — вздохнул он, припомнив, что из-за недружественной интервенции на фондовых биржах корпорация семьи Ма находится на пороге разорения.

— Что ж, значит так тому и быть, — потеряно улыбнулся Ма Вей, по-прежнему стоящий на коленях. Он закрыл глаза и его губы зашевелились в беззвучной молитве.

Выйдя под открытое небо, Ник прошёлся по территории храма, а затем сел на скамью, испещрённую надписями паломников, и настоятель, который издали увидел его, прибавил шаг, а затем побежал — он не хотел заставлять ждать того, кого почитал как бога.

Не в силах что-либо вымолвить Ли Вейдж остановился у скамьи и протянул Нику тугс набитый чёрный пакет и тот, прежде чем его принять, брезгливо поморщился — пакет был

из разряда тех, что используют для сбора мусора, вдобавок выглядел так, будто его уже использовали по назначению. Сообразив, что дал маху, испуганный старик упал на колени.

— Мой господин, мне нет прощения! — воскликнул он с отчаянием и ударил себя по щекам. — Какой же я дурак! Будь у меня хоть крупица разума, я бы не посмел оскорбить вас столь неподобающим подношением!

— Сядь! — властно сказал Ник, и Ли Вейдж не посмел послушаться.

Примостившись на краешке скамьи, он глянул на своего непростого собеседника.

— Мой господин...

— Не начинай! — упредил Ник череду его извинений. — Я знаю, ты не хотел оскорбить меня.

Вот только старик, чуткий как преданный пёс, безошибочно угадывал оттенки его настроения.

— Вы правы, мой господин, в спешке я взял первое, что попало под руку, — сказал он упавшим голосом, и Ник постарался подавить вспыхнувшее раздражение.

— Ремино Ли, я не настолько мелочен, чтобы наказывать слугу за случайно совершённую ошибку, — сказал он ровным тоном и вопросительно глянул на монаха. — Здесь всё?

— Да, — ответил Ли Вейдж. — Разве я посмею вас обманывать? — вырвалось у него, и он виновато улыбнулся. — Простите, мой господин. Язык мой — враг мой.[3]

Он встал и, опустившись перед Ником на колени, выполнил коутоу[4], а затем протянул ему подаренное кольцо.

— Мой господин, не гневайтесь! Ваш ничтожный слуга слишком слаб для такой великой ноши.

— Не переживай, ремино Ли, я на тебя не сержусь.

Ник принял кольцо и на лице монаха отразилось нескрываемое облегчение.

— Спасибо, мой господин, ваша милость безгранична, — радостно проговорил он и добавил: — Теперь, когда оно у вас, могу я уйти?

— Почему ты так рвёшься умереть? — спросил Ник.

— Я слишком долго жил, а для такого простого человека, как я, это, скорей, наказание, чем награда, — не стал увिलивать от ответа Ли Вейдж и с покаянным видом склонил голову. — Простите, что плачú вам чёрной неблагодарностью за ваше великое благодеяние. Ведь вы подарили мне бессмертие, о котором остальные могут лишь мечтать.

«Скорее всего, это влияние хронокапсулы», — мелькнула у Ника мысль. Он заколебался, не зная, как поступить. Происшедшее с настоятелем буддийского монастыря было настоящим чудом, к тому же он был уверен, что Палевский серьёзно разозлится, что он не дал ему исследовать необычный феномен, вызванный кольцом.

— Поступай, как знаешь. Уйти или остаться — решать лишь тебе, — сказал он наконец.

— Мой господин, ваша доброта безгранична! — обрадовался Ли Вейдж, начавший уже опасаться, что смерть откладывается, и с грустной улыбкой добавил: — Я бы никому не пожелал пережить своих близких. Жизнь пуста, когда умирает сердце.

Понимающий его как никто другой, Ник с участием посмотрел на старого монаха, который получил вождеденное людьми бессмертие, но не стал от этого счастливей.

— У тебя есть какие-нибудь пожелания? — спросил он, и старик отрицательно покачал головой.

— Нет, мой господин.

— А как же твои муравьи? — поинтересовался Ник ради проформы.

— Вашей милостью они получили много больше, чем заслуживают. Если им хватит ума, они будут служить вам верой и правдой. Если нет, то кара будет ими вполне заслужена, — ответил буддийский монах с философским спокойствием.

Ник кивнул.

— Хорошо, значит пришла пора прощаться. Ремино Ли, сядь на скамью и ничего не бойся. Клянусь Священным Ягуаром, ты больше не будешь один.

Нисколько не сомневающийся в его словах, Ли Вейдж выполнил его распоряжение и Ник, встав напротив, положил руку ему на голову. Судя по радостному изумлению и слезам счастья, он сдержал слово, и старик встретился с теми, с кем хотел.

Когда на лицо буддийского монаха легла тень смертного умиротворения, Ник закрыл ему глаза и осенил охраняющим знаком. «Пусть твой спуск в долины предков будет лёгким, а боги снисходительны к твоим грехам», — напутствовал он душу умершего и, не оглянувшись, отправился туда, где его ждали Ладожский и монахи, томящиеся в ожидании своего приговора. Несмотря на смирение, умирать никому не хотелось, даже старикам.[5]

Суд был коротким. Ник смерил взглядом пленников, насторожившихся при его появлении, и велел Ладожскому выпустить их из тюремной клетки. Старые и молодые, облачённые в одинаковые каша[6] оранжевого цвета монахи гуськом потянулись на волю. Ник прошёл вдоль их ровной шеренги и внутренне усмехнулся. В отличие от своих предтеч, что жили здесь в семнадцатом веке, эти монахи явно практиковали воинское искусство.

— Чтобы жить, вы должны мне служить, — сказал он и несколько монахов, которые собирались подискутировать с ним на тему служения, упали замертво. — Уясните сразу, болтуны не входят в число слуг, которых я считаю полезными.

Но показательный урок усвоили не все.

— Шицзунь[7] утверждал, что вы бог, но вы ведёте себя как демон, — раздался дерзкий голос и Ник посмотрел на его обладателя.

Это был рослый подросток европейской наружности, который, судя по выступлению, отличался от своих азиатских товарищей не только цветом глаз и кожи, но и воспитанием.

На своё счастье, юный скептик оказался менталистом и появившийся охранник, несмотря на отчаянное сопротивление мальчишки, увёл его за собой.

— Бог или демон? — усмехнулся Ник, постукивая крытой по ладони. — Это будет зависеть от вас. Для верных слуг я буду богом, для предателей — хуже демона. Ну а тот, кто сумеет отличиться, получит вот это.

Он поднял руку, демонстрируя кольцо, с которым почивший настоятель не расставался ни днём ни ночью, хотя пережил из-за него несколько покушений на свою жизнь. Кое-кто из умников всё же сумел связать долголетие Ли Вейджа с подарком бога.

— Как видите, награда более чем щедрая, — сказал он с лёгким сарказмом, заметив, что китайский учёный вскочил на ноги и не сводит глаз с кольца.

«Значит, Ли Вейдж не обманывал, кольцо действительно дарует бессмертие», — подумал Ма Вей и, подавая пример остальным, упал на колени.

Почести, оказанные ему как Сыну Неба[8] Ник принял как должное и, памятуя о силе слова, произнёс небольшую приветственную речь, где выразил надежду, что неофиты не обманут его ожиданий. Затем он повернулся к Ладожскому и, перейдя на португальский, велел держать монахов под неусыпным наблюдением, особенно тех, что имеют паранормальные способности. Это привело к тому, что обитатели буддийского монастыря

обзавелись чипами, вшитыми под кожу. Временным главой монастыря стал Ма Вей, хотя тот не слишком охотно принял оказанную ему честь. Молодой китаец снова рвался в науку, но Ник и Ладожский, посоветовавшись, решили, что наследник корпорации Ма, получивший хорошее бизнес-образование, как нельзя лучше подходит на эту должность. При чудовищном богатстве монастыря, накопленном за триста лет, ему был жизненно необходим толковый управленец и финансист.

[1] Тренгва (гирлянда на тибетском) — буддийские чётки, состоящие из (108 + 1) бусин.

[2] Черный цвет кисти означает, что монах отрёкся от всего мирского.

[3] В оригинале 让人害怕的不是刀, 而是尖利的语言, язык что топор — разит насмерть.

[4] Обряд тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья.

[5] Видимо, их души были ещё слишком молоды и не познали дзен.))

[6] Кашая — традиционная одежда буддийских монахов.

[7] 师尊 (шицзунь), в переводе с китайского языка — учитель, наставник.

[8] То есть коутоу — тройной поклон и девятикратное челобитье.

Происшествие на Камчатке не понравилось Палевскому ещё и тем, что клан Дракона отчего-то не обратил внимание ни на богатство буддийского монастыря, ни на то, что его многочисленная братия слишком уж талантлива и дисциплинированна. Свои вопросы он переадресовал главе СБ и тот, взявшись за дело, первым делом отправил за решётку региональное руководство клана Дракона, в чьём ведении находилась территория Тибета. Допросы были жёсткими, но азиаты держались стойко и отрицали своё участие в сепаратистском движении.

Тщательно проведённое расследование не выявило предательства, так что Штейн ограничился головомойкой центральному руководству клана, которое до тех пор кланялось и каялось, пока ему это не надоело и он позволил уговорить себя на ужин.

Совместная попойка сняла многодневное напряжение между проверяющими и проверяемыми, поэтому упились все. Последнее что помнил Штейн, это то, как он с сотрапезниками переместился в зал с караоке и там, отплясывая на эстраде, орал песни.

Обнаружив поутру, что в постели он не один, а в компании двух азиатских красоток, он хмыкнул и привлёк к себе ту, что лежала справа — чертами лица она напомнила ему Тамару. Когда его когти вонзились ей в бедро, девушка выгнулась и сладострастно застонала.

Но стоило ему потерять бдительность, и девицы в мгновение ока приковали его к спинке кровати. После чего они заговорщицки переглянулись и одна из них извлекла на свет чемоданчик, полный сексуальных игрушек. Штейн это не понравилось, но они в ответ на его протесты вставили ему кляп в рот и, многообещающе улыбнувшись, синхронно натянули чёрные перчатки. Затем та, что сидела справа, провела языком по его телу, начав с пятки и до уха, а потом другая повторила то же самое, но слева. Выпрямившись, они по-кошачьи облизнулись и их взгляды устремились к его нефритовому жезлу.

Естественно, все эти манипуляции привели к тому, что Штейн возбудился, чем девушки не преминули воспользоваться. И хотя его имели как хотели, он ругался, но терпел, находя что испытываемое удовольствие, необычайно острое по причине новизны, искупает те унижения, которым его подвергали. Но как только его повернули на бок, вознамерившись задействовать его зад, он зарычал и рванулся так, что звенья наручников не выдержали и лопнули.

Девушки со смехом прыснули в разные стороны и мгновенно исчезли, а Штейн, ругаясь на чём свет стоит, осторожно похромал к ванной комнате. «Реально жертва изнасилования», — вздохнул он, стоя перед зеркалом, которое отразило кровавую роспись на его теле, состоящую из множества укусов и довольно глубоких царапин. Но самой пострадавшей частью, помимо гордости, был его жезл мужественности — покрасневший и основательно опухший от непосильного труда. «Teufel! — поморщился Штейн от боли, вызванной неосторожным движением. — То же мне, куноити[1] выискались! Ну ничего, однажды вы попадёте мне, и я покажу вам, что такое настоящие пытки сексом». Впрочем, он не особо злился, понимая, что юные драконицы мстили ему за свой клан, который он основательно потрепал, ища предателей.

К удивлению Штейна, изнасиловавшие его девицы оказались дочерьми главы клана Дракона Тэдзуки Акихиро. Так что долго искать не пришлось, он встретил их в столовой.

Видимо, отец был уже в курсе дочерних шалостей, поэтому завтрак прошёл в чисто семейной, но напряжённой обстановке. Японец и его жена всячески пытались угодить гостю, а притихшие девицы, судя по заплаканным глазам и неловкой посадке на дзабутоне[2], сильно раскаивались в предпринятом демарше.

Штейну было досадно и смешно: «Вот ведь вляпался! Узнает кто, не оберёшься позора. Надо с этим что-то делать».

— Тэдзуки-сан, — обратился он к хозяину дома, — давайте договоримся: вы ничего не знаете, а я забуду о том, что произошло между мной и вашими очаровательными дочерьми.

— Хай, Штейн-сан, — японец бросил на гостя взгляд, предлагающий развить поднятую тему.

— В конце концов, каждый из нас уже получил сполна, так что не стоит и дальше держать камень за пазухой. И я рассчитываю на ваше понимание. Промолчите вы, промолчу и я. Иначе я буду вынужден принять меры.

— Хай! — радостно закивал Тэдзуки Акихиро.

После череды многословных извинений, перемежаемых укоризненными взглядами в сторону дочерей, которые слушали его, виновато потупив очи, японец завёл речь о предстоящем полёте, и Штейн постарался не выдать охватившей его досады.

Клан Дракона всячески противился идее переселения с Земли и ратовал за щит, поэтому он так тщательно искал предательство в его рядах. К счастью, его подозрения оказались безосновательными, поэтому он, как мог, постарался убедить упрямого японца, что у них нет будущего на Земле и рано или поздно, но им пришлось бы искать пристанище за пределами родной планеты. «Тэдзуки-сан, вы же знаете, стоит людям поверить в наше существование, и на нас откроют настоящую охоту. Несмотря на превосходство в технике и способностях, нам не выстоять: они задавят нас количеством. Уничтожить человечество мы тоже не можем, ведь они — наше будущее, во всяком случае, пока. Правда, Палевский утверждает, что мы близки к самовоспроизводству, но насколько близко, кто его знает. Может, это случится завтра, а может, пройдут ещё века. Это наше счастье, что нас ждёт земля обетованная и нам не придётся скитаться по космосу в поисках пригодной для заселения планеты». В ответ японец согласно кивал, а затем вновь заводил речь о приоритете щита.

Как бы то ни было, досадное происшествие было улажено и при расставании хозяин и гость без опасений и обид пожали друг другу руки. Да и девушки, облачённые в нарядные кимоно, не преминули внести свою лепту в примирение сторон. Под присмотром матери, сторожащей каждый их шаг, озорницы с такой очаровательной застенчивостью опустили глазки, прощаясь со Штейном, что он не выдержал и насмешливо фыркнул. Сейчас приключившийся адюльтер виделся ему скорей забавным чем досадным. Правда, при всём при этом, как говорится, осадочек остался.

[1] Куноити (яп. 女忍者 — куноити) — термин, обозначающий женщин-ниндзя.

[2] Дзабутон (яп. 座布団) — японская плоская подушка для сидения.

ГЛАВА 36. Развлечения на отдыхе — запланированные и экспромтом

Из-за музыки в наушниках Мари не слышала, как Ник вошёл в дом, но сразу же ощутила его присутствие. В мгновение ока слетела по лестнице, ведущей на первый этаж, и, повиснув у него на шее, звонко чмокнула в щёку.

— Ну вот, сказал, что скоро будешь, а застрял на вечную вечность, — укорила она его и, взяв под руку, потащила за собой. — Идём, покормлю тебя. Я как в лужу глядела и приготовила обед на двоих.

Ник хотел было сказать, что только что из ресторана, но решил не портить ей настроение и спросил, что именно у них на обед.

— Ты же знаешь, что из меня та ещё повариха, так что многого не жди. В основном, это закуски.

— Понятно. Весь твой поварской пыл ушёл на нарезку готовых продуктов, — пришёл Ник к выводу и Мари бросила на него лукавый взгляд.

— Ну нет! Не настолько всё плохо. Кое-что я всё же приготовила.

— Заинтриговала, — улыбнулся он и привлёк её к себе.

Понимая, чего он ждёт, Мари приподнялась на цыпочки и поцеловала его, долго и страстно.

— Ну что, теперь доволен? — спросила она, глядя на него смеющимися глазами.

«Я-то доволен, а вот ты? — подумал Ник и присмотрелся к эмополю, которое связывало его с девушкой. — Слава Священному Ягуару! Она действительно мне рада». И в самом деле, золотая мгла эмополя наполнилась спокойствием и довольством, что свидетельствовало об их полной гармонии друг с другом и окружающим миром.

— Более чем, — ответил Ник и замер в смятении.

Он знал это чувство. Поблизости кружила птица счастья. Пугливая и осторожная тем не менее это была она. «А я уже не надеялся встретиться с ней после расставания с Лотиланой», — подумал он с подступившей к сердцу печалью. Прошное снова ожило и тяжесть неизбывных воспоминаний пригасила его радость.

— Ник! Что случилось? — прорвался к нему встревоженный голос Мари.

— Всё в порядке, — встрепенулся он. — Вот думаю, а не сходить ли нам в театр? Я абонировал ложу в Garnier Opera. Не знаю, как ты, а я там целую вечность не был.

— К чёрту театр, тем более оперу! Я хочу в цирк, — заявила Мари и с умильным видом захлопала ресницами. — А давай сходим на представление Cirque du Soleil[1]. Ну, пожалуйста!

— Ты серьёзно? — усмехнулся Ник. — Мари, ты же не ребёнок.

— Кто это тебе сказал? В душе я ребёнок и всегда им буду.

— Ладно, детский сад, будет тебе цирк. Постараюсь достать билеты на ближайшее представление.

— Ты супер! — обрадовалась Мари и от полноты чувств снова поцеловала его. — Кстати, не знаешь, почему у меня ощущение, что ты специально тянешь время? Нет, молчи! — она прижала палец к его губам и потянула за собой. — Тебе не избежать моего обеда, даже не старайся.

— Надеюсь, твоя настойчивость вызвана не желанием попотчевать меня ядом, — пошутил Ник, и девушка смерила его задумчивым взглядом.

— А это мысль. Как же я сама до неё не додумалась?

— Не вздумай, а то мне придётся отрубить тебе голову, — Ник провёл ногтем по её щеке. — Чик! И всё, твоя песенка спета.

— Ха! Если только ты восстанешь из гроба. Милый, я же буду травить тебя наверняка, — сказала Мари и сладко улыбнулась в ответ на его оценивающий взгляд.

— Умница, — тем не менее одобрил Ник и поцеловал её в висок. — Но имей в виду, ради мести я восстану даже из гроба, — сообщил он с лёгкой угрозой в голосе.

— Вот что ты за человек? — Мари с досадой стукнула его по плечу. — Хочешь сказать, что достанешь меня даже с того света?

— Само собой, — Ник снисходительно улыбнулся и взял её за руку. — Алин, если ты ещё не раздумала меня травить, то давай поспешим. Я хочу успеть на аэродром до того, как месье Дюран закроет свою лавочку и уйдёт домой...

— Ты снова собираешься летать на этой рухляди? — возмутилась Мари и решительно добавила: — И даже не думай! Только через мой труп.

— Алин! — в голосе Ника прозвучало предупреждение, и она постаралась погасить назревающий конфликт.

— Ладно. Если только ты возьмёшь меня с собой, — поставила она условие.

— Ты же боишься высоты.

— Да, — призналась Мари и попросила: — Поэтому давай без фокусов, хорошо?

— А если нет? Неужели я тебе настолько дорог, что ты согласна погибнуть вместе со мной? — спросил Ник, стерегущий каждую её мысль и движение.

— Ну а что делать, коли связалась с тобой? Теперь куда ты, туда и я, — вздохнула девушка и подтолкнула его к столовой. — Идём. Всё же попробую тебя отравить, а то от мысли о полёте на дурацком фанерном драндулете мне чего-то не по себе.

После обеда Ник позвонил портнихе и заказал ей лётный костюм для Мари, причём по моде начала двадцатого века, и сшить его нужно было к пяти часам вечера этого же дня. «Такой сложный заказ и за три часа?» — мадам Дюбуа схватилась за голову, но мысль о щедром вознаграждении позволила ей преодолеть панику и она, вызвав помощниц, устремилась в мастерскую.

— Это что такое? — крикнула Мари, когда посыльный вручил ей объёмный пакет.

— Твоё лётное обмундирование, — отозвался Ник. Натягивая краги, он не спеша спускался по лестнице.

В соответствии с эпохой первопроходцев воздушного океана он был облачён в коричневую куртку-бомбер из конской кожи, бежевый френч, галифе того же цвета и высокие сапоги, начищенные чёрной ваксой до блеска. На голове у него красовался старинный лётный шлем с огромными очками, а на шее белый шёлковый шарф[2] — непременный атрибут всех летунов, когда они были ещё свободны как птицы, и как птицам им всё время приходилось быть начеку.

— Ух ты! — восхитилась Мари и, получив «добро», убежала переодеваться.

— Ну как? — спросила она по возвращении и, встав в позу модели, повернулась вокруг своей оси. И хотя её облачение мало чем отличалось от его собственного, Ник придиричиво её осмотрел.

— Неплохо, — резюмировал он. — Разве что ноги коротковаты. Нужно было заказать

сапоги на каблуках.

— Что? Это у меня-то короткие ноги? — возмущённая Мари с негодованием посмотрела на него. — К твоему сведению, в Академии я постоянно участвовала в эстафетах, даже африканки не могли меня догнать. И вообще, чёрта с два меня бы ставили на соревнования по бегу, будь у меня короткие ноги.

Тирада девушки привела к тому, что в Нике вновь разыграли прежние замашки.

— Алин, ты смеешь оспаривать мои слова? — спросил он прохладным тоном.

— Боже мой! — Мари возвела очи горе. — Ник! Представляешь, как это будет выглядеть, если тебе прямо на улице приспичит поставить меня на колени или того хлеще вытянуть критой? Давай хоть в отпуске мы проведём время как обычная влюблённая пара.

Ник сделал вид, что раздумывает над её предложением.

— Влюблённая пара? Что ж, можно попробовать. Только не слишком расходишься. Так или иначе, но глупостей я не потерплю, — предупредил он.

— Договорились, — кивнула Мари. Застегнув шлем, она надела лётные очки, которые закрыли ей пол-лица. Не удовольствовавшись этим, она подняла повыше шарф. — Идём?

Видя, что она намеренно спряталась от него, Ник решил разрядить обстановку.

— Прости. Я неудачно пошутил. Из всех женщин, что были у меня, у тебя самые красивые ноги... Ой! Больно же!

— Радуйся, что пострадала только нога, нужно было пнуть тебя в другое место. И не нечего пилить меня взглядом! На колени не встану и прощения просить не буду.

«Куда ты денешься!» — рассердился Ник. Его рука легла на рукоять криты, но в облике девушки было нечто такое, что он заколебался. Внутреннее чувство говорило ему, что если он сейчас не сдержится и накажет её, то этим разорвёт ту хрупкую связь, что возникла между их сердцами.

— Так и быть, я тебя прощаю, но впредь...

— А я тебя нет! — Мари сорвала с себя очки и с такой силой швырнула их, что, ударившись о мраморные полы, они брызнули осколками стекла. — Как смеешь ты сравнивать меня с другими? Я тебе кто, девочка по вызову?

Еле сдерживая клокочущую ярость, она направилась к двери, ведущей на улицу, но Ник преградил ей дорогу. Мари выпрямилась, готовая дать отпор, но он повёл себя не так, как она ожидала.

— Я ранил твою гордость. Пожалуйста, прости, — сказал он и, заглянув в лицо девушки, с которого не сходило безучастное выражение, добавил: — Мари, ты не одна из многих, ты единственная. Ты та, с кем я хочу прожить всю свою жизнь.

И тут случилось чудо. Над головой девушки вспыхнула радужная корона и он, по её растущему изумлению, догадался, что точно такая же венчает его голову.

— Боже! Это же венец вечной любви! — взволнованно воскликнула Мари. — Вот уж не думала, что когда-нибудь его увижу... Ник, это же не глюк? Ну скажи, не молчи!

Вместо ответа Ник шагнул ей навстречу и заключил в объятия, а затем, спустя минуту, отстранился.

— Это глюк, тебе показалось.

— Обманщик! — Мари пытливо посмотрела на него. — Нет, ты правда ничего не видел?

Ник пожал плечами, мол, что тут говорить, но она не отступала:

— Дай слово райделина!

— Слово райделина, — не моргнув глазом, солгал он.

— Убить тебя мало! Я уж было обрадовалась, что боги благословили нас.

Огорчённая девушка плюхнулась на диванчик. «Ник, ну зачем ты так со мной? — мысленно спросила она. — Я же чувствую, что ты лжёшь, но не понимаю почему». Тем не менее в её душу закралось сомнение. «Может, действительно показалось?» — подумала она с подступающим унынием.

При том сумбуре чувств, что бушевал в её душе, ей совершенно не хотелось никуда тащиться, тем более на аэродром, где её ждало сомнительное удовольствие от катания на древнем аэроплане, который, как она подозревала, не пропустит ни одной воздушной ямы.

— Очки разбились, иди без меня, — сказала она.

Ник глянул на нахохлившуюся девушку. Раскаяния он не испытывал, но отчего-то ему не хотелось оставлять её одну.

— Ничего страшного. Думаю, у месье Дюрана найдутся запасные. Идём.

Мари не стала спорить и поднялась с диванчика.

— Идём, — эхом отозвалась она и, не оглядываясь, пошла к лифту, ведущему в гараж.

«Вот зачем ей этот венец любви? Я же сказал, что она единственная», — раздражённо подумал Ник.

Но совесть не умолкала и голосом сентано Боledo продолжала его увещевать, говоря, что он не прав, — мол, у него не так много времени и он должен использовать любую возможность, чтобы найти взаимопонимание с той, что связала его судьба.

— Крейд! — буркнул Ник и, догнав девушку, развернул её к себе. — Вот чего ты злишься? Разве я чем-нибудь тебя обидел?

— Нет, — ответила она, отводя взгляд. — Я не злюсь, тебе показалось.

— Ты лжёшь. Я же вижу, ты обиделась, что я не признался, что видел венец любви. Это так важно для тебя?

— Да, — Мари глянула на него. — Ник, я хоть что-нибудь значу для тебя? Сама по себе, без всяких там матримониальных устремлений и пророчеств?

— Сколько можно повторять? Я же сказал, что ты для меня единственная.

— Понятно, — грустно улыбнувшись, она взяла его за руку. — Давай поторопимся, а то опоздаем.

— Что тебе понятно? — заартачился Ник, не двигаясь с места.

— Что я для тебя прежде всего собственность, а потом уж всё остальное.

— Даже если так, какое это имеет значение?

— Ровным счётом никакого, — Мари снова потянула его за собой. — Хватит упрямиться, мы действительно опаздываем.

— Мы никуда не идём.

Рассерженный Ник снял краги и швырнул их на диванчик, на котором недавно сидела Мари. Вслед за крагами в том же направлении полетела куртка, а затем шлем и очки.

— Ну спасибо! Умеешь ты испортить настроение... — он дёрнул шарф, но тот не захотел сниматься.

— Да, пропади всё пропадом! — прорычал Ник, борясь с шёлковой удавкой на шее.

Заслышав сдавленный смешок, он резко развернулся и с негодованием посмотрел на девушку, давящуюся смехом.

— Алин! — рывкнул он, намереваясь поставить её на колени, но она поспешно заткнула ему рот ладонью.

— Тихо-тихо! Чего ты раскипятился? Давай я помогу тебе с шарфом, а потом ты продолжишь метать громы и молнии... Стой смирно и прекрати вертеть головой! — строго сказала Мари, когда он попытался оттолкнуть её руки.

Сняв шарф, она с нежностью поцеловала его в губы.

— Ну, успокоился? Вот и славно. Давай одевайся, если поторопимся, мы ещё успеем. Позвони месье Дюрану, пусть немного задержится...

— Я же сказал, мы никуда не идём, — Ник вернул ей поцелуй, причём с большими процентами. — Думаю, мы не хуже проведём время дома, — сказал он, окончательно подбрав, и расстегнул на ней куртку.

«Слава богу! Наконец-то его голову посетила здравая мысль», — обрадовалась Мари.

Секс был великолепным, но Ник не был бы Ником, если бы не преподнёс ей сюрприз. Когда она вышла из ванной, он уже её ждал, снова полностью одетый для полётов.

— Что, опять? — вскричала Мари. — Ну, нет!

Она попыталась скрыться за дверью, но фокус не прокатил, Ник оказался быстрее. Он выдернул её из ванной и усадил рядом с принесённой одеждой.

— Одевайся и побыстрее.

— Господи! — Мари глянула на ненавистное уже одеяние. — Ну, ты даёшь! Успел даже раздобыть новые мотоциклетные очки.

— Поторопись! — нетерпеливо проговорил Ник. — Месье Дюран обещал ждать только до семи часов. Старик не любит опаздывать к ужину, — счёл он нужным пояснить.

— Я тоже хочу есть, — не преминула заметить Мари.

— Потерпишь. К тому же с полным желудком тебе летать противопоказано, — отвечивал Ник.

— Садист! — буркнула она, прежде чем начать одеваться.

Месье Дюран сдержал слово. Они опоздали на две минуты, поэтому ангар был уже закрыт. Ник хотел догнать старика — он был ещё в пределах видимости, но Мари его удержала.

— Пусть идёт, не мешай ему. Думаю, его ждёт мадам Дюран, поэтому он так пунктуален. В таком случае, я бы тоже не хотела, чтобы ты задерживался, — сказала она и Ник промолчал, что мадам Дюран уже пять лет как умерла.

— Тогда что мы будем делать? — спросил он.

— Летать, как и собирались, — подняв голову, Мари указала ему на стаю летунов в разноцветных костюмах, бесшумно планирующих в вечернем небе Парижа.

— Я думал, ты принципиально боишься высоты, — удивился Ник, и она тяжело вздохнула, припомнив свои мучения.

— Видимо, ты не в курсе, что вингсют-акробатика входит в систему физической подготовки в Академии. Ну что, идём к Эйфелевой башне, с которой всё началось?[3]

— Что ж, если ты не против, то идём, — согласился Ник и улыбнулся про себя. Девушка была против, и с куда большим удовольствием развлекалась бы на земле.

Но слово — не воробей, сказанного не воротишь, и Мари, подавив очередной тяжкий вздох, взяла его под руку.

— Не понимаю, что хорошего в дурацких полётах, — проворчала она как бы про себя, но не стала развивать эту тему.

[1] Cirque du Soleil — канадский цирк Солнца.

[2] Шёлковый шарф был необходимым аксессуаром во время Первой мировой. Чтобы выжить, лётчику приходилось постоянно вертеть головой и воротничок мундира сильно натирал шею. Со временем нужда в нём отпала и шёлковый шарф превратился в предмет щегольства.

[3] 4 февраля 1912 года 33-летний портной Франц Райхельт прыгнул с Эйфелевой башни, таким образом попытавшись проверить свое изобретение, сочетающее в себе элементы парашюта и крыла. По сути оно являлось прообразом современного вингсьюта.

Ник немного понаблюдал за Мари. Оказалось, что она вполне прилично справляется с полётом в вингсьюте и он, поймав воздушный поток, отдался на его волю. На всякий случай он отдал распоряжение тирану, чтобы тот её подстраховал. Впрочем, вампирские комбинезоны для вингсьюта лишь внешне походили на своих собратьев. Крыло, разработанное вампирскими учёными, было куда маневреннее и позволяло держаться в воздухе около получаса, чему способствовали новые материалы, несколько изменённая конструкция и встроенные в комбинезон совершенно бесшумные двигатели. Вдобавок система безопасности позволяла обойтись без парашюта. Конечно, посадка была жёсткой, но для вампиров это было не столь критично, как для людей. Правда, основная опасность никуда не делась. Ошибка в маневрировании могла привести к удару о неожиданное препятствие, что при высокой скорости грозило верной смертью.

По мере возможностей Ник старался не терять Мари из виду, опасаясь, что в какой-то момент она может запаниковать из-за своей боязни высоты. Тиран был умной машиной, но всего лишь машиной, поэтому он не мог полностью ему довериться, хотя знал, что случись беда, и искусственный интеллект всё равно его опередит. «Просто мне так спокойней, — усмехнулся он. — К тому же тиран не может руководить её действиями, а я могу». Затем из чувства противоречия он решил, что нет смысла вмешиваться, поскольку судьбы всё равно не избежать и сорвался в затяжное падение. Мари ахнула и по спирали устремилась за ним. Видя, что она опасно завихляла, не справляясь с маневровыми двигателями, Ник перешёл в горизонтальный полёт. Когда девушка поравнялась с ним, он остановил её спуск и они, взявшись за руки, полетели рядом, плавно набирая высоту. Вскоре ему надоело спокойное планирование и он, прибавив скорости, умчался вперёд.

Мари не последовала за ним. Продолжая парить в воздухе, она сделала широкий круг и легла на обратный курс. При подлёте к Эйфелевой башне Ник её догнал и, приземлившись первым, подстраховал её посадку. После чего они сдали комбинезоны дежурному офицеру вампирской СБ, облачённому в штатское, и отправились домой.

Довольная полётом — на этот раз её не мучил страх высоты, Мари лучилась весельем и без умолку болтала всякую чепуху, а ещё она жаждала продолжения развлечений. По такому случаю они переоделись и Ник отвёл её в свой любимый ресторан, где они заказали такую уйму еды, что официант с трудом скрыл удивление. «Везёт же парочке, при столь отменном аппетите и тяге к калорийным блюдам им не свойственна полнота», — позавидовал он и бросился выполнять заказ, суливший богатые чаевые.

Захмелевшая от шампанского, которое она предпочитала всем остальным винам, девушка от души веселилась. В ожидании перемены блюд она давала посетителям ресторана настолько точные и хлёсткие характеристики, что было невозможно удержаться от смеха. Это была та, прежняя Мари, и очарованный Ник даже подумал, что лучше бы ему отпустить её и начать всё с чистого листа, но, вспомнив о Тьене Моррисоне, он отогнал эту мысль. «Из-за распроклятого пророчества мне не быть её единственной любовью. После моей смерти наверняка она выберет его. Так что, пока я жив, им не быть вместе».

Заметив, что Ник помрачнел, Мари подумала, что ему пришло ментальное сообщение от Палевского, которое, как правило, заканчивалось требованием немедленно явиться в штаб.

— Очередная неувязка, требующая твоего присутствия? — поинтересовалась она.

Ник аккуратно сложил салфетку.

— Алин, не забывайся! Ритен никто не отменял. Как смеешь ты задавать вопросы без моего на то разрешения?

— Но... — заикнулась было Мари.

— И не смей спорить со мной, если не хочешь, чтобы я при всех поставил тебя на колени.

Опасаясь, что захмелевшая девушка выйдет из повиновения и закатит ему грандиозный скандал, он протянул ей руку.

— Потанцуем?

На лице Мари отразилась целая гамма противоречивых чувств — от возмущения до растерянности. Тем не менее она согласно кивнула и оркестр, повинувшись мысленному приказу Ника, заиграл мелодию, знакомую ей по видению. Танцевальная площадка опустела и он, выведя её в центр, поклонился так, как это было принято в эрейской культуре. Преобразившаяся будто по волшебству девушка надменно выпрямилась. С головы до пят теперь это была чистокровная эрейская аристократка. С ледяным выражением на лице она слегка склонила голову и грациозно скользнула в объятия партнёра.

Несмотря на показную уверенность, Мари нервничала. Эрейское танго[1] носило ритуальный характер и по большей части было импровизационным танцем, заранее можно было изучить только его коллективный рисунок. К счастью, Ник оказался великолепным танцором и ей оставалось лишь следовать его уверенным движениям. Они прошли несколько кругов по танцполу и Мари, ощутив, что у неё хорошо получается, расслабилась и с улыбкой заглянула ему в лицо. Увиденное настолько выбило её из колеи, что она, сбившись с ритма, зацепилась каблуком за выступ в напольном покрытии, и чуть было не упала, но Ник подхватил её за талию и удержал на весу. Правда, это не слишком помогло делу. Утратившая разом грацию и уверенность девушка была немногим лучше деревянной куклы.

Потрясённая до глубины души Мари не смела поднять глаз. А всё потому, что перед её внутренним взором до сих пор стояло лицо Ника, исполненное такой безоглядной любви и нежности, что в первый момент, как она его увидела, ей даже поплохело.

«А сон-то оказался в руку, — немного придя в себя, подумала она, но отчего-то при мысли о сне ей вспомнился не Ник, а Тьен. — Тогда на выпускном, он смотрел на меня точно также. И что? С глаз долой, из сердца вон, как говорит Ладожский. Теперь вот Ник с обещанием вечной любви, что страшно уже само по себе... Палевская, соберись! Кажется, он не в духе и сильно».

Почувствовав, что над её головой собираются грозовые тучи, девушка попыталась сосредоточиться на танце, но сколько она ни старалась, прежняя согласованность движений ушла и больше не хотела возвращаться.

— Хватит! Давай прекратим это посмешище, — взмолилась она, но Ник продолжал кружить её по танцполу.

— Посмешище? — переспросил он таким тоном, что у Мари пробежал холодок по спине.

— Ник! Вот только не нужно меня ненавидеть.

— Танцуй, алин, не смей останавливаться! И помни, священный танец Весны не терпит фальши. Вот и расскажи его посредством, насколько глубоки твои чувства, или я, клянусь Священным Ягуаром, сверну тебе шею.

— Можешь мне не верить, но я люблю тебя. Вспомни венец любви! Разве он появился бы, будь это не так?

— Значит, боги солгали, — последовал бесстрастный ответ.

— Нет! — Мари порывисто прильнула к Нику, но поняла, что обнимает статую командора[2]. «Господи, какой кошмар! Нужно срочно что-то делать, пока вечная любовь не перетекла в вечную ненависть», — пронеслось в её мыслях.

— Стой! — она подняла голову, глядя ему в глаза. — Если хочешь знать глубину моей любви, позволь мне выразить её по-своему.

Ник не ответил, но всё же остановился и даже шагнул назад, ожидая, что она предпримет.

«Слава богу!» — обрадовалась Мари, не ожидавшая, что ей так быстро удастся его уговорить. Но радость продлилась недолго. Из всех возможных способов примирения, что были ей подвластны, для самого надежного была не самая подходящая обстановка. «Эх, будь мы дома, всё было бы значительно проще... Merde! Что же делать? — в растерянности Мари посмотрела на Ника, но тот проигнорировал её взгляд, просящий о помощи. — Понятно. Сама напортачила, сама выкручивайся. Вот дура! — расстроилась она. — Ведь знала, что это непростой танец. Нужно было отказаться, если не уверена в своих чувствах... Но это же не так! Тогда какого чёрта я запаниковала? А теперь он воспримет мой испуг как оскорбление и чем это закончится одному богу известно».

На кону стояло слишком многое, и взволнованная девушка судорожно сглотнула. Угроза была серьёзной — Ник слов на ветер не бросал, тем более под клятвой. «Делать нечего, придётся в танце объясняться в любви, да так, чтобы он поверил, — собираясь с духом, она прикрыла глаза. — Ну давай, Палевская, не подведи! Ник ждёт. Если уж он переступил через свою чёртову гордость и смог открыть сердце, то и ты будь добра заплатить ему той же монетой. В конце концов, не так уж много от тебя требуется, просто будь честной с ним, и сама с собой».

Нужный настрой был пойман и Мари, открыв глаза, улыбнулась — призывно и нежно, хотя Ник по-прежнему являл собой статую командора. Не смутившись ледяным выражением его лица, она спустилась в зал и, пройдя между столиков, позаимствовала красную розу из букета новобрачной. Счастье молодожёнов было столь полным, что его не омрачала даже гнетущая атмосфера, воцарившаяся в ресторане.

По возвращении на танцпол, девушка повернулась к оркестру, который по-прежнему играл эрейское танго, и подняла руку. «Хватит, господа! Пожалуйста, «Вечную любовь»,[3] — попросила она.

Как только зазвучала увертюра бессмертной мелодии, она подошла к Нику и, опустившись на одно колено, протянула ему розу. Несмотря на мольбу, написанную на её лице, он отверг её подношение и она, опечаленная его отказом, опустила голову, а затем медленно поднялась и закурилась в сольном танце, который был само раскаяние и любовь.

Мари была столь беззащитна в своей открытости, что сердце Ника всё же дрогнуло и, когда она снова упала к его ногам, моля о прощении, он рывком поднял её и прижал к себе, но затем опомнился и с подкруткой оттолкнул от себя. Центробежная сила унесла её к краю танцпола, но она вернулась, и на этот раз он сдался. Вновь зазвучало эрейское танго и те, кто остался в ресторане, и те, что находились поблизости, испытали столь мощный прилив любви и всепрощения, что даже киллер, охотящийся за порученным ему клиентом, решил не омрачать столь чудесный вечер богопротивным делом и отложил убийство на потом.

Впоследствии выяснилось, что шустрый подросток снял Ника и Мари на телефон, и видео с их танцевальными разборками взорвало интернет. Правда, вампирская СБ успела принять меры, и вирусная программа стёрла его до того, как об этом узнал Ник — к великому облегчению Штейна, подозревавшему, что вмешательство Старейшего, не склонного к компромиссам, особенно по части людей, могло закончиться глобальным обрушением Всемирной паутины. Тем не менее деятели от моды, киноиндустрии, художники и даже криминальные авторитеты ещё долго искали юношу и девушку, поразивших своей красотой и артистичностью всех, кому довелось их увидеть. Заинтересовалась ими и публика посерьёзней, особенно Мари.

Не подозревающие о произведённом фуроре Ник и Мари, не спеша шли по вечернему Парижу.

— Ну, как тебе мой танец? — спросила девушка, не утерпев.

— Терпимо, — отозвался Ник.

— Вот что ты за человек? Нет, чтобы похвалить меня за все мои мучения! — возмутилась Мари. — Может, я люблю не так, как хотелось бы тебе, но я вывернула себя наизнанку, чтобы ты больше не сомневался во мне.

— Я и так не сомневался.

— Так ты испытывал меня?.. Чего молчишь?

Ник усмехнулся.

— Разве молчания недостаточно?

— Убить тебя мало за все твои штучки! — в сердцах воскликнула девушка.

— Хочешь, убей, — остановившись, Ник поцеловал её, и она ответила ему также страстно и нежно.

Пробуждённая танцем любовь, как выдержанное шампанское, пела и играла в их крови. Наряду с сексуальным напряжением она будила в них странные чувства — прежде их не знали ни он, ни она. В отличие от той первой любви, по-детски простой и понятной, эта любовь не сулила им ни простоты, ни понимания. Изменчивая и непредсказуемая, как сама судьба, она могла обернуться чем угодно. Стоило сделать неверный шаг, и она могла рассыпаться, как картонный домик, и оба понимали это.

«Что же нас ждёт?» — подумал Ник, вглядываясь в тёмные глаза Мари с мерцающими фиолетовыми искрами, похожими на звёзды. «Ты же знаешь, я не люблю загадывать наперёд. Так что поживём-увидим», — отозвалась девушка и, к его досаде, опустила ресницы. «Вот в этом вся ты! Вроде бы вся из себя такая открытая, а стоит приблизиться и ты сразу же уходишь в глухую оборону», — укорил её Ник. «Уж кто бы говорил!» — улыбнулась она и вместе с ней вселенная, что пряталась в её глазах.

Следующий день начался как обычно — Ник исчез ещё до того, как Мари проснулась.

— Где ты шлялся в такую рань? — сонно спросила она, ощутив его присутствие. — Я уж думала, что ты снова умчался по своим делам.

— Развлекался, — ответил Ник и его глаза заискрились смехом, когда девушка тут же села и с подозрением посмотрела на него.

Лётная амуниция её успокоила.

— Понятно. Опять был у месье Дюпона, — она потянулась и сладко зевнула. — Вот чего ты привязался к дурацкому аэроплану? Впрочем, можешь не объяснять, и так понятно, что тебе нравится ветер в лицо и ощущение свободного полёта. И всё же, не дай бог он

развалится прямо в воздухе. Просила же не глупить и взять современный парашют. Ведь костей не соберёшь, если древний зонтик, заменяющий его, возьмёт и не раскроется.

— Хватит читать мне нотации, — Ник стащил краги с рук и, бросив их на пол, бесцеремонно вытащил её из кровати. — Давай, собирайся. В такую чудесную погоду грех сидеть дома.

— А завтрак?

— Перекусим где-нибудь в городе.

— Ладно, жди, я сейчас.

Когда девушка вернулась, одетая в свободный серый свитер толстой вязки, драные голубые джинсы и жуткие ботинки армейского фасона, Ник вздохнул, но промолчал, не желая портить хорошее настроение, но взял себе на заметку, что нужно пополнить её гардероб, чтобы не краснеть за неё там, где требуется определённый дресс-код.

Мари поняла его без слов, что, в общем-то, было не сложно. Ник тоже успел переодеться и в своём безупречно сидящем белом костюме выглядел настоящим принцем. Возведя очи горе, она снова отправилась в гардеробную, где сменила демократический наряд на светлый костюм, состоящий из узкой юбки до колен и жакета в талию, а затем, скрепя сердце, сняла ботинки и надела туфли на высоком каблуке. При её внешности макияж был лишним, и Мари лишь тщательно расчесала волосы и связала их в хвост; с момента её странного замужества времена коротких стрижек канули в Лету. «Merde! Чуть не забыла!» — вернувшись, она взяла подходящую наряду сумочку и оглядела себя в зеркале: «Супер! Простенько и со вкусом».

Увидев преображённую девушку, Ник одобрительно кивнул.

— Чёртов сексист! — фыркнула она. — Сам попробовал бы походить на каблуках. Имей в виду, если по дороге у меня отвалятся ноги, ты будешь носить меня на руках.

— Без проблем, — улыбнулся Ник. — Выглядишь — супер! — добавил он, лаская взглядом шею той, что стала его судьбой.

— Я тоже так считаю, — ответила польщённая девушка и взяла его под руку. — Хватит примеряться к моей шее. Если мы застрянем дома, то до обеда уже никуда не выберемся, а погода действительно классная. И вообще, зря я, что ли, наводила красоту?

— Хорошо, идём, — согласился Ник, хотя с куда большим удовольствием остался бы дома. И он усилием воли подавил проснувшееся волнение в крови.

Когда они вернулись с прогулки, мадам Иветта, недавно появившаяся у них домоправительница, рассыпалась в комплиментах, мол, она ещё не встречала такой красивой пары и завздохала, вспоминая свою молодость. Несмотря на болтливость, женщина успевала везде и всюду — обед был готов, дом блистал чистотой и порядком. Накрывая на стол, она не умолкала ни на минуту и поведала новым хозяевам историю своей жизни, но они были не в претензии. Жизнерадостная домоправительница пришлась по душе даже Нику, хотя, делаясь впечатлениями с Мари, он заметил, что мадам Иветт не мешало бы слегка укоротить язык.

[1] Сакральный брачный танец, как таковой названия не имел и посвящался божеству Весны. В коллективном исполнении танцоры придерживались определённого рисунка, в паре его танцевали как заблагорассудится.

[2] Для тех, кто подзабыл школьную программу, это намёк (пасхалка) на пьесу

«Каменный гость» А. С. Пушкина.

[3] Мелодия Френсиса Лея к фильму «История любви».

Когда домоправительница ушла, и они остались одни, Ник сказал, что выполнил обещание и сегодня вечером они идут на представление Cirque du Soleil и, в общем-то, им пора собираться. Пока Мари радовалась желанному развлечению, он смерил её критическим взглядом и понял, что, ностальгируя по прежним временам, основательно запустил ситуацию. Девушка вернулась к прежним вкусам и по возвращении домой переделалась в ядерно-жёлтую бесформенную футболку, полосатые шорты арбузной расцветки и розовые домашние тапочки с помпонами.

— В чём дело? — забеспокоилась она, заметив его недовольную гримасу.

— Опять накупила всякой дряни, смотреть страшно. Хорошо, что я не стал полагаться на твой плебейский вкус, — беззлобно проворчал Ник.

— Неправда ваша, дяденька! Я старалась брать вещи от известных кутюр, — обижено проговорила Мари. — Ну-ка, покажи, что ты там купил! — не выдержала она. — Ведь ты купил, да?

— Естественно, иначе пришлось бы сдавать билеты.

Ник принёс большую нарядную коробку и она, сняв крышку с элегантным атласным бантом, вынула шедевр портняжного искусства, завернутый в тончайшую папиросную бумагу. Отстранив платье от себя, она смерила его оценивающим взглядом.

— ОК, годится, — наконец сказала она и бросила на ходу: — Один момент. Я в ванну.

Несмотря на обещание, девушка не слишком спешила и Ник успел переодеться в вечерний костюм. Чтобы скрасить себе ожидание, он взял старинный хрустальный бокал и удовлетворённо кивнул, обнаружив, что тот абсолютно чист. «Что ж, в таком случае мадам Иветт останется при своём языке. Добросовестным слугам простительны некоторые слабости, да и Мари расстроится: ей явно нравится болтовня старушки». Он подошёл к бару и достал початую бутылку вина. «Фу, гадость! — поморщился он, сняв пробу, и глянул на этикетку. — Понятно, алин притащила очередную гадость в дом. И откуда только это в ней? Вроде бы и по матери, и по отцу чистопородная аристократка, а вкуса ни на грош...»

Треск ткани заставил его обернуться.

— Вот, крейд! Зачем ты испортила такое красивое платье?

— Терпеть не могу длинных балахонов, к тому же нужно быть проще, это же цирковое представление, — спокойно сказала девушка и прищурила глаза, примеряясь к злополучному платью. — Как думаешь, может, ещё немного оторвать, чтобы было чуть повыше колен?

— Сама решай, — усмехнулся Ник. — В общем-то, теперь уже без разницы, всё равно платье безнадёжно испорчено. Бедный портной. Он так старался угодить, — заметил он.

— Какой портной? — рассеяно спросила Мари, и он назвал имя известнейшего кутюрье, шьющего исключительно для сильных мира сего.

— Если месье будет расстраиваться, скажи, что ты здесь ни при чём, и это я та злыдня, что испортила его труды.

Приложив платье к себе, девушка всё же оторвала ещё часть подола и отправилась в свои комнаты. Пока она готовилась к выходу, Ник открыл сейф и достал драгоценности.

— Выбирай, — сказал он, положив их на туалетный столик, за которым Мари наносила вечерний макияж, и добавил: — Только не вздумай что-нибудь отламывать; тут есть

фамильные вещи Дома Лета, за их порчу полагается смертная казнь.

Оторвавшись от своего занятия, девушка смерила его долгим взглядом.

— Обойдусь. У меня нет сорочьей склонности к блестящим камушкам. Так что заведи их от греха подальше.

Ни лице Ника промелькнуло прежнее непреклонное выражение.

— Как моя алин, ты должна появляться на публике при полном параде, а это значит, что драгоценности обязательны.

— Хорошо, — не стала спорить Мари и открыла только те футляры и коробочки, на которых не было монограммы Дома Лета.

— Думаю, вот этот браслет и брошка с зелененькими камешками вполне подойдут, — заявила она, бросив беглый взгляд на лежащее перед ней богатство.

— Этого мало.

Ник открыл футляр с фамильным ожерельем из изумрудов, но Мари бурно запротестовала.

— Не вздумай! От камней на шее у меня такое ощущение, будто меня кто-то душит.

— Ладно, надевай, что хочешь, — отступил он, припомнив, что у неё действительно есть такая фобия, но его огорчило, что она отказалась от фамильных драгоценностей.

«Не слишком ли я её балую?» — сердито подумал Ник и скривился, глотнув забракованное вино из бокала, который неизвестным образом оказался в туалетной комнате Мари, хотя он помнил, что оставлял его в столовой.

«Ой! — спохватилась Ким и жалостливо сморщилась, видя, что он выплеснул вино в горшок с пальмой. — Вот зачем? Это же моё».

«Эй, воровка! — ухмыльнулся Арес. — Ты там не слишком наглей. У протеже Николса соображалка на уровне. Пара таких проколов, и он вычислит тебя».

«А то я не знаю!» — фыркнула Ким.

«Точно! Ведь ты же прислуживала ему в качестве искусственного интеллекта. Не скажешь, за что он тебя прибил?»

«Ты! — задыхнулась Ким от негодования. — Заткнись, тупая башка, не твоего ума дело!» — И она снова скрылась в пространственно-временной складке.

Ощущение чужого присутствия исчезло так же быстро, как появилось, и Ник перевёл дух. С такой ментальной мощностью ему ещё не приходилось встречаться. «Крейд! Может, ноосфера шалит?» — мелькнула у него мысль, и он пожалел, что вылил вино. «Пожалуй, нужно выпить чего-нибудь покрепче», — пришёл он к выводу.

Ник направился было в столовую, но его остановил возглас Мари.

— Готово! Ну, как?

Он повернулся и придирчиво её оглядел. Вопреки его ожиданиям, девушка выглядела замечательно и даже укороченное платье ей очень шло. Единственно, что ему не понравилось, это браслет на её щиколотке, вызывающий у него ассоциацию с рабскими браслетами, принятыми в эрейской культуре.

— Сними! — сказал он безапелляционным тоном.

— Не сниму, мне так больше нравится, — заупрямилась девушка.

На мгновение в Нике полыхнуло раздражение, но стоило ему увидеть, что Мари инстинктивно отступила, и он взял себя в руки: «Терпение! Объясняй, а не требуй, как

говорил в таких случаях сентано Боледо».

— Алин, не глупи. Ты хоть представляешь, сколько стоит то, что ты нацепила на ногу? Годовой бюджет некоторых стран в Евросоюзе и то меньше.

— О! — пришла в восторг Мари. — Если по твоей милости я останусь без ноги, ты будешь должен мне золотой протез.

— Да без проблем, миссис Силвер.

— И попугая не забудь.

— Будет тебе и попугай, и пиастры в придачу, — пообещал Ник и глянул на часы. — Но давай поторопимся. Представление в Канаде, а туда ещё нужно добраться.

Заслышав урчание в животе, Мари вздохнула и с просящей миной посмотрела на него.

— Если не очень опаздываем, может, поедим?

Предложение было соблазнительным и Ник заколебался.

— Вообще-то, я думал, что мы поужинаем в Монреале... Ладно, уговорила. Пошли, поедим. Дома будет быстрее.

— Люблю тебя! — просияла девушка. — Честное слово, ты не пожалеешь, мадам Иветта оставила нам кучу вкуснятины и мороженое у неё ничем не хуже, чем у Аннабель...

Имя сестры заставило её умолкнуть и на лицо Ника набежала тень.

— Не ревнуй! Тьен прошлое, а ты моё настоящее, — произнесла Мари лёгким тоном и, подхватив его под руку, нетерпеливо добавила: — Не тормози! Я так понимаю, времени у нас не так уж много.

— Только учти, если измажешь платье, то я никуда с тобой не поеду.

— Понятно, с Золушками ты не знаешься, даже если они королевны по всем параметрам.

— Верно. Служанки должны знать своё место. Им не место на королевском балу. Терпеть не могу эту сказку.

— Это ещё почему?

— С чего вдруг какой-то замарашке мнить себя принцессой? Ведь у неё даже имя соответствующее, Золушка.

— Ну и что?

— Чистюлю так не назовут.

— Зато у девочки очень доброе сердце.

— Что не исключает того обстоятельства, что она грязнуля и неряха. Да и ты недалеко от неё ушла.

— Доказательства на бочку или я потребую сатисфакции!

— Уличное кафе на Монмартре.

— Ах, ты об этом. Подумаешь! У всех случаются неловкие моменты. Вот обязательно напоминать мне о такой ерунде? Всего-то небольшое пятнышко на одежде.

— Ну, знаешь! И у тебя поворачивается язык назвать крошечным пятно от целой тарелки жаркого, которое ты вывернула себе на колени? Я уж не говорю о моём безнадежно испорченном любимом костюме, который ты задрызгала мерзким соусом.

— Ой ты, боже мой! Ну конечно, это я во всём виновата! А кто показал мне ту скабрзную надпись на стене, да ещё с крайне неприличным сопроводительным рисунком? Так что нечего валить с больной головы на здоровую. А что касается твоего костюма, то он мне никогда не нравился. Захвати ещё коричневую салатницу на нижней полке и вот тот набор розовых судков, а то у меня рук не хватает.

— Эти?

— Да.

— Крейд! Пластмасса, к тому же дикой расцветки... Держи. Скажи мадам Иветте пусть заменит пластиковую посуду на керамическую. Кстати, чем тебе не угодил мой костюм?

— Тем, что к нему особо густо липли окружающие девицы. Передай мне графин с водой. Спасибо. И вообще, с тобой невозможно гулять по людным местам. Ник, я на полном серьёзе, держи выше ментальный щит, иначе я начну отстреливать твоих поклонниц. Достали уже по самое некуда.

— А тебе не приходило в голову, что щит здесь ни причём? Это что такое?

— Гусиный паштет. Умопомрачительно вкусно.

— Я заметил. Забери, мне объедки не нужны.

— Не выдумывай! Почти половина осталась... действительно что-то маловато. Ладно, сейчас принесу что-нибудь другое... Вот поганка! Всё самое вкусное потягала из холодильника! Если ещё и мороженое схомячила, то я не знаю, что я с тобой сделаю!

— Ты это о ком?

— Да так, болтаю сама с собой, не обращай внимания. Да, а почему мы летим в Монреаль, а не в столицу развлечений Лас-Вегас, где мой наряд был бы уместней?

— Я думал, ты видела их водное шоу, поэтому выбрал новое представление Cirque du Soleil.

— Как оно называется?

— «Прекрасная дева и рыцарь ночи».

— Офигеть! Это о вампирах что ли?

— Судя по афише, да. Допивай свой чай, нам пора.

— Идём, я больше не хочу. Умираю от любопытства, что же нам покажут. Ой, а мороженое?

— Не сейчас, съедим, когда вернёмся.

Очарованная представлением Мари упростила Ника немного прогуляться по улицам сияющего огнями города, атмосфера которого создавала ощущение, что они находятся во Франции. Не слишком охотно, но он всё же согласился пройти пешком до аэропорта, где они оставили авиетку.

В отличие от девушки у Ника было далеко не радужное настроение. В шапито не было лож и из-за близкого соседства с остальными зрителями всё представление они провели с максимально поднятыми ментальными щитами, что, в общем-то, не слишком спасало их от внимания окружающих. Женщины всех возрастов больше таращили глаза на него, чем на сцену, а девушки, что побойчей, пытались всучить ему свой номер телефона. Но особенно его бесили пылкие взгляды мужчин, которые они бросали на Мари. В антракте его попытки отойти от неё приводили к тому, что её тотчас окружали поклонники. Впрочем, с ним происходило то же самое, отчего он еле удерживался, чтобы не прибить некоторых чрезмерно наглых девиц. Правда, Мари, увлечённая представлением, не обращала внимания на всю эту мышиную возню, но Ник к концу вечера был основательно на взводе и, когда она спросила, понравилось ли ему шоу, он раздражённо ответил, что цирка ему и дома достаточно. Видя такое дело, Мари поцеловала его — в благодарность за чудесный вечер, как сказала она, и это несколько примирило его с походом в *Cirque du Soleil*.

Несмотря на красочные костюмы и великолепную хореографию, представление Нику не понравилось. При своих способностях он не видел ничего особенного в рискованных трюках цирковых артистов, а нагнетание жути посредством летающих гробов и кривляющихся мертвецов в сопровождении тревожной музыки и стонущего голоса певицы он находил довольно пошлым приёмом.

Ближе к окраине города они забрели на какую-то пустынную улочку и дорогу им преградила компания парней. Судя по ненормативной лексике, это были эмигранты из Восточной Европы.

Их преследовали несколько кварталов, Ник об этом знал и был готов к нападению. В предвкушении, что наконец-то сможет выплеснуть накопившееся за вечер раздражение, он не обратил внимания на тревожный звоночек, звучащий на периферии сознания. Тем не менее он отправил девушку себе за спину и велел ей забраться повыше. Хотя она рвалась в бой, ему не хотелось рисковать. По повадкам парней он видел, что это не обычная уличная шпана, а бандиты, причём с огнестрельным оружием, что было уже опасно. Конечно, Мари превосходила людей по всем параметрам, но он помнил, что пуля — дура и по случайности могла угодить ей в голову или шею, что было чревато летальным исходом.

И тем не менее Ник не воспринял нападение всерьёз, о чём впоследствии пожалел. Бандиты оказались куда опасней, чем он ожидал. Это оказались вампиры, замаскированные под людей.

Поначалу это обстоятельство лишь подогрело его азарт — достойный противник был ему куда больше по душе, чем медлительные люди, которых он мог перебить за считанные секунды.

Вот только стоило ему услышать шум автомобильного двигателя и в его голове сложились детали пазла: две крайне назойливые девицы, дышащие ему в лицо винным

перегаром; мальчишка, будто нечаянно обливший его водой, и долго извинявшийся за это; благородного вида красивый мужчина, прижавший к себе Мари, когда её толкнули в фойе, и выпустивший её из рук только при приближении Ника. Всё это показывало, что его намеренно выводили из себя и что нападение — это часть спланированной операции. «Мари!» — мысленно выкрикнул Ник. Девушка не отозвалась, и он бросился за отъезжающей машиной, но вслед ему открыли такой плотный огонь, что он был вынужден залечь. Хуже всего было то, что он не находил Мари в ноосфере. «Неужели её убили?.. Нет, не может быть! Будь это так, я бы почувствовал».

Игры кончились, и Ник ударил из ментала. И тут выяснилось, что противник подготовлен куда лучше, чем он ожидал. Выстрелы затихли, но стоило ему высунуться из укрытия, и они зазвучали вновь. «Крейд! Значит, мне не показалось, у «дикарей»[1] действительно есть устройства, изолирующие от ноосферы, — с досадой подумал он и напряжился, готовясь к атаке. — Что ж, в таком случае придётся рассчитывать только на свои силы». И поскольку его навыкам не мог противостоять даже Штейн, то у обычных вампиров не было ни единого шанса на выживание. Их подготовка не шла ни в какое сравнение с его подготовкой.

Сентано Боledo по праву мог гордиться своим учеником. В считанные минуты Ник не только уложил всех своих противников, он успел вскрыть им черепа и забрал оттуда живлённые чипы, а затем снова бросился за машиной, увозящей Мари, причём ему не хватило самой малости, чтобы её догнать.

Находящийся на пределе сил Ник согнулся, упершись ладонями в колени. «Крейд! Что же теперь делать? У Микаэля и без нас дел по горло, не хочется его беспокоить. Звать Штейна, значит, расписаться в собственной беспомощности. Нет уж, справлюсь сам. Думаю, на Мари нацепили что-то подобное, — он разжал ладонь и посмотрел на горсть окровавленных чипов. — Время есть. Если её похитили, значит, она нужна им живой». Выпрямившись, он ссыпал чипы в карман и глянул на окровавленные руки. «Жаль, костюм испортил. Но ничего, они заплатят мне и за это».

Ник достал мобильник и набрал 911 — номер вызова канадской полиции.

— Сэр, у меня похитили жену. Марка машины Jeep Cherokee SRT, цвет серый, номер FLD 62...

В надежде, что канадская полиция поможет ему в розыске Мари, он сообщил имеющуюся у него информацию по похитителям, а затем вызвал авиетку, хоть это было рискованно. Замаскированная под вертолёт она, поднявшись в воздух до его появления, могла привлечь к себе ненужное внимание. Хозяева аэродрома могли счесть, что её угнали воры, да и скорость полёта у авиетки была отнюдь не вертолётной, но Нику не было до этого дела. В поисках Мари он был готов перевернуть не только Монреаль, но, если потребуется, и всю Канаду. Тем не менее он надеялся, что до этого дело не дойдёт, — ведь чем дольше длятся поиски похищенных, тем меньше шансов найти их живыми.

Мари действительно увезли на той машине, что видел Ник, причём всё произошло настолько быстро, что она не успела дать отпор похитителям.

Недовольная тем, что Ник пренебрёг её помощью, тем не менее она не стала настаивать: она видела, что он хочет выпустить пар, и, зная его способности, не слишком беспокоилась. Чтобы не спугнуть бандитов своими повадками, она скрылась между домами и по пожарной лестнице поднялась на крышу дома. Судя по тёмным провалам окон, там

никто не жил, что подтвердила битая скользкая черепица. Желая посмотреть, как обстоят дела у Ника, девушка, опасаясь провалиться, осторожно пробиралась к краю крыши, поэтому настоящую опасность заметила слишком поздно. К ней бросились две нечеловечески быстрые тени; затем короткий замах той, что была помассивней и повыше, и дальнейшие события от неё сокрыл туман беспомощности.

Похититель забросил Мари на плечо и, спустившись по пожарной лестнице, со всех ног бросился к джипу. Это был высокий светловолосый парень с жёстким выражением на узком лице. Он кинул девушку на задние сиденья и зверски глянул на напарника, вознамерившегося сесть на переднее сиденье.

— Не ко мне, идиот! Сядь рядом с ней и как следует свяжи. Как только почувствуешь, что она вот-вот очнется, сразу бей по голове. Так надёжней. Мало ли какие штучки они разработали в своей Академии.

— Лукас, а этот мудака нас не засечёт? — обеспокоенно спросил младший из вампиров. На вид ему было лет шестнадцать.

— Заткнись! — рыкнул старший и с тяжёлой злобой посмотрел на лежащую без сознания девушку. Он взмахнул было кастетом, собираясь ударить её ещё раз, но всё же взял себя в руки и нажал на газ.

— Думаешь, ребята справятся с ним? — нерешительно проговорил мальчишка-вампир и, боязливо оглядевшись, добавил: — Поговаривают, что это сам Старейший...

— Я сказал, заткнись! Броня машины защитит нас от прямого сканирования через ноосферу.

— Тогда ладно.

— Не трусь, огрызок! — на лице Лукаса появилось раздумье. — Старейший, говоришь? Что ж, ему же хуже. Если это он убил наших братьев, я его отловлю и вместе с его подстилкой настрогаю на мелкие кусочки.

— Ты что? — всполошился младший. — Мирон велел доставить девчонку в целости и сохранности.

— Да пошёл он на ...! Эта гнида мне не указ.

Мальчишка отвёл волосы с лица Мари и удивлённо присвистнул.

— Ух ты, какая красивая! Аж в штанах тесно.

На лице Лукаса заиграла скверная улыбочка.

— Было время, когда любой из нашего гнезда мог трахать её сколько душе угодно. Правда, эта сука была очень шустрой и постоянно пряталась или убегала, зато при поимке получала своё сполна.

— Ну да, от такой красотки никто бы не отказался. Правда, не пойму, если она вампир, тогда почему с ней плохо обращались?

— Потому что эта мразь ничего другого не заслуживает, — злобно оскалился Лукас. — Это из-за неё разорили наше гнездо. Если это сделал тот подонок, что с ней, надеюсь, ребята от души настигают его пулями.

Не желая его злить, мальчишка промолчал. «Понятно. Значит, это та девчонка, про которую рассказывали старики... Эх! Жаль, что меня там не было, — вздохнул он и, запустив руку в вырез платья, сжал грудь Мари. — Может, трахнуть её прямо сейчас?»

— Хватит её тискать, — сказал Лукас, заметив его поползновения, и пригрозил: — Я тебя самого оттрахаю, если она очнётся.

— Делов-то, сейчас дам ей по башке, и готово...

— Всё же выследил! — воскликнул Лукас и грязно выругался.

Резко прибавивший скорость джип подпрыгнул на неровности дороги, и мальчишка вцепился в Мари, не давая ей упасть. Шелковистые холодные волосы скользнули по его шее, и он вздрогнул от внезапного страха — ему вдруг показалось, что он держит не девушку, а опасную змею, которая лишь притворяется, что без сознания, а на самом деле выжидает момент, чтобы напасть на него.

Исходящие от девушки эманации приобретали всё более угрожающий характер и мальчишка, не выдержав, отшвырнул её от себя. Ни о каких сексуальных поползновениях больше не было и речи, даже утончённый запах её духов вызывал у него ничем не контролируемый ужас. «С этой змеюкой что-то нечисто. Говорят, она с самого рождения была вампиром, а разве такое возможно?» — в панике подумал он и как можно дальше отодвинулся от пленницы. И тут ему показалось, что она шевельнулась.

— Лукас, давай её убьём! — выкрикнул он не своим голосом.

— Хорошо её связал?

— Да!

— Тогда заткнись и не мешай мне!

Видя, что Ник отстал, старший из вампиров, успокоившись, взглянул на младшего.

— Чего ты сдрейфил? Она же без сознания. И не вздумай её прикончить, так просто я не дам ей умереть. Прежде чем это произойдёт, я пропущу её через такие круги ада, что она будет ползать у моих ног, вымаливая себе прощение, — сказал он и бросил на Мари свирепый взгляд.

— Старики говорили, что Владислав неровно к ней дышал, — рискнул заметить мальчишка и поспешно добавил: — Смотри, эта ведьма и тебя околдует.

— Заткнись, ублюдок! Отец любил только нашу мать, а эта б... была для него только подстилкой. Насчёт меня можешь не беспокоиться, ад замёрзнет, если я прощу ей гибель нашего гнезда.

— Слушай, давай не будем злить Мирона. Он же бешеный, когда не выполняют его распоряжения. К тому же девчонка нужна для дела.

— Плевать! Живой эту тварь никто не получит, тем более Мирон. Если он думает, что я забыл, как он её защищал, то он глубоко ошибается.

С лица Лукаса пропало свирепое выражение. Несмотря ни на что он не мог ненавидеть того, кто был ему когда-то как младший брат. «Сюрприз, мой мальчик! — усмехнулся он. — Знал бы ты, кому попала в руки твоя обожаемая подружка, ты писал бы уже кипятком».

Пока хозяева путешествовали, Арес и Ким обосновались в их квартире. Бог-убийца изводил запасы крепких напитков, а богиня, обидевшаяся на возведённую на неё напраслину, планомерно изничтожала мороженое. И тот и другая при этом с любопытством наблюдали за приключениями пары в Канаде.

— Это ты пуганула мелкого насильника? — поинтересовался Арес.

— Не-а, — ответила Ким и, отправив в рот очередную порцию мороженого, ткнула ложкой в направлении золотого обруча на его руке. — Я здесь ни при чём, это всё он.

— Первородный хаос? И как долго он будет находиться в девчонке?

— А я знаю? — фыркнула Ким и с улыбочкой добавила: — Спроси у своей мамочки, она ж тебе его подарила.

— Язва! — меланхолично заметил бог-убийца и налил себе ещё одну порцию коньяку,

позаимствованного из запасов Палевского, который хоть редко, но по сей день останавливался в своей старой квартире в Париже.

Ожидание продлилось недолго. Не прошло пяти минут и над головой Ника зависла гигантская короткокрылая птица, и он запрыгнул в открывшийся люк. Снова скрывшись за маскировкой, авиетка помчалась над притихшими улицами, рыская по сторонам как заправская гончая.

Звонок в службу спасения оказался не лишним. Как только патрульная служба сообщила, что разыскиваемый джип замечен на автостраде и группе захвата назвали его координаты, Ник без промедления отправился в указанном направлении. Сравнявшись в скорости с удирающим джипом, он подцепил его силовым лучом и тот с бешено вращающимися колёсами взмыл к небесам — прямо на глазах у изумлённых полицейских, которые прибыли для задержания похитителей.

К чести канадских полицейских, они не растерялись и вызвали воздушное подкрепление. Правда, когда вертолётчики прибыли, НЛО вместе с джипом уже исчезло, и на память о сверхъестественном происшествии у полиции остались лишь снимки, подтверждающие, что они не жертвы массовой галлюцинации. ЦРУ тоже заинтересовалось странным случаем, но расследование быстро прекратили — по причине вето, наложенного кем-то из верхнего эшелона власти, поговаривали что это было распоряжение самого президента, но слух лишь отчасти соответствовал истине.

Как только колёса джипа коснулись земли, Лукас нажал на газ, но тот не сдвинулся с места. Тогда он схватил пистолет, собираясь пристрелить Мари, но и здесь не преуспел — Ник оказался быстрее. Бластер проплавил лобовое стекло и оставил на его лбу аккуратное бескровное отверстие, и он уже бездыханный откинулся на спинку сиденья. Grimаса ненависти изгладилась и скорбно опущенные уголки губ придали лицу умершего вампира печальное выражение.

Прикончив одного из похитителей, Ник поставил бластер в режим резака и вскрыл заблокированную дверцу джипа. Мари была жива, но без сознания. При виде обширной раны на её виске и залитого кровью лица у него свело скулы. «Вот скоты! Если она умрёт, изрублю тварей в фарш», — с яростью подумал он.

— Не подходи, я ей горло вырву! — истерически выкрикнул мальчишка-вампир, сомкнув когти на шее Мари.

Угроза была серьёзной. Как и у подельников, у него был вшит чип, который, хоть не полностью, но изолировал его от ноосферы, что не давало Нику нанести полноценный ментальный удар. Он заколебался. Как бы ни был он быстр, он мог не успеть обезвредить паникующего подростка. «Мари! — мысленно позвал Ник. — Как можно резче отведи правый локоть». И девушка послушалась. Плавая в тумане беспамятства, она вяло ткнула во что-то мягкое, но этого хватило. Стоило мальчишке отвлечься, и Ник рывком выкинул его из джипа, тот пустился было в бега, но уйти ему не удалось. Спелёнатый ловчей нитью он свалился на землю. Извернувшись, юный вампир с ненавистью посмотрел на незнакомца, облачённого в вечерний костюм. Правда, при виде ножа его храбрость испарилась, и он зажмурил глаза, готовясь к худшему.

На его счастье, Ник лишь вынул чип, после чего взял его за шкурку и швырнул в

запасное пассажирское кресло, поднявшееся из дна авиетки. Вернувшись к джипу, он вытащил Мари.

— Как ты? — спросил он, заметив, что она пришла в себя.

— Бывало лучше... Что за дрянь у меня на глазах? — спросила она слабым голосом.

— Кровь, но ты не беспокойся, с глазами всё в порядке, — ответил Ник. Поднявшись в авиетку, он усадил её в кресло. — Потерпи немного, сейчас дам тебе салфетку и воду.

— Спасибо.

Мари закрыла глаза и, уронив голову на грудь, вновь потеряла сознание.

— Диагностику! — потребовал Ник и кресло, на котором сидела девушка, выпустило паутину измерительных датчиков. Он глянул на соткавшийся в воздухе экран: «Крейд! Плохи дела! Нужен стационарный госпиталь».

Не давая панике завладеть собой, он бросился к пилотскому креслу.

— Тиаран, домой! В Риоголиз! Как можно быстрее!

— Слушаюсь и повинуюсь, мой райделин.

Управление перешло к искину, и авиетка на максимально возможной скорости рванулась в небо.

[1] Дикарями в вампирском сообществе называли тех вампиров, что находились на нелегальном положении и не принадлежали ни к одному из пяти кланов.

ГЛАВА 37. Возвращение на круги своя

Очнулась Мари в уже знакомом ей регенерационном комплексе. Створки автоматически раскрылись и она, сев, обняла Ника за шею. Он взял её на руки и понёс к выходу из медицинского комплекса.

— Куда ты меня тащишь? Если под водопад, то лучше не надо.

— Помнишь про водопад? Уже хорошо. Значит, обошлось без амнезии.

— А что, я была настолько плоха?

Ник вздохнул.

— Чудо, что осталась жива.

— Merde! Голова болит, просто жуть, и слабость во всём теле, — пожаловалась Мари.

— Ещё бы! Приложили тебя основательно. Хорошо хоть череп крепкий. Конечно, треснул, но обошлось.

— Ударили кастетом?

— Да.

— Вот сволочи!

— Согласен.

— Ты знаешь, кто это был?

— Пока нет.

— Мне кажется, что нападающие были вампирами. И что странно, от них осталось ощущение пустоты в ментале. Такого я ещё не встречала.

— Это из-за чипов, встроенных в мозг, — пояснил Ник.

— Выходит, они отсекают от ноосферы? — несколько оживилась Мари. — Занятное изобретение.

— Не очень. Тиаран протестировал их и дал прогноз, к чему приведёт такое подключение.

— К чему? К сумасшествию?

— Верно. Лишь идиоты думают, что можно безнаказанно вмешиваться в работу мозга и пихать туда всякую дрянь. Как твоя голова, сильно болит?

С помощью медицинского комплекса Ник зарастил трещины в черепе Мари и повреждения тканей. Мозг, на его взгляд, пострадал незначительно, тем не менее его беспокоило её состояние, слишком уж слабой она была и даже сеанс восстановительной терапии не дал ожидаемых результатов.

Мари прислушалась к себе.

— Вроде бы уже поменьше.

— Хороший признак, — Ник поставил девушку под душ и, смыв гель, затем отнёс её в ванну. — Полежи с полчаса, вода лечебная. Когда закончишь, зови, я накормлю тебя.

— Не хочу, меня тошнит при мысли о еде.

— Ладно, тогда поспи. Сон — лучшее лекарство. Глядишь, и аппетит вернётся.

— Спасибо, — Мари признательно улыбнулась. — Вот бы с самого начала ты был такой милый, я бы сразу в тебя влюбилась.

— Хватит болтать, отдыхай.

Выйдя из ванной, Ник аккуратно притворил за собой дверь.

— Люблю тебя! — донёлся до него голос девушки.

У Ника потеплело на сердце: «Счастье, что Мари не помнит своё сволочное детство, — подумал он и помрачнел. — Вот только, кажется, оно само решило напомнить о себе. Не выйдет! Убью всех до единого», — с холодным гневом подумал он.

Войдя в столовую, он остановился перед камином, глядя на туаши. «Не слишком ли много чести для подонков? Да и ходить с мечом то ещё удовольствие... — мелькнула у него мысль, но сомнения тут же отпали, стоило ему вспомнить залитое кровью лицо Мари. — Алин уже член королевской семьи и покушение на неё нужно карать должным образом».

Ник снял туаши и после нескольких пробных замахов отправил его в ножны на поясе. «Сначала тот, кто уже ничего не скажет. К тому же нужно забрать джип. Похоже, там тоже есть кое-что интересное», — и он направился к авиетке, ждущей его у входа во дворец.

Труп убитого им вампира он нашёл в морге монреальской больницы, находящейся поблизости от места происшествия, джип — в мастерской умельца, которого канадская полиция привлекала к расследованию, когда им требовался знаток автомобилей с необычным устройством.

Вернувшись с добычей, Ник поставил джип в ангар, где им тут же занялись его роботизированные помощники, а труп вампира отнёс в комнату пленника и взял в руки меч.

Оказавшись носом к носу с отрубленной головой своего товарища, мальчишка заскулил как перепуганный насмерть щенок.

— Рассказывай! Или я проделаю с тобой то же самое, — сказал Ник таким тоном, что тот шарахнулся от него, как от чумного, а затем его будто прорвало.

Захлёбываясь слезами, мальчишка начал кричать, что он здесь ни при чём, а виноваты Мирон и Лукас, мол, это они заставили его участвовать в похищении девушки, а лично ему плевать на неё; и что он говорил Лукасу, чтобы он не связывался с ней, но тот взбесился, что из-за неё убили чуть ли не всех их прежних сородичей и не захотел отдавать её Миرونу.

— Как много вас осталось? — перебил его Ник, и он наморщил лоб.

Подсчёт занял довольно много времени; мальчишка слишком трусил и никак не мог сосредоточиться. Ник задал ещё несколько вопросов и, поняв, что больше не услышит ничего полезного для себя, развязал его и велел встать на колени. Мальчишка безропотно подчинился и, закрыв глаза, забормотал молитву. Ник его не торопил, но когда он снова сбился и начал читать её заново, он всё же не выдержал.

— Говори громче и перестань трястись, — резко сказал он.

Мальчишка с надеждой вскинул на него глаза, но понял, что пощады не будет, и вновь поник. Тем не менее на этот раз он всё же дочитал молитву до конца.

— Аминь, — сказал он чуть слышным голосом и вжал голову в плечи.

— Аминь! — откликнулся Ник и, чтобы не длить его мучения, взмахнул мечом. — Иди с миром и пусть Священный предок будет благосклонен к тебе, — напутствовал он душу своей жертвы.

«Что ж, теперь пора и Миرونу узнать, насколько он не прав, нацелившись на то, что ему не принадлежит», — подумал он, вытирая окровавленное лезвие.

За этим занятием его и застала Мари.

— Боже мой! Что это такое? — спросила она, глядя на него расширенными глазами.

— Правосудие по-эрейски, — Ник прохладно улыбнулся. — Ты же не думаешь, что я рыскаю по улицам в поисках подходящих жертв, как это делаете вы.

— Мы не убиваем, а всего лишь развлекаемся. А! Кажется, мои похитители лишились голов, — догадалась девушка и вздохнула. — Не сказать, что я слишком огорчена их смертью, и всё же как-то не по себе, — призналась она.

— Алин, отдых закончился, — Ник кинул испачканную кровью тряпку в утилизатор. — Больше напоминать не буду. Если снова нарушишь правила, пеняй на себя.

Мари изумлённо посмотрела на него.

— Ты это серьёзно? После всего, что у нас было? Нет, не может быть! Ты шутишь, — не поверила она.

— Я, по-твоему, похож на шутника? — возрился на неё Ник.

— Извини, — погрустнела девушка. — Я уж было подумала, что мы заживём нормальной жизнью.

— Мы и так живём нормальной жизнью, — последовал спокойный ответ.

— Наверное с твоей точки зрения так оно и выглядит.

— Мари, ты куда?

Девушка замерла, а затем обернулась и вежливо проговорила:

— Мой райделин, я должна переодеться к обеду, как того требует ритен.

Ник хотел было сказать, что сегодня это не обязательно, но промолчал. «Крейд! Вот зачем она снова начинает эту дурацкую игру? Ведь ей же самой от этого будет хуже», — подумал он. И всё же его не покидало чувство досады. Он не ожидал, что Мари так быстро сдастся и снова спрячется за маской эрейской аристократки. «Трусиха! — и он со снисходительным презрением глянул вслед девушке. — Со мной твои партизанские методы не сработают. Будь ты похрабрей и прямо откажись от ритена, возможно, что-нибудь да изменилось бы. Во всяком случае, у тебя была бы почва для переговоров, а у меня повод уступить. А так со своим лицедейством ты не оставляешь мне выбора».

Он проверил лезвие меча и, решив, что достаточно его отполировал, повесил на прежнее место над камином.

Когда они сидели за столом, Мари время от времени поглядывала на Ника. «Неужели он и в самом деле отрубил бедолагам головы?» — гадала она. Похитителей она толком не видела, для неё они остались двумя чёрными силуэтами на крыше, поэтому её жалость к ним носила абстрактный характер. Куда больше её занимало мироощущение того, кто сидел напротив неё. Отчего-то ей не верилось, что можно вот так спокойно есть после того, как съёс кому-то голову.

«Нет, я знаю, что Ник не подарок, не зря же его прозвали Чистильщиком. И всё же, одно дело знать и другое — наблюдать его в действии. И что будет, если я перейду ему дорожку? Он с такой же лёгкостью отрубит голову и мне?» — с тревогой подумала она.

Ник хотел было сказать, что не нужно доводить его до крайности и тогда с ней ничего плохого не случится, но снова промолчал. «Глупая алин! По-твоему, я безжалостный маньяк, а все остальные голуби мира? — сердито подумал он. — Да знала бы ты, скольких прикончили Штейн и твой милый *rara*, ты была бы в ужасе. Сказать, что у них руки по локоть в крови, значит ничего не сказать. И тем не менее к ним ты относишься нормально, а я для тебя само исчадие ада. Я поступаю так, как в таких случаях повёл бы себя мой отец, да и любой другой правитель. Думаешь, мне легко было убить мальчишку-вампира? Ведь он совсем ещё ребёнок. Но ради тебя я был вынужден это сделать».

Обиженный на девушку Ник отодвинул от себя поднос и в отместку ей сказал:

— С завтрашнего дня накрывай на стол как положено. Больше никаких подносов.

— Слушаю и повинуюсь, мой райделин, — вздохнула Мари и поднялась из-за стола, провожая его.

Когда он вышел из столовой, она с облегчённым видом плюхнулась на стул. «Слава богу! — но тут же снова вскочила и бросилась к автоповару. — Ура! Наконец-то можно нормально поесть! — радостно подумала она и вызвала меню русской кухни. «О, супчик из грибного ассорти и к нему расстегайчики. Как вкусно! Мрр, аж слюнки текут, не то что эта эрейская отравка».

Непатриотичные пристрастия Мари вызвали недовольство у Ника. Первым его порывом было вернуться и этим испортить ей всю обедню, но его остановило воспоминание о бледном виде девушки после медицинского комплекса. «Ладно, разок спущу ей это безобразие с рук. Пусть делает, что хочет». Правда, чрезмерная уступчивость начала его раздражать, и он отправился в лабораторию, где тиаран изучал трофейные устройства.

«Чипы и прочие изобретения, конечно, дрянь, но для кустаря очень даже неплохо. Талантливый гад», — скрепя сердце признал Ник и взгляделся в изображение Марона, стараясь понять, что он представляет собой. «Сильная личность, но предпочитает держаться в стороне, что в его случае является преступлением[1]», — пришёл он к выводу.

Решив, что выкормыши Владислава слишком долго задержались на этом свете, он вернулся в столовую и снова снял туаши со стены. К тому времени Мари там уже не было, как и в самом дворце. Ментальная навигация сказала ему, что она гуляет в парке, что вполне его устраивало.

— Тиаран, присмотри за райдиэль. С завтрашнего дня не давай ей бездельничать, пусть продолжает изучать ритен. С физической нагрузкой поосторожней. Пока полностью не восстановится, не наседай на неё, — распорядился он.

— Слушаю и повинуюсь, мой райделин, — отозвался искин и по-детски хихикнул, когда Ник не мог его слышать.

— Вот зачем ты припёрлась? Будешь тут мельтешить, Николс в два счёта тебя поймает, — предупредил Арес, обретающийся в семейном храме.

— Пофиг! — отмахнулась Ким. — Поймает, значит, так тому и быть.

— Глупая девчонка.

— Сам дурак!

«Вот ведь поганка», — усмехнулся бог-убийца. На всякий случай он заглянул в эдем — Николса там не было. «Ну и хорошо», — подумалось ему. Ким забавляла его и, вообще, она ему нравилась, поэтому он не хотел, чтобы принц Хаоса снова запихал её в шкуру смертной.

[1] Привычный к эрейской монархической ноократии, Ник считал, что власть должна находиться в руках тех, чей умственный потенциал много выше среднего и тот, кто не использует полностью данного ему природой, тот заслуживает наказания.

ГЛАВА 38. Встреча будущих коллег и единомышленников

После гибели гнезда Владислава немногие вампиры, которым повезло выжить, первым делом бросились искать Мари и её опекуна. Пылая жаждой мести, они искали долго и упорно — искали по всему миру, но те будто канули в воду. Ненависть — сильное чувство, и всё же с годами жажда мести заметно поутихла. Жизнь брала своё, кто-то из выкормышей Владислава легализовался, обзаведясь семьёй; кто-то погиб, участвуя в сепаратистском движении.

Мирон тоже отступился от поисков, но тут вмешалась судьба. Четыре года назад дела привели его в Париж и он, идя по улице, обратил внимание на двух красивых девушек, сидящих в открытом кафе, а затем его сердце дало перебой, в одной из них он узнал Мари.

Взволнованный он сел за столик напротив и заказал себе кофе. Гадая, узнает она его или нет, он старался не слишком глазеть на девушку. Видимо, она всё же заметила его внимание и скользнула по нему любопытным взглядом. Это было всё, Мари его не узнала. Мирона охватило острое разочарование, но он не удивился. Прошло слишком много лет, он вырос и из мальчишки превратился во взрослого мужчину; будь он человеком, он был бы уже преклонного возраста. А вот девушка почти не изменилась и была такой же юной, какой он её помнил, разве что стала ещё красивей.

Собрав сведения о Мари, он порадовался, что она вошла в семью Палевского. К сожалению, король вампиров служил ей не только защитой, но и ставил её под удар сепаратистов, а среди них могли обретаться его бывшие сородичи, по-прежнему держащие на неё зло. Узнать Мари не составляло никакого труда, но, к его облегчению, вскоре студентов перебазировали под купол Гефеста, где действовали такие драконовские меры безопасности, что прорваться туда с сомнительным прошлым было абсолютно нереально.

Пока Мари училась на последнем курсе Академии, Мирон не терял времени даром и воспользовавшись криминальными связями, вошёл в доверие к сепаратистам, чему немало способствовали его таланты в области техники, особенно в микроэлектронике. Нескольких сородичей, которых ему удалось обнаружить в вампирском подполье, он втихую прикончил. Но организация была разветвлённой и проверить всех её членов было ему не под силу, поэтому он последовал за Мари в Санкт-Петербург. Мирон не задавался вопросом, что им движет, а продолжал как в прошлом её защищать, по мере своих возможностей.

Ник Реази, поклонник Мари, сразу же вызвал у него сильнейшую неприязнь. И дело было даже не в ревности. В повадках мрачного красавца из клана Ягуара проглядывало нечто настолько чужеродное, что вызывало у него отторжение на инстинктивном уровне. А ещё Ник Реази как никто другой соответствовал тотему своего клана — он был опасен, как опасен дикий ягуар, свободно разгуливающий по улицам города. Правда, женщины были от него без ума, но, к его чести, он был равнодушен к их щедрым авансам. Впрочем, как заметил Мирон, он на всех смотрел как на пустое место.

Чем больше он наблюдал за Реази, тем больше тот ему не нравился. В его отношении к Мари было нечто такое, что не давало поверить в его добрые намерения. Слишком уж расчётлив и холоден был его взгляд, когда он думал, что девушка не видит его лица.

Опасаясь, что Реази связан с сепаратистами, Мирон решил проследить за ним.

Судьба хранила его. Поначалу он собирался сам вести наблюдение, но поджимали сроки. Сепаратисты, самые богатые его заказчики, поручили ему доработать под массовое использование чип, способный создать искусственный ментальный щит. Не желая опаздывать с заказом, — в таком случае ему могли урезать финансирование, — он послал одного из своих самых опытных людей, а наутро его нашли с отрезанной головой. Мирон не сомневался, что это сделал Реази, и, что интересно, в материалах полиции ему попалось аналогичное дело.

Понадеявшись на свои устройства, он всё же рискнул и проследил за Реази. И тут выяснилось, что тот, в свою очередь, следит за Мари и беспощадно расправляется с теми, кто смеет приблизиться к ней с недобрыми намерениями.

После этого он не знал уже что ему и думать, как в один из вечеров Реази положил конец его слежке.

Как правило, Мирон держался на приличном расстоянии и был предельно острожен. Как он быстро понял, Реази, несмотря на молодость, был необычайно силён в ментале и вдобавок его отличала запредельная быстрота — в чём он убедился на собственной шкуре, когда неожиданно для себя оказался с ним носом к носу.

Молекулярная струна[1] в руках Реази походила на тончайшую невесомую паутинку, которую, казалось, ничего не стоит разорвать. Вот только лезвие ножа срезало так, будто оно было не из стали, а из бумаги. Мирон не стал геройствовать и бросился бежать и тут его настиг ментальный удар такой силы, что чип, создающий его щит, вышел из строя. Ослепший от невыносимой боли он едва устоял на ногах. И быть бы ему без головы, но его заметила Мари, возвращающаяся с дежурства в штабе. «Вам плохо?» — спросила подбежавшая девушка. Мирон что-то промычал в ответ, и она усадила его на скамейку, а затем вызвала такси. Именно это происшествие послужило тому, что он начал разрабатывать устройство, которое изолировало бы мозг от влияния ноосферы.

Мысль о том, что Реази и есть тот, кто уничтожил гнездо Владислава, пришла к Мирону не сразу. По причине того, что в это было сложно поверить: слишком уж он был молод. Впрочем, как и Мари, однажды подумалось ему, а затем он вспомнил, что девушка с детства обладала вампирскими признаками. Озадаченный он посмотрел на изображения Мари и Реази и обругал себя за то, что раньше не заметил их сходства, говорящего о родстве по крови; впрочем, оно было не слишком явным, к тому же они настолько отличались по повадкам и темпераменту, что не удивительно, что он припозднился с догадкой.

«Значит, они оба уникамы, и это Реази отдал беспомощную малышку в лапы Владислава и его мерзкой жены, — пришёл Мирон к выводу и напряг память, вспоминая события тех давних дней. — Рамона говорила, что опекуну наплевать на неё; видимо, это действительно было так, поэтому она издевалась над ней как хотела. Тогда понятно, почему он так себя ведёт, Мари по-прежнему для него помеха. С другой стороны, он разозлился, когда увидел, что с ней сделали, да и сейчас явно присматривает за ней. Вот только такое чувство, что он сам не прочь свернуть ей голову».

Ведомый любопытством, Мирон возобновил слежку за Реази, хоть это, как выяснилось, было смертельно опасно. По его наблюдениям свирепый ягуар продолжал убивать людей, причем с такой же лёгкостью, с какой они прихлопывали надоедливых насекомых. Через некоторое время к нему попало досье Ника Реази, добытое через сепаратистов, и он, изучив его, был готов поклясться, что указанная там информация — липа липовая. «Реази из небогатой семьи? — усмехнулся Мирон, узнав, кто его родители. — Тогда почему этот

гадённыш держится так, будто он принц крови и все обязаны склоняться перед ним? Да и цапки у него такие, что стоят целое состояние. Нет, парень из простой семьи так себя не ведёт, даже если фортуна улыбнулась ему во все зубы», — пришёл он к выводу.

Поскольку Штейн в очередной раз вычистил штаб от «жучков», сепаратистам позарез нужна была информация. Как водится, исполнители свалили вину на Мирона, мол, его продукция ни черта ни стоит, если безопасники умудряются так быстро её находить. Оправдываться было бесполезно, и он вызвался лично поставить «жучки» в штабе Объединённых кланов.

Подготовка к операции заняла полгода. От идеи проникновения через обслуживающий персонал отказались сразу, безопасность следила за обслугой особо строго. Проще всего было подменить кого-нибудь из сотрудников, уже назначенных на работу в штаб. Правда, найти нужного человека было не просто. Основопологающим требованием была близость физических параметров и, прежде всего, идентичность скелетов. Выбор пал на парня из клана Тигра, имеющего такой же рост и блондинистый окрас. Для начала Мирону сменили лицо и отпечатки пальцев, затем пошли изматывающие тренировки по отработке походки и привычек злосчастного парня и натаскивание по психологическим тестам. Уже перед самым внедрением ему заменили роговицу на роговицу глаз жертвы и закачали его кровь. За ментальную идентичность и обман биосканера отвечали встроенный чип и специальное напыление на кожу и волосы. В общем, подделка обязательного жетона, в том числе дающего право на проход в штаб ОК, было самой лёгкой задачей.

Несмотря на тщательную подготовку, Мирон волновался, но ему повезло. Сепаратисты выбрали удачное время для внедрения шпиона. После переезда в Санкт-Петербург шла масштабная смена сотрудников, поэтому проверка была не столь жёсткой, как обычно.

Собеседование прошло без сучка и задоринки и тут выяснилось, что ему снова повезло. Его определили в отдел снабжения и он, благодаря своей должности, получил возможность без каких-либо подозрений перемещаться по любым помещениям, где требовались канцелярские принадлежности. Доступа не было только в кабинеты Палевского и Штейна, зато он мог беспрепятственно заходить в приёмные их секретарей.

Проникновение в святая святых позволило ему не только напичкать «жучками» штаб Объединённых кланов, но и беспрепятственно шпионить за Ником Реази. В общем-то, его не удивило, что никто из вампиров не смеет задирать этого высокого мрачного парня, хотя тот ещё очень молод и звание у него не столь уж высокое. А ещё он подметил, что даже самые отъявленные задиры из спецназа ищут его расположения, хотя сам он не делает никаких шагов по сближению с кем-либо из них. Реази вообще держался от всех особняком, и если с кем разговаривал, то делал это с таким видом, будто оказывает великое одолжение своему собеседнику.

Когда Мирон увидел, что с точно таким же видом он разговаривает со Штейном, он впал в глубокую задумчивость и несколько дней ходил сам не свой. Наконец доводы «за» перевесили доводы «против», и он сдался. В общем-то, он уже подспудно догадывался, кто такой Реази, но не смел поверить, хотя с некоторых пор в среде вампиров гуляли упорные слухи о появлении Старейшего. Якобы он собственной персоной присутствовал на первом выпуске студентов из-под купола Гефеста и даже произнёс напутственную речь.

Проанализировав всё, что было ему известно о Нике Реази, он содрогнулся. Действительность оказалась под стать вымыслу. Реази вполне мог совершить все те ужасы,

что приписывали прародителю их расы.

Старейший был страшен и Мирона удивляло, почему другие не видят его чудовищной ментальной мощи и непомерного честолюбия, сквозящего в каждой его черте. Осанка, взгляд, каждый жест — всё говорило о том, что он беспощаден и привык к беспрекословному повиновению, но окружающие будто не видели этого и молодые вампиры, приветствуя его, по-приятельски хлопали по плечу, а те, что постарше, жали ему руку и улыбались, хотя он почти никогда не отвечал улыбкой на улыбку.

Почему Старейший ничего не предпринимает, чтобы занять место Палевского, он понял, когда увидел их вместе. Семейное сходство было налицо, к тому же Мирон впервые видел, чтобы Старейший так уважительно себя вёл. «Такое ощущение, что это отец и сын», — мелькнула у него мысль. Спустя некоторое время его догадка подтвердилась, Палевский объявил, что усыновляет Реази и тот переходит в клан Волка, по причине скоростной гибели всей его семьи.

Единственно, чему Мирон не находил объяснения, это своему ощущению, что Старейший чужероден этому миру. Причём ни сам Палевский, ни Мари такого ощущения у него не вызывали. Он счёл бы, что это вызвано особенностями характера прародителя вампирской расы, если бы не авиетка, однажды попавшаяся ему на глаза. Как специалист, он точно знал, что на планете Земля ни у кого нет такого летательного аппарата, как и технологий, способных его создать.

Некоторое время он полагал, что забота Старейшего о Мари — это забота кровного родственника, но затем понял, что тот питает в её отношении отнюдь не родственные чувства. «Вот скотина! Сначала отдал её на растерзание Рамоне, а теперь хочет затащить в кровать!» — возмутился он, вот только ничего не мог с этим поделать, разве что похитить девушку, но что-то ему подсказывало, что вряд ли она поблагодарит его за это.

Когда безопасность начала приглядываться к нему, Мирон не стал дожидаться ареста и снова ушёл в подполье. К разочарованию сепаратистов, спецы Штейна в течение месяца вычистили все установленные им «жучки», и они снова лишились доступа к важнейшей информации.

Полная опасностей работа пошла насмарку, но Мирону было всё равно. С сепаратистами его связывал чисто финансовый интерес, а их идеи социального переустройства несколько его не трогали. Если уж на то пошло, ему больше импонировал Палевский с его клановым устройством вампирского общества и проводимая им политика, нацеленная на обязательное высшее образование и поощрение талантливой молодёжи, что привело к мощному толчку в развитии. В общем, по своим убеждениям Мирон был сторонником ноократии[2], и ему претили социал-демократические идеи сепаратистов, копирующие общественное устройство людей.

В связи с ожидаемой катастрофой планетарного масштаба и значимости Мари в предстоящей космической одиссее безопасность взяла её под плотную опеку, чем лишила его последней радости — ему пришлось отказаться от прогулок у дома девушки, что давало ему ощущение близости к ней, даже если он её не видел. Он опасался «хвоста», которого мог привести к своему укрытию, что грозило потерей ценного оборудования. К тому же дело осложнялось ещё тем, что он работал не один, а с помощниками. Это были талантливые учёные и инженеры, помогающие ему в создании образцов новой техники. Вояки из них были не очень хорошие и Мирон, потерявший во время последней перестрелки со спецназом половину своего золотовалютного людского состава, больше не хотел повторения.

О заговоре, направленном на Мари, он впервые услышал от Отто, который, не подозревая о том, служил ему тайным осведомителем. Мальчишку инициировали в семье одного из тех, кто избежал мести Старейшего, и он считал Мирона сородичем, не подозревая, что это он убил его вампирского отца.

Отто не блистал умом и был у сепаратистов на побегушках, зато он обладал отличной памятью и с точностью записывающего устройства пересказывал Мирону всё, что слышал, поэтому он был в курсе довольно многого, что происходило в вампирском подполье.

Задуманное сепаратистами похищение его не удивило — это был их единственный способ убраться с обречённой планеты. Несмотря на ненависть, они знали, что Палевский человек чести. Если он возьмёт их с собой и пообещает гарантию безопасности, то они её получат. Вот только король вампиров ухитрился спрятать дочь так, что, несмотря на поиски, никто не знал, где она находится.

Тем не менее сепаратистам удалось выследить Мари. По иронии судьбы, как и Мирону, она попала в их шпиону на улицах Парижа, по которым, к радости подполья, она разгуливала без присмотра вампирской безопасности. Правда, она была не одна, а с Ником Реази, но сепаратисты, не знаящие кто он такой, сочли его несущественным препятствием. Опасаясь, что девушка может снова исчезнуть, похищение приурочили к посещению парочкой представления «Cirque du Soleil» в Канаде.

Вопреки обыкновению, Мирон на этот раз обеспечивал не только техническую сторону операции, но и разрабатывал её план. Ему удалось убедить сепаратистов, что Ник Реази чрезвычайно опасен и только он знает, как его отвлечь, чтобы он не помешал похищению дочери Палевского. По ходу дела он намекнул, что не прочь возглавить группу захвата, но ему отказали, мол, при вмешательстве безопасности, у него недостаточно опыта боевых действий. Навыки Мирона не уступали навыкам вампирского спецназа, но он не стал настаивать, боясь выказать слишком сильную заинтересованность в девушке. Глава сепаратистов был чрезвычайно подозрителен и это могло привести к его исключению из круга причастных лиц и смене плана операции.

Настроенный вырвать Мари из рук Старейшего и заодно сепаратистов, Мирон тщательно проработал все детали операции, но случай, как водится, внёс свои коррективы и добавил ей драматизма. Группу захвата возглавил его сородич Лукас, который в своё время питал к Рамоне отнюдь не сыновьи чувства и потому с маниакальной настойчивостью разыскивал её убийцу.

Когда от чипов, вживлённых членам группы захвата, один за другим перестали поступать сигналы, а затем джип без предупреждения сменил маршрут, Мирон понял, что затея с похищением девушки провалилась, и сразу же пустился в бега. Он знал, что пощады не будет, Старейший убивал и за меньшее.

Стремительный марш-бросок по лесу и он, сорвав маскировочную сетку, плюхнулся в пилотское кресло, и его пальцы запорхали над панелью управления. Небольшой самолёт, лёгкий и необычайно маневренный, выкатился из укрытия и, прижимаясь к земле, устремился к спасительному убежищу. Когда до него оставалось не более пяти минут полёта, Мирон позволил себе расслабиться и с облегчением смахнул пот со лба. Ему было невдомёк, что в небе над ним зорким хищником скользит авиетка Старейшего, неслышная и невидимая для его глаз и приборов самолёта. Проследив, где именно он приземлился, она плавно развернулась и устремилась к своему хозяину.

Вот только беглец оказался не так прост.

Приземлившись на небольшом частном аэродроме, с хозяином которого у него была договорённость на долгосрочную аренду, Мирон подключил маскировку самолёта, имитирующую старую модель, и накрыл его рваным брезентом. Теперь его крылатый друг ничем не отличался от других древностей, прикорнувших на взлётном поле. После этого он, не мешкая, схватил приготовленную сумку и понёсся к заготовленному убежищу.

Вроде бы всё было чисто, но его не покидало ощущение опасности, так что к концу пути Мирон бежал так быстро, что начал задыхаться. Прежде чем нырнуть в рукотворные катакомбы, он проверил нет ли слежки — зрительно и по приборам, а затем, не удовольствовавшись этим, прислушался к себе. К его радости, ощущение недоброго взгляда исчезло и он, надев плотные перчатки, потянул на себя одну из засохших веток барбариса — она служила рычагом, открывающим потайной ход. Один из мшистых пеньков, поросших брусникой, приподнялся вверх и Мирон, оберегая сумку с аппаратурой, прыгнул в открывшуюся яму. Пенёк занял прежнее положение, и он включил фонарик.

Ход привёл его в бетонный бункер времён Второй мировой войны. «Слава богу, спасён! Даже, если меня выдадут, этой норы всё равно никто не знает», — с облегчением подумал он и поставил сумку с аппаратурой. В полной темноте вампирское зрение было бесполезно, и он направился к генератору, который на днях привёл в порядок. Древний движок не подвёл, несколько рывков и он натужно затарахтел. Лампочки горели тускло, но всё же это было лучше, чем полная темнота.

В бетонной коробке, заваленной мусором, было одиноко и тоскливо, но Мирон решил, что не стоит привередничать, когда на кон поставлена жизнь. «Ничего, потерплю несколько дней, а затем разведу обстановку и уберусь отсюда. Как бы то ни было, старик не солгал, и я не зря заплатил ему за местонахождение этого якобы бункера Гитлера. Интересно, сколько их? Наверное, штук сто, не меньше. Надо же, какой предусмотрительный жук. Конечно, если Гитлер имеет отношение к данному сооружению, в чём я сильно сомневаюсь». Напряжение ушло и его начал донимать холод, тогда он взял фонарик и отправился исследовать своё убежище — держа его на крайний случай, он редко заглядывал сюда.

Подземелье состояло из нескольких помещений, во всяком случае, та его часть, в которую можно было попасть, — вот только смотреть там было особо не на что, сплошь бетонные стены и кучи бесполезного мусора, как правило, покорёженная армейская мебель: шкафы, столы, табуреты, железные кровати и тумбочки.

Ради интереса Мирон пролез в дыру, ведущую в разбомблённую часть бункера. Это оказалось самое большое помещение из всех, что он здесь видел. А ещё он увидел его обитателей; их скелеты в касках и истлевших мундирах во множестве валялись на полу. «Судя по отсутствию отметин пуль, их, как крыс, потравили газом, — пришёл он к выводу и, принявшись, забеспокоился. — Чёрт! До сих пор воняет какой-то дрянью. Как бы самому не отправиться к праотцам».

Ночью он проснулся оттого, что ему почудились голоса, отдающие команды на немецком языке, а затем раздались чьи-то приближающиеся шаги. Когда в нос ударил запах гниющего мяса, Мирон вскочил и в панике бросился бежать. Вслед ему раздалась команда «Halt!», а затем автоматная очередь.

Не помня себя, он выскочил из бункера и только тут к нему вернулся здравый смысл.

Ощувив чужое присутствие, Мирон медленно обернулся. «Вот и славно, крыса сама выбралась наружу», — сказал знакомый голос, и стремительно приблизившаяся земля с размаху ударила его по лицу.

Очнулся он уже в прозрачном боксе, залитом беспощадно-ярким светом, и с яростным воплем рванулся из держащих его пут.

— Заткнись, лежи тихо! — последовал приказ.

Сначала на Мирона обрушился целый поток воды, а затем ударила волна горячего сухого воздуха. При виде приблизившегося манипулятора с бритвой у него прошёл мороз по коже, но дело кончилось бритвём черепа.

— Сейчас я начну потрошить твою голову. Не шевелись, если не хочешь, чтобы я повредил тебе мозг, — последовало предупреждение и Мирон ощутил, как ледяной геле-анестетик отключил чувствительность кожи. При виде приближающегося лезвия дисковой пилы он, чтобы не выдать криком свой страх, поспешно закрыл глаза.

Операция продлилась несколько дольше, чем рассчитывал Ник. Когда он закончил, в хирургическом лотке высилась целая горка чипов, ощетинившихся тончайшими пучками серебристых проводов. Он посмотрел на экран, демонстрирующий жизненные показатели его пациента. Большинство из них были в жёлтой зоне, что говорило о не слишком хорошем самочувствии. «Сам виноват. Пусть скажет спасибо, что я вовремя извлёк всю эту дрянь из его головы; ещё немного и было бы поздно, началась бы атрофия тканей мозга», — он перевёл взгляд на пленника. По бледному до синевы лицу то и дело пробегала волнообразная гримаса боли и тогда он, не приходя в сознание, начинал судорожно дёргаться. От бесплодных усилий на черепе выступили крупные капли пота, которые смешивались с сукровицей, сочившейся из многочисленных разрезов на коже.

Искусственный ментальный щит был снят и, судя по поверхностному слою образов и мыслей, пленник заново переживал события, предшествующие похищению девушки. Это могло принести полезную информацию, вот только соваться в хаос, царящий в его больной голове, было чистым безумием, и всё же Ник рискнул.

Как он и ожидал, ему пришлось туго, но оно того стоило — теперь он знал о сепаратистах всё, что знал Мирон. И это знание сулило вампирскому подполью начало весёлой жизни.

Впрочем, терминатор из прошлого на мелочи не разменивался и по примеру предков предпочитал рубить проблеме голову.

После систематизации полученных сведений Ник вычислил, где именно скрывается глава сепаратистов и решил, что пора нанести ему визит. Ну а чтобы встреча носила доверительный характер, он захватил с собой не только бластер, но и туаши.

[1] Молекулярная струна — разновидность верёвки с регулируемой толщиной, при необходимости может быть использована как оружие.

[2] Ноократия — власть интеллектуальной элиты с рациональным мышлением, выступающей в роли главной направляющей силы научно-технического прогресса и социально-экономического процветания общества.

Злачные места, где крутились большие деньги, всегда были местом обитания криминальных структур. Вот и сепаратисты не стали ломать традицию и выбрали казино в Сингапуре в качестве своего прибежища. Здесь было всё, что им нужно — финансы, информация и маскировка, которую обеспечивал поток людей, влекомых жаждой лёгкой наживы. Как косяк сельди, они стирали индивидуальные черты отдельных особей.

Правда, молодой человек, что этим вечером почтил казино своим присутствием, выглядел слишком уж необычно, чтобы сливаться с толпой. Баскетбольный рост и грация хищного зверя, бьющая под дых красота, дикая и своенравная, и одеяние, чем-то похожее на наряды средневековой знати — всё это вызвало ажиотаж среди публики вроде бы привычной уже ко всему.

Первыми распознали опасность жрицы любви. Они устремились было к вновь прибывшему, но, поскольку знание мужской психологии было их профессиональным навыком, при приближении к Нику их улыбки гасли, и они поворачивали обратно. К тому же мрачное выражение лица и набор оружия на его поясе недвусмысленно говорил, что он явился в казино за другими развлечениями. Девушки взялись за мобильники, предупреждая товарок и самых ценных своих клиентов о возможных неприятностях и тогда, вслед за проститутками, некоторые из мужчин оставили игру и засобирались домой.

Охрана, состоящая из людей, устремилась было к нежелательному посетителю, намереваясь выставить его из казино, но вампиры в зале сразу поняли, с кем имеют дело, и открыли стрельбу.

Не смущаясь шквалом пуль, которые успешно отражала его защита, Ник встал в центре зала и взял в руки туаши. Настраиваясь, он на мгновение прикрыл глаза, а затем началась кровавая вакханалия. Не разбирая, кто есть кто, новоявленный синигами[1] убивал вся и всех на своём пути. Вне себя от ужаса люди метались по казино, но все двери и окна в огромном здании оказались намертво заблокированными.

Уничтожив вампирскую криминальную диаспору вместе с людьми, которым не повезло оказаться в эпицентре их разборки, Ник особым способом нажал на сенсорную кнопку в нише за скульптурой. Часть стены отошла, и он вошёл в полутёмную комнату с восточным убранством. «Выходи! — потребовал он. — Бежать бесполезно. Всё равно тебе не уйти. Сейчас это единственный выход из твоей хитроумной норы».

Это действительно было так, многочисленные тайные ходы оказались перекрыты и спасительное убежище превратилось в ловушку, но Георгий Беридзе, легендарный глава сепаратистов, не отчаялся. Ему было не впервой попадать в сложные ситуации, но благодаря храбрости и смелости, граничащей с безумием, он всегда выходил победителем. «Если этот сопливый мальчишка с мечом решил, что сумеет остановить меня, то он глубоко ошибается», — с весёлой яростью подумал он и, схватив автомат, сунул в карман запасные рожки с патронами. Чтобы призвать удачу, он поцеловал образок со святым, который был его покровителем, и ринулся на врага.

Стеллаж с книгами отъехал, и Беридзе без промедления открыл ураганный огонь. Израсходовав имеющийся боезапас, он отбросил бесполезный автомат и уже с ножом набросился на врага, который, игнорируя его нападение, имел наглость сидеть на диване —

причём на его любимом диване!

«Георгий», — раздался негромкий голос, и глава сепаратистов будто налетел на стену. Ничего не соображая, он судорожно вздохнул и тут на него обрушились забытые воспоминания детства.

«Отец!» — Беридзе уронил нож и его лицо исказила мучительная гримаса. «Господи... Как же так? Почему?» — упав на колени, он надрывно всхлипнул и его плечи затряслись от плача.

Глядя на это безобразие, Нику подумалось, что здесь ничего не изменилось, и его воспитанник, которого с детства отличала повышенная эмоциональная возбудимость, по-прежнему легко впадает как в буйную ярость, так и в слезливый восторг.

Георгий Беридзе был его первым успешным опытом по обращению людей в вампиров и Ник, соскучившийся по сородичам, многое спускал ему с рук, видя в нём не то младшего брата, не то сына. Мальчишка мог запросто схватить его за руку и потащить за собой, — мол, идём погуляем, а то дома скучно. Однажды он показал ему свою находку — гнездо малиновки и был так счастлив, что целый день ходил за ним и болтал о повадках птиц, а знал он о них немало, поскольку его настоящий отец был птицеловом. Затем птенцов слопала кошка и это была такая трагедия, что Ник, поддавшись жалости, взял мальчика на руки и тот, обняв его за шею, горько разрыдался. Чтобы отвлечь мальчика от горя, он хотел прокатить его на авиетке, но он отказался, хотя это было его заветной мечтой, и продолжал страдать по убиенным птенцам ещё дня три.

«Совсем как Мари, стоит только пожалеть и не оберёшься слёз. И такой же до дурости упрямый», — с иронией подумал Ник. «Вот только Георгий больше не тот искренний и сердобольный мальчишка, которого я знал, а умный, хитрый и безжалостный террорист, за которым уже много лет безуспешно гоняется вампирская безопасность», — напомнил он себе и пригляделся к бывшему воспитаннику.

По сравнению с тем, каким он его помнил, Беридзе не очень изменился. Во всяком случае, внешне. Он по-прежнему был тощ, смугл и носат. Разве что теперь он выглядел как типичный сорокалетний грузин. Впрочем, Ник знал, почему безопасность не могла с ним справиться. Георгия с детства отличал острый ум, умение логически мыслить и быстрота реакции, к тому же развитые ритеном, которому он сам его научил.

— Хватит изображать из себя кающуюся Марию Магдалину, — не выдержал Ник, видя, что он всё ещё хлопает носом.

— Прости! Не смог сдержаться, — пробормотал Беридзе. Он отнял руки от залитого слезами лица и потянулся за носовым платком. — Ведь я так скучал по тебе и уже не надеялся увидеть, но Господь был милостив ко мне, — заявил он и трубно высморкался.

«Наглая ложь», — беззлобно подумал Ник. Пока он не разблокировал его воспоминания, Беридзе не помнил о нём, правда, дальнейшие события заставили его усомниться в этом.

— Почему ты ушёл в подполье? — спросил Ник.

— Потому что ненавидел Палевского! — не задумываясь, ответил Беридзе.

— Он чем-то тебя обидел?

— Если честно, то нет, — признался сепаратист. — Поначалу я его боготворил и всеми способами старался заслужить его одобрение, но он, несмотря на все мои подвиги, воспринимал это как должное. В общем, Палевский относился ко мне как ко всем остальным своим сторонникам, что страшно злило меня. Теперь я понимаю, чем это

вызвано, ведь вы с ним очень похожи. Может, не отними ты у меня память... — около рта Беридзе залегли горькие складки. — Впрочем, это ничего бы не изменило. Рано или поздно наши пути обязательно бы разошлись, и ты всё равно сидел бы здесь и ждал конца моей исповеди, чтобы потом отрубить мне голову.

— Почему ты так думаешь?

— Я не приемлю тот путь развития, на который нас толкает Палевский.

Беридзе с надеждой глянул на Ника, но понял, что тот ему не союзник.

— Отец, хоть ты пойми, изоляция — не выход. Мы сами себя загнали в ловушку, прячась от человечества. Ведь мы тоже люди и всё, что нам нужно, это быть с ними на одной волне. Вот поэтому я хотел, чтобы мы восприняли общечеловеческие ценности и влились в их ряды. Палевский же навязывает нашему обществу иные моральные устои, чем ещё больше отдаляет нас от них, — возбуждённо проговорил он и, вскочив, забежал по комнате, излагая свою доктрину социального устройства вампирского общества.

— Мы покидаем Землю, — напомнил ему Ник, — и для нас больше не имеет значения ни устройство человеческого общества, ни вопросы сотрудничества с ним.

— Всё равно Палевский не прав. Монархия, которую он пытается возродить, это даже не вчерашний день, а дела давно минувших дней, — упрямо стоял на своём оживившийся Беридзе.

Прекращая бесполезную дискуссию, Ник рубанул туаши по диванной подушке и брезгливо глянул на вывалившийся оттуда чёрный конский волос.

— Хватит! — сказал он жёстким тоном. — Георгий, ты разочаровал меня. Я бы понял, если бы ты действительно руководствовался благом нашего народа, но ведь это не так. Ты сам не веришь в то, что говоришь.

— Я верю! — страстно воскликнул Беридзе.

— Даже если ты действительно веришь, ты слишком умён, чтобы не осознавать правоту Палевского. Просто ты романтик и бунтарь по натуре. Идеалы потому и идеалы, что они недостижимы.

Беридзе печально улыбнулся.

— Кто-то должен верить в лучшее будущее, иначе незачем жить.

— Вот только не все дороги ведут в будущее. Георгий, ты хоть раз подумал о том, что будет, если ты дорвёшься до власти? — спросил он и на лице воспитанника отразилось знакомое ему упрямство.

— Я справлюсь.

— Значит, не думал. Так что каждому своё: тебе — мечты, Михаэлю — реальный путь.

Борясь с нежеланием его убивать — воспитанник по-своему был ему очень дорог, Ник сердито посмотрел на него. «Вот дурак! Неужели так трудно покаяться в содеянном? Ведь знает, что я его прощу, даже если он солжёт», — с раздражением подумал он.

Будто услышав его, Беридзе со смиренным видом опустил на колени и, поцеловав его руку, поднял голову.

Это не было уловкой. Как в детстве, карие глаза сияли такой чистой всепрощающей любовью, что у Ника сжалось сердце.

— Нет! — выкрикнул он, но было уже поздно.

Рука Беридзе метнулась к ножу и из его горла ударил фонтан крови. «Прости, отец! Не хочу, чтобы на твоих руках была моя кровь», — мысленно сказал он и его глаза потускнели.

Ник не помнил, сколько просидел в тёмной как склеп комнате. В чувство его привёл

сдавленный всхлип.

— Выходите! — приказал он.

Книжный шкаф снова ушёл в сторону и в проёме сначала показался юноша, а затем девушка. Судя по внешности, они были кровниками Беридзе. Девушка упала на колени рядом с телом мёртвого сепаратиста и залилась слезами. Парень замер рядом с ней, пряча горящие ненавистью глаза.

— Как вас зовут? — резко спросил Ник и оба, вздрогнув, уставились на него.

— Он Автандил, а я Манана, — ответила девушка.

В кровниках его воспитанника было нечто такое, что Нику активно не нравилось, и он потянулся к их разумам. «Крейд! Натуральные торпаны,[2] такие же недалёкие, лживые и подлые. Нет, Георгий, даже ради тебя я их не помилую».

Учувшие опасность брат и сестра сорвались с места, беря его в клещи, и Ник скользнул между ними, а затем развернулся и взмахнул туаши.

Когда в комнату ворвались оперативники спецназа, он сидел на диване и методично отчищал меч от крови.

— Это мой подарок тебе, — сказал он и ткнул лезвием в направлении обезглавленного трупа.

Штейн кивнул, пряча досаду. Наконец-то ему удалось вычислить, где находится глава сепаратистов и тут на тебе!

— Это Георгий Беридзе?

— Да.

— А где его голова? — спросил он, покосившись на круглый предмет, упакованный в наволочку от диванной подушки.

— Там, где должно, — последовал ледяной ответ.

Ник бросил окровавленную тряпку и встал с дивана. Отточенным движением он отправил меч в ножны и, взяв приготовленный свёрток, направился к выходу. Штейн посмотрел на кровавый след, отмечающий его путь, и ему стало не по себе. «Бррр! Просто мороз по коже, — поёжился он. — Я, конечно, тоже не подарок, но Ник это просто нечто. Мало того что порубил кучу народа, так ещё и голову Беридзе прихватил с собой. Вот нафиг она ему? Может, он каннибал и собирается съесть его мозги? Teufel! Неужели я был бы таким же отмороженным, если бы помнил своё детство?» — мелькнула у него обескураживающая мысль.

Вопреки предположению Штейна, Ник, вернувшись домой, отправил голову Беридзе не в кастрюлю, а в холодильник. Поутру он водрузил её на церемониальное золотое блюдо и поставил на постамент в зале Лотилий — помимо всего прочего, он предназначался для почитания почивших родственников, близких друзей и верных слуг.

Мари тоже присутствовала на церемонии в храме и вторила молитве Ника за упокой души почившего, а затем на прощании в зале Лотилий. Когда он отдал распоряжение тиарану похоронить голову неизвестного ей типа в семейной усыпальнице, она рискнула спросить, кто он такой. Ответ её шокировал, но она не подала виду. «Сын, который лет на двадцать, а то и все тридцать старше отца?» — со скепсисом подумала она, но не стала выпрашивать подробности, видя, что Ник не в настроении разговаривать. Тем не менее наличие столь возрастного пасынка заставило её задуматься, сколько же лет её избраннику и почему он столь молодо выглядит.

«Надеюсь, Ник не станет жадничать и со временем поделится со мной своим эликсиром молодости. Хотя кто знает, вдруг он не стареет сам по себе, тогда дело швах», — Мари представила себя морщинистой сгорбленной старушкой, а его всё таким же красивым и молодым, и приуныла. «Merde! Прямо-таки Хаул и Софи[3]. Представляю, как народ будет ржать, когда узнает, что мы муж и жена».

У старушки, которую вообразила себе девушка, был такой нелепый вид, что Ник поневоле улыбнулся. «Не расстраивайся, алин, над тобой никто не будет смеяться: я умру куда раньше, чем ты думаешь. К моему великому сожалению, ты состаришься с кем-то другим, а не со мной», — с грустью подумал он; почему-то сегодня ему не верилось, что удастся избежать карающей длани Пророчества.

— Чем займёшься? — спросил он, когда они покинули зал Лотилий.

Мари пожала плечами.

— Не знаю. Может, немного почитаю, потом позанимаюсь в виртуале. Или сначала потренируюсь с туаши, а затем почитаю историю Священных государств. А ты что собираешься делать?

— Алин, я же предупреждал, не выходи за рамки правил, — уклонился Ник от ответа.

— Тогда я оставлю тебя, — сказала девушка и, прощаясь, поцеловала его в щёку.

«Могла бы не бросать меня в такую минуту», — расстроено подумал Ник. Из-за смерти Георгия он чувствовал себя не в своей тарелке и, чтобы отвлечься от грустных мыслей, отправился к пленнику.

Дверь камеры бесшумно уехала в сторону, и Мирон вздрогнул. Приход Старейшего не сулил ничего хорошего, но он старался не поддаваться панике. Тем не менее при воспоминании о том, что творилось с ним после удаления чипов, его пробил пот. Страшные головные боли, от которых он лез на стену, показались ему сущей ерундой на фоне последовавших кошмарных галлюцинаций и перепадов настроения. «Господи, только не в пыточную! — тоскливо подумал он. — Если этот палач начнёт выдирать из меня остальную электронику, встроенную в нервную систему, я точно сойду с ума или останусь калекой на всю оставшуюся жизнь».

Вопреки его опасениям, на этот раз Старейший сел напротив и сложил руки на столе. Выдержать его взгляд было нелегко, к тому же он смотрел так долго, что Мирон начал уже подумывать, что лучше умереть, чем находиться в неизвестности.

— Так умри, — сказал Ник, по-прежнему не спуская с него глаз. — Это не сложно, достаточно прибегнуть к акупунктуре и даже вампирский организм не выдержит блокировки кровотоков.

Мирон скрипнул зубами. «Вот сволочь! Будто я не знаю, что он не даст мне умереть, пока не разберёт на части», — зло подумал он и с вызовом проговорил:

— Ну уж нет! Я не доставлю тебе такого удовольствия.

— Струсил? — усмехнулся Ник.

— Я не трус и ты это знаешь, — уже спокойней сказал Мирон.

— Если не боишься умереть, тогда какого крейда ты нервничаешь? — последовал довольно миролюбивый вопрос.

— Я переживаю не за себя, я переживаю за Мари...

Ментальный удар был такой силы, что он, ослепший и оглохший, сполз со стула и беспомощной медузой распластался на полу. Задыхаясь, он силился вдохнуть воздух, но

лёгкие отказывались работать.

— Встать! — донеслось до него будто через слой ваты.

Понимая, что повторный удар его убьёт, Мирон завозился на полу, но тело, превратившееся в желе, не желало ему подчиняться. «Прости, Мари! Встретимся в лучшей жизни...» — напоследок подумал он и, уронив голову, погрузился во тьму забвения, как ему казалось, навсегда.

Вот только Ник был не из тех, кто отступает от своих планов. Он ударил импульсивно, под влиянием гнева, но пленник был нужен ему живым.

[1] Синигами или бог смерти (яп. 死神 синигами, букв. «бог смерти») — персонифицированная смерть.

[2] Торпан — зверь (вымышленный), по повадкам похожий на шакала.

[3] Анимэ «Ходячий замок».

ГЛАВА 39. Мари. Бить или не бить — для некоторых не вопрос. Быть или не быть — вот в чём вопрос...

Не знаю на что я рассчитывала. Наверное, на то, что Ник изменится после нашего совместного вояжа в Париж. Во всяком случае, мне хотелось в это верить. Ведь он был так искренен в своём признании в любви.

Тем горше было осознание того, что ничего не изменилось. Стоило вернуться домой и всё вернулось на круги своя. Снова ранние подъёмы, изматывающие тренировки в иметис и неукоснительное следование правилам ритена, а в награду за все мои старания — постанова на колени или крита, причём за малейший промах, даже за минутное опоздание в столовую. И ни словечка одобрения, когда я делала успехи. Неужели так трудно сказать, какая я молодец, что уже выдерживаю в иметис целых десять минут, несмотря на все его старания достать меня плетью? Да и по части домашних правил я уже не делаю ошибок. В общем, обидно до соплей.

Иногда мне казалось, что Ник специально испытывает меня — не знаю почему, но возникло стойкое ощущение, что он хочет, чтобы я взбунтовалась. Неужели он не понимает, чем это кончится? Война есть война. Даже если в ней участвуют только двое, всё равно она несёт смерть и разрушение. Неужели он не боится, что жертвой этой войны станет наша любовь? А так оно и будет, если он продолжит в том же духе.

Короче, кто-то из нас должен был проявить благоразумие, и я взяла на себя эту неблагодарную роль. Как могла, я терпела заскоки Ника, но, если честно, уже из последних сил. Вот только изменить что-либо я не могла, во всяком случае, мне так казалось.

Время шло, доказывая народную мудрость, что человек ко всему привыкает. К тому же случались и радости. В ментале наметился явный прогресс и Ник уже не мог с прежней легкостью проломить мой щит. И как только я почувствовала уверенность в своих силах, связь с ноосферой значительно упрочилась, что привело к наращиванию ментальной мощи. Конечно, до Ника мне ещё далеко, но я уже была не столь беспомощна как раньше. Вдобавок на иметис закончилась унижительная беготня от криты и мы перешли к полноценному бою на мечях. По первости Ник напяливал на меня такое количество защитной амуниции, что я чувствовала себя средневековым рыцарем, с головы до пят упакованным в доспехи. Естественно, двигалась я с грацией железного болвана, и он гонял меня в хвост и в гриву. Позже я научилась пользоваться облегчёнными доспехами, усиленными защитным полем, которое генерировало специальное устройство. Обалденная штука! Движения почти ничем не стеснены, а эффективность даже лучше, чем у прежней защиты. Главная заковка состояла в том, чтобы настроить поле так, чтобы свести к минимуму риск серьёзных ранений, но оставить возможность почувствовать удар противника.

Бой на туаши был моей любовью, к тому же я столько тренировалась в виртуале, что вскоре уже Нику приходилось отступать и пускаться на хитрости, чтобы не попасть под мой удар, что, естественно, не могло не радовать.

Я и радовалась. Причём настолько, что в предвкушении поединка вскакивала раньше положенного времени. Правда, теперь уже Ник частенько опаздывал, но, в отличие от него, я его не терроризировала. Знаю, что у него до черта работы и он засиживается далеко за

полночь. Насколько я могу судить по его немногословным оговоркам, у него постоянно всплывают какие-то проблемы по устройствам, необходимым для звездолёта, а стоит ему довести опытный образец до ума, начинаются сложности с оборудованием для их сборки на заводах. К тому же его постоянно теребят разработчики щита для Земли.

От постоянного недосыпа Ник основательно спал с лица, тогда я снова предложила ему свою помощь, и он снова отказался. Единственно, что мне оставалось, это роль заботливой домашней клуши. Такое положение по-прежнему не устраивало меня, но я перестала доносить его по мелочам, что хорошо сказалось на наших взаимоотношениях.

Конечно, Ник не был бы Ником, если бы полностью изменил своим привычкам, так что под настроение мне всё же прилетало, но, в основном, за дело. Обижалась, конечно, но зла не держала.

Понимая важность его работы, я, насколько он позволял, окружала его заботой и вниманием, и при этом не замечала, что постепенно теряю себя. Беда заключалась в том, что я его любила — очень любила, и потому прощала то, что прощать нельзя.

Прозрение наступило после одной знаменательной встречи.

Занятый делами, Ник не часто баловал меня своим обществом, разве что совместные трапезы и секс под настроение, да и то поздно ночью. В остальное время я была предоставлена самой себе. С его заданиями я справлялась всё быстрее и от нечего делать начала самостоятельно изобретать себе занятия. Какое-то время я развлекалась тем, что решала ребусы из эрейских исторических хроник и положений их законодательства, которое, видимо, не менялось тысячелетиями. Несмотря на то, что я уже довольно прилично знала язык, там было столько идиом, что смысл написанного временами ускользал. До сих пор горжусь, что без подсказок догадалась, что означает выражение «собака рыжая от хвоста до неба». Так предки обозвали собрание торговых представителей свободных эрейских государств. Судя по прозвищу, ушлая была публика и, судя по ожесточённым дебатам, попортила немало крови напыщенным представителям Священных королевств.

Когда мне осточертело рыться в делах давно минувших лет, я переключилась на прогулки за пределами дворца и однажды наткнулась на невидимую стену. Тайная надежда рухнула. Клетка оказалась несколько больше, чем я ожидала, так что о побеге можно было забыть, полностью и окончательно. Тогда я переключилась на дворец и как привидение целыми днями бродила по его многочисленным парадным залам и служебным помещениям, стараясь понять их назначение.

Тот день не заладился с самого утра. Похоже, Ник разозлился, что я победила его на иметис, и за завтраком закатил мне скандал — мол, своим вмешательством я испортила настройки автоповара и теперь, видите ли, у еды эрейской кухни не тот вкус, что был раньше. Когда он ушёл, несолоно хлебавши, я попробовала несколько блюд, которые были мне знакомы. На мой вкус, абсолютно ничего не поменялось — если честно, та же несъедобная субстанция, что и раньше.

Сбоев у автоповара не было. На всякий случай я перепроверила рецептуру блюд и технологический процесс их приготовления — всё было в полном порядке. Во всяком случае, ядовитая гамма блюд на тарелке полностью соответствовала картинке. Ума не приложу, что может быть не так.

В общем, настроение было так себе. Если у блюд действительно изменился вкус, Ник так просто это дело не оставит и отыграется на мне по полной.

К сожалению, я не ошиблась. За обедом стоило ему попробовать приготовленную еду, и

он смахнул её на пол, вместе со столовыми приборами. Мои оправдания, естественно, он не услышал. И поскольку к тому времени его диктат уже сидел у меня в печёнках, то я не выдержала и вместо того, чтобы встать на колени и просить прощения, по его примеру шваркнула оставшиеся тарелки на пол. Высказав всё, что накопилось на душе, я выскочила из столовой и понеслась, куда глаза глядят.

Они привели меня в незнакомую часть дворца. Странно. По-моему, раньше здесь была стена, а сегодня вдруг открылся проход. Чудеса да и только. Несмотря на взведённое состояние я удивилась, а затем разозлилась. Скрытая часть помещений? Ну, понятно! Ник и раньше не ограничивал себя в женщинах, так с чего вдруг ему менять привычки? Как будто мои чувства что-то значат для него!

Я подлетела к первой попавшейся двери, но не успела взяться за ручку, как она сама распахнулась, и под ноги мне свалился полуголый белобрысый парень. Опешив от неожиданности, я отпрыгнула назад, а затем мелькнула мысль, что Нику ничего не стоит завести себе любовника, а не любовницу. Впрочем, всё это глупости, вызванные ревностью. Парень вонял как скунс и, судя по выпирающим рёбрам, находился на последней степени истощения. Нет, свою сексуальную игрушку Ник в чёрном теле держать не будет. Наверное, это кто-нибудь из тех недоумков сепаратистов, что напали на нас, рассчитывая сделать из меня разменную монету в переговорах с отцом.

При виде многочисленных шрамов на теле жертвы Ника во мне шевельнулась жалость. Здорово же он его уделал!

Поскольку у бедолаги была такая поза, будто он уже отдал богу душу, я наклонилась и тронула его за плечо.

— Эй! Ты как, ещё живой?

К моему удивлению, парень поднял голову и его потрескавшиеся кровоточащие губы разъехались в широченной улыбке.

— Мари! — просипел он, глядя на меня карими слезящимися глазами.

Я порылась в памяти. Нет, не помню такого. Конечно, видок у парня ещё тот, но я бы узнала, будь это кто-то свой.

— Мы встречались? — спросила я для очистки совести.

— Не узнаёшь? Я же Мирон, — он остро глянул на меня. — Помнишь гнездо Владислава?

«Мирон из гнезда Владислава?» — в памяти что-то шевельнулось, причём что-то очень нехорошее. Я поднапряглась, ища хоть какую-то зацепку. Может, он из моих обидчиков? Тогда непонятно, чего он сияет так, будто я ему земля обетованная. Нет, здесь что-то другое, но что? Что-то крутится на периферии сознания, но... Ладно, посмотрим, что скажет внутренняя полиция. Я присмотрелась к парню. Нет, его вид не вызывает у меня неприязни.

— Похоже, ты слегка поехал по фазе и принимаешь меня за другую, — ответила я.

— Да? — Мирон, или кто он там, часто заморгал, как это делают, прогоняя пелену перед глазами, и посмотрел на меня. — И правда сбрендил! Извини, перепутал тебя с другой девчонкой.

— Неужели? — усмехнулась я. — И её тоже зовут Мари?

— Нет, — парень вздохнул. — Я один из тех, кто участвовал в твоём похищении, и поскольку Старейший основательно порылся в моей башке, выдирая из неё чипы, не мудрено, что в мозгах всё перемешалось.

— Понятно, — я посмотрела на эту жертву Бухенвальда и на меня снова накатила

приступ жалости. Merde! Неужели Ник морит его голодом?

— Есть хочешь? — спросила я.

— Хочу! — с готовностью ответил Мирон и завозился на полу, пытаясь подняться.

— Сейчас я что-нибудь принесу...

— Не нужно! — перебил он меня и виновато улыбнулся. — Не хочу здесь оставаться.

Если ты сможешь, я дойду до вашего пункта кормёжки.

Я заколебалась. Человеколюбие могло мне дорого обойтись. Впрочем, семь бед один ответ. И мы пустились в путь — доходяга и его поводырь. Мы дошли бы гораздо быстрее, если бы этот осёл не упрямылся и позволил его донести. А так не прошло и часа как мы доползли до столовой, и я усадила Мирона за стол. Прежде чем дать ему еду, я заставила его выпить моей крови — иначе эта трапеза могла стать последней в его жизни.

Парень оживал буквально на глазах. К десерту он уже довольно бодро передвигался на своих двоих и даже помог мне донести поднос со сладкой всячиной, которую он основательно подчистил по пути к столу. Когда он наконец более или менее утолил голод, в нём проснулся интерес к окружающему, и он с заинтересованным видом завертел головой, разглядывая окружающую обстановку.

— Так вот где окопался Старейший, — произнёс он и добавил с глубокомысленным видом: — Так и знал, что он инопланетянин.

— Ты ошибаешься, он землянин.

Недоверие, отразившееся на лице Мирона, было вполне понятно. На его месте я бы думала то же самое.

— Просто он из цивилизации, которая существовала двести пятьдесят миллионов лет назад, — пояснила я.

— Шутишь? — изумлённо воскликнул Мирон.

— Какие уж тут шутки. Так что в какой-то мере Ник всё же инопланетянин, — я пригубила чашку с кофе. — Скажи, за что он морил тебя голодом?

Не спеша отвечать парень допил апельсиновый сок и, поставив стакан, некоторое время крутил его в руках.

— Хотел соврать, но не буду. Старейший не морил меня голодом, я сам отказывался от еды. И если я до сих пор не умер, это его заслуга. Он кормил меня внутривенно.

— Что ему нужно от тебя?

Мирон налил себе ещё одну порцию сока.

— Не имею понятия. Я уже выдал ему всё, что знал о сепаратистах и... своих изобретениях, но он по-прежнему держит меня в живых, хотя я был уверен, что он прикончит меня, как только выкачает всю полезную информацию.

Конечно, я заметила его заминку и мне показалось, что это как-то связано с гнездом Владислава. Данное словосочетание всё больше беспокоило меня, да и Мирон держался так, будто мы знакомы. Чует моё сердце, это неспроста. Чем дольше я смотрю на него, тем больше кажется, что мы действительно знакомы. При общении с совершенно незнакомым человеком возникает чувство некоторой первоначальной неловкости, а с ним этого нет. И ещё одно, парень сам признался, что участвовал в моём похищении, а у меня нет настороженности в его отношении. Более того мне кажется, что он — друг, что уже ни в какие ворота не лезет.

— Какова твоя роль в моём похищении? Я не видела тебя среди остальных, — спросила я, не спуская глаз со странного сепаратиста. Он говорил о своих поделщиках так, как

говорят о посторонних людях.

— Я руководил операцией, — заявил Мирон, причём без малейших угрызений совести на физиономии.

Вот гад, чуть не угробил меня, а теперь сидит себе и спокойно ест у меня за столом. Я выхватила у него стакан.

— Всё! Вали в свою клетку, меня уже тошнит от твоего запаха.

Мирон умудрился покраснеть и с непонимающим видом захлопал глазами.

— Мари, я чем-то обидел тебя?

Он ещё спрашивает!

— А то! Твои придурки проломили мне череп и это чудо, что я осталась жива.

— Прости! — воскликнул белобрысый дурень, чуть не плача. — Поверь, я бы никогда не причинил тебе вреда! Если бы я знал, что Лукас войдёт в группу захвата, я бы эту сволочь загодя убил!

Лукас? Знакомое имечко. В мозгах снова что-то забрезжило, кажется, ещё немного и я вспомню... Но нет, гадостный привкус остался, а ясности не прибавилось.

Зато с Мироном всё ясно. Этот дурак по уши влюблён в меня и это не любовь на расстоянии. Изображение может понравиться, но любят конкретного человека. Значит, мы всё же встречались. Тогда вопрос, почему я не помню его?

— Чего ты хотел добиться моим похищением? Переговоров с моим отцом?

— Нет! Зачем мне это? Я хотел освободить тебя из лап Старейшего! Мари, он же сумасшедший. Беги от него пока не поздно!

Тоже мне, спасатель нашёлся! Сначала спаси себя сам, затем советуй. Борясь с усиливающейся головной болью, я глотнула кофе.

— Уже поздно.

— Вот именно, — подтвердил Ник, вошедший в столовую.

Он направился к автоповару и налил в стакан какой-то эрейской дряни. Всё же нужно будет набраться терпения и выучить названия блюд и напитков. Чёрт бы побрал вкусовые изыски давно почившей цивилизации. Нет, чтобы вместе с ней кануть в Лету... Боже! Как болит голова, аж искры из глаз.

— Вы тут побеседуйте за жизнь, а я пойду...

— Алин! — предупреждающе сказал Ник.

Пропади он пропадом! Нашёл, когда строить меня. Я же вот-вот в обморок грохнусь... Ладно, проще попросить прощения, чем препираться с ним, да и ещё с риском заработать крытой по спине. Я привычно опустила на колени и только тут вспомнила, что мы не одни.

Думаю, мне никогда не забыть потрясение Мирона, даже на смертном одре. На его лице были написаны такая боль и отчаяние, что мне самой поплохело. Господи! Неужели я выгляжу настолько жалкой в его глазах? Видимо, да — судя по тому, что он набросился на Ника, норвя вцепиться ему в горло.

Когда доходяга-вампира без чувств распростёрся на полу, я встала с колен и подошла к нему. Я не хотела ни о чём думать. Просто стояла и смотрела на того, кто знал меня, но кого не знала я. Пока не знала. Но однажды я узнаю, и это будет катастрофа, я в этом уверена.

— Он жив? — наконец спросила я.

Ник не ответил, и я направилась к выходу из столовой.

— Лучше бы он был жив, — сказала я, прежде чем выйти.

Что думает Ник по этому поводу, я не узнала. Не проявила тонкость натуры и не дала ему возможность объясниться. Что тут поделаешь? Такая уж хамка я уродилась. Бессердечная тварь и подлая сука, как кто-то сказал про меня. Правда, не помню кто и по какому поводу, но это не исключает правдивости самого высказывания.

Тянущая пустота в сердце и пульсирующий гул в больной голове были невыносимы. И ещё страх — непонятно чем вызванный он сводил меня с ума. Я была готова на всё, чтобы избавиться от него.

Не помню, как я оказалась за пределами дворца, а затем на краю глубокого ущелья.

Не отдавая себе отчёт, я раскинула руки и шагнула в бездну. Это не было намеренным самоубийством или импульсивным действием, вызванным обидой, я всего лишь хотела избавиться от гложущего меня страха — страха всё вспомнить. Внутреннее чувство говорило, что там, в прошлом, прячется настолько мерзкое чудовище, что проще умереть, чем примириться с его существованием. Стоит ему выползти наружу и оно испачкает мне душу и отравит сердце.

И всё же полёт, даже если он последний, это здорово! В лицо бил поток холодного воздуха, настолько плотный, что перехватило дыхание и слезились глаза при попытке их открыть, а смотреть приходилось в оба. Убиться, не долетев до дна ущелья, было как нефиг делать. Воздушным течением меня прижимало к краю расселины, и я лишь чудом увернулась от острого выступа, возникшим на моём пути. Спасибо парашютным прыжкам и вингсьюту. Акробатический этюд с толчком от каменной стены вынес меня в относительно безопасное пространство и... я упала в невидимые воздушные объятия. Видимо, подспудно я ожидала этого, поэтому удивления не было, лишь облегчение, что всё благополучно закончилось.

Спасательная платформа вынесла меня наверх, и я попяtilась при виде Ника. У него было такое лицо, что я пожалела, что не разбилась. Убедившись, что я цела, он так отхлестал меня критой, что я потеряла сознание. Этим дело не ограничилось. Неделю я провалялась в жесточайшей лихорадке, находясь по большей части в беспомощности, поскольку Ник отключил мои внутренние регенерационные механизмы.

Урок оказался весьма болезненным и запоминающимся. Наше племя избаловано тем, что можно погасить болевой импульс, вызванный защитным механизмом организма, поэтому такая сильная и, главное, длительная боль чуть не свела меня с ума.

Очнулась я в восстановительной капсуле и, слава богу, без единой отметины на теле. Но эти семь дней запомнились мне надолго. Бедные люди! Не знаю, как они выдерживают в случае серьёзных ранений. Это же такая пытка, что можно сойти с ума.

Ник поступил со мной жестоко, но своего он добился; впоследствии, как бы не было мне плохо, больше я не предпринимала попыток самоубийства.

В психологическом плане его безжалостная порка тоже даром не прошла. Я была само послушание и старалась ни в чём ему не противоречить. Вот только он злился по любому поводу и угодить ему становилось всё трудней. Бедные мои колени! Если дальше так пойдёт, то скоро на них образуются непроходящие мозоли, а сама я превращусь в попугая, который то и дело трещит о прощении. Вот только не похоже, что я его получу, во всяком случае, в ближайшее время. Хорошо хоть после приснопамятного случая с ущельем Ник больше ни разу меня не ударил. Вопрос, как надолго его хватит. Я же вижу, временами его так и подмывает взяться за критику, но он сдерживается — видимо, боится, что не сумеет вовремя

остановиться и снова ухлещет меня до полусмерти.

Не понимаю, что с ним творится, но определённо что-то творится. Он как локомотив, у которого отказали тормоза, — несётся вперёд, сметая всё на своём пути. Похоже, между нами нечто большее, чем временная размолвка. Такое чувство, что он хочет выкинуть меня из своей жизни, как выкинул мои вещи из своих комнат. Теперь я живу в своих прежних апартаментах, и он ко мне даже не заглядывает. В общем, какой-то кошмар.

Несмотря ни на что я любила Ника, поэтому отбросила гордость и несколько раз пыталась вызвать его на разговор, но он каждый раз уходил от него — в прямом и переносном смысле. Самое печальное, что после этого стало только хуже. Ник перестал приходить в столовую, и я даже не знала дома он или куда-то улетел. Господи! Если бы я знала, к чему это приведёт, я бы саму себя отхлестала за дурацкий прыжок. И всё же, меня берёт обида. Ну почему не дать мне объяснить, что именно сподвигло меня на суицид? А вдруг я решу повторить? Или ему уже всё равно, что со мной будет?

Если бы не Мирон, я бы окончательно пала духом. Вот он неукоснительно являлся в столовую и после бодрого приветствия бросался мне помогать. Поначалу его рвение вызывало у меня культурный шок, — ведь из-за сволочного ритена я уже отвыкла, что особи мужского пола могут вести себя как нормальные люди.

Некоторое время я относилась к нему насторожённо: боялась, что он послужит спусковым крючком для тех воспоминаний, которых я панически боялась. К счастью, страхи оказались необоснованными, и я успокоилась.

Кстати, Мирон довольно быстро оправился и теперь сносно выглядит. Конечно, ещё слишком тощий, но это дело поправимое, лопает он — будь здоров. Внешность у него в стиле а-ля рюс — правильные, но мягкие черты лица, выразительные карие глаза в окружении обалденно-длинных ресниц, и густые светло-русые волосы. В общем, натуральный Алёша Попович с картины Васнецова, разве что без бородки и усиков. «Молодой красавец, полный отваги и смелости, душа-парень и большой выдумщик», — как сказано в описании к знаменитым васнецовским богатырям. Так и есть — красавец и душа-парень. Насколько он молод, не берусь судить: за редким исключением вампирская братия вся молодо выглядит.

О том, откуда Мирон меня знает, я всё же не спрашиваю и вообще не касаюсь нашего совместного прошлого. Он тоже обходит эту тему стороной. Значит, чутьё меня не подводит, что-то неладно с этим гнездом Владислава. Ну и чёрт с ним! Не помню — не брежу. Пусть и дальше так остаётся.

Сам по себе Мирон не вызывает у меня отрицательных эмоций, наоборот, мы с ним довольно быстро подружились. Знаю, он в меня влюблён, но это не мешает. Парень тактичен и старается не показывать свои чувства, что вполне меня устраивает. Так что мне с ним очень спокойно и комфортно. Жаль, что Ник ограничил его передвижения только столовой и гостевыми комнатами; я бы хотела, чтобы он сопровождал меня в прогулках за пределами дворца.

Я удивилась, когда узнала, что ему разрешено пользоваться тиараном, но, оказалось, что он такой же помешанный на технике, как и Ник. И поскольку два сапога пара, то всё свободное время Мирон роется в технических достижениях эрейской цивилизации и даже начал учить язык.

Видя его растущий интерес к древнему миру, я прочитала ему несколько ознакомительных лекций по истории и культуре Священных королевств — чтобы он лучше

понимал, каким народом были эрейцы, и меньше нарывался на неприятности. Судя по следам криты, ему основательно достаётся.

Мирон ещё не догадывается, что его ждёт, и лелеет планы по присоединению к спецам Академии. Бедняга! Думаю, Ник вознамерился сделать из него личного помощника, а это значит, что свобода ему не светит. Правда, обнадеживает то обстоятельство, что ему запрещено обрезать волосы, так что рабство исключено и слава богу! Если Ник так обращается со мной, своей будущей женой, то страшно представить, как он ведёт себя с теми, кто в его глазах всего лишь движимое имущество. Конечно, в эрейской художественной литературе мне попадались сентиментальные истории о любви между хозяевами и рабами, но я склонна доверять не выдумкам, а попавшимся мне на глаза документам по ведению хозяйства в Риоголизе Дома Лета. Одной из самых крупных статей расходов оказалась плата за кровь, то есть денежное возмещение за убитых рабов, которое выплачивалось их родным. Там не говорится кто конкретно их убил, но, судя по раздражённой приписке рая Таятана, приказавшего управляющему удержать эти деньги из содержания виновников гибели рабов, это не его рук дело. Под подозрением находятся райта Нида, Ник и Риза. При эрейском домострое вряд ли королева посмела бы раздражать мужа, значит, остаются принц и принцесса. И поскольку у эрейцев культ детей, уверена им многое спускали с рук. Поскольку в приписке короля речь идёт именно о виновниках, значит, по части убийства рабов отличились оба: и Ник, и моя мать. Короче, оба хороши.

Зная характер Ника, я постаралась внушить Мирону, чтобы он не слишком его провоцировал. Хотя он посмеивается над моими опасениями — мол, не так страшен чёрт, как его малюют — тем не менее есть ощущение, что он согласен со мной. А ещё есть ощущение, что он ненавидит и в то же время восхищается Ником; дай ему волю и он будет часами рассказывать о его изобретениях и гениальных находках. Так что есть надежда, что они всё же поладят. Главное, чтобы у Ника не иссякло терпение, а Мирон выдержал его дрессуру. Он хоть и спокойный, но упрямый и, сорвавшись, способен выкинуть какую-нибудь глупость, которая может плохо кончиться для него.

Двухнедельное отсутствие Ника благотворно сказалось на моей психике. За что я во многом обязана Мирону, именно его неизменная галантность, вежливость и предупредительность залечили мои душевные раны и вернули мне ощущение собственного достоинства.

И поскольку птице можно обрезать крылья, но не стремление к свободе, то я встретила Ника во всеоружии, то есть сделала вид, что не заметила его отсутствия. Тем не менее я не смогла себя переступить и продолжала вести себя как идеальная райдиэль. У меня возникла новая фобия — меня мутило от одной мысли о физической боли, поэтому я боялась расстаться со своей защитной оболочкой. Страх был столь велик, что по возможности я старалась избегать общества Ника.

Похоже, Мирон понял, что со мной творится, и по мере своих возможностей старался отвлечь внимание Ника от меня. Под любым предлогом он заводил речь о его работе и поначалу это срабатывало. Сначала неохотно, а затем, увлечшись, Ник переключался в режим наставника и объяснял, в чём суть его задумки, а я терпеливо ждала, когда они покинут столовую, чтобы уйти вслед за ними и продолжить свои расчёты. С некоторых пор я тоже работала — приводила в порядок своё открытие. И то верно, хватит уже бездельничать, занимаясь всякой ерундой. Пора менять приоритеты. Жизнь — это не только любовь, это ещё и ответственность. У меня намечены лишь основные положения моей ТВП, она же

теория временных потоков. В отпуске я посмотрела сайт нашей Академии — там уже наваяли кучу вопросов к ней, а некоторые подарки вообще утверждают, что она из области фантастики и с действительностью не имеет ничего общего.

Ну, тогда я вас поздравляю. Если моя ТВП не верна, то к месту назначения долетит лишь наш прах, да и то лишь при условии, что материалы звездолётов выдержат столь длительный полёт. Правда, есть ещё один вариант развития событий. По примеру Ника мы будем законсервированы в звездолётах и фиг знает сколько времени проболтаемся в космосе. Возможно, когда нас отпустит стасис-поле включённых двигателей, наша солнечная система уже перестанет существовать и не дай бог вместе со всей Вселенной.

Вот такие дела. Значит, я должна доказать, что права я, а не скептики.

Некоторое время я ещё осторожничала и выполняла роль заботливой хозяйки дома, а затем с головой ушла в работу и порой целыми сутками не вылазила из капсулы сопряжения. Правда, привычка — вторая натура, и рано поутру я продолжала заниматься с туаши. Когда мы встречались в тренажёрном зале, Ник ничего не говорил, точнее, мы оба делали вид, что не замечаем друг друга. И никаких поединков в иметис — мы занимались по отдельности. Не знаю, как он, а я была счастлива.

Пара месяцев ударной работы и моя теория обрела стройную систему. Вот теперь к моей ТВП уже никто не подкопается — всё настолько разложено по полочкам, что лишь дурак будет утверждать, что она не жизнеспособна.

Довольная собой я решила, что такое событие нужно отметить. В конце концов, хватит уже играть в молчанку, пора помириться с Ником.

Сказано — сделано. Я привела себя в порядок и направилась в столовую, где соорудила праздничный ужин и села за стол в ожидании сотрапезников.

Первым появился Мирон. При виде меня он просиял.

— Мари! Слава богу, с тобой всё в порядке! — обрадованно воскликнул он и похромал к своему месту.

Свежие следы криты говорили сами за себя, и я стиснула зубы. Вот сволочь! Пока я работала над ТВП, этот гад отыгрывался на нём.

Аккуратно опустившись на стул, Мирон предостерегающе глянул на меня.

— Не беспокойся, Мари, со мной всё в порядке. Это выглядит страшней, чем есть на самом деле. К тому же мне попало за дело.

Глаза затуманили слёзы. За дело, да? Надо же, какая знакомая песня! Я тоже это говорю себе, ведь ничего другого не остаётся.

— Тихо-тихо! Не плачь, малышка! Всё будет хорошо, — попытался он меня успокоить.

— С чего вдруг? — всхлипнула я. — Вечно ты обещаешь, а лучше не становится.

Мирон быстро глянул на меня, а затем потянулся за хлебом. Не удержав хлебницу, он вслед за ней уронил графин с клюквенным морсом. Умный дом тут же выслал подмогу и уборочный автомат заелозил по полу, собирая осколки стекла и намокшие куски хлеба.

— Чёрт! — Мирон виновато улыбнулся. — Извини! Что-то я сегодня как слон в посудной лавке.

— Ну-ка, встань!

Смахнув слёзы, я подошла к нему и, невзирая на его протесты, исследовала суставы рук, ног, а затем рёбра. Слава богу, переломов не было, одни вывихи.

— Тиран, аптечку скорой помощи. А ты давай раздевайся, — сказала я Мирону.

Он было снова запротестовал, но я велела ему заткнуться и делать, как велено. При виде

обширных синяков и многочисленных следовкрыты на его теле меня затрясло от злости. Убить мало этого ископаемого садиста!

Как могла, я вправила вывихи и наряду с обезболивающим закачала в него лекарственный комплекс, ускоряющий восстановление организма. Судя по тому, что его торс вновь начал обретать скелетные очертания, его война с Ником идёт полным ходом, и он снова голодает.

— Регенерация совсем на нуле? — спросила я, хотя и так было ясно.

— Ничего страшного, — Мирон беспечно улыбнулся. — Не грузись, я и не в такие переделки попадал.

Как будто это возможно. Этот упрямый баран будет бодаться с Ником до тех пор, пока тот его не прикончит.

— Да уж, тебя и раньше били будь здоров, — я вздохнула. — Садись, ешь. И будь осторожен, постарайся ко всему прочему не заработать заворот кишок.

— Спасибо, мой ангел. Твоя забота для меня дороже всех сокровищ мира.

Естественно, Ник не мог пропустить такой момент и вошёл именно тогда, когда Мирон по-джентльменски целовал мне руку.

— Оба на колени! — приказал он.

Ну вот, начинается! Я встала на колени и потянула Мирона за собой. «Сделай милость, хоть ты не кочевряжься и не порти мне праздник», — мысленно сказала я ему. «Ладно, только ради тебя», — ответил он, но опустил лишь на одно колено, как это делали европейские рыцари перед своими сюзеренами. Кстати, то обстоятельство, что он владеет мысленной речью говорит о том, что он уже вышел из возраста молодняка.

Я сказала требуемую формулу прощения, Мирон промолчал, но Ник, слава богу, не стал лезть в бутылку и разрешил нам сесть за стол. Он даже был столь любезен, что спросил по какому поводу праздник. Я сказала, что по случаю доказательства абсолютной верности теории временных потоков, и за столом вновь воцарилась тишина.

Этим же вечером Ник пришёл ко мне, и я без колебаний бросилась в его объятия. Как слепец, я гладила его по лицу и плечам, а потом с чувственным наслаждением пропускала сквозь пальцы его переливчатые тёмные волосы, гладкие и упругие как звёздный шёлк. С сердечным трепетом я подняла голову и утонула в глубине его глаз. Ник любил, в этом не было сомнений. Я потянулась к его губам, и он ответил мне страстно и нежно.

Это была сумасшедшая ночь. Мой прекрасный принц превзошёл самого себя. Я умирала раз за разом, чтобы снова воскреснуть и вознесись к вершинам наслаждения.

Тем горше было проснуться и обнаружить, что я снова одна.

У меня заныло сердце. Ник ушёл и, вполне возможно, навсегда. Он — эрец и этим всё сказано. Вдруг, несмотря на любовь, он не простил моего предательства? Я знаю, что именно так он расценил мой прыжок в ущелье, но старалась убедить себя, что ошибаюсь. И вот доказательство.

Господи! Если это была ночь прощания, то лучше мне умереть!

Теперь, когда во весь рост встала угроза его потерять, у меня будто открылись глаза. Да, Ник далеко не подарок. Он расчётлив и жесток. Добиваясь своего, он идёт не просто по головам, он идёт по трупам, но не потому, что ему нравится убивать, а потому что он так воспитан. Если бы меня с пелёнок заставляли думать о благе государстве, безжалостно вытравливая всё, что может этому помешать, я была бы такой же, как он. Власть коверкает душу, особенно потомственная власть. И всё же Ник не чудовище, хотя многие не

согласились бы со мной. Ну и пусть! Мнение остальных меня не волнует, главное, я его понимаю, а раз так, то нужно действовать!

Не в силах вынести неизвестность, я быстро собралась и со всех ног понеслась в тренажёрный зал. Птицелов был готов отпустить меня на свободу, да вот беда, без него она мне не нужна, и я должна сказать ему об этом!

Больше книг на сайте - Knigoed.net